118 I

Krasnyi arckhiv.

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1 (92)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1939

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ)

1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

General
Harr.

UNIV. OF MICH.

Exch.
All Union Lenin Lib.
7-14-39

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД т. СТАЛИНА на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б).

I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Товарищи! Со времени XVII съезда партии прошло пять лет. Период, как видите, не малый. За это время мир успел пережить значительные изменения. Государства и страны, их отношения между собой стали во многом совершенно иными.

Какие именно изменения произошли за этот период в международной обстановке? Что именно изменилось во внешнем и внутреннем положении нашей страны?

Для капиталистических стран этот период был периодом серьезнейших потрясений как в области экономики, так и в области политики. В области экономической эти годы были годами депрессии, а потом, начиная со второй половины 1937 года,— годами нового экономического кризиса, годами нового упадка промышленности в США, Англии, Франции,— следовательно, годами новых экономических осложнений. В области политической эти годы были годами серьезных политических конфликтов и потрясений. Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима.

Для Советского Союза, наоборот, эти годы были годами его роста и процветания, годами дальнейшего его экономического и культурного подъема, годами дальнейшего роста его политической и военной мощи, годами его борьбы за сохранение мира во всем мире.

Такова общая картина.

Рассмотрим конкретные данные об изменениях в международной обстановке.

1. Новый экономический кризис в капиталистических странах. Обострение борьбы за рынки сбыта, за источники сырья, за новый передел мира

Экономический кризис, начавшийся в капиталистических странах во второй половине 1929 года, продолжался до конца 1933 года. После этого кризис перешел в депрессию, а потом началось некоторое оживление промышленности, некоторый ее подъем. Но это оживление

промышленности не перешло в процветание, как это бывает обычно в период оживления. Наоборот, начиная со второй половины 1937 года начался новый экономический кризис, захвативший прежде всего США, а вслед за ними — Англию, Францию и ряд других стран.

Таким образом, не успев еще оправиться от ударов недавнего экономического кризиса, капиталистические страны очутились перед лицом нового экономического кризиса.

Это обстоятельство естественно привело к усилению безработицы. Упавшее было число безработных в капиталистических странах с 30 миллионов человек в 1933 году до 14 миллионов в 1937 году, теперь вновь поднялось в результате нового кризиса до 18 миллионов человек.

Характерная особенность нового кризиса состоит в том, что он во многом отличается от предыдущего кризиса, при чем отличается не в лучшую сторону, а в худшую.

Во-первых, новый кризис начался не после процветания промышленности, как это имело место в 1929 году, а после депрессии и некоторого оживления, которое, однако, не перешло в процветание. Это означает, что нынешний кризис будет более тяжелым и с ним будет труднее бороться, чем с предыдущим кризисом.

Далее, нынешний кризис разыгрался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй империалистической войны, когда Япония, воюя уже второй год с Китаем, дезорганизует необъятный китайский рынок и делает его почти недоступным для товаров других стран, когда Италия и Германия уже перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, ухлопав на это дело свои запасы сырья и валюты, когда все остальные крупные капиталистические державы начинают перестраиваться на военный лад. Это означает, что у капитализма ресурсов для нормального выхода из нынешнего кризиса будет гораздо меньше, чем в период предыдущего кризиса.

Наконец, в отличие от предыдущего кризиса, нынешний кризис является не всеобщим, а захватывает, пока-что, главным образом экономически мощные страны, не перешедшие еще на рельсы военной экономики. Что касается стран агрессивных, вроде Японии, Германии и Италии, уже перестроивших свою экономику на военный лад, то они, усиленно развивая свою военную промышленность, не переживают еще состояния кризиса перепроизводства, хотя и приближаются к нему. Это означает, что в то время как экономически мощные, не агрессивные страны начнут вылезать из полосы кризиса, агрессивные страны, истощив свои золотые и сырьевые запасы в ходе военной горячки, должны будут вступить в полосу жесточайшего кризиса.

Это наглядно иллюстрируется хотя бы данными о наличии видимых золотых запасов в капиталистических странах.

ВИДИМЫЕ ЗОЛОТЫЕ ЗАПАСЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

(в млн. старых золотых долларов)

	Конец 1936 г.	Сентябрь 1938 г.
Всего	12 980	14 301
США	6 649	8 126
Англия	2 029	2 396
Франция	1 769	1 435
Голландия	289	595
Бельгия	373	318
Швейцария	387	407
Германия	16	17
Италия	123	124
Япония	273	97

Из этой таблицы видно, что золотые запасы Германии, Италии и Японии, вместе взятых, представляют меньшую сумму, чем запасы одной лишь Швейцарии.

Вот некоторые цифровые данные, иллюстрирующие кризисное положение промышленности капиталистических стран за последние пять лет и движение промышленного подъема в СССР.

ОБЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ПРОЦЕНТАХ К 1929 ГОДУ

(1929 = 100)

	1934	1935	1936	1937	1938
США	66,4	75,6	88,1	92,2	72,0
Англия	98,8	105,8	115,9	123,7	112,0
Франция	71,0	67,4	79,3	82,8	70,0
Италия	80,0	93,8	87,5	99,6	96,0
Германия	79,8	94,0	106,3	117,2	125,0
Япония	128,7	141,8	151,1	170,8	165,0
СССР	238,3	293,4	382,3	424,0	477,0

Из этой таблицы видно, что Советский Союз является единственной страной в мире, которая не знает кризисов и промышленность которой все время идет вверх.

Из этой таблицы видно далее, что в США, Англии и Франции уже начался и развивается серьезный экономический кризис.

Из этой таблицы видно, дальше, что в Италии и Японии, которые раньше Германии перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, уже начался в 1938 году период движения промышленности вниз.

Из этой таблицы видно, наконец, что в Германии, которая позже Италии и Японии перестроила свою экономику на военный лад, промышленность пока еще переживает состояние некоторого, правда, небольшого, но все же движения вверх,— соответственно с тем, как это имело место до последнего времени в Японии и Италии.

Не может быть сомнения, что, если не случится чего-либо непредвиденного, промышленность Германии должна будет встать на тот же путь движения вниз, на который уже встали Япония и Италия. Ибо что значит перевести хозяйство страны на рельсы военной экономики? Это значит дать промышленности однобокое, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связанное с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно выпуск на рынок предметов потребления населения,— следовательно, сократить потребление населения и поставить страну перед экономическим кризисом.

Такова конкретная картина движения нового экономического кризиса в капиталистических странах.

Понятно, что такой неблагоприятный оборот хозяйственных дел не мог не привести к обострению отношений между державами. Уже предыдущий кризис перепутал все карты и привел к обострению борьбы из-за рынков сбыта, из-за источников сырья. Захват Японией Манчжурии и Северного Китая, захват Италией Абиссинии,— все это отразило остроту борьбы между державами. Новый экономический кризис должен привести и действительно приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияний, колоний путем военных действий.

Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями. Италия вспомнила, что ее обделили при дележе добычи после первой империалистической войны и что она должна возместить себя за счет сфер влияния Англии и Франции. Германия, серьезно пострадавшая в результате первой империалистической войны и версальского мира, присоединилась к Японии и Италии и потребовала расширения своей территории в Европе, возвращения колоний, отнятых у нее победителями в первой империалистической войне.

Так стал складываться блок трех агрессивных государств.

На очереди встал вопрос о новом переделе мира посредством войны.

2. Обострение международного политического положения, крушение послевоенной системы мирных договоров, начало новой империалистической войны

Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, при чем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Манчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкравшаяся к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия — версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций.

Новая империалистическая война стала фактом.

В наше время не так-то легко сорваться сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам известно это достаточно хорошо. Известно это также фашистским заправилам. Поэтому фашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его.

Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидная «ось Берлин — Рим», т. е. некоторая геометрическая формула насчет оси. **(Смех.)**

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидный «треугольник Берлин — Рим — Токио», т. е. маленькое увлечение геометрией. **(Общий смех.)**

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы» ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя не трудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко. **(Смех.)**

Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию,— все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров — военным блоком, а агрессоры — агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

Чем объяснить такой однобокий и странный характер новой империалистической войны?

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно, нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну, и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде

всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета».

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!

Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, об его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два — три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим.

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора.

Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смирительных рубах для таких сумасшедших. **(Взрыв аплодисментов.)** Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской

Украины к так называемой Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козявка к слону и говорит ему, подбоченясь: «Эх ты, братец ты мой, до чего мне тебя жалко... Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских заправил,— какая ж это жизнь... Гляжу я на тебя и не могу не заметить,— нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне... **(Общий смех.)** Ну что ж, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории...» **(Общий смех и аплодисменты.)**

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства.

Такова политическая обстановка в капиталистических странах.

3. Советский Союз и капиталистические страны

Война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружения. Стали вооружаться все, от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства. Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили, будто бы, начало новой эре «умиротворения». Не верят в них также сами участники мюнхенского соглашения, Англия и Франция, которые не менее других стали усиливать свое вооружение.

Понятно, что СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомненно, что всякая даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран. Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успевшая уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы. Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной армии, нашего Красного Военно-Морского флота.

Вместе с тем в интересах укрепления своих международных позиций Советский Союз решил предпринять и некоторые другие шаги. В конце 1934 г. наша страна вступила в Лигу наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться, как место

разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны. Советский Союз считает, что в такое тревожное время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига наций. В мае 1935 г. был заключен договор между Францией и Советским Союзом о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим был заключен аналогичный договор с Чехословакией. В марте 1936 г. Советский Союз заключил договор с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи. В августе 1937 г. был заключен договор о взаимном ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой.

В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целости и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

В своей внешней политике Советский Союз опирается:

1. На свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь;

2. На морально-политическое единство нашего советского общества;

3. На дружбу народов нашей страны;

4. На свою Красную армию и Военно-Морской Красный флот;

5. На свою мирную политику;

6. На моральную поддержку трудящихся всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира;

7. На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным причинам в нарушении мира.

* * *

Задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами.

II

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Перейдем к внутреннему положению нашей страны.

С точки зрения внутреннего положения Советского Союза отчетный период представляет картину дальнейшего подъема всего народного хозяйства, роста культуры, укрепления политической мощи страны.

Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчетный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники. У нас нет уже больше, или почти нет больше старых заводов с их отсталой техникой и старых крестьянских хозяйств с их допотопным оборудованием. Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники.

В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны и, как результат всего этого,— полную демократизацию политической жизни страны, создание новой Конституции. Никто не смеет оспаривать, что наша Конституция является наиболее демократической в мире, а результаты выборов в Верховный Совет СССР, равно как и в Верховные Советы союзных республик — наиболее показательными.

В итоге всего этого мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире.

Рассмотрим конкретные данные об экономическом и политическом положении нашей страны.

1. Дальнейший подъем промышленности и сельского хозяйства

а) **Промышленность.** Движение нашей промышленности за отчетный период представляет картину неуклонного подъема. Подъем этот отражает не только рост продукции вообще, но, прежде всего,— процветание социалистической промышленности, с одной стороны, гибель частной промышленности, с другой стороны.

Вот соответствующая таблица:

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ЗА 1934—1938 г.г.

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	в %%% к предыдущему году: 1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %%% к 1933 г.
	в млн. руб. в ценах 1926/27 г.											
Вся продукция	42030	50447	62137	80929	90166	100375	120,1	123,1	130,2	111,4	111.3	238,8
в том числе:												
1. Социалистическая промышленность . . .	42002	50443	62114	80898	90138	100349	120,1	123,1	130,2	111,4	111,3	238,9
2. Частная промышленность .	28	34	23	31	28	26	121,4	67,6	134,8	90,3	92,9	92,9
	в процентах											
Вся продукция	100	100	100	100	100	100						
в том числе:												
1. Социалистическая промышленность . . .	99,93	99,93	99,96	99,96	99,97	99,97						
2. Частная промышленность .	0,07	0,07	0,04	0,04	0,03	0,03						

Из этой таблицы видно, что наша промышленность выросла за отчетный период более, чем в два раза, при чем весь рост продукции шел за счет социалистической продукции.

Из этой таблицы видно, далее, что социалистическая система является единственной системой промышленности СССР.

Из этой таблицы видно, наконец, что окончательная гибель частной промышленности является фактом, которого не могут отрицать теперь даже слепые.

Гибель частной промышленности нельзя считать случайностью. Она погибла, прежде всего, потому, что социалистическая система хозяйства является высшей системой в сравнении с системой капиталистической. Она погибла, во-вторых, потому, что социалистическая система хозяйства дала нам возможность в несколько лет переоборудовать всю нашу социалистическую промышленность на новой, современной технической базе. Такой возможности не дает и не может дать капиталистическая система хозяйства. Это факт, что с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире.

Если взять темпы роста нашей промышленности в процентах к довоенному уровню и сравнить их с темпами роста промышленности главных капиталистических стран, то получится следующая картина:

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР И ГЛАВНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЗА 1913—1938 г.г.

	1913 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
СССР	100,0	380,5	457,0	562,6	732,7	816,4	908,8
США	100,0	108,7	112,9	128,6	149,8	156,9	120,0
Англия	100,0	87,0	97,1	104,0	114,2	121,9	113,3
Германия	100,0	75,4	90,4	105,9	118,1	129,3	131,6
Франция	100,0	107,0	99,0	94,0	98,0	101,0	93,2

Из этой таблицы видно, что наша промышленность выросла в сравнении с довоенным уровнем более, чем в девять раз, тогда как промышленность главных капиталистических стран продолжает топтаться вокруг довоенного уровня, превышая его всего лишь на 20—30 процентов.

Это значит, что по темпам роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире.

Выходит, таким образом, что по технике производства и темпам роста нашей промышленности мы уже догнали и перегнали главные капиталистические страны.

В чем же мы отстаем? Мы все еще отстаем в экономическом отношении, т. е. в отношении размеров нашего промышленного производства на душу населения. Мы произвели в 1938 г. около 15 миллионов тонн чугуна, а Англия — 7 миллионов тонн. Казалось бы, дело обстоит у нас лучше, чем в Англии. Но если разложить эти тонны чугуна на количество населения, то получается, что в Англии на каждую душу населения в 1938 году приходилось 145 килограммов чугуна, а в СССР — всего 87 килограммов. Или еще: Англия произвела в 1938 г. 10 миллионов и 800 тысяч тонн стали и около 29 миллиардов киловатт-часов (производство электроэнергии), а СССР произвел 18 миллионов тонн стали и более 39 миллиардов киловатт-часов. Казалось бы, дело у нас обстоит лучше, чем в Англии. Но если разложить все эти тонны и киловатт-часы на количество населения, то получается, что в Англии приходилось на каждую душу населения в 1938 году 226 килограммов стали и 620 киловатт-часов, тогда как в СССР приходилось всего 107 килограммов стали и 233 киловатт-часа на душу населения.

В чем же дело? А в том, что населения у нас в несколько раз больше, чем в Англии, стало быть и потребностей больше, чем в Англии: в Советском Союзе 170 миллионов населения, а в Англии не более 46 миллионов. Экономическая мощность промышленности выражается не в объеме промышленной продукции вообще, безотносительно к населению страны, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размерами потребления этой продукции на душу населения. Чем больше приходится промышленной продукции на душу населения, тем выше экономическая мощность страны, и наоборот, чем меньше приходится продукции на душу населения, тем ниже экономическая мощность страны и ее промышленности. Следовательно, чем больше населения в стране, тем больше в стране потребностей в предметах потребления, стало быть, тем больше должен быть объем промышленного производства такой страны.

Взять, например, производство чугуна. Чтобы перегнать Англию экономически в области производства чугуна, производство которого составляло там в 1938 году 7 млн. тонн, нам нужно довести ежегодную выплавку чугуна до 25 миллионов тонн. Чтобы перегнать экономически Германию, которая произвела в 1938 году всего 18 миллионов тонн чугуна, нам нужно довести ежегодную выплавку чугуна до 40—45 миллионов тонн. А чтобы перегнать США экономически, имея в виду не уровень 1938 кризисного года, когда США произвели всего 18,8 миллиона тонн чугуна, а уровень 1929 года, когда в США был подъем промышленности и когда там производилось около 43 миллионов тонн чугуна, мы должны довести ежегодную выплавку чугуна до 50—60 миллионов тонн.

То же самое нужно сказать о производстве стали, проката, о машиностроении и т. д., так как все эти отрасли промышленности, как и остальные отрасли, зависят в последнем счете от производства чугуна.

Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе.

Что требуется для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны? Для этого требуется, прежде всего, серьезное и неукротимое желание итти вперед и готовность пойти на жертвы, пойти на серьезные капитальные вложения для всемерного расширения нашей социалистической промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, далее, наличие высокой техники производства и высоких темпов развития промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, наконец, время. Да, товарищи, время. Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и не малое. Невозможно в 2—3 года перегнать экономически главные капиталистические страны. Для этого требуется несколько больше времени. Взять, например, тот же чугун и его производство. В продолжение какого периода времени можно перегнать экономически главные капиталистические страны в области производства чугуна? Некоторые работники Госплана старого состава предлагали при составлении второго пятилетнего плана запланировать производство чугуна к концу второй пятилетки в размере 60 миллионов тонн. Это значит, что они исходили из возможности среднегодового прироста выплавки чугуна в размере 10 миллионов тонн. Это была, конечно, фантастика, если не хуже. Впрочем, эти товарищи ударялись в фантастику не только в области производства чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три — четыре миллиона человек, или даже больше этого. Это тоже была фантастика, если не хуже. Но если отбросить прочь фантазеров и стать на реальную почву, то можно принять, как вполне возможный, среднегодовой прирост выплавки чугуна в размере двух — двух с половиной миллионов тонн, имея в виду нынешнее состояние техники выплавки чугуна. История промышленности главных капиталистических стран, так же как и нашей страны, показывает, что эта норма ежегодного прироста является напряженной, но вполне достижимой.

Стало быть, требуется время, и не малое, для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны. И чем выше будет у нас производительность труда, чем более совершенствоваться будет у нас техника производства, тем скорее можно будет выполнить эту важнейшую экономическую задачу, тем больше можно будет сократить сроки выполнения этой задачи.

б) **Сельское хозяйство.** Развитие сельского хозяйства шло за отчетный период, так же как и развитие промышленности, по линии подъема. Подъем этот выражается не только в росте сельскохозяйственной продукции, но, прежде всего, в росте и укреплении социалистического сельского хозяйства, с одной стороны, гибели единоличного хозяйства, с другой стороны. В то время как посевная площадь зерновых у колхозов выросла с 75 миллионов в 1933 г. до 92 миллионов гектаров в 1938 г., посевная площадь зерновых у единоличников сократилась за этот период с 15,7 миллиона гектаров до 600 тысяч гектаров, т. е. до 0,6 процента всей посевной площади зерновых. Я уже не говорю о

посевных площадях по техническим культурам, где роль единоличного хозяйства сведена к нулю. Известно, кроме того, что в колхозах объединено теперь 18 млн. 800 тысяч крестьянских дворов, т. е. 93,5 процента всех крестьянских дворов, не считая рыболовецких и промысловых колхозов.

Это значит, что колхозы окончательно закреплены и упрочены, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной формой нашего земледелия.

Если сравнить движение посевных площадей по всем культурам за отчетный период с размерами посевных площадей дореволюционного периода, то получится следующая картина:

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ ВСЕХ КУЛЬТУР ПО СССР

	В миллионах гектаров						1938 г. в %% к 1913 г.
	1913 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	
Вся посевная площадь . . .	105,0	131,5	132,8	133,8	135,3	136,9	130,4
В том числе:							
а) Зерновые	94,4	104,7	103,4	102,4	104,4	102,4	108,5
б) Технические	4,5	10,7	10,6	10,8	11,2	11,0	244,4
в) Огородно-бахчевые	3,8	8,8	9,9	9,8	9,0	9,4	247,4
г) Кормовые	2,1	7,1	8,6	10,6	10,6	14,1	671,4

Из этой таблицы видно, что посевные площади выросли у нас по всем культурам и прежде всего — по линии кормовых, технических и огородно-бахчевых культур.

Это значит, что наше земледелие становится более квалифицированным и продуктивным, а внедрение правильного севооборота получает под собою реальную почву.

Как росла вооруженность наших колхозов и совхозов тракторами, комбайнами и другими машинами за отчетный период,— ответ на это дают следующие таблицы:

1) ТРАКТОРНЫЙ ПАРК В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %% к 1933 г.
	а) **Количество тракторов (в тыс. шт.)**						
Всего тракторов	210,9	276,4	360,3	422,7	454,5	483,5	229,3
В том числе:							
а) Тракторов в МТС	123,2	177,3	254,7	328,5	365,8	394,0	319,8
б) Тракторов в совхозах и подсобных с/х. предприятиях	83,2	95,5	102,1	88,5	84,5	85,0	102,2
	б) **Мощность в тыс. лош. сил**						
Всех тракторов	3 209,2	4 462,8	6 184,0	7 672,4	8 385,0	9 256,2	288,4
В том числе:							
а) Тракторов в МТС	1 758,1	2 753,9	4 281,6	5 856,0	6 679,2	7 437,0	423,0
б) Тракторов в совхозах и подсобных с/х. предприятиях	1 401,7	1 669,5	1 861,4	1 730,7	1 647,5	1 751,8	125,0

2) ПАРК КОМБАЙНОВ И ДРУГИХ МАШИН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

(в тыс. штук; на конец года)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %% к 1933 г.
Комбайны	25,4	32,3	50,3	87,8	128,8	153,5	604,3
Двигатели внутреннего сгорания и локомобили	48,0	60,9	69,1	72,4	77,9	83,8	174,6
Сложные и полусложные зерновые молотилки	120,3	121,9	120,1	123,7	126,1	130,8	108,7
Грузовые автомобили	26,6	40,3	63,7	96,2	144,5	195,8	736,1
Легковые автомобили (в шт.)	3 991	5 533	7 555	7 630	8 156	9 594	240,4

Если к этим цифрам добавить тот факт, что количество машинно-тракторных станций за отчетный период выросло у нас с 2900 единиц в 1934 г. до 6350 единиц в 1938 г., то можно на основании все этих данных с уверенностью сказать, что реконструкция нашего земледелия на основе новой, современной техники — уже завершена в основном.

Наше земледелие является, следовательно, не только наиболее крупным и механизированным, а значит и наиболее товарным земледелием, но и наиболее оснащенным современной техникой, чем земледелие любой другой страны.

Если взять движение роста продукции зерновых и технических культур за отчетный период в сравнении с дореволюционным периодом, то данные дают следующую картину:

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗЕРНОВЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПО СССР

	В миллионах центнеров						1938 г. в %% к 1913 г.
	1913 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	
Зерновые	801,0	894,0	901,0	827,3	1 202,9	949,9	118,6
Хлопок (сырец)	7,4	11,8	17,2	23,9	25,8	26,9	363,5
Лен (волокно)	3,3	5,3	5,5	5,8	5,7	5,46	165,5
Сахарная свекла	109,0	113,6	162,1	168,3	218,6	166,8	153,0
Масличные	21,5	36,9	42,7	42,3	51,1	46,6	216,7

Из этой таблицы видно, что, несмотря на засуху в восточных и юго-восточных районах в 1936 г. и в 1938 г. и несмотря на небывало высокий урожай в 1913 году, рост валовой продукции зерна и технических культур шел у нас за отчетный период неуклонно вверх в сравнении с уровнем 1913 года.

Особенно интересен вопрос о товарности колхозно-совхозного зернового производства. Известный статистик т. Немчинов высчитал, что из пяти миллиардов пудов валовой продукции зерна в довоенное время на рынок отпускалось товарного зерна всего около 1 миллиарда 300 миллионов пудов, что составляет 26 процентов товарности тогдашнего зернового производства. Тов. Немчинов считает, что товарность колхозного и совхозного производства, как производства крупного, например, в 1926—1927 годах составляла около 47 процентов валовой продукции, а товарность единоличного крестьянского хозяйства — около 12 процентов. Если подойти к делу более осторожно и принять товарность колхозно-совхозного производства в 1938 году в 40 процентов валового производства, то получится, что наше социалистическое зерновое хозяйство могло отпустить и действительно отпустило в этом году на сторону около двух миллиардов и трехсот миллионов пудов товарного зерна, т. е. на 1 миллиард пудов больше товарного зерна, чем довоенное зерновое производство.

Следовательно, высокая товарность совхозно-колхозного производства является его важнейшей особенностью, имеющей серьезнейшее значение для снабжения страны.

В этой именно особенности колхозов и совхозов заключается секрет того, что нашей стране удалось так легко и быстро разрешить зерновую проблему, проблему достаточного снабжения громадной страны товарным зерном.

Следует отметить, что за последние три года ежегодные заготовки зерна не спускались у нас ниже миллиарда шестисот миллионов пудов зерна, подымаясь иногда, например, в 1937 году до миллиарда 800 миллионов пудов. Если добавить к этому около 200 миллионов ежегодной закупки зерна да несколько сот миллионов по линии колхозной торговли зерном, то мы получим в общем ту сумму отпуска на сторону товарного хлеба колхозами и совхозами, о которой упоминалось выше.

Интересно, далее, отметить, что за последние три года база товарного зерна переместилась из Украины, которая считалась раньше житницей нашей страны, на север и восток, т. е. в РСФСР. Известно, что за последние два — три года Украина заготовляет зерна всего около 400 миллионов пудов ежегодно, тогда как РСФСР заготовляет за эти годы ежегодно миллиард сто — миллиард двести миллионов пудов товарного зерна.

Так обстоит дело с зерновым производством.

Что касается животноводства, то и в этой, наиболее отсталой, отрасли сельского хозяйства наметились за последние годы серьезные сдвиги. Правда, по конскому поголовью и овцеводству мы еще отстаем от дореволюционного уровня, но по крупному рогатому скоту и свиноводству мы уже перевалили дореволюционный уровень.

Вот данные на этот счет:

ПОГОЛОВЬЕ СКОТА ПО СССР

(в млн. голов).

	На июль месяц							1938 г. в % %	
	1916 г. по данным переписи	1933	1934	1935	1936	1937	1938	К 1916 году по переписи	К 1933 г.
Лошади	35,8	16,6	15,7	15,9	16,6	16,7	17,5	48,9	105,4
Крупный рогатый скот	60,6	38,4	42,4	49,2	56,7	57,0	63,2	104,3	164,6
Овцы и козы . . .	121,2	50,2	51,9	61,1	73,7	81,3	102,5	84,6	204,2
Свиньи	20,9	12,1	17,4	22,5	30,5	22,8	30,6	146,4	252,9

Не может быть сомнения, что отсталость в области коневодства и овцеводства будет ликвидирована в кратчайший срок.

в) **Товарооборот, транспорт.** Вместе с подъемом промышленности и сельского хозяйства рос и товарооборот в стране. Розничная сеть государственной и кооперативной торговли выросла за отчетный период на 25 процентов. Розничный оборот государственной и кооперативной торговли вырос на 178 процентов. Оборот колхозно-базарной торговли вырос на 112 процентов.

Вот соответствующая таблица:

ТОВАРООБОРОТ

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %% к 1933 г.
1. Розничная сеть государственной и кооперативной торговли (магазины и палатки) — на конец года	285 355	286 236	268 713	289 473	327 361	356 930	125,1
2. Розничный оборот государственной и кооперативной торговли (включая общественное питание) — в млн. руб. . . .	49789,2	61814,7	81712,1	106760,9	125943,2	138574,3	278,3
3. Оборот колхозной базарной торговли в млн. руб.	11500,0	14000,0	14500,0	15607,2	17799,7	24399,2	212,2
4. Областные торговые базы сбытов Наркомпищепрома, НКЛегпрома, Наркомтяжпрома, НКЛеса, НКМестпромов, союзных республик — на конец года . . .	718	836	1141	1798	1912	1994	277,7

Понятно, что товарооборот в стране не мог бы так развернуться без известного роста транспортных перевозок. И действительно, перевозки выросли за отчетный период по всем видам транспорта, особенно по железнодорожному и воздушному транспорту. Перевозки выросли также по водному транспорту, но с большими колебаниями, а в 1938 году перевозки по водному транспорту дали, к сожалению, некоторое снижение в сравнении с предыдущим годом.

Вот соответствующая таблица:

ГРУЗООБОРОТ

	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1938 г. в %% к 1933 г.
Железные дороги (в миллиардах тонно-километров) . .	169,5	205,7	258,1	323,4	354,8	369,1	217,7
Речной и морской транспорт (в миллиардах тонно-километров)	50,2	56,5	68,3	72,3	70,1	66,0	131,5
Гражданский воздушный флот (в миллионах тонно-километров)	3,1	6,4	9,8	21,9	24,9	31,7	1022,6

Не может быть сомнения, что некоторая отсталость водного транспорта в 1938 году будет ликвидирована в 1939 году.

2. Дальнейший подъем материального и культурного положения народа

Продолжающийся подъем промышленности и сельского хозяйства не мог не привести и действительно привел к новому росту материального и культурного положения народа.

Уничтожение эксплуатации и укрепление социалистической системы в народном хозяйстве, отсутствие безработицы и связанной с ней нищеты в городе и деревне, громадное расширение промышленности и непрерывный рост численности рабочих, рост производительности труда рабочих и колхозников, закрепление земли навечно за колхозами и снабжение колхозов громадным количеством первоклассных тракторов и сельскохозяйственных машин,— все это создало реальные условия для дальнейшего роста материального положения рабочих и крестьян. Улучшение же материального положения рабочих и крестьян естественно привело к улучшению материального положения интеллигенции, представляющей значительную силу нашей страны и обслуживающей интересы рабочих и крестьян.

Теперь уже речь идет не о том, чтобы пристроить как-нибудь в промышленности и взять из милости на работу безработных и бездомных крестьян, отбившихся от деревни и живущих под страхом голода. Таких крестьян давно уже нет в нашей стране. И это, конечно, хорошо, ибо оно свидетельствует о зажиточности нашей деревни. Теперь речь может итти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпускать нам для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полтора миллиона молодых колхозников. Колхозы, ставшие уже зажиточными, должны иметь в виду, что без такой помощи с их стороны очень трудно будет расширять дальше нашу промышленность, а без расширения промышленности — не сможем удовлетворять растущий спрос крестьян на товары массового потребления. Колхозы имеют полную возможность удовлетворить эту нашу просьбу, так как обилие техники в колхозах освобождает часть работников в деревне, а эти работники, переведенные в промышленность, могли бы принести громадную пользу всему нашему народному хозяйству.

В итоге мы имеем следующие показатели улучшения материального положения рабочих и крестьян за отчетный период:

1. Народный доход возрос с 48,5 миллиарда рублей в 1933 г. до 105,0 миллиардов рублей в 1938 г.;

2. Численность рабочих и служащих поднялась с 22 миллионов с лишним человек в 1933 г. до 28 миллионов человек в 1938 г.;

3. Годовой фонд заработной платы рабочих и служащих вырос с 34 953 миллионов рублей до 96 425 миллионов рублей;

4. Среднегодовая заработная плата рабочих промышленности, составлявшая в 1933 г. 1 513 рублей, поднялась до 3 447 рублей в 1938 г.;

5. Денежные доходы колхозов поднялись с 5 661,9 миллиона рублей в 1933 г. до 14 180,1 миллиона рублей в 1937 г.;

6. Средняя выдача зерна в зерновых районах на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 году, не считая семян, семенных страховых фондов, кормового фонда для общественного скота, зернопоставок, натуроплаты работ МТС.

7. Государственные ассигнования по бюджету на социально-культурные мероприятия возросли с 5 839,9 миллиона рублей в 1933 г. до 35 202,5 миллиона рублей в 1938 году.

Что касается культурного положения народа, то его подъем шел вслед за подъемом материального положения народа.

С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобще-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции,— такова общая картина культурного подъема народа.

Вот данные на этот счет:

1) ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ НАРОДА

Показатели	Единица измерения	1933/34 г.	1938/39 г.	1938/39 г. в % к 1933/34 г.
Число учащихся в школах всех ступеней	тыс. чел.	23 814	33 965,4	142,6
В том числе:				
по начальному образованию	»	17 873,5	21 288,4	119,1
по среднему образованию (общему и специальному)	»	5 482,2	12 076,0	220,3
по высшему образованию	»	458,3	601,0	131,1
Число обучающихся в СССР (включая все виды обучения)	»	—	47 442,1	—
Число массовых библиотек	тысяч	40,3	70,0	173,7
Число книг в них	млн.	86,0	126,6	147,2
Число клубных учреждений	тысяч	61,1	95,6	156,5
Число театров	единиц	587	790	134,6
Число киноустановок (без узкопленочных)	»	27 467	30 461	110,9
В том числе звуковых	»	498	15 202	в 31 раз
Число киноустановок (без узкопленочных) на селе	»	17 470	18 991	108,7
В том числе звуковых	»	24	6 670	в 278 раз
Годовой тираж газет	млн.	4 984,6	7 092,4	142,3

2) ПОСТРОЕНО ШКОЛ ЗА 1933—1938 г.г. по СССР

Годы	Число школ		
	В городах и поселениях городского типа	В сельских местностях	Всего
1933	326	3 261	3 587
1934	577	3 488	4 065
1935	533	2 829	3 362
1936	1 505	4 206	5 711
1937	730	1 323	2 053
1938	583	1 246	1 829
Всего за 1933—38 г.г.	4 254	16 353	20 607

3) ВЫПУЩЕНО МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗА 1933—1938 г.г. (в тыс.)

	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Всего по СССР (не считая военных специалистов)	34,6	49,2	83,7	97,6	104,8	106,7
1. Инженеры промышленности и строительства	6,1	14,9	29,6	29,2	27,6	25,2
2. Инженеры транспорта и связи	1,8	4,0	7,6	6,6	7,0	6,1
3. Инженеры по механизации сельского хозяйства, агрономы, ветеринарные врачи и зоотехники	4,8	6,3	8,8	10,4	11,3	10,6
4. Экономисты и юристы	2,5	2,5	5,0	6,4	5,0	5,7
5. Преподаватели средней школы, рабфаков, техникумов и другие работники просвещения, в том числе работники искусства	10,5	7,9	12,5	21,6	31,7	35,7
6. Врачи, провизоры и работники физической культуры	4,6	2,5	7,5	9,2	12,3	13,6
7. Другие специальности	4,3	11,1	12,7	14,2	9,9	9,8

В результате всей этой громадной культурной работы народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа,— интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой.

Я думаю, что нарождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране.

3. Дальнейшее упрочение советского строя

Один из важнейших результатов отчетного периода состоит в том, что он привел к дальнейшему упрочению внутреннего положения страны, к дальнейшему упрочению советского строя.

Иначе и не могло быть. Утверждение социалистической системы во всех отраслях народного хозяйства, подъем промышленности и сельского хозяйства, подъем материального положения трудящихся, повышение культурности народных масс, повышение их политической активности,— все это, осуществленное под руководством Советской власти, не могло не привести к дальнейшему упрочению советского строя.

Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. На этой же основе возникли Конституция СССР, принятая в ноябре 1936 г., и полная демократизация выборов в верховные органы страны.

Что касается самих выборов в верховные органы страны, то они послужили блестящей демонстрацией того самого единства советского общества и той самой дружбы народов СССР, которые составляют характерную особенность внутреннего положения нашей страны. Как известно, на выборах в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало почти 90 миллионов избирателей, т. е. 98,6 процента всех принимавших участие в голосовании, а на выборах в Верховные Советы союзных республик в июне 1938 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало 92 миллиона избирателей, т. е. 99,4 процента всех принимавших участие в голосовании.

Вот где основа прочности советского строя и источник неиссякаемой силы Советской власти.

Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений.

Некоторые деятели зарубежной прессы болтают, что очищение советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов «поколебало» будто бы советский строй, внесло «разложение». Эта пошлая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней. Как может поколебать и разложить советский строй очищение советских организаций от вредных и враждебных элементов? Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед заграницей, проникнутая рабьим чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение,— кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства,— кому нужна эта жалкая банда продажных рабов, какую ценность она может представлять для народа и кого она может «разложить»? В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?

Слушая этих иностранных болтунов, можно притти к выводу, что если бы оставили на воле шпионов, убийц и вредителей и не мешали им вредить, убивать и шпионить, то советские организации были бы куда более прочными и устойчивыми. **(Смех.)** Не слишком ли рано выдают себя с головой эти господа, так нагло защищающие шпионов, убийц, вредителей?

Не вернее ли будет сказать, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций?

О чем говорят, например, события у озера Хасан, как не о том, что очищение советских организаций от шпионов и вредителей является вернейшим средством их укрепления?

* * *

Задачи партии в области внутренней политики:

1. Развернуть дальше подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники производства с тем, чтобы, после того, как уже перегнали главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности,— перегнать их также экономически в течение ближайших 10—15 лет.

2. Развернуть дальше подъем нашего земледелия и животноводства с тем, чтобы в течение ближайших 3—4 лет добиться ежегодного производства зерна 8 миллиардов пудов со средней урожайностью на гектар в 12—13 центнеров, увеличить производство по техническим культурам на 30—35 процентов в среднем, увеличить поголовье овец и свиней вдвое, поголовье крупного рогатого скота — процентов на 40, поголовье лошадей — процентов на 35.

3. Продолжать дальше улучшение материального и культурного положения рабочих, крестьян, интеллигенции.

4. Неуклонно проводить в жизнь нашу социалистическую Конституцию, осуществлять до конца демократизацию политической жизни

страны, укреплять морально-политическое единство советского общества и дружественное сотрудничество рабочих, крестьян, интеллигенции, укреплять всемерно дружбу народов СССР, развивать и культивировать советский патриотизм.

5. Не забывать о капиталистическом окружении, помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа.

III

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ВКП(б)

С точки зрения политической линии и повседневной практической работы отчетный период был периодом полной победы генеральной линии нашей партии. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

Утверждение социалистической системы во всем народном хозяйстве, завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой техники, досрочное выполнение второго пятилетнего плана по промышленности, подъем ежегодного производства зерна до уровня 7 миллиардов пудов, уничтожение нищеты и безработицы и подъем материального и культурного положения народа,— таковы основные достижения, демонстрирующие правильность политики нашей партии, правильность ее руководства.

Перед лицом этих грандиозных достижений противники генеральной линии нашей партии, разные там «левые» и «правые» течения, всякие там троцкистско-пятаковские и бухаринско-рыковские перерожденцы оказались вынужденными смяться в комок, спрятать свои затасканные «платформы» и уйти в подполье. Не имея мужества покориться воле народа, они предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение к иностранной разведке, наняться в шпионы и обязаться помогать врагам Советского Союза расчленить нашу страну и восстановить в ней капиталистическое рабство.

Таков бесславный конец противников линии нашей партии, ставших потом врагами народа.

Разгромив врагов народа и очистив от перерожденцев партийные и советские организации, партия стала еще более единой в своей политической и организационной работе, она стала еще более сплоченной вокруг своего Центрального Комитета. **(Бурные аплодисменты. Все делегаты встают и стоя приветствуют докладчика. Возгласы: «Товарищу Сталину ура! Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует ЦК нашей партии! Ура!»)**

Рассмотрим конкретные данные о развитии внутренней жизни партии, об ее организационной и пропагандистской работе за отчетный период.

1. Меры улучшения состава партии. Разукрупнение организаций. Приближение руководящих органов к низовой работе

Укрепление партии и ее руководящих органов осуществлялось за отчетный период в первую очередь по двум линиям: по линии регулирования состава партии, вытеснения ненадежных и отбора лучших, и по линии разукрупнения организаций, уменьшения их размеров и приближения руководящих органов к низовой, оперативной, конкретной работе.

На XVII съезде партии было представлено 1 874 488 членов партии. Если сравнить эти данные с данными о количестве членов партии, представленных на предыдущем, XVI съезде партии, то получится, что за период от XVI съезда партии до XVII съезда в партию прибыло 600 тысяч новых членов партии. Партия не могла не почувствовать, что такой массовый наплыв в партию в условиях 1930—1933 годов является нездоровым и нежелательным расширением ее состава. Партия знала, что в ее ряды идут не только честные и преданные, но и случайные люди, но и карьеристы, стремящиеся использовать знамя партии в своих личных целях. Партия не могла не знать, что она сильна не только количеством своих членов, но, прежде всего, их качеством. В связи с этим встал вопрос о регулировании состава партии. Было решено продолжить чистку членов партии и кандидатов, начатую еще в 1933 году, и она действительно была продолжена до мая 1935 года. Было решено, далее, прекратить прием в партию новых членов, и он действительно был прекращен вплоть до сентября 1936 года, при чем прием в партию новых членов был возобновлен лишь 1 ноября 1936 года. Далее, в связи с злодейским убийством тов. Кирова, свидетельствовавшим о том, что в партии имеется не мало подозрительных элементов, было решено провести проверку и обмен партийных документов, при чем то и другое было закончено лишь к сентябрю 1936 года. Только после этого был открыт прием в партию новых членов и кандидатов. В результате всех этих мероприятий партия добилась того, что она очистила свои ряды от случайных, пассивных, карьеристских и прямо враждебных элементов, отобрав наиболее стойких и преданных людей. Нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить. Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933—1936 г.г. была все же неизбежна и она в основном дала положительные результаты. На настоящем XVIII съезде представлено около 1 600 тысяч членов партии, т. е. на 270 тысяч членов партии меньше, чем на XVII съезде. Но в этом нет ничего плохого. Наоборот, это — к лучшему, ибо партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны. Партия у нас теперь несколько меньше по количеству ее членов, но зато она лучше по качеству.

Это большое достижение.

Что касается улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе, в смысле его дальнейшей конкретизации, то партия пришла к тому выводу, что разукрупнение организаций, уменьшение их размеров является наилучшим средством для того, чтобы облегчить партийным органам руководство этими организациями, а само руководство сделать конкретным, живым, оперативным. Разукрупнение шло как по линии наркоматов, так и по линии административно-территориальных организаций, т. е. по линии союзных республик, краев, областей, районов и т. п. В результате принятых мероприятий мы имеем теперь вместо 7 союзных республик 11 союзных республик, вместо 14 наркоматов СССР 34 наркомата, вместо 70 краев и областей 110 краев и областей, вместо 2 559 городских и сельских районов 3 815. Соответственно с этим в системе руководящих органов партии имеется теперь 11 центральных комитетов во главе с ЦК ВКП(б), 6 краевых комитетов, 104 областных комитета, 30 окружных комитетов, 212 общегородских комитетов, 336 городских районных комитетов, 3 479 сельских районных комитетов и 113 060 первичных партийных организаций.

Нельзя сказать, что дело разукрупнения организаций уже закончено. Вероятнее всего, что разукрупнение пойдет дальше. Но, как бы

то ни было, оно уже дает свои благие результаты как в отношении улучшения повседневного руководства работой, так и в отношении приближения самого руководства к низовой конкретной работе. Я уже не говорю о том, что разукрупнение организаций дало возможность выдвинуть на руководящую работу сотни и тысячи новых людей.

Это тоже большое достижение.

2. Подбор кадров, их выдвижение, их расстановка

Регулирование состава партии и приближение руководящих органов к конкретной низовой работе не были и не могли быть единственным средством дальнейшего укрепления партии и ее руководства. Другим средством укрепления партии за отчетный период было коренное улучшение работы с кадрами, улучшение дела подбора кадров, их выдвижения, их расстановки, их проверки в процессе работы.

Кадры партии — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти,— они являются также командным составом руководящих государственных органов. После того как выработана правильная политическая линия, проверенная на практике, кадры партии становятся решающей силой партийного и государственного руководства. Иметь правильную политическую линию,— это, конечно, первое и самое важное дело. Но этого все же недостаточно. Правильная политическая линия нужна не для декларации, а для проведения в жизнь. Но чтобы претворить в жизнь правильную политическую линию, нужны кадры, нужны люди, понимающие политическую линию партии, воспринимающие ее, как свою собственную линию, готовые провести ее в жизнь, умеющие осуществлять ее на практике и способные отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее. Без этого правильная политическая линия рискует остаться на бумаге.

Здесь именно и встает вопрос о правильном подборе кадров, о выращивании кадров, о выдвижении новых людей, о правильной расстановке кадров, об их проверке по проделанной работе.

Что значит правильно подбирать кадры?

Правильно подбирать кадры, это еще не значит набрать себе замов и помов, составить канцелярию и выпускать оттуда разные указания. **(Смех.)** Это также не значит злоупотреблять своей властью, перебрасывать без толку десятки и сотни людей из одного места в другое и обратно и устраивать нескончаемые «реорганизации». **(Смех.)**

Правильно подбирать кадры это значит:

Во-первых, ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение.

Во-вторых, знать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки каждого кадрового работника, знать на каком посту могут легче всего развернуться способности работника.

В-третьих, заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост.

В-четвертых, во-время и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте, не давая им закиснуть.

В-пятых, расставить работников по постам таким образом, чтобы каждый работник чувствовал себя на месте, чтобы каждый работник мог дать нашему общему делу максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам, чтобы общее направление работы по расстановке кадров вполне соответствовало требованиям той политической линии, во имя проведения которой производится эта расстановка.

Особенное значение имеет здесь вопрос о смелом и своевременном выдвижении новых, молодых кадров. Я думаю, что у наших людей нет еще полной ясности в этом вопросе. Одни считают, что при подборе людей надо ориентироваться, главным образом, на старые кадры. Другие, наоборот, думают ориентироваться, главным образом, на молодые кадры. Мне кажется, что ошибаются и те и другие. Старые кадры представляют, конечно, большое богатство для партии и государства. У них есть то, чего нет у молодых кадров — громадный опыт по руководству, марксистско-ленинская принципиальная закалка, знание дела, сила ориентировки. Но, во-первых, старых кадров бывает всегда мало, меньше, чем нужно, и они уже частично начинают выходить из строя в силу естественных законов природы. Во-вторых, у одной части старых кадров бывает иногда склонность упорно смотреть в прошлое, застрять на прошлом, застрять на старом и не замечать нового в жизни. Это называется потерей чувства нового. Это очень серьезный и опасный недостаток. Что касается молодых кадров, то у них, конечно, нет того опыта, закалки, знания дела и силы ориентировки, которыми обладают старые кадры. Но, во-первых, молодые кадры составляют громадное большинство, во-вторых, они молоды, и им не угрожает, пока-что, выход из строя, в-третьих, у них имеется в избытке чувство нового,— драгоценное качество каждого большевистского работника, и в-четвертых, они растут и просвещаются до того быстро, они прут вверх до того стремительно, что недалеко то время, когда они догонят стариков, станут бок-о-бок с ними и составят им достойную смену. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы ориентироваться либо на старые, либо на новые кадры, а в том, чтобы держать курс на сочетание, на соединение старых и молодых кадров в одном общем оркестре руководящей работы партии и государства. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Вот почему необходимо своевременно и смело выдвигать молодые кадры на руководящие посты.

Одно из серьезных достижений партии за отчетный период в деле укрепления партийного руководства состоит в том, что она с успехом проводила снизу доверху этот именно курс на сочетание старых и молодых работников в области подбора кадров.

В Центральном Комитете партии имеются данные, из которых видно, что за отчетный период партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии, из них более 20 процентов женщин.

В чем состоит теперь задача?

Задача состоит в том, чтобы взять полностью в одни руки дело подбора кадров снизу доверху и поднять его на должную, научную, большевистскую высоту.

Для этого необходимо покончить с расщеплением дела изучения, выдвижения и подбора кадров по разным отделам и секторам, сосредоточив его в одном месте.

Таким местом должно быть Управление кадров в составе ЦК ВКП(б) и соответствующий отдел кадров в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации.

3. Партийная пропаганда. Марксистско-ленинское воспитание членов партии и партийных кадров

Есть еще одна область партийной работы, очень важная и очень ответственная, по линии которой осуществлялось за отчетный период укрепление партии и ее руководящих органов,— это партийная про-

паганда и агитация, устная и печатная, работа по воспитанию членов партии и кадров партии в духе марксизма-ленинизма, работа по повышению политического и теоретического уровня партии и ее работников.

Едва ли есть необходимость распространяться о серьезнейшем значении дела партийной пропаганды, дела марксистско-ленинского воспитания наших работников. Я имею в виду не только работников партийного аппарата. Я имею в виду также работников комсомольских, профсоюзных, торгово-кооперативных, хозяйственных, советских, просвещенских, военных и других организаций. Можно удовлетворительно поставить дело регулирования состава партии и приближения руководящих органов к низовой работе; можно удовлетворительно поставить дело выдвижения кадров, их подбора, их расстановки; но если при всем этом начинает почему-либо хромать наша партийная пропаганда, если начинает хиреть дело марксистско-ленинского воспитания наших кадров, если ослабевает наша работа по повышению политического и теоретического уровня этих кадров, а сами кадры перестают в связи с этим интересоваться перспективой нашего движения вперед, перестают понимать правоту нашего дела и превращаются в бесперспективных деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху,— то должна обязательно захиреть вся наша государственная и партийная работа. Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот,— чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми марксистами-ленинцами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной,— то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными. А решить эту задачу мы безусловно можем, ибо у нас есть все средства и возможности, необходимые для того, чтобы разрешить ее.

Выращивание и формирование молодых кадров протекает у нас обычно по отдельным отраслям науки и техники, по специальностям. Это необходимо и целесообразно. Нет необходимости, чтобы специалист-медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике и наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,— это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем, в математику, ботанику или химию и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки,— он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной. Это будет, конечно, дополнительной нагрузкой для большевиков специалистов. Но это будет такая нагрузка, результаты которой окупятся с лихвой.

Задача партийной пропаганды, задача марксистско-ленинского воспитания кадров состоит в том, чтобы помочь нашим кадрам всех отраслей работы овладеть марксистско-ленинской наукой о законах развития общества.

Вопрос о мерах улучшения дела пропаганды и марксистско-ленинского воспитания кадров был предметом неоднократного обсуждения ЦК ВКП(б) с участием пропагандистов различных областных парторганизаций. Был учтен при этом выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» в сентябре 1938 года. Было установлено, что выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» кладет начало новому размаху марксистско-ленинской пропаганды в нашей стране. Результаты работ ЦК ВКП(б) опубликованы в известном его постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском краткого курса истории ВКП(б)».

Исходя из этого постановления и учитывая известные решения мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г. «О недостатках партийной работы», ЦК ВКП(б) наметил следующие главные мероприятия по устранению недостатков в области партийной пропаганды и улучшению дела марксистско-ленинского воспитания членов партии и партийных кадров:

1. Сосредоточить в одном месте дело партийной пропаганды и агитации и объединить отделы пропаганды и агитации и отделы печати в едином Управлении пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б), с организацией соответствующего отдела пропаганды и агитации в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации;

2. Признавая неправильным увлечение кружковой системой пропаганды и считая более целесообразным метод индивидуального изучения членами партии основ марксизма-ленинизма, сосредоточить внимание партии на пропаганде в печати и организации лекционной системы пропаганды;

3. Организовать в каждом областном центре годичные Курсы переподготовки для низового звена наших кадров;

4. Организовать в ряде центров нашей страны двухгодичную Ленинскую школу для среднего звена наших кадров;

5. Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки квалифицированных теоретических кадров партии;

6. Создать в ряде центров нашей страны годичные Курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников;

7. Создать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные Курсы для переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма в вузах.

Нет сомнения, что осуществление этих мероприятий, которые уже проводятся, но еще не проведены в достаточной мере, не замедлит дать свои благие результаты.

4. Некоторые вопросы теории

К числу недостатков нашей пропагандистской и идеологической работы нужно отнести также отсутствие полной ясности среди наших товарищей в некоторых вопросах теории, имеющих серьезное практическое значение, наличие некоторой неразберихи в этих вопросах. Я имею в виду вопрос о государстве вообще, особенно о нашем социалистическом государстве и вопрос о нашей советской интеллигенции.

Иногда спрашивают: «эксплуататорские классы у нас уничтожены, враждебных классов нет больше в стране, подавлять некого, значит,

нет больше нужды в государстве, оно должно отмереть,— почему же мы не содействуем отмиранию нашего социалистического государства, почему мы не стараемся покончить с ним, не пора ли выкинуть вон весь этот хлам государственности?»

Или еще: «эксплуататорские классы уже уничтожены у нас, социализм в основном построен, мы идем к коммунизму, а марксистское учение о государстве говорит, что при коммунизме не должно быть никакого государства,— почему мы не содействуем отмиранию нашего социалистического государства, не пора ли сдать государство в музей древностей?»

Эти вопросы свидетельствуют о том, что их авторы добросовестно заучили отдельные положения учения Маркса и Энгельса о государстве. Но они говорят также о том, что эти товарищи не поняли существа этого учения, не разобрались, в каких исторических условиях вырабатывались отдельные положения этого учения и, особенно, не поняли современной международной обстановки, проглядели факт капиталистического окружения и вытекающих из него опасностей для страны социализма. В этих вопросах сквозит не только недооценка факта капиталистического окружения. В них сквозит также недооценка роли и значения буржуазных государств и их органов, засылающих в нашу страну шпионов, убийц и вредителей и старающихся улучить минуту для военного нападения на нее, равно как сквозит недооценка роли и значения нашего социалистического государства и его военных, карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты страны социализма от нападения извне. Нужно признать, что в этой недооценке грешны не только вышеупомянутые товарищи. В ней грешны также в известной мере все мы, большевики, все без исключения. Разве не удивительно, что о шпионской и заговорщической деятельности верхушки троцкистов и бухаринцев узнали мы лишь в последнее время, в 1937—1938 годах, хотя, как видно из материалов, эти господа состояли в шпионах иностранной разведки и вели заговорщическую деятельность уже в первые дни Октябрьской революции? Как мы могли проглядеть это серьезное дело? Чем объяснить этот промах? Обычно отвечают на этот вопрос таким образом: мы не могли предположить, что эти люди могут пасть так низко. Но это не объяснение и тем более не оправдание, ибо факт промаха остается фактом. Чем объяснить такой промах? Объясняется этот промах недооценкой силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов, старающихся использовать слабости людей, их тщеславие, их бесхарактерность для того, чтобы запутать их в свои шпионские сети и окружить ими органы Советского государства. Объясняется он недооценкой роли и значения механизма нашего социалистического государства и его разведки, недооценкой этой разведки, болтовней о том, что разведка при Советском государстве — мелочь и пустяки, что советскую разведку, как и само Советское государство, скоро придется сдать в музей древностей.

На какой почве могла возникнуть у нас эта недооценка?

Она возникла на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений учения марксизма о государстве. Она получила распространение вследствие нашего непозволительно-беспечного отношения к вопросам теории государства, несмотря на то, что мы имеем практический опыт двадцатилетней государственной деятельности, дающий богатый материал для теоретических обобщений, несмотря на то, что у нас есть возможность при желании с успехом восполнить этот теоретический пробел. Мы забыли важнейшее указание Ленина о теоретических обязанностях русских марксистов, призван-

ных разработать дальше теорию марксизма. Вот что говорит Ленин на этот счет:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты **должны** двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима **самостоятельная** разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие **руководящие** положения, которые применяются **в частности** к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (Ленин, т. II, стр. 492).

Взять, например, классическую формулу теории развития социалистического государства, данную Энгельсом:

«Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность,— будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно **отмирает**» (Ф. Энгельс, «Антидюринг», 1933 г., издание Партиздата, стр. 202).

Правильно ли это положение Энгельса?

Да, правильно, но при одном из двух условий: а) **если** вести изучение социалистического государства с точки зрения только лишь внутреннего развития страны, заранее отвлекаясь от международного фактора, изолируя страну и государство для удобства исследования от международной обстановки, или в) **если** предположить, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства.

Ну, а если социализм победил только в одной, отдельно взятой стране, и отвлекаться, ввиду этого, от международных условий никак невозможно,— как быть в таком случае? На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Энгельс собственно и не ставит себе такого вопроса, следовательно, у него не могло быть ответа на этот вопрос. Энгельс исходит из того предположения, что социализм уже победил более или менее одновременно во всех странах или в большинстве стран. Следовательно, Энгельс исследует здесь не то или иное конкретное социалистическое государство той или иной отдельной страны, а развитие социалистического государства вообще при допущении факта победы социализма в большинстве стран — по формуле: «допустим, что социализм победил в большинстве стран, спрашивается — какие изменения должно претерпеть в этом случае пролетарское, социалистическое государство». Только этим общим и абстрактным характером проблемы можно объяснить тот факт, что при исследовании

вопроса о социалистическом государстве Энгельс совершенно отвлекается от такого фактора, как международные условия, международная обстановка.

Но из этого следует, что нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной обстановки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство,— для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне.

Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45—55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения. **(Общий смех.)** Но мы можем и должны требовать от марксистов-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались заучиванием отдельных общих положений марксизма, чтобы они вникали в существо марксизма, чтобы они научились учитывать опыт двадцатилетнего существования социалистического государства в нашей стране, чтобы они научились, наконец, опираясь на этот опыт и исходя из существа марксизма, конкретизировать отдельные общие положения марксизма, уточнять и улучшать их. Ленин написал свою знаменитую книгу «Государство и революция» в августе 1917 года, т. е. за несколько месяцев до Октябрьской революции и создания Советского государства. Главную задачу этой книги Ленин видел в защите учения Маркса и Энгельса о государстве от искажения и опошления со стороны оппортунистов. Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции», где он рассчитывал подвести главные итоги опыта русских революций 1905-го и 1917-го года. Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики. **(Бурные аплодисменты.)**

Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались, главным образом, в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме.

Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии, ее старую армию, ее бюрократическое чиновничество, ее полицию, и поставить на ее

место новую пролетарскую государственность, новое социалистическое государство. Большевики, как известно, так именно и поступили. Но из этого вовсе не следует, что у нового пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого государства, измененные применительно к потребностям пролетарского государства. Из этого тем более не следует, что формы нашего социалистического государства должны остаться неизменными, что все первоначальные функции нашего государства должны полностью сохраниться и в дальнейшем. На самом деле формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки.

Ленин совершенно прав, когда он говорит:

«Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно **диктатурой буржуазии.** Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: **диктатура пролетариата»** (Ленин, т. XXI, стр. 393).

Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы.

Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. Сообразно с этим наше государство осуществляло в этот период две основные функции. Первая функция — подавление свергнутых классов внутри страны. Этим наше государство внешним образом напоминало предыдущие государства, функция которых состояла в подавлении непокорных, с той однако принципиальной разницей, что наше государство подавляло эксплуататорское меньшинство во имя интересов трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства подавляли эксплуатируемое большинство во имя интересов эксплуататорского меньшинства. Вторая функция — оборона страны от нападения извне. Этим оно также напоминало внешним образом предыдущие государства, которые также занимались вооруженной защитой своих стран, с той однако принципиальной разницей, что наше государство защищало от внешнего нападения завоевания трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства защищали в таких случаях богатство и привилегии эксплуататорского меньшинства. Была здесь еще третья функция — это хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства, имевшая своей целью развитие ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма. Но эта новая функция не получила в этот период серьезного развития.

Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода — организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена,

эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападений извне, стало быть, сохранились также Красная армия, Военно-Морской флот, равно как карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой. Сохранилась и получила полное развитие функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов. Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов.

Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.

Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне. При этом понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве.

Второй вопрос — это вопрос о советской интеллигенции.

В этом вопросе, так же как и в вопросе о государстве, существует в нашей партии некоторая неясность, неразбериха.

Несмотря на полную ясность позиции партии в вопросе о советской интеллигенции, в нашей партии все еще имеют распространение взгляды, враждебные к советской интеллигенции и несовместимые с позицией партии. Носители этих неправильных взглядов практикуют, как известно, пренебрежительное, презрительное отношение к советской интеллигенции, рассматривая ее как силу чуждую и даже враждебную рабочему классу и крестьянству. Правда, интеллигенция за период советского развития успела измениться в корне, как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним, чем она принципиально отличается от старой, буржуазной интеллигенции. Но этим товарищам, повидимому, нет дела до этого. Они продолжают дудить в старую дудку, неправильно перенося на советскую интеллигенцию те взгляды и отношения, которые имели свое основание в старое время, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

В старое, дореволюционное время, в условиях капитализма интеллигенция состояла прежде всего из людей имущих классов,— дворян, промышленников, купцов, кулаков и т. п. Были в рядах интеллигенции также выходцы из мещан, мелких чиновников и даже из крестьян и рабочих, но они не играли и не могли играть там решающей роли. Интеллигенция в целом кормилась у имущих классов и обслуживала их. Понятно поэтому то недоверие, переходившее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие. Правда, старая интеллигенция дала от-

дельные единицы и десятки смелых и революционных людей, ставших на точку зрения рабочего класса и связавших до конца свою судьбу с судьбой рабочего класса. Но таких людей среди интеллигенции было слишком мало, и они не могли изменить физиономию интеллигенции в целом.

Дело с интеллигенцией изменилось, однако, в корне после Октябрьской революции, после разгрома иностранной военной интервенции, особенно после победы индустриализации и коллективизации, когда уничтожение эксплуатации и утверждение социалистической системы хозяйства создали реальную возможность дать стране и провести в жизнь новую Конституцию. Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники. Она понесла за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами Советской власти. Впоследствии большинство уцелевших из них завербовалось врагам нашей страны во вредители, в шпионы, вычеркнув себя тем самым из рядов интеллигенции. Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая «лучших времен», но потом, видимо, махнула рукой и решила пойти в службисты, решила ужиться с Советской властью. Большая часть этой группы старой интеллигенции успела уже состариться и начинает выходить из строя. Третья часть старой интеллигенции, главным образом рядовая ее часть, имевшая еще меньше квалификации, чем предыдущая часть, присоединилась к народу и пошла за Советской властью. Ей необходимо было доучиваться, и она действительно стала доучиваться в наших вузах. Но наряду с этим мучительным процессом дифференциации и разлома старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы и, вернувшись из школ, заполнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции, по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой.

В итоге мы имеем теперь многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику.

К старой дореволюционной интеллигенции, служившей помещикам и капиталистам, вполне подходила старая теория об интеллигенции, указывавшая на необходимость недоверия к ней и борьбы с ней. Теперь эта теория отжила свой век и она уже не подходит к нашей новой, советской интеллигенции. Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства.

Кажется, понятно.

Тем более удивительно и странно, что после всех этих коренных изменений в положении интеллигенции у нас в партии еще имеются, оказывается, люди, пытающиеся старую теорию, направленную против буржуазной интеллигенции, применить к нашей новой, советской интеллигенции, являющейся в своей основе социалистической интелли-

генцией. Эти люди, оказывается, утверждают, что рабочие и крестьяне, недавно еще работавшие по-стахановски на заводах и в колхозах, а потом направленные в вузы для получения образования, перестают быть тем самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта. Выходит, что образование — вредная и опасная штука. **(Смех.)** Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем. Но по взгляду этих странных товарищей получается, что подобная затея таит в себе большую опасность, ибо после того как рабочие и крестьяне станут культурными и образованными, они могут оказаться перед опасностью быть зачисленными в разряд людей второго сорта. **(Общий смех.)** Не исключено, что со временем эти странные товарищи могут докатиться до воспевания отсталости, невежества, темноты, мракобесия. Оно и понятно. Теоретические вывихи никогда не вели и не могут вести к добру.

Так обстоит дело с вопросом о нашей новой, социалистической интеллигенции.

* * *

Наши задачи в области дальнейшего укрепления партии:

1. Систематически улучшать состав партии, подымая уровень сознательности членов партии и принимая в ряды партии в порядке индивидуального отбора только лишь проверенных и преданных делу коммунизма товарищей;

2. Приблизить руководящие органы к низовой работе с тем, чтобы сделать их руководящую работу все более оперативной и конкретной, все менее заседательской и канцелярской;

3. Централизовать дело подбора кадров, заботливо выращивать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки работников, смелее выдвигать молодых работников, приспособлять дело подбора и расстановки кадров к требованиям политической линии партии;

4. Централизовать дело партийной пропаганды и агитации, расширить пропаганду идей марксизма-ленинизма, поднять теоретический уровень и политическую закалку наших кадров.

* * *

Товарищи! Я кончаю свой отчетный доклад.

Я обрисовал в общих чертах путь, пройденный нашей партией за отчетный период. Результаты работы партии и ее ЦК за этот период известны. Были у нас недочеты и ошибки. Партия и ее ЦК не скрывали их и старались их исправить. Есть и серьезные успехи и большие достижения, которые не должны вскружить нам голову.

Главный итог состоит в том, что рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела. В этом главный итог, так как он укрепляет веру в силы рабочего класса и в неизбежность его окончательной победы.

Буржуазия всех стран твердит, что народ не может обойтись без капиталистов и помещиков, без купцов и кулаков. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что народ может с успехом обойтись без эксплуататоров.

Буржуазия всех стран твердит, что рабочий класс, разрушив старые буржуазные порядки, не способен построить что-либо новое, взамен старого. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что он вполне способен не только разрушить старый строй, но и построить новый, лучший, социалистический строй и при том такой строй, который не знает ни кризисов, ни безработицы.

Буржуазия всех стран твердит, что крестьянство не способно стать на путь социализма. Колхозное крестьянство нашей страны доказало на деле, что оно может с успехом стать на путь социализма.

Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни, — это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство. Ибо буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы. Нельзя сказать, чтобы старания буржуазии в этом направлении оставались вполне безуспешными. Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неверия. Если успехи рабочего класса нашей страны, если его борьба и победа послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран и укрепить в нем веру в свои силы, веру в свою победу, то наша партия может сказать, что она работает недаром. Можно не сомневаться, что так оно и будет. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

Да здравствует наш победоносный рабочий класс! **(аплодисменты.)**

Да здравствует наше победоносное колхозное крестьянство! **(аплодисменты.)**

Да здравствует наша социалистическая интеллигенция! **(аплодисменты.)**

Да здравствует великая дружба народов нашей страны! **(аплодисменты.)**

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков! **(аплодисменты.)**

(Все делегаты встают, стоя приветствуют товарища Сталина и устраивают ему продолжительную овацию. Возгласы: «Ура! Да здравствует товарищ Сталин! Великому Сталину — ура! Нашему любимому Сталину — ура!».)

РЕЗОЛЮЦИЯ XVIII СЪЕЗДА ВКП(б) ПО ОТЧЕТНОМУ ДОКЛАДУ тов. СТАЛИНА О РАБОТЕ ЦК ВКП(б)

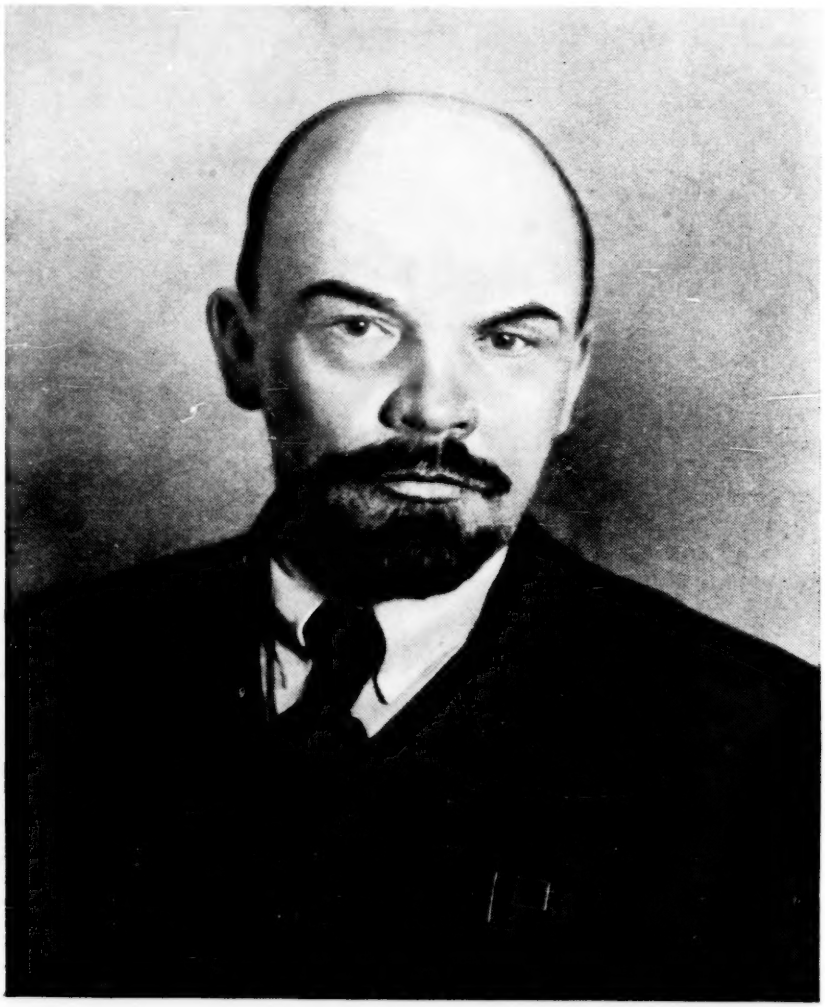
(Принята единогласно).

Заслушав и обсудив отчетный доклад тов. Сталина о работе ЦК ВКП(б), XVIII съезд ВКП(б) постановляет:

1. Одобрить политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б).

2. Одобрить отчетный доклад тов. Сталина и предложить всем парторганизациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми в докладе тов. Сталина.

14 марта 1939 г.



В. И. Ленин в годы империалистической войны

Объявление империалистической войны в июле 1914 г. застало Владимира Ильича Ленина в Австрии, в Поронино, куда Ленин переселился перед войною для того, чтобы легче было организовать руководство с партийными организациями России.

Ленин задолго до объявления войны видел ее неизбежность, не раз писал об этой неизбежности и о том, что против виновников войны и против несправедливых империалистических, грабительских, захватнических войн рабочий класс должен будет мобилизовать все свои силы, пустить в ход все средства для того, чтобы использовать обострение социальных противоречий во время войны для решительной борьбы против буржуазии, против капитализма.

Коротко напомним, как стоял вопрос об отношении к войне во II Интернационале. Еще на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 г. встал вопрос о мерах борьбы против надвигавшейся опасности войны. Заключение франко-русского союза в 1892 г. не могло не вызвать тревоги, так как речь шла об объединении двух крупных империалистических держав, причем царская монархия была сильнейшим оплотом международной реакции. Левое крыло II Интернационала в лице Геда, голландского социалиста Домелы Ньювенгуиса говорило на конгрессе о революционной войне против войны, о гражданской войне против буржуазии. Конгресс тогда решил, что революционная социал-демократия должна всеми силами противиться шовинистическим стремлениям господствующих классов, что она должна, укрепляя интернациональную солидарность рабочих всех стран во время войны, отказываться голосовать за военные кредиты, бороться против существования постоянных армий в капиталистических государствах и т. п.

В 1907 г. на Штуттгартском конгрессе этот вопрос поставлен был вновь после целого ряда империалистических войн: японо-китайской 1894—1895 гг., американо-испанской в 1898 г., англо-бурской и европейско-японо-китайской в 1899—1901 гг. и, наконец, русско-японской войны 1904—1905 гг. Союз между монархической Россией и Францией превратился в тройственное согласие Англии, Франции и России. В противовес ему выступала другая коалиция европейских держав, и совершенно ясно было, что дело идет к новой империалистической войне.

На Штуттгартском конгрессе огромную роль сыграл Ленин. Ленин убедил Розу Люксембург и ряд других делегатов конгресса в необходимости внести свои предложения в виде поправки к резолюции конгресса, по вопросу о милитаризме. Ленин, Роза Люксембург и другие в противовес оппортунистическому большинству конгресса защищали необходимость массовых революционных действий, направленных к тому, чтобы ускорить крах всего капиталистического строя.

«Если война все же будет объявлена,— читаем мы в поправке Ленина, Розы Люксембург и других,— они (рабочие заинтересованных стран.— *Ред.*) обязаны стоять за быстрое окончание ее и всеми силами стремиться использовать вызванный войною экономический и политический кризис для того, чтобы пробу-

дить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов» [1].

В 1910 г. вопрос о войне снова обсуждался на Копенгагенском международном конгрессе. Копенгагенский конгресс не внес существенных изменений в вопрос об отношении к войне. Но в этот период разыгралась Балканская война, угроза общеевропейской войны стала вполне реальной. И созванный в 1912 г. чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле принял манифест, который предлагал «рабочим всех стран противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата... Пусть правительства не забывают,— говорилось в манифесте,— что при нынешнем положении Европы и настроении рабочего класса они не могут выпустить фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя, пусть они припомнят, что за франц-зско-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российской империи... Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатии» [2].

Однако, эти решения были опрокинуты большинством вождей социал-демократических партий, как только война была объявлена. II Интернационал оказался организацией, в недрах которой вызрел самый махровый социал-шовинизм, проявившийся во-всю в действиях большинства вождей II Интернационала.

4 августа германские социал-демократы голосовали за военные кредиты. То же самое сделали социалисты и во Франции, причем Гэд и Самба вступили министрами в буржуазные правительства. Кичившийся своим антимилитаризмом «левый» крикун Густав Эрве переименовал свою газету «Классовая война» в «Победу» и стал служить французской буржуазии вместе с самыми правыми социалистами. Так же поступила социалистическая партия и в Бельгии во главе с Вандервельде, ставшим королевским министром. Так же поступила английская рабочая партия во главе со своим вождем — королевским министром Гендерсоном. Так же поступили и русские меньшевики и эсеры.

Лишь партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным заняла с самого начала войны последовательно-интернационалистскую позицию. Лишь партия большевиков продолжала революционную борьбу, уверенная в том, что свержение царского правительства является важнейшей задачей, которую поставила история перед рабочим классом, уверенная в том, что поражение царской монархии будет иметь глубокие революционные последствия и явится прологом социалистической революции.

«Только партия большевиков осталась верной великому знамени революционного интернационализма, оставаясь твердо на марксистских позициях решительной борьбы против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов, против империалистической войны. Большевистская партия с первых же дней войны придерживалась той установки, что война начата не для защиты отечества, а для захвата чужих земель, для ограбления чужих народов в интересах помещиков и капиталистов, что с этой войной рабочим нужно вести решительную войну» [3].

Международная буржуазия прекрасно знала, что во всем II Интернационале до конца последовательную позицию по отношению к войне занимала только большевистская партия, и особенно ненавистной для буржуазии не только русской, но и международной была фигура Ленина. Ленин воплощал в себе, концентрировал в себе революционную мысль передового пролетариата, искавшего выхода не только из войны, но искавшего путей уничтожения того общественного строя, который порождает войну, который является виновником тяжелого положения рабочего класса и виновником кровавых империалистических войн.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 458.
[2] В. И. Ленин, Соч. т. XVIII, стр. 410.
[3] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс, стр. 157.

Как только началась война, австрийское правительство поспешило заключить Ленина в тюрьму в Новом Тарге. Только благодаря хлопотам австрийских социалистов Ленину удалось из нее выбраться.

Неудивительно, что царское правительство с самого начала войны стало заботиться о том, чтобы захватить Ленина. Заведующий заграничной агентурой департамента полиции в Париже статский советник Красильников дал неправильную информацию. Он сообщил департаменту полиции, что Ленин будто бы был заключен австрийскими властями в Краковскую тюрьму и что Ленин безуспешно пытается собрать необходимые для выкупа 3-4 тыс. франков. А жандармский полковник Джунковский просил командующего юго-западным фронтом генерала Алексеева захватить Ульянова в Кракове и препроводить его в распоряжение петроградского градоначальника.

Но намеченная жандармами жертва вырвалась из рук и австрийского правительства, и царского правительства. Ленин уже в августе переехал в Швейцарию, в Берн, где развернул огромную работу, тем более важную в тот момент, что интернациональные связи между многими организациями были совершенно прерваны. Второй Интернационал захирел, распался и, говоря словами Розы Люксембург, превратился в «смердящий труп».

Конечно, русская буржуазия так же, как впоследствии и международная, обрушилась против большевиков с особенной яростью, и так как клевета составляет одно из испытанных орудий борьбы против рабочего движения со стороны буржуазии, то господин Минский, бывший когда-то редактором большевистской газеты «Новая жизнь», а впоследствии социал-предателем, сообщал в «Утре России», что «некоторые главари большевизма, переселившиеся в Краков, зачислились в австрийские ряды, мотивируя свой немецкий патриотизм необходимостью сломить русский империализм». Так буржуазия начала подготовлять гнусную легенду о государственной измене Ленина, пущенную ею в ход в 1917 г. накануне июльских дней. Само собой разумеется, что эта клевета была подхвачена и другими газетами, в том числе и лево-либеральной газетой «День», в которой сотрудничали и эсеры, и меньшевики.

Узкое совещание в Берне приняло в сентябре тезисы Ленина о войне, которые затем приняты были и большевистской фракцией Государственной думы и всеми большевистскими партийными организациями в России. В этом первоначальном наброске «Задач революционной социал-демократии в европейской войне» дана характеристика европейской всемирной войны как «буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны» [1].

Ленин констатировал измену социализму большинства вождей II Интернационала, отмечая, что эта измена «означает идейно политический крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелко-буржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители революционного пролетариата всех стран» [2].

Ленин формулировал тогда же пораженческую точку зрения. «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 44.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 46.

Ленин выдвинул и конкретные лозунги революционной деятельности. Это «во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму...» [1].

Департамент полиции очень внимательно следил за каждым шагом Ленина, за каждым шагом большевиков. Поэтому в жандармском обзоре деятельности Российской социал-демократической рабочей партии за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июнь 1916 г. мы находим указание на то, что «с открытием военных действий в 1914 г. группа членов Ленинской партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала в сентябре 1914 г. «тезисы» о войне, которые передала через швейцарских социал-демократов на обсуждение итало-швейцарской конференции в Лугано, происходившей 27 сентября 1914 г. К половине октября 1914 г. Ленинская партия восстановила связи и сформулировала, в согласии и развитие «тезисов», точку зрения Центрального Комитета партии на войну, причем «тезисы», в окончательной редакции опубликовала, в № 33 «Социал-Демократа», выпущенном в свет в Женеве 1 ноября 1914 г., в виде особого манифеста — передовой статьи» [2].

Манифест этот был положен в основу деятельности большевиков в их борьбе против войны. В манифесте дана подробная характеристика войны, указано на предательскую роль вождей II Интернационала и повторены в развернутом виде изложенные уже выше взгляды Ленина, сформулированные в резолюции группы социал-демократов «О задачах революционной социал-демократии в европейской войне».

Говоря о распаде II Интернационала, Центральный Комитет партии большевиков выражал уверенность в том, что «Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны» [3].

Ленин видел в этой революционной деятельности большевиков, направленной против войны, направленной к свержению царизма, возможность «сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму» [4].

Манифест заканчивается лозунгами: «Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!» [5].

Ленин уже тогда дал бой тем ненадежным и опасным попутчикам, которые стремились подменить последовательно марксистскую, ленинскую точку зрения оппортунистическими, соглашательскими взглядами Пятакова, Бухарина, Радека. Особенно большую опасность Ленин видел в центристской позиции Троцко-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 46.

[2] См. ниже, стр. 49.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 66.

[4] Там же.

[5] Там же.

то, который явно стремился занять ни к чему не обязывающую позицию, чрезвычайно удобную и выгодную для буржуазии. Эта позиция сводилась к стиранию всех острых углов в пролетарской политике, к подмене ее мелкобуржуазной, половинчатой, соглашательской критикой.

Ленин боролся против пацифистских лозунгов разоружения во время войны. Он указывал на то, что в социалистическом обществе, в котором не будет войн, можно осуществить разоружение, но нельзя быть социалистом и ждать осуществления социализма помимо социальной революции и без диктатуры пролетариата. А раз рабочему классу необходима диктатура пролетариата, то следовательно необходимо и войско, которое могло бы вооруженной рукой подавлять попытки эксплоататорских классов восстановить капитализм и дать отпор интервентам. Поэтому в условиях борьбы за социализм против капитализма Ленин считал отказ от вооружения рабочих отказом от революции. Против пораженческих лозунгов большевиков боролись и Каменев в России, и Троцкий, и Бухарин, и Пятаков заграницей.

Почему большевики считали наименьшим злом для народа в империалистической войне поражение царского правительства?

«Большевики считали, что наименьшим злом для народа в империалистической войне было бы военное поражение царского правительства, ибо оно облегчило бы победу народа над царизмом и успешную борьбу рабочего класса за освобождение от капиталистического рабства и империалистических войн. При этом Ленин считал, что политику поражения своего империалистического правительства должны проводить не только русские революционеры, но и революционные партии рабочего класса в с е х воюющих стран» [1].

Ленин явился во время войны «собирателем сил» нового, Коммунистического Интернационала. Все мероприятия по восстановлению разорванных войною международных связей, все мероприятия по созданию Коммунистического Интернационала были проведены по инициативе Ленина. «Ленин критиковал ошибки непоследовательных интернационалистов из левых социал-демократов, таких, как Роза Люксембург, Карл Либкнехт, но в то же время помогал им занять правильную позицию» [2]. Первой такой попыткой был созыв Циммервальдской конференции. Ленин видел, что совещания, которые созывались социал-шовинистами в тот период, были направлены к тому, чтобы оправдать измену вождей II Интернационала. Когда в феврале 1915 г. в Лондоне была созвана конференция социалистов союзных стран, то посланному на это совещание для заявления протеста тов. Литвинову не дали даже огласить декларацию.

Женская конференция, созванная в Берне в апреле 1915 г., была первой слабой попыткой создать международное объединение, но решения этой конференции носили чисто пацифистский характер. Не лучшие результаты дала и состоявшаяся в апреле же в Берне международная юношеская конференция. Предложения большевиков здесь не были приняты так же, как не были приняты предложения большевиков на женской конференции.

Большинство на Циммервальдской конференции, как известно, принадлежало каутскианцам и полукаутскианцам. Большинство Циммервальдской конференции не приняло предложения большевиков о необходимости создания III Интернационала и о необходимости решительной борьбы против оппортунистов. 19-тью голосами против 12-ти предложения большевиков были отвергнуты. Тем не менее манифест Циммервальдской конференции был маленьким шагом вперед.

Ленин спрашивал, подводя итоги конференции: «Следовало ли нашему Центральному Комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест?» И отвечал: «Мы думаем, что да. О нашем несогласии,— о несогласии не только Центрального Комитета, но всей левой, м е ж д у н а р о д н о й, р е в о л ю ц и о н н о - м а р к с и с т с к о й части Конференции,— сказа-

[1] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс, стр. 161.
[2] Там же, стр. 160.

но открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест... Что этот манифест делает шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего; было бы плохой военной тактикой отказаться идти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным Социалистическим Бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли, объективно, мир между расходящимися все глубже и глубже течениями социал-шовинизма, каутскизма и революционного интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные успехом ее на конференции 5—8/IX»[1].

В конце апреля 1916 г. состоялась вторая Циммервальдская конференция в Кинтале. За это время значительно подвинулось вперед выяснение позиций различных социал-демократических групп и более прочно определилась группа левых социал-демократов, примыкавших к большевикам, к Ленину. Во всех почти странах левые элементы социал-демократии завоевали влияние: в Германии образовался союз «Спартака», устроивший 1 мая 1916 г. демонстрацию в Берлине, на которую откликнулось около 10 тыс. чел. и во главе которой шел Карл Либкнехт, арестованный на этой демонстрации. В ряде стран социал-демократические партии раскололись (в Англии, в Швеции).

На конференции присутствовало свыше 40 делегатов от различных стран. Циммервальдская левая выросла примерно в два раза и при некоторых голосованиях собрала около половины состава конференции.

Однако, Кинтальская конференция хотя и приняла тезисы против каутскианцев и социал-шовинистов, она все еще далеко не представляла собою объединения последовательных интернационалистов. Она несомненно была шагом вперед по сравнению с первой Циммервальдской конференцией, однако не могло быть и речи о том, чтобы большинство этой конференции пошло на разрыв с оппортунистами II Интернационала.

Заграничная агентура департамента полиции настолько внимательно следила за деятельностью Ленина, что сообщала даже темы рефератов, которые он читал.

Насколько трудны были материальные условия деятельности Центрального Комитета заграницей в тот период, видно из сообщения царского сыщика статского советника Красильникова от 22 марта 1916 г. Красильников сообщает, что Ленин прочел 17 февраля в Цюрихе в помещении социал-демократического клуба реферат на тему «Война и два интернационала». Присутствовало около 300 человек на этом реферате. Собрано было 35 франков на выпуск следующего номера «Социал-демократа».

Значит, и 35 франков в тот период до зарезу были нужны; и настолько трудно было их достать у влачившей полунищенское существование политической эмиграции заграничей, что 300 чел., присутствовавших на реферате, могли дать лишь 35 франков. Однако, если принять во внимание, что это происходило во время войны в Швейцарии, то следует отметить, что посещаемость этих рефератов была несомненно очень значительной. 200—300 человек участников рефератов для Женевы это уже большое собрание, а в особенности во время войны. Мы знаем, что эти собрания проходили очень бурно. Это был настоящий бой Ленина, бой большевиков против оппортунистов, плехановцев, троцкистов, анархистов и т. п.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 300—301.

С нескрываемой злобой составитель обзора для департамента полиции по истории революционного движения пишет в апреле 1916 г., что «сторонники Ленина желают поражения России, образовав течение в среде Российской социал-демократической рабочей партии под названием «пораженцев». В то же самое время статский советник Красильников очень сочувственно излагает содержание доклада Плеханова, стоявшего тогда на социал-оборонческих, социал-шовинистических позициях. Департамент полиции указывал на то, что в Петрограде преобладающее влияние на взгляды о войне и на отношение к войне социал-демократов оказывает ленинское течение.

Это влияние ленинских идей на рабочий класс не ослабевает во время войны, несмотря на все усилия со стороны царского правительства и международной буржуазии, несмотря на то, что деятельность Ленина была поневоле ограничена благодаря особой слежке и особо тяжелым условиям жизни и деятельности в эмиграции. Это влияние ленинских идей на рабочий класс России и на рабочий класс других стран и огромная организационная работа, выполненная Лениным во время войны, объясняют тот факт, что образование Коммунистического Интернационала после Октябрьской революции двинулось так быстро. Почва была в значительной степени подготовлена Лениным еще до войны и, особенно, во время войны.

Как известно, товарищ Сталин с самого начала войны находился в далекой Туруханской ссылке. Его отделяли от Ленина громадные пространства, он был оторван этими пространствами от рабочих центров. Но товарищ Сталин так же, как и Ленин, имел верный компас, который ориентировал его в самой сложной обстановке, создавшейся с началом войны,— учение марксизма-ленинизма.

На совещании ссыльных большевиков, которое было устроено товарищем Сталиным и на котором присутствовали товарищи Свердлов и Спандарьян, то-есть фактически почти что все русское бюро Центрального Комитета, было принято решение об отношении к войне, идейно и практически созвучное с решениями, созревшими у Ленина.

Так Ленин и Сталин в труднейшей обстановке, созданной войною, помогали преданным интернациональному делу пролетарским элементам сохранить в чистоте революционное знамя марксизма-ленинизма, определить правильно свое отношение к войне, использовать социальные противоречия, обостренные войною, для нанесения смертельного удара империализму.

В 1915—1916 годах, во время войны, Ленин обосновал закон о неравномерности и скачкообразности развития капитализма и сделал из этого закона вывод о возможности победы социалистической революции в одной стране и невозможности ее победы одновременно во всех странах.

Это важнейшее открытие Ленина имело громадное значение на всю дальнейшую судьбу международного рабочего движения. Исходя из этих выводов, партия большевиков в 1917 году, немедленно после победы над царизмом, стала организовывать силы революции для перехода ее ко второму этапу — завоеванию диктатуры пролетариата.

Деятельность Ленина во время войны — это деятельность гиганта, которого империалисты пытались приковать к маленькой Швейцарии. Несмотря на все ухищрения буржуазии Ленин и там, в маленькой Швейцарии, делал великое дело создания нового, Коммунистического Интернационала. Он беспощадно разил своих врагов направо и налево. Он бил центристов, разоблачая их двуличие, двурушничество.

Он собирал заботливо силы для нового, Коммунистического Интернационала. Он собирал их и тогда, когда победила Октябрьская Революция и когда Коммунистический Интернационал обрел свою прочную базу, когда в стране Советов создался неугасимый очаг мировой пролетарской революции, мирового коммунизма.

И Ленин же показал революционный выход из мировой империалистической войны. Февральская революция была первым шагом на пути превращения империалистической войны в войну гражданскую. Февральская и Октябрьская ре-

волюции 1917 года были переходом от войны империалистической к войне гражданской, к войне за социализм.

Со времени начала империалистической войны 1914—1918 гг. прошло уже более 25 лет, и через 25 лет более 500 миллионов населения разных стран втянуто уже в новую империалистическую войну.

Если империалистическая война 1914—1918 гг., когда Коммунистический Интернационал был только в зародыше, закончилась победой социалистической революции на одной шестой части мира, то вряд ли можно сомневаться в том, что новая империалистическая война не оставит возможность эксплоататорам господствовать на 5/6 земного шара. Она может кончиться крахом не одного, а целого ряда империалистических государств. Для этого условия созрели в 1939 году, конечно, в гораздо большей мере, чем в 1914—1918 годах. Империализм привел к еще большему обнищанию масс, к фашизации целого ряда государств, к неслыханным страданиям миллионных масс во всех капиталистических странах.

Но 25 лет протекшие со времени империалистической войны имели и другие последствия. За это время выросла новая система государств — Союз советских социалистических республик, в котором бесповоротно победил социализм, в котором строится радостная, счастливая жизнь народов, объединенных глубокой, братской дружбой.

За эти четверть века во всех странах мира выросли коммунистические партии. Какими бы преследованиями ни обрушивались империалисты против коммунистов, коммунизм перестал уже быть тем, чем был когда-то,— он перестал быть призраком, он воплощен в жизнь, в фактах, в делах, в строительстве новой жизни. Коммунизм стал учением миллионных масс.

Во всем мире идет собирание сил под знаменем Коммунистического Интернационала, созданного Лениным и Сталиным. И в ближайшем будущем эти силы будут решать судьбу капитализма.

Ем. Ярославский.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 5 августа 1914 г., № 1310[1].

Вследствие предписания от 29 минувшего июня за № 173554[2], имею честь доложить вашему превосходительству, что по проверке агентурою сведений, изложенных в записке начальника Финляндского жандармского управления от 7 июня с. г. за № 1873, препровожденной при вышеупомянутом предписании, оказалось, что предполагаемый в Вене 23 августа сего года Интернациональный социалистический конгресс, ввиду войны между Австрией и Сербией, предположено созвать в Париже[3].

Присутствие на этом конгрессе делегатов финляндской социал-демократии весьма правдоподобно, так как там будут иметь своих представителей социалистические партии.

Вопрос о борьбе с милитаризмом будет включен в порядок дня.

По инициативе Интернационального социалистического бюро в Брюсселе состоялось предварительное совещание с 16 по 18 сего июля[4],

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 83. Документы хранятся в Центральном Архиве революции, подготовлены к печати сотрудником архива т. Сыромятниковой. Почти все документы публикуются в извлечениях; опущены те факты, которые не имеют тесной связи с В. И. Лениным и те сообщения, которые касаются других лиц. Все пропуски отмечены в тексте многоточием. Пропуски, относящиеся к В. И. Ленину, оговорены особо в примечаниях.

[2] Указанное предписание в этом же деле, л. 49.

[3] Интернациональный социалистический конгресс не состоялся.

[4] Международное социалистическое бюро — исполнительный орган II Интернационала. Председателем МСБ был один из вождей II Интернационала, один из виднейших социал-оппортунистов — Вандервельде. Секретарем МСБ с 1906 г. был Гюисманс — в годы войны социал-патриот, противник Циммервальдского объединения.

о котором подробно доложено в докладах от 11/24 и 18/31 июля с. г. за №№ 1271 и 1309... Интернациональное социалистическое бюро имеет свое постоянное пребывание в Брюсселе. В состав его входит секретарь, выбираемый на конгрессе, который созывается каждые четыре года. Кроме секретаря, в состав Бюро входят представители всех социалистических партий всей Европы, в том числе и России. От последней представителями являются Ленин, Плеханов и Рубанович [1].

Вследствие этого Интернациональное бюро распространяет свою деятельность и на русские социалистические партии.

За заведующего заграничной агентурой Иозефович.

Из донесения заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 29 августа 1914 г., № 1367 [2]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, созыв Интернационального социалистического конгресса в Вене предположено было Лениным использовать в целях созыва своего, большевистского, съезда. Ввиду этого, делегаты, предназначенные от большевиков на конгресс, должны были ранее срока съехаться в Краков.

Когда Австрией была объявлена России война, то всех делегатов с женами и детьми австрийские власти арестовали и заключили в Краковскую тюрьму [3]. На ходатайство об освобождении заключенным был дан ответ, что они могут быть освобождены, но при условии внесения за каждое содержащееся в тюрьме лицо по 3 кроны в день за все время содержания их под стражей и проездную стоимость за перевозку их в Швейцарию.

На удовлетворение указанных требований необходимо не менее 3—4 тысяч франков, о чем Ленину удалось каким-то образом довести до сведения партийных лиц, живущих в Париже, но попытки добыть

Брюссельское Объединительное совещание было созвано II Интернационалом (его Международным социалистическим бюро) в составе представителей большевиков и 10 различных фракций и групп, фактически составлявших блок против большевиков. На совещании присутствовали также Вандервельде, Гюисманс, Каутский и др. представители II Интернационала. Совещание должно было иметь характер обмена мнений по вопросу о возможности восстановления единства РСДРП. По существу же II Интенационал пытался использовать совещание, чтобы подчинить большевиков соглашательской политике ликвидаторов.

«Под видом «примирения» большевиков с ликвидаторами, под видом установления «мира в партии» II Интернационал потребовал от большевиков прекращения критики соглашательской политики ликвидаторов. Но большевики были непримиримы: они отказались подчниться решениям оппортунистического II Интернационала и не пошли ни на какие уступки» («Краткий курс истории ВКП(б), стр. 151—152).

Ленин, находясь в то время в Галиции, руководил делегацией большевиков. Он написал для совещания от имени ЦК РСДРП доклад, в котором разоблачал ликвидаторов и категорически подчеркивал, что «единство возможно лишь, если ликвидаторы готовы решительно порвать со всей своей тактикой и перестать быть ликвидаторами» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 557).

Никакого практического значения совещание не имело, тем более что вскоре вспыхнула империалистическая война и последовал крах самого II Интернационала.

[1] Рубанович представлял в Международном социалистическом бюро партию социалистов-революционеров.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 101.

[3] Заграничная агентура не совсем правильно информировала департамент полиции об аресте В. И. Ленина. Ленин в связи с войной действительно был арестован, но содержался в м. Новом Тарге с 7 по 19 августа нов. ст. 1914 г.; был освобожден при содействии лидера австрийской социал-демократии В. Адлера (см. II Ленинский сборник, стр. 173—184).

Но царское правительство, не зная этого и рассчитывая в скором времени на занятие Кракова русскими войсками, решило использовать этот удобный случай и захватить Ленина в Краковской тюрьме.

требуемую сумму в данное время, когда деньги так трудно добываются, не увенчались успехом.

Статский советник Красильников.

Из отношения товарища министра внутренних дел Джунковского командующему юго-западным фронтом М. В. Алексееву, 19 сентября 1914 г., № 176065[1].

В министерстве внутренних дел получены сведения о том, что в настоящее время в Краковской тюрьме могут содержаться под стражей дворянин Владимир Ильич Ульянов [и др.]. Поименованные лица, из коих первое, известное более под фамилией Ленина, являются виднейшими представителями Российской социал-демократической рабочей партии, имеющими за собой долголетнее революционное прошлое и разыскиваемыми циркулярами департамента полиции, причем Ульянов состоит членом Центрального комитета партии и создателем отдельного течения партии...

Сообщая об изложенном и принимая во внимание, что упомянутые лица, будучи освобождены из-под стражи и находясь на театре военных действий, могут оказать весьма вредное влияние на соприкасающихся с ними лиц, в смысле пропаганды революционных идей, имею честь просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении об аресте означенных лиц и препровождении их в распоряжение Петроградского градоначальника.

При сем имею честь препроводить вашему превосходительству фотографические карточки Ульянова...

Подполковник В. Джунковский.

Из письма из Петербурга в редакцию газеты «Столичная Молва» в Москву, 19 октября 1914 г.[2]

Здравствуйте, товарищи! Я передам, что писал «День»[3] в № 244 за 9 сентября, в обзоре «Печать», под заголовком «Не верим». Начинается так: г. Минский сообщает в Париже в «Утро России», что... «Любопытно отметить, что некоторые главари большевизма, переселившиеся в Краков, зачислились в австрийские ряды, мотивируя свой немецкий патриотизм необходимостью сломить русский империализм».

Так Минский намекает на Ленина и при этом клевещет, совершенно не понимая задач и борьбы с.-д. с войной. Нужно было указать к этому еще то, что Ленин в подозрении шпионства русскому правительству был арестован и сидел две недели в военной тюрьме и что австрийской социал-демократии стоило много трудов освободить его. Только непонимание задач социал-демократии и злобное личное отношение заставило г-на Минского спуститься до низости лжи и клеветы.

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 103.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 4, прод. 2, ч. 46, лит. Б., 241. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма с неразобранной подписью, начинающейся с буквы «Ш» (возможно Шагов, член соц.-дем. фракции большевиков в Госуд. думе); на письме и конверте бланк «Таврический дворец» (помещение Гос. думы).

[3] «День» — ежедневная газета, орган левого крыла либеральной буржуазии; начала издаваться с 1912 г. в Петербурге. В 1914 г. в газете сотрудничали, наряду с радикальными буржуазными публицистами, социалисты-революционеры и меньшевики-ликвидаторы. Редактировал газету в 1917 г. И. Кугель. Во время империалистической войны газета занимала оборонческую позицию.

Не такой Ленин, чтобы с этим господином разводить третейские суды, как это под патриотической сурдинкой опять таки заведомо врет газета «День». Это последнее было сегодня напечатано в «Дне»...

Из обзора деятельности Российской социал-демократической рабочей партии за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июль 1916 г.[1]

...С открытием военных действий в 1914 г. группа членов Ленинской партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала в сентябре 1914 г. «тезисы» о войне, которые передала через швейцарских социал-демократов на обсуждение итало-швейцарской конференции в Лугано, происходившей 27 сентября 1914 г. К половине октября 1914 г. Ленинская партия восстановила связи и сформулировала, в согласии и развитие «тезисов», точку зрения Центрального комитета партии на войну, причем эти «тезисы» в окончательной редакции опубликовала в № 33 «Социал-демократа», выпущенном в свет в Женеве 1 ноября 1914 г. в виде особого манифеста — передовой статьи[2]...

Обращаясь засим к описанию социал-демократических конференций, состоявшихся за первый период войны, надлежит начать этот отдел с указания на конференцию швейцарских и итальянских социалистов, происходившую 27 сентября 1914 г. в Лугано и имевшую отношение к Российской социал-демократии, во-первых потому, что она была созвана.... по инициативе видных русских социалистов и во-вторых, потому, что на этой конференции обсуждались, как указано выше, «тезисы» Ленина, послужившие материалом для декларации этой конференции. В этой декларации указывается, что «современная катастрофа» (война) является последствием империалистической политики великих держав, которая в абсолютных монархиях связана с «династическими интересами», и содержится решение созвать в недалеком будущем конгресс из представителей социалистов нейтральных государств для выработки мер борьбы с войной и объединения Интернационала[3].

---

[1] ДП, о. о., «Обзоры», инвентарный № 9333.

[2] «Тезисы» опубликованы в XIV Ленинском сборнике, стр. 9—12 и в сочинениях Ленина, т. XVIII, стр. 44. Манифест под заголовком: «Война и социал-демократия» опубликован в сочинениях Ленина, т. XVIII, стр. 61—66.

[3] В докладе на имя директора департамента полиции 8/21 декабря 1914 г., № 1660 зав. заграничной агентурой в Париже Красильников сообщает, что Ленин присутствовал на этой конференции и «в начале заседания внес предложение поставить в порядок дня вопрос о массовом революционном выступлении интернационального пролетариата против уже возникшей войны».

Красильников отмечает также, что «вопрос этот (т. е. вопрос о выступлении.— *Ред.)* был отклонен под тем предлогом, что конференция не считает себя компетентной подвергать обсуждению такой важный вопрос» (ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, лл. 179—180). Сообщение Красильникова об участии Ленина на конференции неверно — он участвовал лишь в подготовке конференции. Не точна и вторая часть сообщения — об отклонении вопроса о выступлении пролетариата против войны. Конференция обсудила тезисы Ленина о войне, но, характеризуя в своих решениях войну, как империалистическую, ограничилась лишь требованием организации международной борьбы за мир. Эти ее решения, еще далекие от последовательно интернационалистических и революционно-выдержанных позиций, все же являлись шагом вперед в отношении попытки восстановления разрушенных войной интернациональных связей пролетариата (см. В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 423).

Резолюция Луганской конференции об отношении к войне приводилась в распространяемой в то время в России листовке под заголовком: «Война и Интернационал», а также распространялась отдельно отпечатанная на гектографе. См. «Памятники агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 15—16.

Из доклада заведующего заграничной агентурой директору департамента полиции, 16 ноября 1914 г., № 1516 [1].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что по сведениям, полученным от агентуры, в Лозанне 11 августа [2] с. г., Плеханов выступал в закрытом собрании социал-демократов с докладом, озаглавленным «Война и социал-демократия» [3].

Доклад свой Плеханов разделил на две части: в первой части он рассмотрел положение двух крупнейших социалистических партий — германской и французской, вторую же он посвятил Российской социал-демократической партии и общему взгляду на войну и ее последствия.

Говоря о взаимоотношениях европейской социал-демократии, Плеханов пришел к грустному для него выводу, что основ социалистической борьбы и работы о единстве целей, интересов и пожеланий ныне в международном социализме нет.

Германская социал-демократия, вотировав бюджет для наступательной войны, а в течение таковой поддерживая правительство, тем самым вышла из рядов международного социализма.

Конечно есть надежда, что в мирное время откроются многие новые факты и потому пока еще нет оснований считать германскую социал-демократию виновной, но ее оппортунистическая подкладка сказалась ясно.

Кроме того, Плеханов обвинял германскую социал-демократию в предательстве...

Оправдав французских товарищей, защищающих идеалы республики и права, Плеханов после перерыва перешел к русским.

Последние, по его мнению, не нуждаются в оправдании. Они поступили как истинные социалисты, не голосуя за бюджет, потому что политика царского правительства ослабила оборону страны. При республиканском правительстве страна проявила бы не только склонность к упорному сопротивлению, но своими победами помогла бы республиканской Франции, чего теперь, конечно, нельзя ожидать, по мнению Плеханова...

Плеханову возражал Ленин.

Прежде всего он заявил, что оправдание какой бы то ни было социалистической партии интересами защиты, отстаивания своей независимости, нелегко, ибо у пролетария отечества нет. Что же касается этой войны, в частности, то она является результатом политики Извольского, который потирая руки заявил: «C'est ma guerre» («это моя война»).

Царское правительство и французская буржуазия давно готовили эту войну для упрочения своей власти, и только дуракам может казаться, будто эта война необходима для их свободного развития.

Пролетариат должен помнить и его вожди должны ему напоминать, что единственным ответом на позорную политику правительств царского и буржуазного должна быть организация коммуны и социальной революции в России и Франции: «Да здравствует российская социальная революция» — закончил оратор.

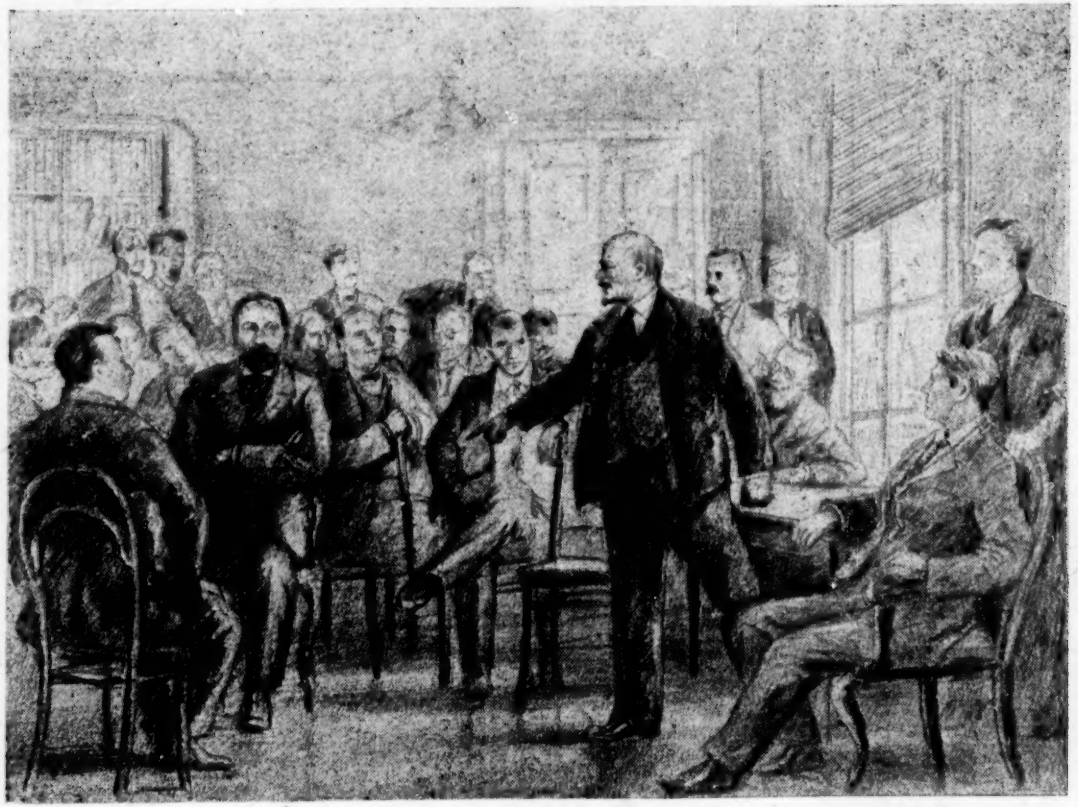
Статский советник Красильников.

---

[1] ДП, о. о., 1914, д. № 343, отд. 3, лл. 205—207.

[2] В подлиннике явная ошибка: надо «октября».

[3] Речь идет о реферате Плеханова, состоявшемся 11 октября 1914 г. Запись речи В. И. Ленина на этом реферате («Об отношении социалистов к войне») по отчету в газ. «Голос» имеется в соч. Ленина, т. XVIII, стр. 47; заметки В. И. Ленина на нем см. в XIV Ленинском сборнике, стр. 124—131.



Выступление В. И. Ленина против Плеханова в Лозанне

Рис. худ. А. Ермолаева

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 26 декабря 1914 г., № 1698 [1].

В дополнение к донесению от 18/31 октября с. г. за № 1465, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, за последнее время в «Российском клубе» в Монтре состоялись следующие доклады: ...

...Ленина (в отэле Сплэндид) — смысл войны — драка воров т. е. правительств; народ не причем, так как у пролетария, согласно коммунистическому манифесту, отечества нет. Немедленный мир и свержение пролетариями своих правительств [2]...

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 16 ноября 1914 г., № 1511 [3].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что в первых числах ноября с. г. Ленин прочел в Цюрихе доклад на тему: «Война и социал-демократия» [4].

Воззрение Ленина на настоящую войну сводится к следующему: Ленин говорит, что настоящая война — грабежный поход буржуазии отдельных государств. По его мнению капитализм настолько уже назрел, что должна уже немедленно начаться социальная революция и гражданская война. Войска отдельных наций должны оружие обращать немедленно против собственной буржуазии и прекратить международную войну, при чем он добавил: — «и с нашей стороны уже во всех странах предпринимаются шаги, чтобы немедленно осуществить эту цель». Кто предприниматели этих шагов и что именно «предпринято» Ленин не сказал. Далее он говорил, что русские рабочие и социалисты ни в коем случае не смеют поддерживать русское правительство, ибо, по его мнению, победа России приведет к новому угнетению ее народностей. Ленин полагает, что народ, который угнетает другие народы, не может быть сам свободным народом. И русское правительство после объявления войны ничуть не изменило курс своей внутренней политики. Он сильно осуждает также германских социалистов. На докладе Ленина присутствовало много русской публики.

Статский советник Красильников.

Из агентурной записки Московского охранного отделения, 16 октября 1914 г., № 280 [5].

...По сведениям, идущим от Белоусова [6], в настоящее время в Амстердаме известным Вандервельде устраивается конференция социалистических организаций тех государств, которые вовлечены в войну [7].

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 343, отд. 3, л. 336.

[2] Реферат В. И. Ленина на тему о войне состоялся 13/26 октября 1914 г. в Кларане, вблизи Монтре («Даты жизни и деятельности Ленина», изд. 1933 г., стр. 169).

[3] ДП. о. о., 1914 г., д. № 343, отд. 3, л. 208.

[4] Реферат В. И. Ленина на тему: «Война и социал-демократия» состоялся в Цюрихе в первые дни ноября 1914 г. Запись прений по реферату и общие заметки по выступлениям оппонентов, сделанные Лениным, опубликованы в XIV Ленинском сборнике, стр. 138—143.

В «Датах жизни и деятельности Ленина» изд. 1933 г. имеется указание только на реферат Ленина в Цюрихе 14/27 октября на тему: «Европейская война и социализм» (стр. 169).

[5] ДП о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 46, лит. В., л. 214.

[6] Повидимому, речь идет о Белоусове, корреспонденте «Русских ведомостей» в Париже.

[7] Речь идет о конференции социалистов стран Антанты, состоявшейся 14/1 февраля 1915 г. в Лондоне, на которой В. И. Ленин не присутствовал, но на которой, по его поручению М. М. Литвинов выступал с революционно-интернационалистской декларацией, опубликованной в сочинениях Ленина, т. XVIII, стр. 122—123. См. документ о конференции ниже, стр. 20.

В Амстердаме в настоящее время находится Международное социалистическое бюро.

По тем же сведениям, вождь шведской социал-демократии Брантинг устраивает там же, отдельно от указанной выше конференции, конференцию социалистических организаций тех государств, которые занимают нейтральное положение в войне (напр. Италия, Испания, Голландия, Швеция и пр.)[1].

На первой из этих конференций несомненно участие известного Ленина, который от плена освобожден и проживает в Швейцарии, вероятно участие в ней и видных с.-д. меньшевиков.

Задача конференций выяснить отношение социал-демократии к войне, показать, что провала социализма нет и марксистски обосновать свое участие в войне, выработав ряд положений и резолюций и подвести, таким образом, теоретический фундамент под практически разрешенный вопрос фактического участия в войне социал-демократов разных государств...

Начальник отделения подполковник Мартынов.

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 18 января 1915 г., № 34[2]

В дополнение к донесению от 17/30 ноября минувшего года за № 1581[3], имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, интернациональная социалистическая конференция нейтральных стран состоится в Копенгагене 18 сего января по новому стилю.

На означенной конференции должны быть представлены: Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Швейцария, Италия и Америка, а также ожидают, что и от воюющих государств будут по два делегата с совещательными голосами, для докладов о положении дел в их странах, по отношению к войне и т. п.

Из русских на этой конференции должны будут принять участие Ленин... Ленин представит доклад от Центрального комитета.

Статский советник Красильников.

Из донесения заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 13 февраля 1915 г., № 259[4]

В дополнение к телеграмме от 4/17 сего февраля за № 24, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по поступившим агентурным сведениям, конференция социалистов союзных стран «тройственного согласия» состоялась в Лондоне 14 сего февраля по нов. ст. в помещении «Hotel Westminster» и заключалась в однодневном заседании, длившемся с 10 ч. утра до 6 ч. вечера, с двумя перерывами.

В конференции принимало участие до 50-ти делегатов... От социал-демократов большевиков — Литвинов, которому был передан мандат от Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии, в частности от отсутствовавшего Ленина...

Приготовляясь к конференции лондонские русские социалисты-революционеры, а также и социал-демократы меньшевики и большевики выразили свое отношение к конференции отрицательными резо-

---

[1] Речь идет о социалистической конференции нейтральных стран, состоявшейся 17—18 (4—5) января 1915 г. в Копенгагене.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 199.

[3] В этом донесении указывалось, что созыв конференции намечался 6 декабря н. ст. (То же дело, л. 169).

[4] ДП, 1915 т., д. № 28, т. 2, лл. 167—171.

люциями, причем меньшевики отрицали право этих лиц на конференции исключительно союзных стран и порицали созывателей [1].

Социал-демократы большевики и латыши вынесли весьма резкую резолюцию, в которой называли уполномоченных «ура-социалистами и социалистами-авантюристами», что и было ими прочтено на конференции.

Свои резолюции большевики и латыши намерены опубликовать в виде резкого протеста в европейской и американской прессе...

При открытии заседания председатель такового Кейр-Гарди разъяснил присутствовавшим цель созыва конференции и предоставил слово желающим.

Выступавшие с речами делегаты Англии, Франции и Бельгии единодушно высказались за войну, оправдывая свои взгляды оборонительным для них характером войны.

Что же касается выступавших русских, то во всех их речах наблюдалась лишь одна общая тенденция — встретиться лицом к лицу с социалистами союзных стран и в особенности с французскими министрами-социалистами — Самба и Гедом, раскритиковать их поведение и напомнить им их измену Интернационалу и тем самым всем основным принципам социализма. Кроме того все русские представители заявили, что они не признают за этой конференцией решительного характера и не придают ей этого значения и что, по их мнению, эта конференция является лишь первым шагом к восстановлению разгромленного Интернационала и подготовкой к собранию разъединенных и разбросанных сил...

Литвинов, с целью протеста против «социал-патриотической» конференции выступил с речью, обвиняя председателя и других организаторов в буржуазности, в передергивании, почти в подлости, в заключение чего с большим скандалом был лишен слова и покинул трибуну. Письменную же декларацию его партии приобщили к протоколам заседания.

Статский советник Красильников.

Из доклада заграничной агентуры в Париже директору департамента полиции, 11 марта 1915 г., № 322 [2].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по поступившим агентурным сведениям, 23 февраля с. г. по нов. ст. в Берне, в Народном доме, состоялся многолюдный митинг союза «профессиональных союзов г. Берна и его окрестностей» и бернской социал-

---

[1] На Лондонской конференции, созванной английской независимой рабочей партией (по инициативе Вандервельде), участвовали лишь представители социалистических партий стран Антанты. Задумана она была с целью демонстрации единодушной поддержки войны этими социалистическими партиями. Поэтому французы категорически воспротивились приглашению представителей Германии и Австрии, угрожая отказом от участия в конференции.

Представитель ЦК РСДРП М. М. Литвинов (Максимович) официального приглашения на конференцию не получил. Выступив на конференции, по поручению Ленина, с декларацией от имени ЦК и лишенный слова, он в знак протеста покинул зал заседания. (Декларацию ЦК см. В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 122—123). «Литвинов потребовал выхода социалистов (Вандервельде, Самба, Гэд) из буржуазных правительств Бельгии и Франции и полного разрыва с империалистами, отказа от сотрудничества с ними. Он требовал от всех социалистов решительной борьбы против своих империалистических правительств и осуждения голосования за военные кредиты. Но голос Литвинова на этой конференции прозвучал одиноко». («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 159—160).

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, л. 143.

демократической партии по делу арестованных в Петрограде социал-демократических депутатов государственной думы[1].

Ораторами на митинге выступали: член швейцарского парламента — Гримм, француз Грабер, член центрального управления итальянской социал-демократической партии — Моргари и Ленин...[2].

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 15 марта 1915 г., № 344[3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, в Берне, с 20 февраля по 3 сего марта по нов. ст. происходила конференция заграничных секций Российской социал-демократической рабочей партии Ленинского толка...[4].

Согласно... докладам настроение рабочих масс в России далеко от шовинизма и чрезвычайно благоприятно для революционной деятельности и в особенности склонно к восприятию ленинской пропаганды, которая, как известно, является крайне левого направления.

Из докладов выяснилось, что среди рабочих наблюдается стремление к ультра-революционной литературе и к революционным лозунгам. В центре России, а также и в Петрограде организации сохранили свою жизненность, но ощущается недостаток в активных руководителях.

2) Задачи агитации.— На основании доклада Ленина[5] было принято поставить исходным пунктом всей революционной агитации и деятельности — поражение войск своей страны, т. е. русские социалисты должны принимать все меры к тому, чтобы Россия вышла из этой войны побежденной[6]; к этому же должны стремиться немецкие

[1] Речь идет об арестованных на состоявшейся 4 ноября 1914 г. в Петербурге конференции большевиков, членах думской с.-д. фракции большевиков (Г. Петровский, А. Бадаев, М. Муранов, Ф. Самойлов, Н. Шагов). Дело слушалось в особом присутствии Петроградской судебной палаты 23/10 февраля 1915 г. Все пять депутатов приговорены были к ссылке на поселение в Сибирь. Документы об аресте конференции см. в «Красном Архиве», т. 64, стр. 31—51.

[2] В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. 1938 г., указания на это выступление не имеется.

[3] ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, л. 9.

[4] Конференция заграничных секций большевиков продолжалась с 27 февраля по 4 марта н. ст. 1915 г. Резолюции конференции см. в «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов», ч. I, стр. 249—255, Партиздат, 1932 г. Впервые резолюция конференции о войне опубликована в № 40 «Социал-Демократа» от 29 марта 1915 г. Протокол конференции опубликован в «Пролетарской революции», 1925 г., № 5 (40), стр. 174—175.

На конференции присутствовали официальные делегаты от заграничных большевистских групп — секций: цюрихской, бернской, лозанской, женевской, парижской и боржийской группы. Из-за препятствий, вызванных войной, не мог приехать, избранный от лондонской большевистской секции делегат М. М. Литвинов. Присутствовали на конференции В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Инесса Арманд.

[5] В. И. Ленин делал доклад по основному вопросу порядка дня конференции «Война и задачи партии», резолюции по которому — см. В. И. Ленин, Соч. т. XVIII, стр. 124—128.

[6] В резолюции конференции, принятой по докладу Ленина, пункт: «поражение царской монархии» аргументируется следующим образом:

«В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом» (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 128).

социалисты по отношению к Германии; французские — по отношению к Франции и т. д.

3) Вопрос о литературе разрешен в том смысле, что для удовлетворения духовных нужд русских социал-демократов необходимо издавать заграницей популярный орган, который должен выходить по возможности чаще и который через Норвегию должен направляться контрабандным путем в Россию, подобно тому, как отправляется в данное время 200 экземпляров «Социал-демократа». Помимо этого органа признано необходимым, в целях антивоенной пропаганды, издавать отдельные брошюры с тенденциозным изложением событий настоящей войны, с толкованием их с социалистической точки зрения, принять меры к постановке издания нелегального органа в России, чему в последнее время препятствовал только недостаток в литературных силах...

Попутно с вопросом о транспорте был поднят вопрос об объединении всех крайних левых элементов социалистических партий разных стран. Выяснено, что крайне левая часть германской социал-демократии, руководимая Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, сильно растет в самой Германии, рассчитывает на организацию в Германии мятежа и связана с Лениным и его партией. В силу этого имеется в виду использовать эту связь для распространения Ленинской литературы среди русских пленных солдат в Германии и среди действующей армии.

4) По вопросу о деятельности заграничных секций выражено пожелание об объединении всех наиболее революционных элементов русских социалистов, проживающих заграницей. Сбор средств и распространение той же литературы. В этом отношении отмечено значение Парижа, в котором распространяется от 600 до 700 экз. «Социал-демократа». Установлено, что многие последователи других социал-демократических течений стали переходить в ряды ленинцев.

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 9 сентября 1915 г., № 1100 [1]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, в связи с последними событиями в России, среди русской политической эмиграции в Швейцарии «пораженческое» влияние усиливается. «Пораженцы доказывают..., что наименьшим злом является поражение России» (слова Ленина), ибо оно несет с собой ослабление российского государственного режима, дискредитирует российский государственный строй и стоящих во главе этого строя и усиливает влияние и значение общественных элементов [2]. Все это способствует «сознанию» народных масс и революционной деятельности...

За заведующего заграничной агентурой Мельников.

---

[1] ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 1, лл. 158—159.

[2] В манифесте ЦК РСДРП по вопросу о «поражении царской монархии» говорится: «При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии». (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 65).

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 12 октября 1915 г., № 1173 [1]

В дополнение к донесениям от 5/18 сентября, 18 сентября/1 октября и 22 сентября/4 октября сего года за №№ 1088, 1142, и 1150 [2], имею честь доложить вашему превосходительству, что, по дополнительно полученным от агентуры сведениям, в течение времени с 5 по 8 сентября с. г. по нов. ст. в Циммервальде (Швейцария) близ Берна, состоялась Конференция интернационалистов социалистических партий.

Конференция единогласно решила выпустить манифест (воззвание) ко всему пролетариату мира с призывом к активному выступлению в пользу мира.

Манифест и сведения о ходе Конференции напечатаны в № 15 при сем представляемой газеты «Жизнь» [3].

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 20 октября 1915 г., № 1203 [4]

В дополнение к донесению от 29 сентября/12 октября с. г. за № 1173, имею честь доложить вашему превосходительству, что Интернациональная социалистическая конференция состоялась с 9 по 12 сентября с. г. в Циммервальде (близ Берна).

В официальном извещении о конференции говорится, что она состоялась с 5 по 8 сентября, но это сделано по конспиративным соображениям. Эта конференция была созвана по инициативе редактора швейцарской социал-демократической газеты «Berner Tagwacht» Роберта Гримма (он же член швейцарского федерального совета), при содействии итальянской социалистической партии. Конференция была созвана конспиративно для того, чтобы делегаты могли незамеченными выехать, особенно из воюющих стран. Приглашения рассылались не по почте, а специально командированным для этого лицом...

Созванная конференция имела целью восстановление прерванных войною связей между социал-демократическими партиями воюющих стран, возобновление во всех странах классовой борьбы пролетариата и объединенное активное выступление интернационального пролета-

---

[1] ДП, о. о., 1915 г., д. № 28, т. 2, л. 188.

[2] Из указанных донесений первое кратко информирует о предполагаемой конференции, а второе и третье сообщают о постановлениях конференции, состоявшейся в Циммервальде (ДП, о. о., 1915 г., д. № 343, отд. 3, продолжение, лл. 201, 217, 231).

[3] «Жизнь» — газета «интернационалистского» крыла партии с.-р., выходившая с 21 марта 1915 г. по 1916 г. в Париже и Женеве.

Манифест был опубликован также и в № 45—46 «Социал-демократа» от 28 сентября/11 октября 1915 г. (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 413—415).

Ленинский проект манифеста большинством конференции был отвергнут. Конференция приняла манифест, внесенный этим большинством. Он затушевывал революционные задачи международного пролетариата и обходил молчанием изменническое поведение ряда с.-д. партий во время войны. Ленин и др. левые, оставляя за собой право защищать последовательно-интернационалистические позиции, голосовали все же за этот манифест, т. к. он содержал «призыв к борьбе» (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 419).

Документы о Циммервальдской конференции см. XIV Ленинский сборник, стр. 153—196 и В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 415—420.

«Ленин называл эту конференцию «первым шагом» в развитии интернационального движения против войны. Ленин образовал на этой конференции Циммервальдскую левую группу. Но в этой Циммервальдской левой единственно правильную, доконца последовательную позицию против войны занимала лишь партия большевиков во главе с Лениным» («История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 160).

[4] ДП, о. о., 1915 г., д. № 28, т. 2, лл. 207—211.

риата против продолжения войны и за заключение немедленного мира...[1]

Все дальнейшие попытки созвать общую социалистическую конференцию не имели успеха и состоялась таковая в текущем сентябре, благодаря стараниям в этом направлении итальянского социалиста Моргари и Ленина, которые совещались по делу созыва общей конференции с разными социалистическими партиями.

Предварительно созыва конференции было еще предварительное совещание с участием Моргари, Ленина и Гримма, на коем были выработаны основы, на которых конференция может быть созвана[2].

Совещание пришло к заключению, что намеченная конференция не должна касаться вопросов об основании нового Интернационала; задачи ее должны заключаться в выработке плана общего и совместного выступления всемирного пролетариата в пользу мира, а также и в создании руководящего центра для будущих выступлений; потому на конференцию могут быть приглашены делегаты от всех организаций, которые согласны теперь же выступить против продолжения войны, несмотря на принципиальные различия в социалистическом мировоззрении их. Таким образом Интернациональная социалистическая конференция состоялась, как указано выше, в Циммервальде с 9 по 12 минувшего сентября...

Делегаты воюющих стран сделали доклады о партийных делах и о рабочем движении во время войны. Они говорили о тех событиях, которые привели к разрыву связей между отдельными социал-демократическими партиями и высказали мнение, что империалистическая война не может служить классовой борьбе рабочих. Борьба за мир может увенчаться успехом лишь в том случае, если выступление пролетариата будет поставлено на интернациональном базисе. Только в совместном выступлении пролетариата воюющих стран, поддержанном социалистами нейтральных стран, может выразиться непоколебимая воля рабочего класса и лишь таким способом могут быть охранены интересы последнего.

При обсуждении поставленного в порядок дня вопроса о выступлении пролетариата против войны, оказалось, что по этому вопросу взгляды делегатов разошлись. Одна часть, с Лениным во главе, настаивала не ограничиваться выпуском манифеста, в котором была бы оттенена необходимость немедленной борьбы за прекращение войны, но вместе с лозунгом борьбы за мир выставить еще призыв к гражданской войне. Борьба за мир, по мнению тех же делегатов, должна иметь вполне революционный характер и способы. В пределах капиталистического общества империалистические стремления не могут быть уничтожены и, вследствие этого, борьба за мир должна стать и борьбой против всего капиталистического строя.

Другая часть делегатов указывала на то, что предлагаемое выше расширение борьбы идет за пределы компетенции и целей настоящей конференции, ибо это означало бы в некоторой степени пересмотр тактических вопросов некоторых, на конференции представленных, партий и кроме того таковое решение шло бы за пределы полномочий делегатов. Несмотря на необходимость коренного пересмотра интернациональной социалистической тактики, вопрос этот не подле-

---

[1] Опускается часть доклада, в которой приводится путаное сообщение о Луганской итальяно-швейцарской конференции и о Копенгагенской конференции).

[2] Предварительная конференция состоялась в середине июня 1915 г. в Берне. На конференции присутствовали представители итальянских и швейцарских социалистов, представитель ЦК РСДРП и ОК меньшевиков (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 441).

жит обсуждению конференции. Ни в коем случае не должно быть вызвано мнение о том, что конференция эта имеет раскольнические тенденции и что она ставит себе будто бы целью основание нового Интернационала; принятием же предложенных способов борьбы подозрение это неизбежно было бы вызвано. Конференция не может стать орудием какого-нибудь направления, но она должна привести к интернациональному выступлению за мир, в котором могут участвовать все элементы, стоящие на почве классовой борьбы, несмотря на некоторые принципиальные разногласия между ними. Не разъединяющее, а объединяющее должно быть подчеркнуто конференцией, и самым важным в данном случае является выпуск манифеста с призывом к борьбе за мир и в то же время к классовой борьбе европейского пролетариата.

После приведенных прений, участники конференции приняли последнее предложение. Были предложены три проекта манифеста, которые и были переданы в особую комиссию для голосования и редакционного пересмотра.

Принятый, в окончательной редакции, манифест конференции был напечатан в № 15 издающейся в Женеве революционной газеты «Жизнь»...

Кроме издания настоящего манифеста, конференция, в целях организации будущих совместных выступлений и согласования таковых, пришла к заключению о необходимости создания временного руководящего центра, для чего была избрана интернациональная комиссия...[1]

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 17 мая 1916 г., № 469[2]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, в январе сего года в Берне состоялось собрание нескольких лидеров Российской социал-демократической рабочей партии, на котором, по инициативе Ленина, предложено было пересмотреть аграрную программу партии, принятую на Стокгольмском съезде названной партии в 1906 году.

Об этом собрании в настоящее время получены следующие сведения:

Необходимость пересмотра аграрной программы Ленин на собрании обосновывал тем, что аграрные отношения в России с 1906 г. сильно изменились, главным образом, вследствие аграрных реформ правительства, почему существующая аграрная программа партии устарела и не соответствует уже существующему в данное время в России порядку. Кроме того, выработанная Стокгольмским съездом, аграрная программа была принята незначительным большинством голосов (за — 61, против — 46).

По словам Ленина, аграрный вопрос в России за последние 10 лет подвергся коренному изменению. Отмена правительством общинного пользования землею создала мелкое самостоятельное крестьянство. Значительная часть таких мелких собственников, за недостатком необходимых для обработки земли средств, разоряется, пролетаризируется и становится опять революционной. Но с другой стороны, из

---

[1] Международная социалистическая комиссия; председатель ее был Р. Гримм, видный деятель швейцарского соц.-дем. движения, один из организаторов Циммервальдской конференции (см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 503).

[2] ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 1, лл. 27—28.

числа более обеспеченных мелких хозяев все более и более создаются средние и крупные хозяйства, земледелие капитализируется, создается реакционное, лойяльное старому режиму крестьянство. Концентрация капиталов и владений в деревне подвигается вперед гигантскими шагами.

По мнению Ленина, аграрный вопрос в России разрешен хотя и разумно, но на время и только вполовину. Аграрной реформою правительства затронуты были лишь общинные владения, частные же владения помещиков, казенные, кабинетские, монастырские и церковные земли остались неприкосновенными. И это есть самое больное место в аграрной реформе правительства и на это должны обратить свое внимание социал-демократы. Хотя правительство создало своей реформой незначительную часть реакционного, враждебного революции крестьянства, но вместе с тем, полумерами создало значительно большее число недовольных пролетариев, которые теперь принуждены продавать свой труд более зажиточным крестьянам или же уходить в город и увеличивать армию промышленного пролетариата. Если бы правительство пошло бы в своих реформах дальше, т. е. прибегло бы к отчуждению крупных частновладельческих земель, а равно казенных, удельных, кабинетских, монастырских и т. д., то оно на долгое время создало бы обширный слой зажиточного крестьянства, который всегда является антиреволюционным и надежной опорой существующего политического и экономического строя. Такая мера правительства не задержала бы рост революции навсегда, но все-таки значительно замедлила бы развитие революционного движения. Опыт последних лет, вызванный аграрной реформой правительства, наглядно показывает теперь как ошибались те социал-демократы, которые на Стокгольмском съезде отстаивали раздел конфискованных земель. Разделом конфискованных земель создалось бы положение подобное достигнутому теперь аграрной реформой правительства, но оно проявилось бы в более обширных размерах. По ложному пути пошли и те товарищи, которые на съезде голосовали за муниципализацию конфискованных земель, ибо при реализации правительственной аграрной реформы, оказалось, что, за немногими исключениями, форма общинной собственности вовсе не была так близка сердцу русского крестьянина, как это ошибочно раньше предполагалось. Муниципализация по своей форме очень похожа на бывшую общину [1].

Далее Ленин высказался, что дальнейшее развитие аграрного вопроса в России принудит Российскую социал-демократическую рабочую партию пойти по его, Ленинскому пути, заставит партию включить в свою программу конфискацию крупных частновладельческих, казенных, кабинетских, монастырских и церковных земель и национализацию последних.

На вышеприведенных основаниях Ленин и доказывал необходимость пересмотра аграрной программы...

В результате прений по этому поводу было решено вопрос о пересмотре аграрной программы Российской социал-демократической рабочей партии оставить открытым впредь до созыва съезда партии.

Статский советник Красильников.

---

[1] Передача заграничной агентурой доклада Ленина очень путаная. Повидимому Ленин критиковал муниципализацию земли, противопоставляя ей большевистскую аграрную программу. В книге «Даты жизни и деятельности Ленина», изд. 1933 г. указаний на данный доклад нет.

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 16 февраля 1916 г., № 121 [1].

Вследствие предписания от 30 октября м. г. за № 174687, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по заявлению агентуры, бывший студент Петроградского университета Георгий Аркадьевич Куклин и Г. А. Куклин автор брошюры под заглавием «Итоги революционного движения в России за сорок лет 1862—1902 гг.» — разные лица [2].

Первый из них агентуре неизвестен, второй же умер года три тому назад, имея от роду свыше пятидесяти лет. Этот последний был старым политическим эмигрантом; в начале 900-х годов сблизился с Лениным и стал его горячим сторонником, поддерживая его материально, и одновременно с этим состоял членом большевистской группы в Женеве. Будучи весьма состоятельным, он устроил библиотеку, занялся сбором, изданием и субсидированием революционных изданий, журналов и брошюр и между прочим издавал упомянутую в предписании за № 174687 брошюру.

Куклин, по завещанию, оставил свою библиотеку и архив Женевской группе большевиков в лице Ленина; душеприказчиком сделал некоего Карпинского, большевика Женевской группы, известного под кличкой «Минин». Куклиным были также оставлены большие средства на поддержание устроенной им библиотеки, которая помещается по rue Hugo Senger в Женеве [3], каковой адрес является и по настоящее время адресом Ленина.

Статский советник Красильников.

Агентурная записка Пермского губернского жандармского управления по РСДРП, 24 февраля 1916 г. № 5 [4]

В Петрограде организовалось Бюро ЦК РСДРП — большевиков — сторонников Ленина [5]. Бюро ставит задачей создание связей со всеми областями России. В каждой области Бюро назначает своего уполномоченного из местных партийных работников, которые будут играть роль посредников между Бюро и местными организациями. Уполномоченные иногда приезжают в Петроград и принимают участие в заседаниях Бюро с правом решающего голоса.

В распоряжении Бюро имеется партийная заграничная литература, полученная в Петрограде из Швеции, а именно: очередные номера «Социал-демократа» и «Коммуниста» (сборник статей Ленина и других) [6].

Начальник Пермского губернского жандармского управления
генерал-майор Молчанов.

---

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 336, л. 32.

[2] Красильников ошибается, указывая на второго Г. А. Куклина. Известен один Георгий Аркадьевич Куклин, с.-д., эмигрант, издатель с.-д. литературы. С 1901 г. член с.-д. группы «Жизнь»; с 1905 г. он примкнул к большевикам (XIII Ленинский сборн., стр. 289).

[3] «Русская библиотека», собранная с.-д. Г. А. Куклиным, функционировала в Женеве с 1902 г. вплоть до 1917 г. как общедоступная. К большевикам она перешла после смерти Куклина 13 мая 1907 года.

[4] ДП, о. о., 1916 г., № 5, ч. 56, лит. Б., л. 16.

[5] Бюро ЦК 1-го созыва было создано в период с осени 1915 г. по февраль 1916 г. В Бюро 2-го созыва в конце 1916 г. входил В. М. Молотов.

[6] «Коммунист» издавался редакцией Ц. О. «Социал-демократ»; вышел всего один (двойной) номер в октябре 1915 г., в нем были следующие статьи В. И. Ленина: «Крах II интернационала», «Честный голос французского социалиста», «Социализм и империализм в Италии».

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 7 марта 1916 г., № 122 [1].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, учрежденная Циммервальдской конференцией Интернациональная социалистическая комиссия в Берне созвала совещание представителей примыкающих к ней социал-демократических партийных групп разных стран.

Совещание состоялось в Берне 5—8 сего февраля в помещении Народного дома.

Присутствовали делегаты из Австрии, Германии, Франции, Италии, Голландии, Португалии, Швейцарии, Румынии и России. Среди последних были: Ленин...[2].

Главным предметом обсуждения совещания был вопрос о предпринимаемых со стороны социалистов мерах для прекращения войны.

Почти все участники совещания высказались, что выпущенный Циммервальдской конференцией манифест не оказал на рабочих воюющих стран того влияния, каковое ожидалось и ничуть не повлиял на дальнейший ход событий. Все объясняют это явление тем обстоятельством, что официальные социал-демократические партии некоторых воюющих стран отказались примкнуть к Циммервальдскому манифесту. За исключением Ленина, который заявил, что ничего общего с официальными социал-патриотическими партиями иметь не желает, все участники совещания высказались за необходимость привлечения на свою сторону официальных социал-демократических партий воюющих стран, но дальнейшие по сему поводу выступления ораторов показали, что означенное намерение не может иметь в настоящее время успеха и потому постановлено было созвать новую Интернациональную социалистическую конференцию, пригласив к участию в таковой представителей всех социал-демократических партий, независимо от занимаемого ими в отношении войны положения.

Созыв означенной конференции намечен в средине апреля в Гааге...[3]

Порядок дня будущей Интернациональной социалистической конференции намечен следующий:

1) выступление пролетариата против войны,

2) вопрос о возобновлении состава и заседаний Интернационального социалистического бюро,

3) отношение пролетариата к условиям будущего мира,

4) пересмотр программы социал-демократов по отношению к вопросу о защите отечества и др. [4].

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 28, т. 2, л. 32.

[2] Речь идет о расширенном совещании Интернациональной социалистической комиссии, состоявшейся в Берне 5—8 февраля 1916 г., на котором присутствовали делегаты от всех стран, указанных в донесении. Состав его равнялся приблизительно половине Циммервальдской конференции. Большевики добивались превращения этого совещания в конференцию, имеющую решающий характер, с тем, чтобы заставить Интернациональную социалистическую комиссию резче противопоставить себя Международному социалистическому бюро в Гааге (См. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, прим. 102, стр. 470).

[3] На совещании постановлено было созвать конференцию в одном из городов Голландии, чтобы законспирировать от полиции место будущей конференции — Кинталь (XI Ленинский сборник, стр. 210).

[4] Кроме решения созвать 2-ую Международную социалистическую конференцию и разработки для нее порядка дня, совещание выпустило обращение «Ко всем партиям и группам», в котором совещание между прочим высказывалось: 1) против голосования за военные кредиты, хотя-бы и при наличии тяжелого «стратегического положения» на фронте и 2) против восстановления интернационала путем «амнистии» изменивших вождей (XI Ленинский сборник, стр. 210).

После окончания работ совещания 8 февраля состоялся в Берне интернациональный

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 22 марта 1916 г., № 301 [1].

В дополнение к донесению от 12/25 сего марта за № 260, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 17 февраля с. г. в Цюрихе в помещении социал-демократического клуба прочел реферат Ленин на тему «Война и два Интернационала»...[2]

На этом реферате Ленина было собрано 35 фр. на выпуск следующего номера «Социал-демократа».

Присутствовало около 300 человек.

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 25 марта 1916 г., № 260 [3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 1 марта с. г. по нов. ст. в Женеве состоялся реферат Ленина на тему: «Условия мира и национальный вопрос» [4].

На этом реферате присутствовало более 200 человек.

Председательствовала заведывающая Куклинской библиотекой в Женеве (доклад от 3/16 февраля с. г. за № 121), которая еще до начала реферата, обратилась к присутствовавшим с речью, в коей призывала к материальной поддержке газеты «Социал-демократ».

Этот орган,— пояснила она,— в настоящее время и при данных условиях, когда идейные противники так усиленно работают в России, особенно нуждается в широком распространении его там. Затруднительность же транспорта названного органа в России требует значительных затрат, потому она обращается к присутствующим за пожертвованиями.

Собрано было несколько франков.

Статский советник Красильников.

Из общего очерка департамента полиции по истории революционного движения, 5 апреля 1916 г. [5]

1) Состояние (РСДРП) партии во время войны.

Видный социал-демократ, лидер большевиков Ленин считает себя истинным «марксистом», т. е. последователем такого учения, которое отвергает оппортунизм, или приспособление к обстоятельствам и провозглашает лозунг: «превращение настоящей завоевательной войны в войну гражданскую, а затруднения своих правительств (в частности России), надо использовать для низвержения своих правительств»...

митинг, на котором произнес речь В. И. Ленин. Она была напечатана в № 33 «Berner Tagwacht» (орган швейцарской соц.-дем. партии) от 9 февраля 1916 г. (см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 16—20). Краткое сообщение о митинге и перевод речи из вышеуказанной газеты в деле ДП, о. о., 1916 г., № 28, т. 2, лл. 41—44

[1] ДП, о. о., 1916 г., № 343, отд. 3, л. 53—54.

[2] Этот реферат под названием «Два течения в международном рабочем движении» Ленин повторил в Женеве 2 июня 1916 г. («Даты жизни и деятельности Ленина», изд. 1933 г., стр. 180). Он собирался прочесть его в Лозанне, но повидимому, это намерение не было осуществлено. (В. И. Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 224 — Письмо Ленина Карпинскому). Изложение реферата Ленина опускается.

[3] ДП, о. о., 1916 г., д. № 343, отд. 3, лл. 19—21.

[4] Изложение содержания реферата опускается. План — конспект этого реферата и материалы к нему опубликованы в XVII Ленинском сборнике, стр. 236—318.

[5] ДП, о. о., «Обзоры», инвентарный № 9334.

Таким образом сторонники Ленина желают поражения России, образовав течение в среде Российской социал-демократической рабочей партии под названием «пораженцев».

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 4 мая 1916 г., № 399.[1]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 5 сего апреля в Цюрихе, в помещении русской читальни, Ленин сделал краткий доклад на тему «О ближайших задачах социал-демократии в России»[2].

На этот доклад были допущены лишь приверженцы интернационалистического течения: большевики, польские социал-демократы и некоторые члены социал-демократии Латышского края...

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 24 мая 1916 г., № 489[3]

В дополнение к телеграмме от 28 апреля/11 мая с. г. за № 112, имею честь доложить вашему превосходительству поступившие от агентуры сведения, относительно Второй Интернациональной социалистической конференции, состоявшейся с 24 по 30 апреля сего года[4].

Причины созыва конференции следующие:

1. На практике оказалось, что созыв заседаний расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне встречает те же полицейские препятствия, что и созыв конференции.

2. Заседания расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне не могли справиться с выдвинутыми жизнью текущими политическими вопросами и не имели в рабочих массах должного авторитета.

3. Все более и более возрастающее оппозиционное настроение в социалистических партиях всех стран требовало созыва более обширной конференции интернационалистов для более успешной объединенной борьбы против войны.

Вследствие этих соображений совещанием расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне в феврале сего года и было решено созвать вторую Интернациональную социалистическую конференцию.

Первоначально было установлено созвать эту конференцию в Гааге, но, вследствие трудности поездки в Голландию делегатов, намерение это и было оставлено, и конференция состоялась в Швейцарии.

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, л. 42.

[2] В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. 1933 г. нет указаний на этот факт.

[3] ДП, о. о., 1916 г., д. № 28, т. 2, лл. 80—89.

[4] Речь идет о Кинтальской конференции. Из 43 участников конференции 12 примыкало к Циммервальдской левой, правое ее большинство было неустойчивым, часть его в отдельных случаях голосовала за предложения левых. Центристское большинство вынуждено было осудить «утопические требования буржуазного и социалистического пацифизма» и подвергнуть резкой критике действия Международного социалистического бюро как «неспособного защитить и применить во время войны принципы Интернационала».

«Но и Кинтальская конференция не приняла основных положений политики большевиков: превращение империалистической войны в войну гражданскую, поражение в войне своих империалистических правительств, организация III Интернационала. Тем не менее Кинтальская конференция способствовала выделению интернационалистических элементов, из которых впоследствии образовался Коммунистический III Интернационал» («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 160).

На конференцию прибыло 40 делегатов, т. е. значительно меньше, чем ожидалось; это объясняется тем, что целый ряд делегатов прибыть не мог по независящим от них причинам.

Присутствовали следующие делегаты:

1. От русских революционных партий:

а) Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии был представлен Лениным;

б) от Организационного комитета — Юлий Осипов Цедербаум («Мартов»); Петр Борисов Аксельрод [1]...

При открытии конференции Ленин сделал заявление, что мандаты Организационного комитета не могут быть признаны действительными, так как меньшевики, с Организационным комитетом во главе, в России примыкают к социал-патриотическому течению...

Значительную часть своих заседаний конференция посвятила ознакомлению с докладами о ходе революционного движения на местах. Из этих докладов видно, что самое обширное оппозиционное настроение развивается более всего в Германии. В виду полицейских условий и социал-патриотического направления в партийных центрах, оппозиция там прибегла к подпольной деятельности; демонстрации, выпуск воззвания и т. п. организовываются в подполье. Делегаты оппозиции заявили на конференции, что большинство организованных германских рабочих принадлежит к оппозиции, но не решаются еще нарушить партийную дисциплину и отойти от партийных центров.

Во Франции оппозиционное движение развито также довольно широко, но движение это отличается от германского тем, что делегаты французской оппозиции ставят свою будущую тактику в зависимость от военных действий французской армии.

В Италии вся социал-демократическая партия все время выступает в парламенте против войны. Итальянские делегаты заявили, что усталость от войны замечается уже не только среди итальянских рабочих, но и среди среднего сословия, и эти последние начинают уже идти за социалистами.

Отчет о революционном настроении в России содержал в себе лишь выдержки из сведений, помещаемых в последних №№ «Социал-демократа» и «Известий».

Интернациональная социалистическая комиссия в Берне в отчете о своей деятельности поместила все же сведения о ее деятельности, которые напечатаны в вышедших №№ «Бюллетеня Интернациональной социалистической комиссии в Берне»...

Левая оппозиция, с Лениным во главе, предложила конференции самые крайние способы борьбы с делом продолжения настоящей войны: всеобщую забастовку, саботаж, вооруженное восстание [2].

Германские делегаты и русские меньшевики возражали против применения в настоящее время столь острых способов борьбы. В результате конференцией было принято предложение левых только о всеобщей забастовке, но условно, т. е. если организации на местах

---

[1] Организационный комитет РСДРП возник, как руководящий орган августовского блока. Мартов и Аксельрод, как представители заграничного секретариата О. К., участвовали в Циммервальдской и Кинтальской конференциях, примыкая к правым циммервальдцам.

[2] Проект резолюции по вопросу об отношении с.-д. к вопросу о мире, внесенный циммервальдской левой, см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 436—437.

выскажутся за всеобщую забастовку, то решение это тогда только станет окончательным [1]...

Далее агентура заявляет, что хотя на Вторую Интернациональную конференцию официально были приглашены также и представители социал-патриотического течения, но таковые в конференции участия не приняли, так как она была созвана Интернациональной социалистической комиссией в Берне, которая не признана оборонцами.

Вследствие этого на 27 июня сего года в Голландии созывается Интернациональным социалистическим бюро новая интернациональная конференция, на каковой будут представлены решительно все течения; существует, однако, предположение, что в этой конференции «пораженцы» участия не примут.

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору Департамента полиции, 22 июня 1916 г., № 605 [2]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 2 сего июня в Женеве известный социал-демократ Владимир Ильич Ульянов («Ленин») прочел реферат на тему: «Два течения в международном рабочем движении» [3].

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже департаменту полиции, 29 июля 1916 г., № 736 [4]

По сведениям агентуры «Инесса» — Елизавета Арманд действительно прибыла из России в Берн, в средних числах декабря месяца по нов. ст. минувшего года и немедленно вступила в связь с известным социал-демократом Владимиром Ильиным Ульяновым (Ленин) и приняла деятельное участие в работе последнего по вопросу восстановления и организации III Интернационала.

Названная Арманд — Инесса является весьма крупной популярной и деятельной величиной в интернациональной социалистической среде и считается в русской революционной среде правой рукой Ленина.

Приблизительно в первых числах марта месяца по нов. ст. сего года Арманд — Инесса, по поручению Ленина, как владеющая в совершенстве французским языком, прибыла в Париж, где работала и подготовляла почву во французской социалистической среде по вопросу III Интернационала. Как известно, французские социалисты расходятся с Лениным во взглядах на войну и этот вопрос является единственным, который разъединяет французов с Лениным и мешает ему в достижении цели к объединению и восстановлению Интернационала. На Арманд — Инессу была возложена задача Лениным достичь соглашения по этому вопросу. Увенчались ли успехом труды Арманд — Инессы, неизвестно, но во всяком случае пребывание ее в Париже дало некоторые результаты. По заявлению агентуры, подготовленная ею почва дает повод надеяться, что присоединение французских социалистов ко взглядам Ленина на войну совершится, по всей веро-

---

[1] Дальше приводятся обращения конференции «К разоряемым и умерщвляемым народам» и резолюции — «Об отношении к Международному социалистическому бюро в Гааге» и «Об отношении пролетариата к вопросу о мире», опубликованные в № 54—55 «Социал-демократа», 10 июня 1916 г. (см. В. И. Ленин, т. XIX, стр. 429—435).

Опускается также постановление «О всеобщей забастовке», якобы принятое конференцией, но не предназначавшееся для опубликования.

[2] ДП, о. о., 1916 г., д. № 343, отд. 3, л. 87.

[3] Содержание реферата опускается (см. документ и примечание 2-е на стр. 63).

[4] ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, л. 214.

ятности, после окончания войны; она добилась финансовой поддержки со стороны французских социалистов на издание Ленинской брошюры «Социализм и война» и перевода таковой на французский язык, и благодаря ее агитации приняли участие в Кинтальской интернациональной конференции три французских социалиста. Эти три факта указывают на начавшееся сближение французских социалистов с Лениным...

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 25 октября 1916 г., № 1098 [1]

В дополнение к донесению от 16/29 сентября 1916 г. за № 925 [2] о том, что в швейцарских партийных кругах распространился слух о состоявшейся, якобы, 3 Интернациональной социалистической конференции, в настоящее время получены следующие сведения:

3 Интернациональной социалистической конференции не было; к 14 сего сентября в Цюрихе было созвано конспиративное заседание Интернациональной социалистической комиссии в Берне в расширенном составе, с участием делегатов от социалистических партий Франции, Италии, Англии и Германии...

Из числа русских присутствовали: 1) Владимир Ильин Ульянов (Ленин) [3]...

Делегаты собрались в Цюрихе в помещении Народного дома 17 сентября, но ввиду отсутствия делегатов из Франции и Англии постановили совещание отложить на неопределенное время. Все же председателем Интернациональной социалистической комиссии Гриммом был сделан доклад о ходе работы оппозиции в разных странах и о тех вопросах, которые на состоявшемся расширенном заседании должны были быть рассмотрены, именно: о созыве Третьей Интернациональной социалистической конференции, подготовительная выработка резолюции этой конференции и проект манифеста; затем вопрос о революционном выступлении в пользу прекращения настоящей войны.

Затем Гримм доложил собравшимся, что согласно не подлежащей оглашению резолюции 2 Циммервальдской (Кинтальской) интернациональной социалистической конференции, поступали из многих стран ответы на запрос об организации всеобщей забастовки. Почти все оппозиционные организации, по словам докладчика, высказались за желательность проведения всеобщей забастовки в подходящий для этого момент, при этом многие организации выдвинули условие, дабы такая забастовка имела начало в Германии; германцы же предпочитают видеть начало забастовки в России и Франции. Гримм находит создавшееся, таким образом, положение затруднительным и признает, что объявление всеобщей забастовки во всех странах одновременно, вследствие условий военного времени, немыслимо.

Что касается ответов по данному вопросу со стороны русских революционных организаций, то почти все петроградские социал-демократические организации, часть московских и екатеринославских высказались за желательность проведения всеобщей забастовки; другая часть московских социал-демократических организаций высказалась против. Из целого ряда других городов никаких ответов не получено.

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 28, т. 2, лл. 202—203.

[2] Указанное донесение имеется в том же деле, л. 194.

[3] Указаний на заседание Интернациональной социалистической комиссии и участие на нем В. И. Ленина в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина», изд. 1933 г. нет.

Данным совещанием никаких решений принято не было, ввиду отсутствия некоторого числа делегатов.

Статский советник Красильников.

Из доклада заграничной агентуры в Париже директору департамента полиции, 4 декабря 1916 г., № 1169[1]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 4 и 5 ноября с. г. в Цюрихе происходил съезд швейцарской социал-демократической партии.

Присутствовало 344 делегата, в том числе от Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии Владимир Ильин Ульянов (Ленин)[2].

За заведующего заграничной агентурой Мельников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 7 января 1917 г., № 15[3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 27 минувшего декабря в Берне состоялась конференция Интернациональной социалистической комиссии, на которой присутствовали:

1. От германской социал-демократической партии (оппозиция): Гофман и Клара Цеткин...

5. Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии: Владимир Ильин Ульянов (Ленин)...[4].

Конференция была созвана по поводу предложения центральных держав о мирных переговорах.

Открыл конференцию председатель Интернационального социалистического комитета Гримм следующей речью:

«Теперь настал опять благоприятный момент для выступления Интернационального социалистического комитета в пользу мира, путем хотя бы выпуска манифеста или простого воззвания ко всем народам Европы[5]. Австро-германское предложение неискренно; оно вызвано истощением народа и средств и имеет лишь целью поднять национальный дух народов, вынужденных обороняться.

Тем не менее долгом интернациональной социал-демократии является использование создавшегося положения, и, с одной стороны, всячески поддерживать среди воюющих стран стремление к миру, с другой,— обличить истинный характер настоящей войны. Потом, если окажется возможным, и если воззвание вызовет в воюющих странах

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 1, л. 126.

[2] Приводимое далее изложение речей русских делегатов опускается. Речь В. И. Ленина — см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 277.

[3] ДП, о. о., 1917 г., д. № 28, т. 2, л. 1.

[4] В «Датах жизни и деятельности Ленина» нет указаний на присутствие и выступление В. И. Ленина на заседании конференции.

[5] Воззвание Интернациональной социалистической комиссии к рабочему классу (An die Arbeiterklasse) в декабре 1916 г. было напечатано в газетах: «Berner Tagwacht» и «Volksrecht» от 30 декабря 1916 г.

«В этом воззвании... говорится о предложениях мира со стороны Германии, а также Вильсона и других нейтральных стран, при чем все эти правительственные выступления называются — и, разумеется, вполне справедливо называются — «комедиантской игрой в мир», «игрой для одурачения собственных народов», «лицемерными пацифистскими жестикуляциями дипломатов».

Этой комедии и лжи противопоставляется, как «единственная сила», способная осуществить мир и пр., «твердая воля» международного пролетариата «обратить оружие борьбы не на своих братьев, а на врага в собственной стране». (В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 375, статья: «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», написанная 1 января 1917 г.).

открытое движение против продолжения войны, то Интернациональная социалистическая конференция сможет взять в свои руки руководство этим движением во всех странах».

В таком же приблизительно смысле высказались и прочие делегаты. Только Ульянов настаивал на необходимости немедленного использования, в целях организации восстания, социалистических оппозиционных организаций во всех странах. Остальные делегаты отнеслись к предложению Ульянова несочувственно, признавая настоящий момент еще для этого неблагоприятным.

Выработанное конференцией воззвание опубликовано в швейцарской прессе.

Вырезку из газеты «Berner Tagwacht» от 30 декабря 1916 г. за № 307, при сем имею честь представить.

За заведующего заграничной агентурой Мельников.

К 20-летию смерти Я. М. Свердлова

Двадцать лет прошло со дня смерти Якова Михайловича Свердлова — председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, одного из самых выдающихся организаторов широких пролетарских масс, которым по праву гордится наша коммунистическая партия.

Профессиональный революционер, пришедший через революционную подпольную работу к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, по выражению В. И. Ленина, Яков Михайлович Свердлов на протяжении двух десятков лет — с самой ранней юности до последнего дня своей жизни — отдавал всего себя без остатка неустанной борьбе за дело пролетарской революции.

«Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, пережив и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера»,— указывал В. И. Ленин в своей речи памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г.[1].

Я. М. Свердлову не было еще и 17 лет, когда он целиком посвятил свою жизнь делу пролетарской революции. Начав революционную деятельность в 1902 г. на своей родине в г. Нижнем-Новгороде, он был здесь первым организатором большевистской группы, вел огромную организационную, агитационную и пропагандистскую работу среди рабочих Сормовских заводов. В 1904 г. Я. М. Свердлов переходит на нелегальное положение и развивает кипучую деятельность по созданию целой сети организаций и комитетов партии в Поволжье. В 1905 г. Центральный Комитет партии посылает его в качестве уполномоченного на Урал, где Я. М. Свердлов, под именем Андрея, в короткое время завоевывает себе всеобщее признание и любовь в рабочих массах, объединяя вокруг Уральского большевистского бюро крупнейшие партийные организации Перми, Екатеринбурга, Уфы, создавая сеть заводских партийных организаций. В июне 1906 г. Я. М. Свердлов был арестован и пробыл в заключении 3 года. С этих пор его жизнь — непрерывная цепь напряженной подпольной работы, арестов, ссылок, побегов и новых арестов. Но несмотря на это, Я. М. Свердлов, совершив в 1912 г. побег из далекой сибирской ссылки вместе с т. Сталиным, также бежавшим из ссылки, проводит огромную работу по восстановлению большевистских организаций, постановке газеты «Правда», налаживанию работы большевистской фракции Государственной думы. Выданный полиции провокатором Малиновским в 1913 г., т. Свердлов снова попадает в ссылку в далекий Туруханский край, откуда его освобождает только Февральская революция 1917 г. Я. М. Свердлов возвращается на Урал, откуда делегируется на Апрельскую конференцию партии, на которой он избирается в ЦК. Он остается в Петрограде, руководит большевистской работой в фабзавкомах, в армии, подготовляет VI съезд партии, а в Октябрьские дни входит вместе с Сталиным и Дзержинским в избранный ЦК партии практический центр по организационному руководству вооруженным восстанием.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 80.

Непоколебимый большевик, Я. М. Свердлов решительно поддерживает борьбу Ленина и Сталина с капитулянтами и предателями Каменевым, Зиновьевым и компанией.

21 ноября 1917 г. Я. М. Свердлов избирается на пост председателя ВЦИК. На этом посту он с исключительной силой проявляет свой организационный талант. Твердо и решительно проводит он линию партии в отношении Учредительного собрания, возглавляет комиссию по выработке первой советской конституции, руководит 3, 4, 5 и 6 Всероссийскими съездами советов, происходившими в самые напряженные моменты революции: в дни Брестского мира, лево-эсеровского мятежа, начала вооруженной интервенции и гражданской войны. Одновременно он ведет огромную организационную партийную работу в качестве секретаря Центрального Комитета партии и использует всякий случай для проведения широкой агитационной работы с массами, выступая на бесчисленных митингах и собраниях. Уже больной, возвращаясь в марте 1919 г. с III съезда Советов Украины, он выступает в Орле на митинге железнодорожников по поводу образования Коммунистического Интернационала, пользуется каждой остановкой поезда, чтобы поговорить с местными партийными и советскими работниками. Сломленный болезнью, он в самые последние минуты жизни не перестает беспокоиться о подготовке предстоящего VIII съезда партии.

16 марта 1919 г. Якова Михайловича Свердлова не стало.

О блестящей революционной жизни и деятельности Я. М. Свердлова свидетельствуют многочисленные документы, частично уже опубликованные, частично еще ждущие опубликования.

Публикуемая ниже группа документов относится к различным периодам революционной деятельности Я. М. Свердлова, начиная с самого раннего периода его деятельности — Нижегородско-Сормовского — 1902—1903 гг., кончая первыми днями марта 1919 г.— последними днями его жизни, когда он весь поглощен строительством Советской власти не только в центре, но и на местах.

С особым волнением читается ряд телеграмм, посланных Я. М. Свердловым из Харькова, за десять дней до смерти, в Белгород, Курск, Орел, Тулу, во все те города, которые он должен будет проехать, возвращаясь в Москву с III Съезда Советов Украины.

В каждом из этих городов Яков Михайлович вызывает руководителей местных партийных и советских организаций, чтобы, используя стоянку поезда, проинструктировать их, побеседовать с ними, получить самому информацию и в то же время передать широким массам трудящихся, выступая на митинге, тут же на станции, свои лучшие мысли, свои пламенные надежды на победу пролетарского дела.

Велика, многообразна и необычайно плодотворна была деятельность Я. М. Свердлова. Тов. Сталин так характеризовал ее: «Период 1917—1918 гг. был периодом переломным для партии и государства. Партия в этот период впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть,— власть советов, власть рабочих и крестьян. Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и советами, обеспечив партии руководство, а советам их нормальное развитие,— такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией. В партии не найдется людей, которые решились бы отрицать, что Я. М. Свердлов был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России» [1].

---

[1] Журнал «Пролетарская Революция» № 11/34, 1924 г., стр. 108.

Из революционной деятельности Я. М. Свердлова

Из заключения прокурора Московской судебной палаты по делам группы лиц, арестованных в апреле 1903 г. в Н.-Новгороде, 20 сентября 1903 г. [1]

14 апреля полицией произведен был обыск в квартире мещанина Якова Свердлова; по обыску у него обнаружено 13 экземпляров воззвания Нижегородского комитета Российской социал-демократической рабочей партии под заглавием «Ростовская стачка», заключающего в себе резкую критику действий правительства и призывающего рабочих к противодействию его распоряжениям, путем стачек, демонстраций, насилия.

Кроме того, в квартире Свердлова оказались два воззвания, озаглавленные «Почему русскому рабочему нужна политическая свобода», один гектографированный экземпляр «Заявление бывшей Нижегородской социал-демократической организации» и два экземпляра воззвания вышеназванного Нижегородского комитета по поводу дела о сормовской и нижегородской политических демонстрациях в мае 1902 г., разбиравшегося Московской судебной палатой в городе Нижнем-Новгороде.

Все перечисленные издания, как видно из протокола осмотра их, носят характер преступно-революционный и имеют целью возбудить в рабочей среде недовольство современными условиями ее существования и сомнение в законности настоящего государственного порядка и неприкосновенности самодержавных прав верховной власти, рекомендуя идею насильственного их ниспровержения...

По соображении вышеизложенного я нахожу, что результатами произведенных по настоящему дознанию в апреле месяце 1903 г. обысков вполне устанавливается существование в Нижнем-Новгороде тайного преступного сообщества, задавшегося целью противоправительственной пропаганды, путем приготовления на гектографе и распространения преступных изданий, брошюр и воззваний, направленных к дерзостному порицанию установленного государственного порядка и оспариванию неприкосновенности прав верховной власти, а также и несомненная принадлежность к означенному сообществу обвиняемых... Свердлова...

А потому, и принимая во внимание: несовершеннолетие всех обвиняемых..., предварительное содержание под стражей обвиняемых, я полагаю: решить настоящее дознание в административном порядке и 1) Полоцкого мещанина Якова Мовшева Свердлова 18 лет... выслать под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию, сроком на **3 года...** [2].

Товарищ прокурора судебной палаты Е. Хлодовский

---

[1] М. Ю., вр. канц., 1903 г., д. 16613, лл. 24—29.

Документы хранятся в ЦАОР'е и в Центральном Архиве Революции; подготовлены к печати М. Сыромятниковой. Некоторые документы публикуются в извлечениях; опускаются те сообщения, которые связаны с другими лицами, и повторяющиеся сведения. Пропуски обозначены многоточием в тексте. Многоточие в подлиннике оговорено особо.

[2] Первый раз Я. М. Свердлов арестовывался по постановлению Нижегородского губернатора от 5 мая 1902 г. на 14 дней за участие 22 апреля 1902 г. в демонстрации-протесте против полицейского произвола на похоронах Рюрикова, бывшего студента Казанского университета, жившего в Нижнем-Новгороде под гласным надзором после семимесячного заключения в тюрьме за участие в с.-д. демонстрации в Казани.

14 апреля 1903 г. Я. М. Свердлов был арестован во второй раз, а 11 августа того же года освобожден из-под ареста и подчинен особому надзору полиции в Н.-Новгороде. 18 сентября 1903 г. он был снова арестован.

Письмо Я. М. Свердлова к С. П. Миронычевой, 4 мая 1904 г.[1]

Что вы распустились, это напрасно. Только, конечно, своими нравоучениями я ничего не поделаю, потому лучше их и не применять...[2].

Пусть будет это данью времени колебания, гнева, сомнений. Но грядущее обновление, неужели не способно уже и сейчас поднять лучшие элементы нашего времени до бодрости и веры? Идет же он настоящий день. Идет шумный, бурливый, сметающий по пути расслабленное, хилое и старое... Близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск и прозрачность на все и вся...[2].

Про Сормово и 1 и 2 мая ходили разные слухи. Были даже слухи об избиениях. Но более достоверное — это до 50 арестов и только. Все прошло спокойно. Даже наиболее важные цехи работали. Менее же важные цехи не работали по распоряжению администрации. Все из интеллигенции, кто приезжал в этот день в Сормово, говорят, арестованы.

Я. [Свердлов].

Из отношения начальника Пермского охранного отделения в Пермское губернское жандармское управление, 27 марта 1907 г., № 505[3]

В Перми в то время, после декабрьских арестов прошлого года[4], когда были задержаны главные руководители местных революционных организаций и, главным образом, «Пермского комитета Российской социал-демократической рабочей партии» и арестов 11 января[4], когда были изъяты, по признанию местной публики, остатки этого комитета, сюда явились, в двадцатых числах января, из Екатеринбурга, для постановки новой организации названного сообщества, в качестве организатора, некий «товарищ Андрей Михайлович»...

«Товарищ Андрей» или «Михайлович» — после объявления всемилостивейшего манифеста 17 октября минувшего года[5], руководил всеми происходившими в Екатеринбурге беспорядками и постоянно председательствовал и ораторствовал на всех происходивших там митингах революционного характера; во время ликвидации скрылся оттуда...

В Перми эти лица, в короткое относительно время, соорганизовали довольно серьезную организацию, воспользовавшись, как главными руководителями, лицами приезжими, скрывшимися из Казани, Самары, Уфы и Сормова и явившимися сюда в большинстве с нелегальными паспортами, поставив, несуществовавшие здесь ранее, военную и типографскую технику, и присоединили к комитету «боевую организацию».

Вся эта организация была обнаружена и ликвидирована, последовательно, в период с 18 марта по 10 июля, когда взяты были обе названные техники, а 11 июня были задержаны на улице и помянутые «Андрей» — с паспортом студента С.-Петербургского Лесного института Льва Сергеевича Герц, а по установке оказавшийся полоцким мещанином Яковом Мовшевым Свердловым[6].

---

[1] ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 22, л. 164. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Н.-Новгорода в Москву по адресу: «Софийская набережная, д. городского общежития учащихся женщин». С. П. Миронычева была слушательницей высших женских курсов; приехала в Москву из Н.-Новгорода 15 сентября 1903 г.

[2] Многоточие в подлиннике.

[3] ДП, о. о., 1907 г., д. № 8, ч. 42, лл. 63—70.

[4] 1906 г.

[5] Речь идет о 1905 г.

[6] 23 сентября 1907 г. выездная сессия Казанской судебной палаты приговорила Я. М. Свердлова к заключению в крепости на два года (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 78). Отбыв срок заключения в екатеринбургской тюрьме, 23 сентября 1909 г. Я. Свердлов уехал в качестве представителя ЦК в Москву.

В настоящее время эти лица... судебным следствием, произведенным членом Пермского окружного суда Дмитриевым, привлечены по обвинению их по ст. 126 ст. Уг. Улож. и дело это с обвинительным актом направлено в Казанскую судебную палату...

Из письма Московского окружного комитета РСДРП в Центральный комитет РСДРП, 19 декабря 1909 г., № 1 [1]

Исполнительная комиссия Московского окружного комитета доводит до сведения Центрального комитета партии, что производивший ревизию Московской окружной организации агент Центрального комитета тов. Андрей [Свердлов, Я. М.] нашел работу в удовлетворительном состоянии, о чем он и должен был сообщить Центральному комитету. Неизвестно, успел ли он сделать это, так как по сведениям Исполнительной комиссии он в настоящее время арестован [2].

Во всяком случае из рассмотрения прилагаемых при сем отчетов Центральный комитет убедится, что, несмотря на полный почти перерыв сношений с партийным центром и прекращение последним высылки денег, работа в Московской окружной организации не прерывалась. И лишь в самое последнее время, она, благодаря полному отсутствию средств и способов их добывания, рискует потерять свой планомерный характер. Находя такое явление недопустимым, Исполнительная комиссия предлагает Ц. Комитету возобновить высылку денег, необходимых для партийной работы, тем более, что тов. Андрей, заявив, что деньги не были ассигнованы Окружной организации, благодаря неверным сведениям о ее деятельности, полученным Ц. Комитетом, ручался, что после его ревизии деньги будут высылаться и, найдя необходимым притти на помощь Исполнительной комиссии в ее деятельности, выдал 33 р. из сумм Областного бюро, не дожидаясь ответа Ц. Комитета.

В виду того, что с арестом тов. Андрея правильность работы Областного бюро несомненно будет нарушена, [Исполнительная комиссия] предлагает Ц. Комитету выслать следуемую за два месяца сумму, непосредственно для Московской окружной организации через Банк. Кроме того Исполнительная комиссия предлагает Ц. Комитету своевременно доставлять в организацию центральный орган партии, который до настоящего времени не получался нами в сколько-нибудь достаточном количестве, хотя, как нам известно, и присылался в Москву. Получая до сего времени сведения о жизни партии неофициальным путем, Исполнительная комиссия принуждена была в своей деятельности руководствоваться только этими сведениями, не всегда, как выяснилось, достоверными. Исполнительная комиссия считает такой порядок крайне ненормальным, и поэтому обращается в Ц. К. с просьбой систематически осведомлять ее о деятельности учреждений партии.

С товарищеским приветом Исполнительная комиссия М. О. К. РСДРП.

Письмо это в виду смены секретаря посылается за новой нумера-

---

[1] ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 34, прод., лл. 256—257. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью: «за секретаря — Р. Фальк (В. И. Орлов), по адресу: Льеж, Леону Жулемонту.

[2] Я. М. Свердлов был арестован 13 декабря 1909 г. на собрании Исполнительной комиссия Московского Комитета РСДРП (ДП, о. о., 1909 г., № 5, ч. 34, л. 283). Постановлением министра внутренних дел от 11 марта 1910 г. Я. М. Свердлов был выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции, сроком на три года за принадлежность к Московской организации большевиков. (М.Г.Ж.У., 1910 г., д. № 13, т. 3, л. 922). 27 июля 1910 г Я. М. Свердлов бежал из ссылки (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 16) и в сентябре нелегально приехал в Петербург для работы по поручению ЦК партии по восстановлению партийной организации и постановке большевистской легальной печати (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 190).

цией. Предлагаем и вам нумеровать письма вновь с № 1. В непродолжительном времени в Ц. Комитет будут доставлены отчеты о состоянии отдельных районов Окружной организации.

Из доклада начальника Петербургского охранного отделения товарищу министра внутренних дел, 10 ноября 1910 г., № 15706 [1]

В дополнение представления от 10 сего ноября за № 15677, докладываю вашему превосходительству нижеследующее:

Настроение рабочих приподнятое.

Приехавший недавно в Петербург уполномоченный Ц. К. РСДРП, пока невыясненный «Андрей» (кличка «Махровый»), получил письмо от Ц. К., с указанием на необходимость начать агитацию за отмену смертной казни. Текст письма следующий: «Несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — «долой палачей». К демонстрациям не призывайте, но и не высказывайтесь против них. Транспорт с листком о Толстом высылаем». Письмо зашифровано. Сегодня утром «Андрей» сообщил, что листок печатается.

Фракция социал-демократов постановила обратиться к обществу с воззванием, требующим отмены смертной казни. Все заседания начинают принимать страстный характер. Похороны Толстого развязали руки и теперь каждая партия старается «использовать настроение»...

9 ноября произошло заседание общества «Источник Света и Знания». Оно по существу социал-демократическое. Присутствовало больше 100 человек. Настроение крайне приподнятое. Большинство присутствующих рабочие. Вышеупомянутый «Андрей» говорит первую речь, настаивая на необходимости забастовки в день обсуждения Государственной думой вносимого социал-демократами законопроекта об отмене смертной казни [2]. Рабочие возбуждены. Произносится ряд речей революционного характера. Один из рабочих, между прочим, говорит: «студенты уже начали протесты. Мы, товарищи, лишившиеся многих друзей, погибших на виселицах, должны присоединиться к ним. Не можем и не хотим молчать...»

Принята была следующая резолюция: «Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в думе о смертной казни». Постановление принято единогласно.

Заседание происходило на 9-й линии В. О., д. 66, кв. 24.

Полковник (подпись)

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1911 г., № 38 [3]

Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии, учитывая, что социал-демократическая фракция Государственной думы 3-го созыва оказалась совершенно неподготовленной к работе в Государственной думе, благодаря чему не смогла стать авторитетом в глазах пролетариата и крестьянства, предложил еще в 1909 г., для восстановления популярности фракции, издавать легальную партийную газету, которая вместе с тем могла бы объединить и членов партии.

Вопрос этот окончательно был решен при поездке за границу на

---

[1] ДП, IV, 1910 г., д. № 338, ч. 1, лл. 170—171.

[2] Я. М. Свердлов написал листовку, изданную Выборгским районом, в связи со смертью Толстого, за подписью «Группа социал-демократов» (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, лл. 198—201).

[3] ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. 3, лл. 5—8.

Копенгагенский конгресс, осенью 1910 г. членов государственной думы Николая Гурьева Полетаева и Ивана Петрова Покровского, когда и было решено, что газета будет издаваться на средства Ц. К., думской фракции и на добровольные пожертвования. На первоначальные расходы по изданию названные депутаты от имени фракции обещали внести 1000 рублей, единовременно, и затем, ежемесячно, отчислять из своего содержания по 500 рублей. Центральный Комитет обязался, единовременно, выдать 2000 руб. и ежемесячную субсидию в 500 р., кроме того ожидались пожертвования...

После участия на Копенгагенском конгрессе Покровский и Полетаев приглашены были на заседание Центрального комитета, где и было принято решение издавать в России легальную партийную газету, под названием «Звезда», для популяризации деятельности фракции среди рабочих и крестьянских масс, а также и для борьбы с ликвидаторским и отзовистским течениями.

При этом Ц. К. указал, что первые №№ «Звезды» должны быть выпущены крайне сдержанно, придав им, по возможности, литературно-бытовой характер, а затем, постепенно, к моменту выборов в IV Государственную думу, сделать газету ежедневной и резко партийной, причем было поставлено обязательным условием недопущение в газете, даже в качестве сотрудников, ликвидаторов, так как основной задачей газеты являлась борьба с ликвидаторством и отзовистским течениями...

В это же время из-за границы для контроля организации издания газеты приехал агент Ц. К. партии, нелегальный Михаил Пермяков (партийная кличка «Андрей» в наблюдении — «Махровый» — мещанин Яков Михайлов Свердлов, упоминаемый в докладах от 14 и 19 ноября 1910 года за №№ 15942 и 16193)[1]... Пермяков вскоре был арестован (доклад 14 ноября 1910 г. за № 15942)[2]...

Полковник [подпись].

Из отношения начальника Томского губернского жандармского управления в Петербургское губернское жандармское управление, 27 марта 1913 г., № 20966[3]

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что Свердлов Яков Михайлович (Мовшев) административно-ссыльный Нарымского

[1] Охранка ошиблась, указывая, что Я. М. Свердлов приехал из-за границы. Я. М. Свердлов писал в заграничный центр большевиков о плане и характере организуемой легальной газеты; это письмо было взято у Я. М. Свердлова при его аресте 14 ноября 1910 г. Оно опубликовано в «Красной Летописи», 1925 г., № 1/12, стр. 179—180 с копии, хранящейся в деле ДП, о. о., 1910 г., № 5, ч. 57, лит. А, л. 226.

[2] Доклад начальника Петербургского охранного отделения от 14 ноября 1910 г. № 15942 опубликован в брошюре Зеликсон-Бобровской: «Яков Михайлович Свердлов», Политиздат, 1938 г., стр. 20—21.

30 апреля 1911 г. состоялось постановление Особого совещания о высылке Я. М. Свердлова в Нарымский край на 4 года (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 34). 18 июня 1911 г. Я. М. Свердлов делает попытку бежать из ссылки. Вот что сообщает об этом один из политических ссыльных в письме от 25 декабря 1911 г.: «Жил был здесь некий Андрей. И вы его знаете. Был он в отлучке и пойман. Когда он попал в Томск, исправник отпустил всех ссыльных из каталажки на «честное» слово, но Андрей дать таковое отказался. Тем не менее его отпустили. Он явился на пароход, на котором ехала партия, а потом с парохода отлучился. Ну — с, тем бы дело и кончилось, но тут черт дернул Туркина взять его чемодан и понести на берег: зачем пропадать добру. Стражники заметили этого носильщика и арестовали его. Тогда А. является в Колпашево. В это время здесь был губернатор и исправник. Он доказывает исправнику, что все это недоразумение, тот неопределенно кычит, а тайно распоряжается взять его и отправить на Максимкин Яр за 600 верст от Колпашева. Ночью его взяли и увезли. Теперь человек в ужаснейших условиях. Долго ли так продлится, не знаю... Надежды очень мало на освобождение... (ДП, пер-ция, 1911 г., д. № 1 (декабрь), л. 458).

[3] ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 57.

края; первоначально он был водворен в с. Колпашевском того же края. За время пребывания в этом селе Свердлов, в числе прочих лиц, пытался осенью прошлого года в месте водворения воссоздать, так называемую, «Колпашевскую организацию политических ссыльных», главной целью которой являлось объединение административно-ссыльных на почве устройства, без надлежащего разрешения, различного рода общественных начинаний (потребительская лавка, «столовка», библиотека и проч.).

Кроме того, наряду с интересами экономическими и общественными, названная организация должна была преследовать и цели характера противоправительственного; все демонстративные выступления против органов правительственной власти положено было производить строго планомерно и сообща.

Так как расследованием по этому делу достаточных данных для привлечения Свердлова и прочих лиц к судебной ответственности не добыто, то в интересах охранения государственного порядка и общественного спокойствия Свердлов был распоряжением г. томского губернатора переведен в более отдаленную местность Нарымского края, сел. Парабель, откуда он с 6 на 7 сентября[1] 1912 года скрылся...

За начальника управления ротмистр Роговский.

Письмо Я. М. Свердлова О. А. Дилевской, 23 декабря 1912 г.[2]

Милая Ольга! Берусь за перо с намерением много, много написать. Напишу ли? Не вполне в этом уверен. До сих пор мое положение еще не определилось, хотя я уже неделю здесь. Не знаю, где и как я устроюсь. Решение вопроса зависит от очень многого. Есть некоторые данные за то, что останусь здесь на некоторое время, но пока все так неопределенно, что ничего еще нельзя сказать. Не люблю до чертиков неопределенности бездействия. А я пока живу ничего не делая, путешествуя с одной ночевки на другую. Быть может еще полторы-две недели продлится такая жизнь, — неприятная во всех отношениях. Ну, да пошлем к собакам мои неприятности, мало ли какие скверные бывают переживания. Поговорю о более интересном.

Во-первых, необходимо описать поездку от Колпашева до Томска. Первый станок 55 в. платить приходится 6 р., я ехал на паре. Дальше, станок 35 в. — 4 р., затем, 70 в. — плата 6 р. и последний — 120 в.— 11 р. Надо немного изменить. Там, где 6 — платить 5 р. Это возможно. Вместо 11 — 8 р. — 10 р., и это возможно. Народ хороший после первого станка. Важно лишь проехать первый станок, дальше уже само собой пойдет. У меня случился казус с вещами. Не знаю, удастся ли их выручить. Мне составили маленький комплект уже в Томске. Увы, пропал для меня мой чудесный чемоданчик. Вообще пока приходится обходиться без всяких вещей.

Теперь второе — о «Правде» и «Луче»[3]. Тираж: «Правда» в начале, апрель — май, поднялась до 80 тыс., за лето упала до 12—15, теперь 23 тыс., «Луч» все время шел 5—6 тыс., последнее время поднялся до

---

[1] В подлиннике «сентября» ошибочно — надо «декабря». В начале сентября 1912 г. Я. М. Свердлов сделал попытку бежать из Нарыма, но 12 сентября был арестован. (Д. П., о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 82, лит. Б, л. 42).

[2] ДП, о. о., 1911 г., № 122, лит. А, т. 4, л. 188. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма из Петербурга в с. Колпашево, Томской губ. на имя Л. Н. Дилевской, матери О. А. Дилевской. Во время своего побега Я. М. Свердлов скрывался временно в Колпашево у сосланной туда Дилевской, где чуть было не был обнаружен.

[3] «Луч» — легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, издававшаяся в Петербурге; начала выходить с сентября 1912 г.

9—10 тыс. Случилась любопытная история. Ликвидаторский «Луч» именуется «рабочая социал-демократическая газета», а «Правда» просто «рабочая газета». Рекламирует себя «Луч», порой до безобразия. При том играет все время на словах «единство», «объединение» и использует их так, что у широкого круга читателей впечатление, что «Луч» за единство, а большевики за «раскол». По существу это положительно неверно, но большевики не могли использовать самое слово, да и до сих пор не могут, — нет годных для этого людей, — выбить это сомнительное оружие из рук ликвидаторов, а между тем это необходимо.

Теперь Международное социалистическое бюро берет на себя инициативу созвать представителей всех социал-демократических течений в России с целью объединения. На полное объединение совсем трудно рассчитывать, но кое с кем оно возможно. Поживем увидим.

Состав фракции — 6 большевиков, все рабочие из всех рабочих губерний, 6 меньшевиков, 1 примыкает к ним, но за декларацию голосовал большевистскую. С декларацией чуть-чуть не вышло скандала. Меньшевики проводили было лозунг: «полновластная дума» и «пересмотр аграрных законоположений 3-й думы». Каково? В особенности хорош последний лозунг. Едва-едва удалось провести приличную декларацию. Но скверно, что часть депутатов большевиков настроена примиренчески и даже поддается на демагогическое заигрывание с «единством». Как на грех, меньшевиков здесь много, при том принимающих участие в работах фракции. Большевики тоже есть, но во фракции почти никто не работает, а между тем это положительно необходимо. Вообще работа по Питеру идет сносно... Положение всероссийское довольно печальное. Отдельные кружки и никаких почти между ними связей. Если аллах поможет, кое-что придется предпринять для их объединения. Увидим, что будет. Сегодня жду кое-каких известий и быть может уеду на полторы-две недели. Пока не пишите и не посылайте. Вере[1] пишите обо мне, что здоров и шлю привет. Привет вам и друзьям.

Макс [Свердлов].

Простите, что пользуюсь вашим адресом. Передайте письмо Ольге.

Из агентурной записки Московского охранного отделения о деятельности Российской социал-демократической партии, 10 января 1913 г.[2]

Во время рождественских праздников в г. Кракове состоялся ряд совещаний представителей «Ленинского» центра с несколькими из особо видных и близких к таковому партийных работников...

Собрание это, в видах конспирации и введения в заблуждение представителей правительственной власти, приняло наименование «Февральского (1913 г.) совещания Ц. К. РСДРП с партийными работниками». Обсуждался собранием ряд вопросов, вызванных к жизни обстановкой текущего момента.

Порядок дебатировавшихся вопросов был следующий:

А. Революционный подъем, стачки и задачи партии;
Б. Строительство нелегальной партии и легальная работа;
В. Думская фракция;
Г. Страховая кампания;
Д. «Правда» и «Просвещение»;
Е. Отношение к августовской конференции и к ликвидаторам;
Ж. Национальный вопрос внутри партии;

---

[1] Вера — В. А. Дилевская.

[2] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б. лл. 3—6

По всем перечисленным вопросам был вынесен ряд резолюций, часть из коих, по соображениям необходимой конспирации, не будет опубликована.

Вслед за окончанием указанных совещаний организованы были заседания Центрального комитета партии.

А) К прежнему составу ЦК присоединены вновь кооптированные: а) депутат Петровский, б) «Андрей Уральский» (Свердлов)...

Г) Выяснено, что настоящий состав редакционного комитета газеты «Правда» совершенно не удовлетворяет своему назначению... Решено сменить состав редакционного комитета и ввести в таковой... а) указанного выше «Андрея Уральского»... ответственным издателем попрежнему останется Бадаев.

д) Созданы по примеру прежних лет «Русское» и «Заграничное» Бюро Ц. К. партии...

В «Русское» Бюро Ц. К. избраны «Коба»[1], «Андрей Уральский»...

Из отношения директора департамента полиции начальнику С.-Петербургского охранного отделения, 6 февраля 1913 г.[2]

В департаменте полиции получены сведения о том, что вечером 23 января сего года в квартире члена государственной думы Григория Иванова Петровского состоялось собрание членов Русского бюро Ленинского Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии в составе Андрея Свердлова, членов государственной думы Петровского и Малиновского[3], Голощекина. На заседании обсуждались вопросы: 1) о постановках тайных типографий в Гельсингфорсе и на Урале, 2) о сформировании областных Бюро на Урале и в Харькове. Собрание постановило: ...2) командировать на Урал для оборудования технической стороны типографии Свердлова, Петровского и «Кобу» (в установке Иосиф Джугашвили)...

По тем же сведениям 22 января с. г. в квартире члена государственной думы Петровского состоялось совместное собрание членов Русского бюро Центрального комитета и редакции газеты «Правда», всего в числе 12 лиц. На собрании был заслушан доклад Центрального комитета о газете «Правда», не проводящей строго партийных начал. Совещание выработало следующий план: из состава редакции названного органа избираются три члена для редактирования газет и еще одно лицо, не принадлежащее к составу редакции, с правом veto и цензурой всех статей, а именно член Ленинского Центрального комитета Андрей Свердлов; кроме сего в состав редакции приглашены: секретарь некая «Наташа», она же Конкордия...[4].

Вице-директор С. Виссарионов.

Из справки департамента полиции о Я. Свердлове, 1913 г.[5]

Свердлов, Яков Михайлов, мещанин гор. Полоцка, еврей, 28 лет, известный в революционной среде под кличками «Андрей» и «Светлов» в 1902 г. за участие в демонстрации на похоронах студента Рюрикова, в Нижнем-Новгороде, где Свердлов родился, был подвергнут двухмесячному аресту[6] в административном порядке.

В 1903 г. привлекался при Нижегородском губернском жандармском

---

[1] «Коба» — революционная кличка И. В. Сталина.

[2] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 57, л. 41.

[3] Малиновский — провокатор; из-за его предательства 10 февраля 1913 г. был арестован Я. М. Свердлов. В 1918 г. Малиновский был расстрелян советской властью.

[4] Самойлова.

[5] ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, лл. 374—375. Точная дата отсутствует.

[6] Ошибка — Я. М. Свердлов в 1902 г. был подвергнут аресту на 14 дней.

управлении к дознанию по делу об издании противоправительственных воззваний и брошюр, но на основании высочайшего манифеста 11 августа 1904 г. дело о нем было прекращено.

В 1907 г. Свердлов за принадлежность к Пермскому комитету Российской социал-демократической рабочей партии был приговорен Казанской судебной палатой к заключению в крепости на два года, каковое наказание и отбыл.

13 декабря 1909 г. Свердлов был арестован в гор. Москве, на собрании Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, причем при аресте назвался крестьянином Симбирской губернии, Курмышского уезда, Иваном Ивановым Смирновым, и оказался проживающим в Москве по бессрочной книжке, на имя названного Смирнова.

В виду сего Свердлов по утвержденному 11 марта 1910 г. постановлению особого совещания был выслан в Нарымский край Томской губернии, под гласный надзор полиции на три года, но 27 июля того же года из места его водворения скрылся и лишь в ноябре 1910 г. был задержан в С.-Петербурге и случайно опознан находившимся в участке дворником дома № 36 по Баскову переулку, признавшим в нем лицо, проживавшее в означенном доме по паспорту на имя мещанина гор. Кунгура, Пермской губернии, Михаила Георгиева Пермякова. По обыску, произведенному тогда же в квартире Пермякова... были обнаружены записка, с зашифрованными фамилиями и письмо за подписью «Андрей», в коем автор, указывая на затруднения по изданию какой-то газеты, сообщает своему товарищу «о необходимости денег для восстановления здешней работы», жалуется на недостаток работников и указывает на необходимость «сделать главным оружием работы небольшой орган и листковую программу и агитацию..[1].

Вследствие сего, Свердлов был привлечен в декабре 1910 г. при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию по 102 ст. Угол. Улож., но таковое, за отсутствием формальных улик против него, постановлением С.-Петербургского губернского совещания от 14 апреля 1911 г. прекращено.

По утвержденному же 5 мая 1911 г. постановлению особого совещания Свердлов был выслан в Нарымский край, Томской губернии, под гласный надзор полиции на 4 года, без приведения в исполнение состоявшегося о нем в марте 1910 г. постановления того же совещания.

Отбывая определенный ему срок высылки, Свердлов принял 1 мая 1912 г. участие в демонстрации административно-ссыльных Нарымского края и был по этому делу арестован, а в ночь на 7 декабря того же года скрылся и возвратившись нелегально в гор. С.-Петербург поселился в квартире члена государственной думы Петровского, где проживал без прописки...[2].

Из записки Московского охранного отделения о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, 15 августа 1913 г.[3]

27 июля сего года, в Австрии, в дер. «Поронино» (в шести верстах от Закопани), где проживает на даче Ленин, состоялось частное совеща-

[1] Речь идет о письме Я. М. Свердлова в заграничный центр большевиков по поводу предполагавшейся к изданию в Петербурге большевистской легальной газеты. См. примечание на стр. 77.

[2] 10 февраля 1913 г. Я. М. Свердлов был арестован на квартире Г. И. Петровского и заключен в петербургскую одиночную тюрьму (ДП, о. о., д. № 307, л. 381).

4 апреля 1913 г. постановлением Особого совещания Я. М. Свердлов был выслан на 5 лет в Туруханский край (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 89).

[3] ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. 4, лл. 102—109.

ние представителей Ц. К. Российской социал-демократической рабочей партии...

Совещаясь по существу поставленных в «порядок дня» вопросов, настоящее собрание пришло к следующему:...

К) так как в русской коллегии Ц. К. в настоящее время, после ряда арестов и провалов, остались лишь два члена, то решено было наметить кандидатуры новых лиц для кооптирования в Ц. К. и в агенты его. В Ц. К. оказались намеченными:... указывавшийся ранее «Коба», побег коего из места административной высылки ожидается осенью текущего года[1], и 5) Андрей Свердлов, который также в ближайшем будущем должен бежать из места ссылки[2].

С поименованными лицами должны теперь же начаться переговоры, дабы, если они успеют, пригласить их на осенние совещания заграницу, а в противном случае выяснить вопрос об устройстве для них совещания позднее, в пределах России...

Начальник отделения
подполковник Мартынов.

Письмо А. Бадаева Я. М. Свердлову, 29 декабря 1913 г.[3]

Дорогой Яков Михайлович! Письма оба получил, одно из них с корреспонденцией; одновременно с письмом посылаю 25 руб., собранные группой студентов; они вероятно напишут письмо. Мы очень рады хоть здоровье и настроение хорошее, в таких тяжелых условиях.

В данный момент слишком тяжелые условия, очень большие аресты; это, вероятно, перед 9 январем... Все товарищи по фракции разъехались и соберутся не ранее 10 января. Я здесь оставлен один, да и то чуть не арестовали. Градоначальник оштрафовал на 200 руб. меня за вмешательство в действие полиции при похоронах при взрыве на минном заводе 9 сентября. Я отказался платить, разумеется, штраф, как незаконно положенный; он заменил арестом на 6 недель и думал посадить, что вызвало шум даже в буржуазных газетах, как, например, «Речь»[4] и им подобные. Через четыре дня после решения градоначальник сообщил мне бумажкой, что это будет выполнено после роспуска IV думы, но не на каникулы. Так немножко сорвалось.

Очень приятно, что вы свой голос присоединяете к шести; одним будет больше[5]. Подсчитали голоса за 6 и 7 человек по 1 декабря: в Петербурге за семерых — 700 голосов, за шестерых — 5 900, а по всей России с разных мест по 1 декабря за семь — 3 или 4 тысячи, а за шесть — 9 тысяч, но кроме того, они уже воду пьют, т. е. больше резо-

---

[1] «Коба» — И. В. Сталин был арестован в Петербурге 23 февраля 1913 г. и сослан в Туруханский край.

[2] Переписка департамента полиции с местными властями о мерах предотвращения побега из ссылки И. В. Сталина и Я. М. Свердлова опубликована в брошюре Зеликсон-Бобровской: «Яков Михайлович Свердлов», Политиздат, 1938 г., стр. 35—37.

[3] ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, л. 241. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма из Петербурга в с. Монастырское, почт. станция Селивариха, Туруханского края.

[4] «Речь» — ежедневная газета в Петербурге, основанная в 1906 г.; выходила до 1918 г. как официальный центральный орган кадетской партии.

[5] Имеется в виду выход в октябре 1913 г. после упорной борьбы с ликвидаторами, мешавшими революционной работе большевиков, шести депутатов большевиков из существовавшей первоначально одной общей социал-демократической фракции Государственной думы IV созыва. Депутаты большевики образовали самостоятельную большевистскую фракцию.

люций нет, а у нас провинциальные города только тронулись с резолюциями. Потом подсчитали все голоса — вот по этому ваш голос важен, а потом деньги на разные цели несут, если к ним 150 руб., то к нам 1000 приносят и во всем остальном, если с позволения сказать, забили.

С газетой «Речью» устроимся посылкой, но об остальных — рабочих газетах и журналах — сказать очень трудно. Нам кажется, что это какая-то пропасть, где все проваливается, кроме «Речи», известной газеты полиции, а остальные все ими пожираются.

Дорогой! все это посылалось ни один раз при выходе в свет, как газеты, так и журналы: ведь, деньги 20 руб. посланы чорт знает когда, а вы не получили. Вот и представляешь себе, как трудно дойти какимнибудь журналам, но посылать будем, а относительно летнего совещания [1] будет сообщено в скором времени.

Ну, есть, кажется, все, что знаем написать. Теперь я Вам желаю доброго, доброго здравия и жму крепко руку. У нас, нам так кажется, все, все хорошо по сравнению с прошлым годом. Ну, еще приветствует моя Анна Анисимовна и мои детки и все знакомые, вам, а также кланяется Федор Никита [2].

Из донесения начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 27 апреля 1914 г., № 291815 [3].

Имею честь представить вашему превосходительству нижеследующие агентурные сведения, полученные мной из весьма осведомленного источника:

Член Государственной думы, социал-демократ Петровский, вернувшись недавно из-заграницы, где он был у известного Ленина, передал членам думской социал-демократической рабочей фракции (шестерка) следующие, выработанные Лениным, предположения о дальнейшем направлении партийной деятельности:

По определению Ленина (относится к середине апреля сего года), сильно поднявшееся за последнее время революционное настроение в России имеет тенденцию расти дальше, но, не будучи в достаточной степени руководимо, за отсутствием налаженных подпольных организаций, может оказаться бессильным и бесцельным. Поправить положение может только партийный съезд, для созыва коего необходимо напрячь все силы.

Съезд политически сорганизует рабочих и даст определенные директивы, убьет ликвидаторов и думскую «семерку».

Отсутствие в настоящее время авторитетного партийного центра и налаженного подпольного партийного аппарата сильно дезорганизует выбивающееся из под влияния социал-демократов растущее рабочее движение; отсутствие этого аппарата, именно теперь, дает себя очень остро чувствовать.

Ленин предлагает теперь же наладить дело, сорганизовать при Цен-

---

[1] Речь идет о совещании Ц. К. с партийными работниками, происходившем в местечке Поронино близ Кракова с 5 по 14 октября нов. ст. 1913 г. Оно называлось «летним» или «августовским» по конспиративным соображениям.

Извещение Ц. К. РСДРП о «летнем» совещании 1913 г. опубликовано в приложении к соч. Ленина, т. XVII, стр. 675—680.

[2] Повидимому, речь идет о Федоре Никитиче Самойлове, члене соц.-демократической фракции большевиков.

[3] ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, прод. 1, лл 296—297. Документ опубликован в «Красном Архиве», т. 62, стр. 247.

тральном комитете особую комиссию из выдающихся и известных рабочих, пользующихся доверием рабочей массы...

Кроме указанной комиссии, так называемые, «организационные» (по созыву партийного съезда) комиссии: в Москве, на Кавказе, на юге и на Урале.

Комиссии эти должны поднять авторитет центральных партийных учреждений...

Для успешности созыва партийного съезда устроить организационные объезды, для чего вызвать (устроив побеги) известных высланных партийных деятелей: Андрея Свердлова, Иосифа Джугашвили («Коба»)...[1].

Удостоверение, выданное Я. М. Свердлову Центральным комитетом РСДРП(б) [апрель] 1917 г.[2]

Центральный Комитет Российской Социал-демократической Партии

Удостоверяет, что тов. Я. М. Свердлов (Андрей) был сослан в качестве члена Центрального комитета в Туруханский край и, как амнистированный, прибыл 29 марта.

Ц. К. просит оказать товарищу нужную помощь.

Секретарь Бюро Ц. К. [подпись].

Из откликов на смерть Я. М. Свердлова

Протокол экстренного заседания Всероссийского центрального исполнительного комитета, посвященного памяти председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, 18 марта 1919 г.[3].

Слушали: Доклад тов. Ленина и предложение от имени Президиума ВЦИК.

Постановили: 1. Схоронить тело скончавшегося тов. Я. М. Свердлова на братских могилах на Красной площади.

2. В Нижнем-Новгороде основать Крестьянский университет имени Я. М. Свердлова.

3. В заложенном дворце Октябрьской революции открыть Всероссийский Пролетарский университет имени Я. М. Свердлова и ассигновать 25 мил. рублей на скорейшее исполнение сего постановления.

4. Театральную площадь переименовать в площадь имени Я. М. Свердлова.

5. Поставить памятник на могиле скончавшегося тов. Я. М. Свердлова.

Председатель ВЦИК М. Владимирский.
Секретарь ВЦИК В. Аванесов.

---

[1] Бежать ни Я. М. Свердлову, ни И. В. Сталину не удалось. 9 февраля 1914 г. Я. М. Свердлов писал сестре, что их обоих перевели в с. Курейку на Крайний Север. Енисейский губернатор в ответ на отношение департамента полиции, предостерегающее о возможности побега И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, сообщал в департамент полиции, что «меры к предупреждению их побега приняты». Документ опубликован в брошюре Зеликсон-Бобровской: «Яков Михайлович Свердлов», Политиздат 1938 г., стр. 36—37.

[2] ЦАОР, ф. 5, д. 9/22, л. 7.

Настоящее удостоверение было выдано Я. М. Свердлову для представления в Комиссию Государственной думы по оказанию помощи политическим ссыльным, куда он обратился с просьбой выдать ему 400—500 р. на приобретение одежды, обуви и белья, так как он возвратился из ссылки без самого необходимого (ЦАОР, ф. 5, д. № 9/22, л. 8 об.). Комиссия выдала Свердлову 400 руб.

[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 22, д. № 10, л. 55.

Телефонограмма Московского Губисполкома и Губкома РКП(б) Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[1]

Московский Губсовдеп и Губернский комитет РКП(б) выражают свое глубокое сочувствие и скорбь об утрате вождя русских рабочих товарища Якова Михайловича Свердлова. Память о первом председателе Всероссийского совета революционных рабочих и крестьян всегда останется священной для русского пролетариата.

Президиум Московского совета.

Телеграмма ЦК РКСМ Президиуму ВЦИК'а, 17 марта 1919 г.[2]

Центральный комитет Всероссийского коммунистического союза молодежи чтит память усопшего товарища и выражает [Всероссийскому] Центральному исполнительному комитету свое горячее сочувствие.

Центральный комитет.

Телеграмма Харьковского губисполкома Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[3]

Харьковский губисполком с глубокой скорбью заслушал на своем заседании от 16 с/м. сообщение о смерти председателя ВЦИК т. Свердлова. Ушел от нас товарищ, стоявший во главе революции, во главе ее верховного органа с момента победоносного восстания трудящихся в Октябре, стоявший во главе ее в тяжелые страшные дни Брестского мира, оккупации империалистскими хищниками большей части нашей территории. Всегда и неизменно т. Свердлов был на своем посту верным стражем пролетарской революции. Он ушел от нас в момент победоносно развивающейся мировой революции, в момент воссоединения оторванных империализмом частей Советской России в единую великую Российскую коммуну.

Мы, рабочие и крестьяне Украины, недавно вернувшиеся вновь в родную семью, возглавляемую ВЦИК, с особой болью восприняли смерть главы ее тов. Свердлова. Его имя было символом братской нам Советской России.

С горячим энтузиазмом приветствовали мы недавно тов. Свердлова на Съезде Советов освобожденной Украины; с тяжелым чувством узнали мы о смерти того, кто именем Советской России предлагал нам тесный братский союз.

Вечная память лучшему борцу! Да здравствует победа пролетарской революции!

Харьковский Губисполком.

Телеграмма Военно-революционного комитета Башкирской советской республики Всероссийскому центральному исполнительному комитету и Центральному комитету РКП(б)[4].

Военно-революционный комитет Башкирской советской республики, как выразитель воли всего башкирского пролетариата, в нашем лице выражает свою глубокую скорбь по поводу смерти лучшего борца за право угнетенных и беднейших — товарища Свердлова, но верит, что

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 128.
[2] Там же, л. 363.
[3] Там же, лл. 209 и 210.
[4] Там же, л. 165.

пролетариат не забудет его заветов, которые будут озарять путь к творчеству, труду и пролетарской революции.

Члены Башкирского военно-революционного комитета [подписи].

Телеграмма Облисполкома Киргизской степи из Урды Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 28 марта 1919 г.[1]

Областной исполнительный комитет Советов Киргизской степи выражает глубокое соболезнование по случаю утраты дорогого товарища Свердлова, одного из лучших вождей революции.

Председатель [подпись].

Телеграмма Президиума ЦИК Литвы и Белоруссии из Вильны Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[2]

До глубины души потрясены ужасной вестью о смерти неоценимого, дорогого всем трудящимся массам товарища Свердлова. Память о его неутомимой работе по строительству и укреплению Советской власти останется навсегда в сердцах революционного пролетариата всего мира.

Президиум Центрального исполнительного комитета Советов Литвы и Белоруссии.

Телеграмма ЦК коммунистической рабочей партии Польши Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[3]

Потрясены до глубины сердца известием о смерти славного борца III Коммунистического Интернационала, неутомимого труженика в деле создания и укрепления Советской власти. Вечная память дорогому Свердлову.

Центральный исполнительный комитет Коммунистической рабочей партии Польши.

Телеграмма Реввоенсовета XIII армии Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 16 марта 1919 г.[4]

Солдаты Красной XIII армии испытывают острую боль и горе, узнав о кончине закаленного в борьбе вождя революции товарища Я. М. Свердлова, любимого всеми членами нашей партии, всеми пролетариями. Кто не знал тов. Свердлова, кто не слушал его пламенной строгой речи, кого из нас не воодушевлял его мощный голос в самые тяжелые минуты борьбы? Он был первый в наших рядах; в подполье, изгнанником на чужбине, в открытой борьбе он всегда отдавался всем своим существом делу рабочего класса. Других забот у него не было. Вот почему потеря его так сильно потрясает нас, знавших его. Но если наши сердца сжимаются от боли при вести о его потере, то пусть знают враги пролетариата, что мы не позволим им злорадствовать, слыша наше горе. Пусть знают, что память о таких товарищах, каким был для нас Свердлов, бессмертна в сердцах пролетариата, что до

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 136.
[2] Там же, л. 337.
[3] Там же, л. 336.
[4] Там же, лл. 366—367.

конца он будет с нами, что память о нем будет воодушевлять слабых и вдохновлять смелых на последний и решительный бой за освобождение всех трудящихся, всех угнетенных и эксплоатируемых.

Революционный военный совет XIII армии.

Телеграмма политотдела IX армии Центральному комитету РКП(б), 19 марта 1919 г.[1]

Коммунисты IX армии поражены неожиданной кончиной Якова Михайловича. Потеря особенно тяжела сейчас, в связи с неудержимым продвижением нашей армии и развивающимися успехами мировой революции; для нее жил и за нее умер товарищ Свердлов, и торжествовать победу так больно без него. Перед трупом борца мы опустили алые знамена только для того, чтобы еще выше еще смелее поднять их на стенах Ростова и Екатеринодара.

Политотдел IX армии.

Телеграмма объединенного заседания тульских советских, партийных и профессиональных организаций Президиуму ВЦИК'а, 18 марта 1919 г.[2]

Объединенное заседание Тульского совета рабочих и красноармейских депутатов, Губисполкома, правлений всех профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и прочих пролетарских организаций г. Тулы, получив печальную весть о безвременно скончавшемся председателе Всероссийского центрального исполнительного комитета т. Свердлове, выражает свою глубокую скорбь по поводу великой утраты, понесенной рабоче-крестьянской Советской Россией в лице Якова Михайловича, всегда бдительно стоявшего на первом революционном посту Советской республики. Вместе с тем объединенное заседание выражает уверенность, что российский и международный пролетариат сохранит память о незабвенном первом председателе ВЦИК Советской России, и что могучая революционная воля и железная стойкость проводника пролетарской диктатуры и борца за царство коммунизма послужат неотразимым примером всем трудящимся в начавшейся борьбе международного пролетариата за свержение ига капитала.

Вечная память т. Свердлову, отдавшему всю свою жизнь за рабочее дело, вечная память герою великой Российской коммуны! Да здравствует всемирная федерация Советских республик, за торжество которой боролся до последней минуты Яков Михайлович!

Телеграмма М. Калинина Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 19 марта 1919 г.[3]

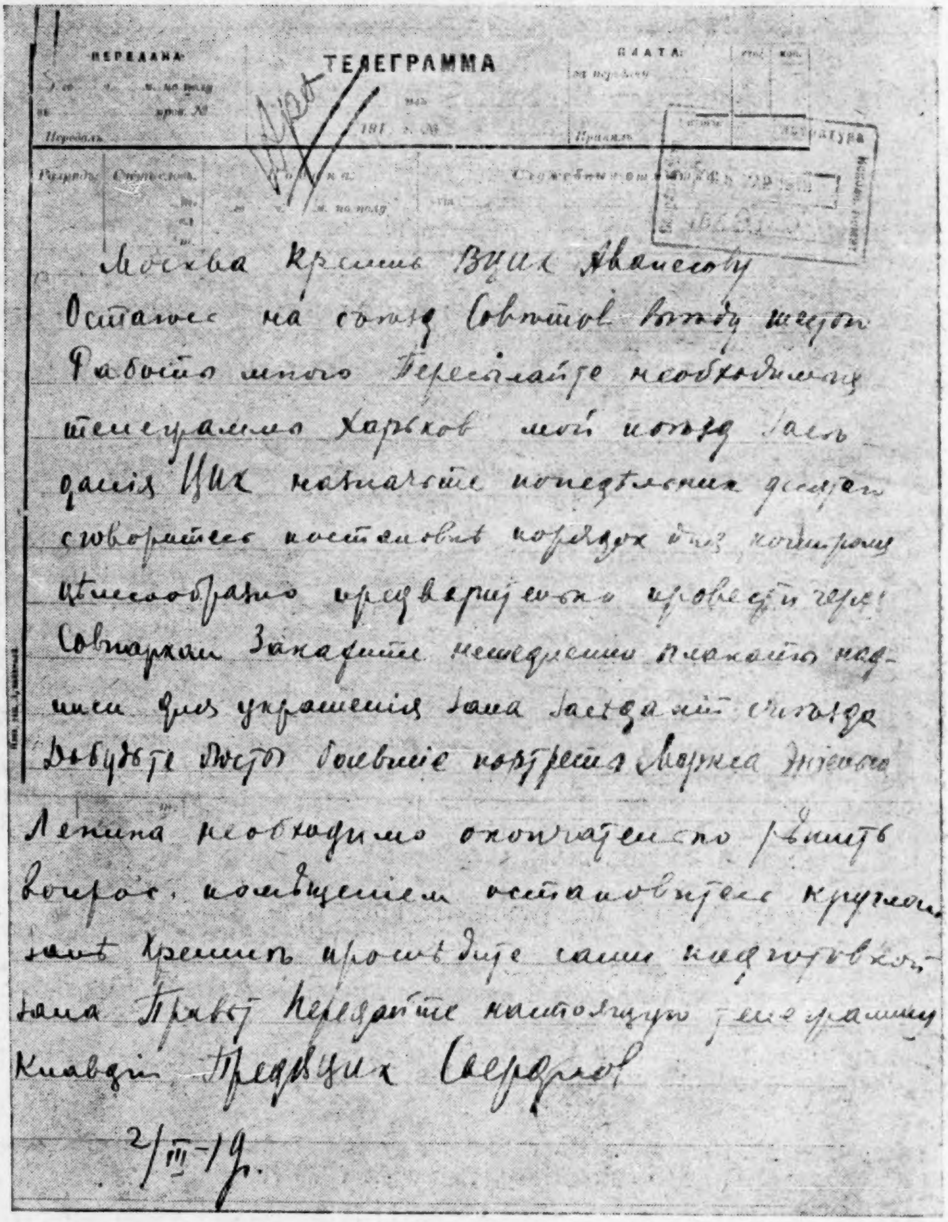
Комиссариат городских хозяйств СКСО[4] и правление союза рабочих Комгорхоза выражает свою глубокую скорбь по поводу смерти первого председателя высшего органа пролетарской диктатуры.

Председатель коллегии Комиссариата городских хозяйств
М. Калинин.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 226.
[2] Там же, лл. 303—304.
[3] Там же, д. 434, л. 317.
[4] Союза коммун Северной области.

Автографы Я. М. Свердлова [1]



ПЕРЕДАНА

ТЕЛЕГРАММА

ПЛАТА:

Москва Кремль ВЦИК Аванесову
Остаюсь на съезд Советов [illegible]
Работы много Пересылайте необходимые
телеграммы Харьков мой поезд зас[е]
дания ЦИК назначьте [illegible]
сговоритесь постановить порядок дня [illegible]
целесообразно предварительно провести через
Совнарком Закажите немедленно плакаты над-
писи для украшения зала заседаний съезда
Добудьте достаточно большие портреты Маркса Энгельса
Ленина необходимо окончательно решить
вопрос помещением остановитесь круглом
зале Кремля проследите сами подготовкой
зала Правду передайте настоящую телеграмму
Киевцик Предцик Свердлов

2/III-19 г.

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, лл. 53—58. В своей телеграмме от 2 марта 1919 г. Я. М. Свердлов сообщает Аванесову о том, что он остается на III Всеукраинский съезд Советов. Во второй части телеграммы Я. М. Свердлов дает указания по подготовке VIII съезда партии, открывшегося 18 марта 1919 г.

ПЕРЕДАНА | ТЕЛЕГРАММА | ПЛАТА за передачу | руб. | коп.

ч. м. по пол. | из | 191 г. № 1971 | Принята

Разряд | Счет слов | Подана 6/III ч. м. по полу. | Служебныя отметки

Белгород Комитету коммунистов
Выезжаю Харькова 21 час 6 марта буду Белгороде
23 часа Прошу придти мой поезд совмест-
но президиумом исполкома

Предвцик Свердлов

Курск Губком коммунистов
Проезжая Курск считаю целесообразным
переговорить некоторым вопросам парти-
ной советской Прошу придти мой поезд
совместно президиумом Губисполкома Буду
Курске пять часов утра седьмого марта.

Предвцик Свердлов

5/III-19.

Тула Губком коммунистов Губисполком
Проезжая Тулу считаю необходимым видеться
товарищами могу остановиться только час
Прошу прибыть мой поезд президиумом Буду
Туле 17 часов седьмого

Предвцик Свердлов

5/III 19

Орел Губком коммунистов Губисполком
Проезжая Орел считаю целесообразным
видеться товарищами Не могу остановиться
дольше двух часов Прошу придти мой по-
езд президиумом Буду Орле девять часов утра
седьмого

Предвцик Свердлов

Телеграмма съезда паровозных бригад Риго-Орловской ж. д. Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 18 марта 1919 г.[1]

Съезд паровозных бригад Риго-Орловской ж. д., получив печальное известие о кончине тов. Свердлова, с сокрушением отмечает этот печальный для всего пролетариата России и пролетариата всего мира факт и день. Безвременно ушел из рядов виднейших борцов за рабочее дело тов. Свердлов, но пролетариат не забудет труды тов. Свердлова и каждый его шаг, каждое его слово глубоко лелеется в сердце каждого трудящегося. Пусть спит спокойно в могиле борец за рабочее дело, пусть он знает, что дело освобождения трудящихся идет быстро вперед.

Съезд паровозных бригад Риго-Орловской ж. д. заявляет, что паровозники выдержат до конца всю трудную работу, которая возложена на них революцией, во главе со своими славными вождями.

Председатель с'езда [подпись].

Телеграмма съезда крестьянских депутатов Новинской волости Московской губ. Президиуму ВЦИК'а, 20 марта 1919 г.[2]

Новинский съезд крестьянских депутатов, узнав о преждевременной кончине дорогого вождя всего пролетариата, товарища Свердлова, выражает глубокую скорбь Всероссийскому центральному исполнительному комитету и Всероссийскому комитету Российской коммунистической партии и сочувствие семье и родственникам. В память [Свердлова] отныне на съезде провозглашается волость имени Свердлова.

Президиум съезда.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 355.
[2] Там же, л. 238.

Кандеевское восстание в 1861 г.

В статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» В. И. Ленин писал: «В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» т а к повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» [1].

Буржуазно-помещичья историография потратила не мало сил, чтобы представить крепостническую реформу 1861 г. «мирной» реформой, всячески затушевывая ее классовый характер. В действительности крестьянство, ограбленное реформой, ответило на нее новой волной стихийных «бунтов» и возмущений, прокатившейся по всей России, подавленных с необычайной жестокостью специально разосланным с этой целью царскими «послами» — генерал- и флигель-адъютантами. Наиболее ярким выражением крестьянского движения в этот период были восстания в с. Бездне, Казанской губ., и в Пензенской и Тамбовской губерниях, имевшее своим центром с. Кандеевку.

Бездninское восстание получило уже довольно полное освещение в нашей исторической литературе. Кандеевское же восстание, имеющее не меньшее значение по центральному положению охваченного им района, по своей массовости — в нем участвовали многие тысячи крестьян десятков сел и деревень,— и сплоченности, до сих пор освещено совершенно недостаточно. В работах Попельницкого, Игнатович, Е. А. Мороховца [2], о нем имеются лишь беглые замечания. Напечатанный в «Русской старине» [3] отчет ген.-м. Дренякина о подавлении им восстания, отличается односторонностью, предвзятостью и ставит своей задачей оправдать учиненную Дренякиным жестокую расправу с крестьянами. Опубликованное в «Красном архиве» [4] М. Нечкиной письмо священника с. Покровского С. Глебова освещает лишь один из эпизодов этого восстания.

Публикуемые нами архивные материалы хранятся в Центральном архиве революции — фонд III отделения с. е. и. в. канцелярии и в Ленинградском Архиве внутренней политики, культуры и быта — фонд департамента полиции, земский отдел, 1-е и 4-е делопроизводство и донесения флигель-адъютан-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 108—109

[2] Ст. Попельницкого «Первые шаги крестьянской реформы», сб. «Великая реформа», т. V; ст. Игнатович «Встреча на местах», там же; Мороховец, см. сб. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», т. II, изд. Центрархива, 1931 г.

[3] «Русская старина», 1885 г., т. 46.

[4] «Красный архив», т. 36, стр. 201.

тов. При всей тенденциозности документы существенно дополняют картину восстания. В частности, много интересных подробностей содержится в списках осужденных наиболее активных участников восстания.

Стихийное и лишенное пролетарского руководства, как и другие крестьянские восстания этого периода, Кандеевское восстание было обречено на поражение. «В 1861 г. крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства на революцию»[1].

Документы подготовлены к печати Е. Седовой.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов ген.-ад. кн. Долгорукову, 11 марта 1861 г., № 51[2]

Вчерашнего числа, т. е. 10 марта прибыл в Пензу свиты е. и. в. ген.-майор Дренякин. При моем представлении к нему я имел честь получить секретный пакет с телеграфным ключем и с инструкциею вашего сиятельства для штаб-офицеров по случаю освобождения крестьян из-под крепостной зависимости. Сегодня разосланы будут курьеры по уездным городам, а завтра после обеда манифест будет прочитан во всех приходских церквах г. Пензы.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что вообще состояние умов не возбуждает здесь никаких серьезных опасений. Напротив, никогда не было так спокойно, как теперь. Не знаю, как встречен будет манифест и Положение в крестьянском сословии, но дворяне ими, повидимому, очень довольны, и я слышал, как ген. Арапов говорил некоторым предводителям дворянства, что надобно непременно благодарить за них государя императора особым адресом.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 18 марта 1861 г., № 59[3]

По сведениям, полученным из уездов, спокойствие в губернии после обнародования высочайшего манифеста пока еще ничем не нарушилось. Однако на народ он нигде не производит особого впечатления: все как будто в него всматриваются, боясь наперед радоваться или печалиться; нигде не было выпито лишней чарки вина. Дворянство же все вообще довольно новым Положением. В губернском присутствии приступают к выбору мировых посредников.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, я не смею умолчать о частном слухе, только что до меня дошедшем: в Нижнеломовском уезде в дер. Сергиевской Вирге крестьяне, по обнародовании манифеста, перестали повиноваться помещику г. Апокову и, подозревая, что священник прочел не тот манифест, какой следует, наделали ему оскорбления. Туда поехал уже уездный исправник. На днях это происшествие, если оно только справедливо, должно подтвердиться официальным донесением.

Майор Лакс.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 109—110.
[2] ЦАР (Центральный архив революции), III отд., IV, 1861 г., д. № 221, лл. 3—4.
[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 7.

Рапорт станового пристава Моршанского уезда тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 7 апреля 1861 г.[1]

Сего апреля 5 числа, Пензенской губернии, Чембарского уезда в село Покровское, имение г. Веригина, расстоянием вверенного мне стана, от села Соломенки, в версте, прибыв Чембарского уезда из села Высокого, имения г. Кожина, крестьянин по имени и фамилии мне неизвестный, где взбунтовал крестьян, говоря, что им от царя пришла вольность, с подписью золотыми буквами и медалью, которую скрывают священник и вотчинная контора, эту вольную приказал собравшейся толпе народа вытребовать у священника и вотчинной конторы. Для бытия ж при вытребовании чрез посланных им собрал людей окольных селений и эта толпа народа ходила к священнику, требовала от него вольную. Священник вынес им высочайший манифест о выходе крестьян из крепостной зависимости и толпа народа, выслушав манифест, кричала, что это они уже слышали, а подай вольную с золотыми буквами и медалью, но когда священник им отозвался, что у него таковой вольной нет, то она избила как его, так и вступившегося за священника дьячка. От священника толпа приходила в контору, где избила вотчинных бурмистра и конторщика, требовала тоже вольную, входила в квартиру управляющего с разными ругательными словами, где перепугала по небытности его семейных, разыскивала в разных местах вольную[2].

6-го числа бунтовщик ездил по окрестным селениям Чембарского уезда и волновал крестьян, а сего числа отправился как я слышал в имения г.г. Виельгорских, состоящих в Чембарском и Керенском уездах Пензенской губернии. По внушении моем соседственным крестьянам вверенного мне стана с селом Покровским о бытии в повиновении и послушании законов и начальства (которые и обещались быть в повиновении), я отправился по селам, граничащим с Керенским и Чембарским уездами, для предупреждения крестьян от возмущения бунтовщика.

Неповиновения крестьян вверенного мне стана к закону и властям незаметно, кроме волнения возбужденного бунтовщиком.

И. д. станового пристава Прокофьев.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 8 апреля 1861 г.[3]

Случаи неповиновения крестьян и отказа от барщины повторяются здесь довольно часто, хотя и не в больших размерах. К причинам, о которых я имел честь донести вашему сиятельству от 1 апреля за № 78[4], надобно присовокупить еще две: 1) Соседство Пензенской губ. с Саратовскою, откуда доходят самые невероятные слухи, где возмущения происходит также от сельского духовенства. 2) Экземпляры высочайше утвержденные пришли сюда не в порядке, в многих экземплярах или недостает листов, или одних и тех же листов несколько, так, что в одном имении г. Дубенского в экземпляре, присланном

---

[1] АВПК и Б. (Ленинградский архив внутренней политики культуры и быта), ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д № 1322, лл. 5 и об.

[2] См. письмо священика Чембарского уезда села Покровского Глебова в «Красном архиве», № 5/36, 1929 г., стр. 202—204.

[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 37.

[4] В этом донесении майор Лакс пишет, что все волнения «происходят от неправильного толкования высочайшего манифеста частью земским духовенством, частью грамотными людьми». (Там же, л. 29).

в контору, нет именно того листа, где определяются повинности. Крестьяне заподозрили, что контора вырвала их умышленно и отказались от барских работ.

Майор Лакс.

Рапорт моршанского земского исправника тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 10 апреля 1861 г., № 34.[1]

Из рапорта пристава 2 стана, вверенного мне уезда от 7 сего апреля, представленного с нарочным, ваше превосходительство изволили видеть о возмущениях и беспорядках, происходящих в Пензенской губернии Чембарского уезда в помещичьих имениях, смежных с Моршанским уездом. Беспорядки те и доселе там продолжаются и не прекращены и к искоренению такого зла на месте мер еще никаких не принято, а от того беспорядок все более и более усиливается, так что имеет гибельное влияние на умы крестьян некоторых помещичьих имений Моршанского уезда. Хотя последние при постоянном и тщательном вразумлении не поддаваться ложным толкам и обманам неблагонамеренных людей, кажутся спокойными, но заметно в них большее недоверие к начальству и помещикам, ибо при внушении если молчат и будто соглашаются: чему нужно верить и какие правила высочайше утвержденные должно исполнять в отношении к помещикам, — но думают совсем иначе и у них у всех мысль сильно развивается та же, какая и крестьян Чембарского уезда подстрекнула к бунту. Они соображают и верят в справедливость разглашения бунтовщика, произведшего волнение в имениях Чембарского уезда, что государь император прислал всем «бывшим помещичьим крестьянам о совершенной их вольности бумагу, писанную своею рукой, с пятью золотыми печатьми и георгиевским крестом, в коей государь написал, что даруя вольность крестьянам запретил им ходить на барщину, но помещики бумагу ту задерживают и что государю от помещиков за это выходит плохо, то государь приказал: всем крестьянам выбиваться от помещиков на волю силою и если кто из крестьян до св. пасхи не отобьется, тот будет, анафема, проклят».

Такое нелепое заблуждение более еще подкрепляется, как они между собою толкуют, тем, что если бы чембарские мужики были неправы, то давно бы с ними правительство распорядилось и подвергло их наказанию, но они до сих пор, как возмутились вот уже пять дней прошло, и их из начальства никто не трогает и не наказывает, стало быть они правы, а правого не за что и никто не смеет наказывать, и что в целой Пензенской губернии со дня объявления высочайшего манифеста никто уже из крестьян не ходит на барщину, то и моршанским крестьянам не должно отбывать барщину, и это намерение более высказывается в имениях гг. Протасьева в селе Липовке и Нарышкина в селе Громке с деревнями Боярскою и Соседкою. При внушении же им строго и свято исполнять установленную трехдневную мужскую и двухдневную женскую барщину, до введения уставной грамоты, они от барщины на словах не отказываются, но на деле не исполняют в точности. Подвергать их в настоящее время телесному наказанию за неисполнение барщины — очень опасно, чтобы не раздражить их совсем против помещиков, ибо в них кроется замысел такой: что если кого-либо из них накажут, то они все тут же передадутся к чембарским мужикам и тогда вместе соединясь разыщут свою волю и худо будет помещикам и их достоянию. Поэтому я их мерами кроткими до-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, лл. 9—10 об.

вожу до исполнения их долга и по настоящее время пока в вверенном мне уезде крестьяне спокойны, но за долгое спокойствие ручаться нельзя, в особенности если в Пензенской губернии не будет сделано примерного взыскания с бунтующих крестьян.

Для охранения спокойствия и о недопущении чембарских мужиков в вверенный мне уезд для разглашения ложных толков приняты мною все меры старания, как постоянными моими наблюдениями и увещаниями не вовлекаться в обман, так вытребованы из казенных сел временно-отпускные нижние чины человек до 30-ти и поставлены в пограничном от Соломенки с подтверждением: всех кто будет разглашать ложные толки, брать и представлять ко мне. Между тем на жителей села Соломенки наведен ужасный страх появлением опять в селе Покровском бунтовщика с толпою приверженцев, который утром 10 числа собрал значительно количество народа и внушал им, что все господское заведение, строение и достояние надо жечь и предавать пламени, но однако на эту меру еще не решились, а отправилась вся толпа в село. Высокое имение г. Кожина, жительство самого бунтовщика, обещаясь скоро опять возвратиться в Покровское и тогда исполнить свое намерение.

По всему этому я вообще, по соглашению с г. предводителем дворянства, признаю для охранения уезда и для поддержания порядка подчиненности в крестьянах необходимым иметь войско в вверенном мне уезде, по крайней мере хоть один батальон в местах пограничных с Чембарским уездом, и именно: в селе Громке с деревнями и Липовке, ибо в жителях этих местностей неповиновения значительно усилились. А так как настоящая надобность в войске не подходит под те случаи, по коим бы можно было самим распорядиться вытребованием команды, то по согласию с предводителем дворянства и положили просить на этот предмет разрешения вашего превосходительства

О чем с пояснением всех подробностей имею честь донести вашему превосходительству с нарочным и осмеливаюсь доложить, что я разрешения и распоряжения, какое по сему последует, дожидаюсь в уезде и если что-либо случится новое я в тож время представлю вашему превосходительству донесение с нарочным.

Иванов.

Телеграмма заседателя Кирсановского земского суда начальнику Тамбовской губернии, 11 апреля 1861 г.[1]

Командир Тарутинского полка сейчас сообщил, что командир 3 баталиона его полка донес: Чембарского уезда в селе Черногай по случаю бунта находилась для усмирения 10 рота, но по малому числу людей с боя возвратилась, потеряв 2 человека отхваченных мужиками. Черногаевские и окрестные крестьяне угрожают нападением на ротный двор. Исправника заарестовали крестьяне связанного. Вследствие сего командир 3 баталиона просит тотчас же выслать находящиеся в городе Кирсанове 11 и 12 роты с полными боевыми патронами.

Для скорейшего отправления рот командир полка просит нарядить по тракту подводы. Распоряжение о наряжении подвод сделано. Имея в виду, что село Черногай находится вблизи от граничных сел Кирсановского уезда, я тотчас предписал становому приставу 3-го стана отпразиться в ту местность пограничных селений, где можно ожидать какого-либо беспорядка. В случае малейшего беспокойства доносить ис-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, л. 7 и об.

правнику, которого, по находимости в уезде, я о происшествии этом уведомил.

О происшествии этом как соседственном Тамбовской губ. я долгом счел донести вашему превосходительству.

Алексеев.

Телеграмма тамбовского губернатора пензенскому губернатору гр. Толстому, 11 апреля 1861 г.[1]

Моршанский и кирсановский исправник доносят, что их уездам угрожает усилившееся волнение крестьян Чембарского уезда, куда потребованы войска из Кирсанова. Сообщите ваши распоряжения телеграммой, чтобы действовать согласно и выводом из своих уездов не лишиться мне возможности охранить их.

Губернатор Данзас.

Рапорт заседателя Чембарского земского суда пензенскому губернатору Толстому, 11 апреля 1861 г.[2]

С 10 на 11 число сего месяца в 2 часа ночи, пристав 1 стана Григорьев лично явился в земский суд и подал рапорт, в коем объяснил следующее: 9 числа сего ж месяца он, по приказанию г. исправника Андреева, вместе с ним и 10 ротою Тарутинского пехотного полка отправился в дер. Черногай графа Уварова, где г. исправник, прочитав крестьянам предписание его сиятельства г. начальника губернии, коим приглашались они повиноваться царской воле, под опасением наказания по законам, приказал ротному командиру арестовать некоторых из крестьян, замеченных уже прежде г. уездным предводителем дворянства в особенном упорстве к неповиновению. Ротный командир взял этих людей и посадил в особую избу, но крестьяне черногайские, с прибывшими к ним на помощь крестьянами из деревни Починок того ж графа, приступили к освобождению арестованных и те, разбив окна, выскочили, вмешались в толпу и все, вооружившись кольями, бросились на роту, но солдаты отбились прикладами ружей и сбили несколько человек с ног, о которых толпа кричала, что они убиты. В другой раз уже арестовать их было невозможно, потому что крестьян было человек 500, как он полагает, а рота состояла из 70 или 80 человек не более.

10-го числа по утру приехал в Черногай управляющий графа Уварова Пичугин и крестьяне деревни Черногая изъявили желание с ним говорить, но в это время в дер. Черногай съехались из всех окрестных деревень огромное количество крестьян числом, как надо полагать, тысяч более двух если не больше. Рота же в это время находилась на двух дворах. После довольно продолжительного разговора управляющего и г. исправника с крестьянами, когда они уже были окружены всем собравшимся народом и когда послышался общий крик народа: «бей, души их», тогда ротный командир приказал ударить сбор и рота не иначе могла пройти к месту действия, как пробившись прикладами чрез толпу и тотчас же выстроилась в боевой порядок. Крестьяне начали сильно наступать на нее, имея в руках дубины, вилы и пеш-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, л. 7 и об.

[2] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 10—13.

ни и, не смотря на все убеждения ротного командира не напирать, начали бить солдат и даже офицеров. Тогда ротный командир, не видя возможности удержаться, велел стрелять и, сделавши залп, от которого упало несколько человек, рота начала отступать, сильно преследуемая народом и отстреливаясь; в таком порядке она отступила к селу Ширяеву. В руках народа остались: исправник, управляющий Пичугин и прикащик Байков, два солдата, да один юнкер, пристав же был спасен от смерти солдатами, находясь в их строю, но все-таки получил удар по пояснице дубиною; подходя к Ширяеву, он встретил конторщика села Высокого г. Кожина Якова Маркина, упросил его съездить в Черногай и узнать о судьбе исправника; он съездивши туда, сказал ему, что г. исправник закован в кандалы, а также Пичугин и Байков, но что сделали с солдатами и юнкером, ему не известно.

В селе Алексеевке баронессы Мюльгенс находилась еще 9 рота Тарутинского полка, но посланного за нею рассыльного исправника Чернова, как он слышал, перехватили в дер. Починках и тоже сковали, поэтому рота не могла прибыть в Черногай. Пробравшись с опасностию через селы Сентяпино и Студенку графа Уварова, лично явился в земский суд и присовокупил в рапорте своем, что бунт, начиная с деревни Черногая, распространился с ужасною силою по всем окрестностям, а именно в селах: Покровском с деревнями Петровскою, Ивановкою и Екатериновкою г. Веригина, Высоком и деревне Кулеватовой г. Кожина, деревне Аршуковке г. Жемчужникова и неповиновение в деревне Подгорной г. Виельгорского и во всех почти вотчинах графа Уварова, потому что крестьяне его почти все были в Черногае, Покровском, разграбили господский скот и едва не убили священника, о чем имеются у г. исправника рапорты, поданные ему в бытность его уже в дороге, а о неповиновении крестьян в дер. Подгорной подал рапорт приставу, а от него представлен к г. исправнику. Бумаги эти все находятся при исправнике в Черногае, там же остались пристава платье и лошади, а также росписка получивших высочайшее повеление о крестьянах и один экземпляр Положения для выдачи в имение г. Жемчужникова в дер. Аршуковку, в которую он не мог проехать за расставленными везде крестьянскими караулами; управляющие же в этих имениях все разбежались, опасаясь быть убитыми. Бунт народа в этих имениях тем более опасен, что они некогда принадлежали одному владельцу графу Разумовскому, в настоящее время хотя и раздробленные по разным владельцам, все таки питают один дух, превратно одинаково толкуют высочайший манифест и правила, да к тому же во всех деревнях есть у них между собою родня. Для усмирения их и спасения исправника, который в опасности, не иначе можно приступить как взять полк и баталион, в противном же случае это будет опасно и бесполезно потому, что во всех этих селах и деревнях более шести тысяч душ и они непременно соберутся в ту деревню, куда придет команда.

О чем вашему сиятельству земский суд донести честь имеет, с присовокуплением, что для смирения бунтующих крестьян и спасения г. исправника с другими лицами, вместе с сим сообщено от земского суда к командиру Казанского пехотного его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка и к командиру 3 баталиона Тарутинского пехотного полка, о прибытии, сколь возможно, поспешнее в деревню Черногай, а для личного объяснения о подробностях бунта, командирован к вашему сиятельству пристав 1 стана Григорьев, бывший на месте в деревне Черногае, а до прибытия его в 1 стан отправился непременный заседатель суда сего г. Воскресенский.

Воскресенский.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 12 апреля 1861 г.[1]

В дополнение донесений моих от 8 сего апреля имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству, что волнение крестьян в Чембарском уезде превратилось в бунт. В имении графа Уварова, взволнованном сельским священником, крестьяне объявили решительно, что они никому не поверят, кроме царя, и освободив из под ареста, захваченных исправником при помощи роты Тарутинского полка, главных возмутителей, вооружились кольями и начали бить офицеров и солдат. Тогда ротный командир, построив роту в боевом порядке, сделал три залпа и отступил теснимый толпою крестьян (их было около 2 тыс.); один крестьянин бросил в него камень и капитан убил его из пистолета. Число убитых крестьян неизвестно, полагают, что человек около 15. В руках крестьян остались исправник, управляющий, прикащик, юнкер, 2 солдата и рассыльный, первые трое закованы в кандалы. Крестьяне намерены судить их. По дорогам расставлены крестьянские караулы, которые захватывают всех посланных и нет возможности получать оттуда сведения. Неизвестно даже дошло ли по назначению распоряжение губернского начальства о передвижении войска. Возмущение это тем более опасно, что весь околодок (около 10 т.) принадлежал прежде одному помещику, графу Разумовскому, и хотя ныне он и раздробился, но крестьяне остались между собой в прежних отношениях и сильно поддерживают друг друга. Свиты его императорского величества ген.-майор Дренякин со мною, по предложению начальника губернии, который в настоящее время болен, отправляется сего же числа в Чембарский уезд.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 12 апреля 1861 г.[2].

В дополнение донесения моего от 5 апреля имею честь почтительнейше присовокупить вашему сиятельству, что для приведения в повиновение крестьян гг. Уварова и Рахманина начальником губернии сделаны следующие распоряжения: 1) священника Померанцева по сношению с преосвященным вызвать в Пензу и 2) предписать исправнику, собрав крестьян, объявить им от имени губернатора, что все написанное в манифесте есть царская воля и никто в свете переменить этого не может, что все неисполняющие того, что заключается в этом манифесте, есть ослушники воли царской, которых ждет страшное наказание. Если крестьяне вразумятся этим и станут ходить на работы, то на первой раз их простить, если же нет, то поручить Военному отделению произвести следствие и поставить в селениях воинскую команду.

Майор Лакс.

Рапорт моршанского земского исправника тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 12 апреля 1861 г., № 36[3]

В дополнение к рапорту от 10 сего апреля за № 34 имею честь почтительнейше донести вашему превосходительству, что Пензенской губернии Чембарского уезда в помещичьих имениях, смежных с Моршан-

---

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 41.
[2] Там же.
[3] АВПК и В., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, лл. 17—18.

ским уездом беспорядки день ото дня все увеличиваются и бунт в тамошних крестьянах разгорелся до высшей степени и как по частным сведениям дознано: 10 сего апреля в село Покровское Чембарского уезда из одновотчинных деревень приехали верховые, собрали народ поголовно и отправились в село Высокое, а оттуда в деревню Шабловку графа Уварова, где была уже команда солдат в 70 человек с одним офицером, при этом будто бы были: исправник, становой, пристав и управляющий имением и когда стали бунтующих уговаривать оставить возмущения, но они не послушались, то сделан был по ослушникам выстрел из ружей, от чего из них шесть человек убиты наповал, а трое ранены, от этого крестьяне более пришли в азарт, бросились, смяли солдат, обезоружили их, а офицера, исправника, станового и управляющего мужики связали, били жестоко и приковали к мертвым телам; и власти у мужиков содержатся под стражею. По словам передававших эти сведения, было в сборе в Шабловке великое множество крестьян с 23-х селений; в селе Покровском от крестьян расставлены везде караулы, так что проезжающих ни взад ни вперед не пускают и поступают вообще со всеми варварски.

11 числа двое крестьян из бунтующего села Покровского приехали на господских лошадях верхами вверенного мне уезда в село Пичаево, для какой именно надобности достоверно неизвестно, но по показанию их и по действиям они присланы розыскать и взять в свое село их управляющего. Почему они задержаны и отправлены в земский суд для заключения под стражу.

Во вверенном же мне уезде крестьяне хотя еще, повидимому, спокойны, но соблазн, перешедший из Пензенской губернии, к возмущению сильно на них действует и заметно очень большое в них желание присоединиться к чембарским мужикам и уже из села Громке имения г. Нарышкина, от общества тайным образом посылались агенты в Покровское к главному возмутителю, попросить и для их села закона.

Подобные деяния навели на всех жителей панический страх и ужас и если, как уже я имел честь просить ваше превосходительство, не будет вскоре прислано войско, то ближайшие имения вверенного мне уезда к Чембарскому в спокойствии удержать невозможно.

Исправник Иванов.

Доклад ген.-майора барона Винценгероде Александру II, 12 апреля 1861 г.[1]

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что моршанский земский исправник рапортом от 10 сего апреля за № 34 донес начальнику Тамбовской губернии, что Пензенской губернии Чембарского уезда в селе Черногай произошли весьма важные беспорядки от волнения крестьян, 12-го же числа кирсановский уездный предводитель дворянства и тамошний земский исправник телеграфическими депешами уведомляют, что помещичьи крестьяне Чембарского уезда совершенно сбунтовались, не признают более никаких властей, и что беспорядки эти угрожают распространиться в пограничных имениях Тамбовской губернии.

В Тамбовской же губернии общественный порядок и тишина не были еще нарушены, хотя в настоящее время во многих местах оказывается волнение умов и даже происходили маловажные беспорядки, которые однакоже были прекращены местною полициею или уездными предводителями без большого затруднения. Беспорядки эти происходи-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внут. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, лл. 22—23.

ли единственно вследствие несовершенного понимания высочайше утвержденного Положения, так что обстоятельства эти скорее можно приписать к недоразумению, нежели к полному неповиновению.

По частным, но довольно достоверным, слухам оказывается, тоже, что во многих местах проявляются незнакомые странствующие люди простого сословия, которые злонамеренно между крестьянами распространяют разные ложные и весьма вредные слухи, стараясь возбудить недоверие крестьян к помещикам и местным властям. По получению известия об этом г. начальником губернии приняты были тот час строжайшие меры для открытия подобных злоумышленников, но по настоящее время невозможно было отыскать виновных и удовлетворительно разъяснить до какой степени эти слухи справедливы.

Вследствие донесений о беспорядках в Чембарском уезде Пензенской губернии и на границах Моршанского и Кирсановского уездов начальником Тамбовской губернии, равно командующим 6-м армейским корпусом сделаны надлежащие распоряжения и приняты все необходимые меры для сохранения спокойствия тех уездов.

Независимо же от этого и по соглашению с г. начальником губернии, я намерен отправиться в уезды Моршанский и Кирсановский для личного убеждения крестьян в помещичьих имениях и пресечения всех их недоразумений и беспорядков, а о последующем буду иметь счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству немедленно по возвращении моем в губернский город Тамбов.

Ген.-майор барон Винценгероде.

Донесение из Кирсанова тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 12 апреля 1861 г.[1]

В Тамбовской губернии пока все спокойно. Со стороны полкового командира приняты самые деятельные меры. Батальон третий направлен в Ершово. Девятая рота не успела соединиться с десятой, потому что мужики перехватили посланного, но она вскоре пришла, освободила исправника, отбитых солдат, ночевала в Черногае и теперь вышла. Из мужиков оказались убитыми три человека, ранены 4. Присутствие генерала пока не нужно. Сейчас еду на границу.

Старший чиновник особых поручений Чихачев.

Телеграмма пензенского губернатора Толстого тамбовскому губернатору Данзасу, 12 апреля 1861 г.[2]

В Чембарский уезд отправился генерал Дренякин. В его распоряжении Казанский полк. На место бунта пошел батальон.

Граф Толстой.

Телеграмма штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губернии шефу жандармов Долгорукову, 14 апреля 1861 г.[3]

Пленные освобождены 9 ротою Тарутинского полка. Сегодня пробуются меры протеста, завтра решительные действия. Генерал Дренякин

---

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, л. 8.

[2] Там же, л. 8 об.

[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 14. На телеграмме надпись Долгорукова: «По важности событий в Пензенской и Тамбовской губ. я полагаю послать туда Г. А. Яфимовича, а в Казань Г. А. Бибикова. Обоим дам завтра личные инструкции и прошу уведомить о том мин. внутр. дел и сообщить им все сведения оттуда полученные. 14 апреля 1861 г. Ген.-адъютант князь Долгоруков». Бибиков был послан в Казань в связи с восстанием крестьян д. Бездны, Казанской губ.

командирует меня в соседний Керенский уезд для прекращения и там распространяющегося волнения. Немедленно еду 14 апреля.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 15 апреля 1861 г. № 110.[1]

Генерал-майор Дренякин, получив несколько новых сведений о быстром распространении мятежа в Чембарском и Керенском уездах, командировал меня в село Кандеевку статского советника Волкова, которое крестьяне всего околотка выбрали сборным пунктом как место находящееся почти на границе трех уездов Моршанского, Чембарского и Керенского и где находилось уже временное отделение Керенского земского суда и три роты Казанского полка. Я имел поручение действовать на крестьян одними убеждениями. Прибыв в село Кандеевку, я нашел огромную толпу народа, собравшегося невдалеке от барского двора, подъехал прямо к ней, выслушал все, что говорили крестьяне, говорил и сам им много и нашел, что как ни радушно, повидимому, они меня встретили, но миролюбивого соглашения подчиниться указанному в Положении порядку от них ожидать нельзя. Только и говорят одно: «не станем больше работать барщину, а хотим платить оброк царю».

В толпе я заметил некоторых крестьян, которые облечены от мира какою то властью, их слушались, они распоряжались кому подойти ко мне ближе, и кому вовсе не подходить, сами говорили более и смелее всех, заставляли других молчать.

В господском доме я нашел господина предводителя дворянства, исправника, станового пристава, и штаб и обер-офицера расположенного во дворе батальона Казанского полка. От них узнал я, что волнение в Кандеевке и окрестных селах началось тотчас после неудавшейся попытки усмирить крестьян графа Уварова, что ежедневно собираются сюда отовсюду до 10 тысяч народу, что по дорогам расставлены патрули и что учреждена почта по всем трактам для передачи из селения в селение нужных сведений.

Главным бунтовщиком оказался крестьянин г. Кожина Егорцев, тот самый, который возмутил село Покровское, принадлежащее г. Веригину. Он же продолжает возмущать и прочие селения. Крестьяне величают его в. к. Константином Павловичем и оказывают ему всевозможные почести. Он везде имеет своих подручников. Никакие убеждения на крестьян не действуют. Они всех подозревают в подкупе: «У помещиков много денег», — говорят они.

Я не предпринимаю никаких решительных мер в ожидании или прибытия ген.-майора Дренякина по усмирении им имений графа Уварова или новых от него приказаний.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, я имею честь присовокупить, что озлобление кандеевских крестьян, равно как и крестьян некоторых других соседних имений против помещиков происходит от притеснительного управления ими. Они имеют основание говорить, что они на помещика уже отработали, потому что с тех пор, как

---

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, лл. 45—47.

существует трехдневная барщина, они не пользовались этою льготою, а ходили на работу по 6 дней в неделю.

Майор Лакс.

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 15 апреля 1861 г.[1]

Имею честь почтительнейше представить вашему сиятельству наименование тех селений, в коих по настоящее время крестьяне волнуются и бунтуют.

1. Черногай и Студенка (600 д.) — имения графа Уварова, взволновались сельским священником Померанцевым.

2. Покровское (1000 д.) — помещика Веригина. Едва не убили священника и разграбили дом управляющего.

3. Высокое (460 д.) — имение Кожина. Вследствие волнения управляющий должен был скрыться. Священник дурной репутации. На него ссылаются крестьяне других имений, отказавшиеся от барских работ Отсюда вышел крестьянин Егорцев, бунтующий всю окрестность.

4. Подгорное (350 д.) — имение графа Виельгорского. Крестьяне отказались от повиновения.

5. Чернышево (2000 д.) и Починки (400 д.) — имения графа Уварова. Крестьяне действуют за одно с черногайскими.

6. Головка (250 д.) — имение Жемчужникова. Крестьяне отказались от повиновения и грозили управляющему, который неизвестно куда скрылся.

7. Кандеевка (900 д.) — имение Волкова. Донесено от 15 апреля за № 110.

8. Орлев (840 д).— имение наследников графа Михаила Виельгорского, взволнованное крестьянином из Высокого — Егорцовым. Крестьяне грозили священнику убить его, если он не выдаст им воли. Священник бежал. Они же распускают слух, что приказано убивать всех чиновников и помещиков.

9. Буртас (1780 д.) — имение графа Виельгорского. Крестьяне находятся в тревожном состоянии и есть опасение, что и они увлекутся.

10. Глебовка (700 д.) — имение Эспехо. Крестьяне действуют за одно с кандеевскими.

11. Все эти имения принадлежат Чембарскому и Керенскому уездам. Но кроме их за одно с кандеевскими действуют крестьяне имений соседнего Моршанского уезда Тамбовской губернии, а именно: Липовка — 1 000 д., имение Протасьева; Каменка — 800 д., имение Нарышкина; Громке — 1 000 д.

12. Черкасское — 945 д. и Ильинка — 150 д., имения Охотникова. Крестьяне совершенно отказались от повиновения и грозят священнику смертью, если не выдаст им воли.

Все волнующие имения сидят на барщине и принадлежат богатым владельцам, не живущим в своих имениях, управлялись весьма стесснительно их доверенными. Оброчные имения даже и при плохом управлении остаются в спокойном состоянии.

Майор Лакс.

---

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 47—48.

Телеграмма штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губернии шефу жандармов Долгорукову, 15 апреля 1861 г.[1]

Волнение приобретает угрожающие размеры. Главного бунтовщика кожинского крестьянина Егорцова называют великим князем Константином Павловичем, у него везде свои подручники.

Майор Лакс.

Предписание Александра II генерал-адъютанту Яфимовичу, 16 апреля 1861 г.[2]

Господин генерал-адъютант Яфимович! По случаю беспокойств, возникших при введении в действие новых о крестьянах Положений между помещичьими крестьянами Пензенской и Тамбовской губерний, признавая необходимым принять решительные меры к прекращению оных, я поручаю вам отправиться с этой целью теперь же в означенные губернии и действовать там для прекращения волнений и беспокойств. Все губернские начальства должны в точности исполнять приказания ваши по всем вообще предметам, касающимся сохранения в означенных губерниях порядка и спокойствия. Командированные мною в сии две губернии свиты моей генерал-майоры барон Винценгероде и Дренякин должны состоять в вашем полном ведении и исполнять предписания ваши по всем предметам возлагаемого на вас поручения.

Я разрешаю вам употреблять в нужных случаях все расположенные в сих губерниях войска, кои должны в точности исполнять все ваши приказания. Располагая таким образом всеми способами к прекращению волнений в Пензенской и Тамбовской губерниях, я уверен, что вы при исполнении возлагаемого на вас поручения будете действовать с надлежащею осторожностью, стараясь обратить виновных и заблудшихся к порядку и повиновению преимущественно мерами кротости и убеждения, действуя со всею законною строгостью только тогда, когда все меры внушения не будут иметь полной силы.

Более всего обратите внимание ваше на подстрекателей и главнейших зачинщиков беспорядков. Противу них должны быть принимаемы самые строгие меры, и я разрешаю вам в тех случаях, когда вы признаете нужным и когда мое разрешение не может быть вами испрошено по телеграфу, предавать подобных, вредных для общества людей военному суду по полевому Уголовному уложению и утверждать, а также приводить в исполнение приговоры сих судов, на правах командиру Отдельного корпуса предоставленных. Облекая вас такою властью и уполномачивая вас действовать моим именем во всех случаях, где нужно для прекращения возникших беспорядков и волнений, я, зная пламенное усердие ваше к пользам службы, уверен, что благоразумными распоряжениями вашими беспорядки сии прекратятся в самом скором времени. О всех ваших действиях, вы имеете доносить мне непосредственно, в собственные мои руки.

Пребываю вам благосклонный.

Александр.

Телеграмма штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 18 апреля 1861 г.[3].

Все меры кротости генералом Дренякиным были истощены, повиновения не было. Мятеж распространялся быстро по четырем уездам.

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 20.
[2] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отдел., 1861 г., д. № 21, лл. 1—2.
[3] ЦАР, II отд., IV, 1861 г., № 221, л. 20.

Гнездо — Кандеевка. Стреляли. Убито 8, ранено 26, некоторые прогнаны сквозь строй и приговорены к ссылке. Несколько человек высечено. Прочие покорились, давши расписку в покорности. Завтра по желанию генерала еду с предводителем Ранцевым в другие беспокойные селения.

Майор Лакс.

Донесение начальника Тамбовской губ. Толстого министру внутренних дел, 20 апреля 1861 г.[1]

В дополнение к особым донесениям моим за №№ 293 и 295 и телеграфическим депешам, имею честь почтительно довести до сведения вашего высокопревосходительства о началах и подробностях волнения, возникшего между помещичьими крестьянами Чембарского уезда Пензенской губернии, граничащим с Моршанским и Кирсановским уездами Тамбовской губ., по сведениям, доставленным мне чиновником особых моих поручений Чихачевым и генералом Винценгероде.

Крестьяне Чембарского уезда г. Уварова, не нашли в манифесте того, чтобы обязаны были работать на помещика в продолжении двух лет, а потому пошли к местному священнику с просьбою растолковать, следует ли им работать на помещика, священник ответил, что он в манифесте на счет работы ничего не читал, тогда они опять начали требовать от него, чтобы он разъяснил им это положительно, но он опять отвечал уклончиво, что этого не читал, а пусть они поступают, как хотят, тогда крестьяне решились не работать и начали возбуждать к тому же и возмущать крестьян других селений, тех же которые не соглашались быть с ними за одно, стращали жечь и убивать.

К этому присоединилось другое обстоятельство: крестьянин с. Высокого Чембарского уезда, помещика Кожина, старик безтяглый, судившийся за разные преступления и бывший несколько раз в бегах, но освобожденный судом, явился к ним и рассказал, что все местные власти подкуплены помещиками, вследствие чего самые интересные для крестьян листы в манифесте и Положении вырваны и что вырвана также из оного золотая царская печать. Тогда крестьяне пришли в ожесточение, начали огромными массами собираться по разным деревням, обыскивать священников и вотчинные конторы, а прикащиков арестовывать и отбирать у них деньги, которые, впрочем, не расходовали, а хранили. В числе сел, которые подверглись обыску, было и село Покровское, находящееся на самой границе Моршанского уезда и в полуверсте от с. Соломенки помещика барона Фитингофа. Таким образом бунт вспыхнул разом во многих деревнях, бунтовщики не оставались на одном месте, но беспрестанно переезжали верхами из села в село, возбуждая к бунту всех крестьян, кого надеждами на лучшее, кого угрозами.

Чембарский исправник, быв извещен о возмущении с. Покровского и дер. Черногай, просил командира Тарутинского полка командировать 2 роты, одну в Покровское, а другую в Черногай и как последняя деревня небольшая, то он, полагая покончить там скоро, с обеими ротами намеревался потом идти на Покровское, но на деле оказалось совершенно иначе. Бунтующие крестьяне, не оставаясь на одном месте, беспрестанно переезжали из одной деревни в другую, так что когда исправник с 10 ротою в числе, около 70 человек, прибыл в Черногай, вместо небольшого общества этого поселка, встретил огромную массу людей из других сел. При таком неожиданном обстоятельстве ему

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отд., 1861 г., д. № 20, лл. 3—9.

следовало бы удалиться для истребования более войска или же приступить к убеждению крестьян не иначе, как при нравственном влиянии хотя той же команды, с которою прибыл, но вместо того, он отослал солдат на квартиры, а сам начал увещевать крестьян один, но разумеется без успеха и даже при этом случае на него посыпалось с крыш солома и земля, а крестьяне кричали: «бей всех с звездочками».

Тогда только приказано было ударить тревогу и собрать роту, но бунтовщиков собралось до 3 т. человек, которые мгновенно окружили роту со всех сторон, так что она вынуждена была отступить, оставив в руках бунтовщиков исправника, управляющего имением, одного юнкера и одного солдата. При этом отступлении роты, крестьяне с ожесточением преследовали ее, так что некоторые солдаты при обороне несколько раз выстрелили в толпу, в которой потом оказалось убитых крестьян 5 человек и раненых 4.

После удаления войска исправник был закован вместе с управляющим имением. Прежде еще дела, т. е. по прибытии в Черногай, исправник неожиданно встретив такую массу людей, на которую вовсе не рассчитывал, и имея с собою только одну слабую 10 роту Тарутинского полка, тотчас послал нарочного за 9 ротой, но посланный был остановлен крестьянами. Он успел однакоже отправить другого, который пробрался благополучно до 9 роты, и она вечером того же дня пришла в Черногай, но бунтовщики перешли уже в другое село, оставив только караульных для присмотра за арестованными. Таким образом этой роте удалось спасти исправника, управляющего, солдата и юнкера, из коих последний оказался сильно избитым и с проломанною головою. Тогда уже, вследствие требования исправника и батальонного командира участвовавших рот, и был командирован на место события Казанский полк со стороны пензенского начальства, а из Тамбовской губернии 2 батальона Тарутинского полка и 2 роты 17 стрелкового батальона.

Между тем толпы бунтующих крестьян с каждым днем увеличивались и волнение распространилось вдруг в 26-ти селениях. Не довольствуясь этим, бунтующие крестьяне пытались вовлечь в свое сообщество и соседних с ними крестьян Моршанского уезда, в особенности с. Соломенки, угрожая сжечь их, если они не пристанут к ним, в чем однакож не успели по причине доброй нравственности соломенских крестьян, удержанных от увлечения благоразумною находчивостью приходского священника их села, который созвал соломенских крестьян в церковь и выйдя к ним в полном облачении со св. крестом и евангелием, объявил им с клятвою, пред образом богоматери, что другого манифеста, кроме прочитанного им прежде и повторенного при этом случае, не имеется, причем увещевал их оставаться покорными начальству и не увлекаться примером бунтующих соседей. Наставление это имело самое благодетельное влияние, ибо соломенские крестьяне совершенно успокоились и даже решились силою защищаться от нападения бунтующих. Таковой похвальный поступок священника с. Соломенки заслуживает примерной награды, о чем я поставлю себе священным долгом особо ходатайствовать по получении о его действиях официального удостоверения местного уездного начальства.

После этого я ежедневно был извещаем генералом Винценгероде и подведомственными мне чиновниками о том, что волнения в Чембарском уезде, Пензенской губернии не только не прекращаются, а напротив все более и более увеличиваются с весьма вредным влиянием на крестьян соседственного Моршанского уезда вверенной мне губернии, и что генерал Дренякин для решительных действий ожидает при-

бытия остальных затребованных им войск и высочайшего разрешения, по получении которого он, как я уже имел честь сообщить вашему высокопревосходительству по телеграфу 17 апреля, прибыв с войском в с. Кандеевку, самый корень бунта и притом всех бунтовщиков, решительно отказавшееся исполнять высочайший манифест и единодушно согласившееся не производить господских работ, еще раз в присутствии войска хотел попытаться уговорить бунтовщиков отказаться от своих заблуждений, но это оказалось бесполезно, так что он вынужден был прибегнуть к употреблению оружия и от произведенных выстрелов (в числе 41) убито 7 человек и ранено 27, но крестьяне и затем оставались непреклонны, однакож будучи быстро окружены войском, были приведены на барский двор, где 30 человек прогнаны сквозь строй, с назначением их в каторжную работу и несколько наказаны розгами. Эта только мера, наконец, подействовала и крестьяне как с. Кандеевки, так и многих соседственных, бывших с ними в союзе, со слезами на глазах, начали просить помилования и изъявили полную готовность исполнить высочайшую волю.

В Моршанском же уезде возмущения хотя и не принимали таких обширных размеров, но все время усиливались постепенно и генерал Винценгероде не приступал еще к решительным действиям, ожидая окончания дела в с. Кандеевке, полагая, что оно будет иметь благотворное влияние и на волнующихся крестьян селений Моршанского уезда. Но несмотря на энергичные действия генерала Дренякина, о которых сведения быстро распространились по всей прилегающей местности, генерал Винценгероде узнал, что они нисколько не остановили возмутительного направления моршанских крестьян, которые (в с. Липовке в особенности) решительно отказались исполнять какое бы то ни было требование местного начальства, а потому он решился отправиться с войском в помянутое село, чтобы окончательно подавить волнение. По получении от него сведений я буду иметь честь немедленно довести о том до сведения вашего высокопревосходительства.

Из всего вышеизложенного ваше высокопревосходительство усмотреть изволите как важно в настоящее время нравственное влияние на умы крестьян приходских священников и какие бывают от их действий различные последствия.

Доношу подробно обо всех обстоятельствах, случившихся в другой губернии, потому что они были причиною беспорядков, происшедших в уездах вверенной мне губернии, пребывавших до того в спокойствии.

В прочих же частях вверенной мне губернии хотя и проявляются во многих местах небольшие волнения, но они благодаря бога, не имеют еще общего и серьезного характера и подавляются в самом начале быстрыми и энергическими мерами местных уездных предводителей дворянства и чиновников земской полиции, при содействии самих помещиков и командированных мною чиновников особых моих поручений.

Толстой.

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 21 апреля 1861 г.[1]

Свиты его императорского величества генерал-майор Дренякин прибыл в Кандеевку 16 сего апреля. Он подъехал прямо к толпе, долго говорил с нею, но никакие убеждения не подействовали. Однако благо-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел. Земский отд., 1861 г., д. № 21, лл. 22—25 об.

даря присутствию духа, он успел вырвать из средины раздраженной толпы одного 72-летнего отставного солдата Елизарова, говорившего дерзко и обратившего внимание его превосходительства своим шутовским нарядом. Его тотчас заковали в железы.

Оказалось, что это был один из главнейших возмутителей. Он даже советовал захватить самого генерала, а как человек грамотный толковал высочайший манифест по своему произволу. Впоследствии крестьяне единогласно указали на него и на Егорцева, как на главных виновников постигшего их несчастья. Разница между ними та, что Елизаров кроме своего села нигде не имел влияния, а Егорцева слушали все окрестные села, нарочно посылали за ним тройки, водили его под руки и носили за ним скамейку.

С приездом генерала он начал скрываться и к открытию его убежища приняты положительные меры.

На другой день, 17 апреля, в день рождения нашего августейшего монарха, его превосходительство не предпринял ничего. Утром отслужен был молебен в присутствии всех собранных в Кандеевке чинов и войска и в виду крестьянских пикетов. После молебна священник со всем причетом и с крестом в руках ходил увещевать народ, но вернулся без всякого успеха.

Между тем со всех сторон приходило грустное известие, что мятеж распространяется с изумительной быстротой. От генерал-майора барона Винценгероде прибыл 18 числа подполковник Дурново с губернаторским чиновником Чихачевым с уведомлением, что мятеж проникает глубоко в Моршанский уезд и что все крестьяне смотрят на Кандеевку, как на место, откуда придет к ним благодать. Они оба были свидетелями всей катастрофы. Ходили и чудовищные слухи, что царский посол посадил в острог исправника за то, что тот стрелял в народ, собравшийся в Черногае, что он идет с войском расстреливать не крестьян, а помещиков, что в Кандеевке он будет раздавать билеты на вечную волю и что всех помещиков и чиновников царь велел убивать и на том же месте зарывать в землю. Народ толпами валил в Кандеевку.

Все эти обстоятельства принудили генерал-майора Дренякина покончить наконец с мятежниками. Как нельзя более во-время получена была депеша вашего сиятельства, извещающая генерала, что ему разрешено высочайшею волею решать виновных его судом[1]. 18 апреля генерал собрал войско и подошел с ним к толпе. Войска было 9 рот, из них 7, Казанского полка, стояли бивуаком в селении, а 2 Тарутинского полка, взятые на одни сутки у барона Винценгероде, расположены были в 2-х верстах от него, по дорогам, чтобы ловить бегущих, если таковые будут. Убеждения, которыми его превосходительство попробовал было еще раз образумить заблудшихся, остались, как и надо было ожидать, судя по характеру возмущения, напрасными. Мало того, он снял с груди своей образ божией матери и, обращаясь к толпе, сказал: «Клянусь вам этим образом, которым благословила меня мать моя, что все говоренное вам мною есть воля царская». Народ продолжал кричать: «стоим за бога и царя, а господам работать не будем». «Я буду стрелять»,— сказал им генерал,— «Делайте что хотите», — кричала толпа. Трудная, но неизбежная минута настала: дано было три залпа (41 выстрел из гладкоствольного оружия пошереножно). После каждого генерал обращался к толпе не покорится ли. Толпа продолжала кричать свое, поднявши вверх руки. Впоследствии

[1] Телеграмма от 17 апреля 1861 г. № 3264. См. об этом всеподданнейший рапорт ген.-майора Дренякина от 13 мая 1861 г., напечатанный в «Русской старине», т. XLVI за 1885 г., стр. 149.

крестьяне сознавались, что Егорцев убеждал их выдержать три выстрела, если паче чаяния в них начнут стрелять, и что после этого им непременно выдадут билеты на волю. Вашему сиятельству известно уже число жертв (убито 8, ранено 26), но вчера приведены были еще два легкораненные в руку, успевшие убежать в свою деревню.

Зная, что у крестьян подготовлены колья, топоры и косы, насаженные на палки[1], и заметив, что толпа в этот день была значительно меньше чем в предыдущие, его превосходительство имел основательную причину опасаться засады и потому углубиться с войском в улицу, чтобы охватить со всех сторон толпу, примкнувшую к одной стороне ее, было не совсем безопасно. Однако, видя фанатическое упорство крестьян и уверившись, что начатая им мера не принесет желаемого успеха, он приказал наконец войску быстро обхватить толпу и, окружив ее, вести в поле к господскому дому. Это было исполнено как нельзя лучше, благодаря распорядительности начальствующих лиц и расторопности солдат.

Между тем все случившееся, после нескольких тревожных дней и без сна проведенных ночей, так потрясло слабое здоровье генерал-майора Дренякина, что была минута, когда мы все опасались за состояние его здоровья. Но прийдя в себя, он, как ни был слаб, приступил к окончанию начатого дела. На основании высочайше дарованного ему права он немедленно присудил к наказанию шпицрутенами главнейших виновников возмущения. Тогда только когда услыхали крестьяне, что будут гонять сквозь строй и ссылать в каторжную работу, они стали раскаиваться, обнаруживать виновных, рыдать и умолять генерала и всех его окружающих о пощаде. Они никак не ожидали такой крутой меры и ждали обыкновенного суда, от которого, они знали по опыту, не трудно было отделываться. Можно положительно сказать, что спасен был правом высочайше дарованным генерал-майору Дренякину.

Майор Лакс.

Телеграмма ген.-ад. Яфимовича из Тамбова шефу жандармов Долгорукову, 25 апреля 1861 г.[2].

Прибыл вчера в Тамбов; в местах пограничных Пензенской губ. волнение продолжается. Меры приняты — Дренякин наблюдает водворяющийся порядок в Чембарском и Кирсановском уездах, 28-го отправляюсь в Пензу.

Ген.-адъютант Яфимович.

Рапорт капитана корпуса жандармов в Тамбовской губ. шефу жандармов Долгорукову, 27 апреля 1861 г.[3]

Начальник Тамбовской губ. получил донесение от исправника Липецкого уезда, что крестьяне посланные на землю помещика Федцова, оказывают совершенное неповиновение означенному помещику и не хотят исполнять в пользу его никаких работ, и что он исправник прибыв на место с временным отделением Липецкого уездного суда и предводителем дворянства старался привести их мерами кротости и убеждения к исполнению своего долга, но не мог этого достигнуть, потому что они толкуют положение по своему и выбирают из него все то, что только относится к их льготам, минуя совершенно тех

[1] Эти слухи распространялись, вероятно, с целью подвести крестьян под более тяжелое наказание, т. к., по свидетельству Худякова, у крестьян не было обнаружено никакого оружия. См. «Исторический вестник», т. 6, 1881 г., стр. 786.

[2] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. 221, л. 44.

[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 233, л. 15.

повинностей, которые они должны отбывать в пользу своего помещика. И как в имении этом находится 400 душ и притом окружено другими значительными имениями, то он, имея только 30 человек понятых от государственных крестьян, не решился принять других законных мер без содействия воинской команды, опасаясь в случае неуспеха компрометировать полицейскую власть. Вследствие чего начальник губернии, приняв в уважение изложенные обстоятельства, немедленно отправил на место происшествия одну роту от стрелкового и одну роту от батальона внутренней стражи и, вместе с тем признав, что хотя неповиновение это могло бы быть подавлено и без его присутствия, но по удобству местности, находящейся на границе трех уездов, для распространения примера неповиновения, а следовательно и слухов о мере взыскания, он сего числа отправился сам на место происшествия и надеется при содействии означенных войск привести все в настоящий порядок и ограничиться при этом одними только полицейскими наказаниями.

Кроме того, было оказано неповиновение крестьянами Тамбовского уезда в имении помещика Михаила Петрово-Соловово, но было прекращено исправником, при содействии одной роты воинской команды. Главные виновники подвержены только полицейскому наказанию и затем порядок в имении совершенно восстановлен. В имении же кирсановского помещика и предводителя дворянства этого уезда Андреевского крестьяне, хотя и исполняли барские работы, но не хотели дозволить наемным работникам обрабатывать часть помещичьей земли, которую они совершенно неправильно считали своею собственностью, а потому и в этом имении земская полиция должна была прибегнуть к содействию одной роты Тарутинского полка, и затем недоразумение окончилось мерами полицейского взыскания и полным раскаянием крестьян.

Что же касается вообще до спокойствия края, то можно сказать, что хотя и возникают недоразумения вследствие непонимания нового Положения, но они прекращаются посредством разъяснений предводителя дворянства и земскою полицею. В настоящее же время начальник губернии для прекращения этих недоразумений приказал отпечатать в числе 5 тысяч экземпляров циркулярное разъяснение о том, что именно крестьяне должны исполнять в отношении к помещикам и какими пользоваться преимуществами до составления уставных грамот и образования сельских обществ.

Из имений Моршанского у., находящихся на границе Пензенской губ., получены сведения, что должной порядок восстановлен и взволнованные пензенскими событиями умы крестьян совершенно успокоились.

Господин ген.-адъютант Яфимович в настоящее время находится в Тамбове и будет ожидать здесь результата от поездки начальника губернии.

Прибытия же сюда из Моршанского у. свиты его величества генерал-майора барона Винценгероде ожидают сего числа.

О чем вашему сиятельству за отсутствием подполковника Дурново имею честь почтительнейше донести.

Капитан Самойлов.

Донесение управляющего пензенским имением гр. Виельгорского Веневитинову, 28 апреля 1861 г.[1]

Я имел честь по телеграфу доносить вашему превосходительству о начале и прекращении крестьянского возмущения, в настоящую ми-

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 63—67.

нуту, когда порядок вполне водворен, долгом полагаю изложить мое донесение с некоторыми подробностями.

4-го числа апреля села Студенки (Чембарского у.) тамошний священник объявил крестьянам, работавшим на барщине, что он получил Положение, в котором не велено работать на помещика, крестьяне бросили работы, собрали сход и тотчас разослали верховых вестовщиков в окрестные селения, объявляя друг другу о словах, сказанных священником. От этой искры, началом которой было вино, быстро распространялось пламя, и первая толпа бунтовщиков образовалась в Высоком (пом. Кожина) до 4-х тысяч душ, в Волкове до 3 тыс., в Черногае — Шабловке (пом. Чернышева), тоже до 3 тыс.

В эти последние деревни явились исправник и становой. Чиновники эти начали увещевать крестьян и читали Положение. Но крестьяне требовали Положения на желтой бумаге с знаменем и золотым крестом. Они бросились на чиновников и заковали исправника. Тут же бывшая одна рота хотела остановить буйство, дала выстрел холостыми зарядами, но теснимы сильною толпою едва успели отступить, употребив боевые выстрелы, от которых пало убитыми 4 крестьянина, а из военных — юнкер ранен был крестьянами в голову. Вслед за этим явилась другая рота и спасла исправника. Когда эти сцены совершались, свиты е. и. в. ген. Дренякин с сильным отрядом обложил Черногай и крестьяне, покорясь силе, выдали всех виновных; они тут же были наказаны; толпа, образовавшаяся в Высоком, перешла в Кандеевку, где в отставном солдате народ признал цесаревича Константина Павловича, освободившегося из долголетнего заточения, и явился какой-то граф Толстой (дворовый человек Егорцев). Этот сигнал обворожил многих лучших крестьян, и никакие увещевания не могли остановить их стремления; толпа глупых любопытных и злонамеренных выростала до 8 т. человек и из среды оной высылаемы были во все стороны с бессмысленными вестями, а именно: а) что государь 9 дней постился, 3 дня лежал во гробе и после просил помещиков, чтобы дали вольную крестьянам. Но они его прибили и ранили, он теперь бежал в чужие края и приказал народу в 12 дней отбиться от помещиков, и что стоит над водою валить в воду, а что подальше, жечь, помещику выделить земли 40 десятин, что поп в Студенке объявил, что в Положении 5 листов выдрано и что помещики купили какого-то генерала, но он не смеет стрелять в народ крещеный; б) что в Кандеевке уже раздают билеты на вольную и кто туда не явится вечно будет служить барщину. Эти безумные и сумасбродные послания из Кандеевки во все стороны смутили народ, по поводу чего Буртас и Самариха 12 числа не пошли на наряд, Куземки 16 числа вышли из повиновения, а Подгорное — 6 числа поголовно отправились в Высокое и из оного поголовно же напали на село Троицкое и не желавших участвовать силою заставляли следовать с ними, и когда высокинская сцена перенесена была в Кандеевку, тогда эти оба селения, передавая безумные басни в Липовку, Куземкино, Буртас, Самариху, а эти по простой вере в неограниченность и своеволие в свою очередь передавали в Черкасское, Поливаново, Архангельское, Сосновку и далее, так что Кандеевка была главным пунктом, из которого разливалось пламя бунта по Пензенской и Тамбовской губерниям. Везде на огромном пространстве во все стороны учреждена была крестьянами летучая почта и поверенные, выжидавшие чем разрешится кандеевское возмущение. Между тем постепенно крестьяне выходили из послушания; буйств, насилий, грабежа и разбоя общего не было; в частности проявлялась дерзость и своеволие без убийства.

16 числа ген. Дренякин, приведя в порядок черногайское возмуще-

ние, подвинул войско к Кандеевке, где уже было 4 роты Казанского полка, вступил в переговоры с бунтовщиками, но никакие убеждения не образумили толпы, впереди их стоял с красным воротником дряхлый старичишка солдат, игравший роль Константина, он делал генералу грубые ответы и тут же был взят под стражу. 17 числа самые главные возмутители, высокинские, подгоринские и прочих селений, начавших возмущение с 5 числа как опытные злодеи, рассчитав, что войска много собрано, рассыпались в разные стороны, оставив только увлеченных из самых ближних деревень — троицких, куземских, буртасских и самарских (подгорнинских очень мало оставалось).

17 числа повторились переговоры, и толпа, более ободренная снисхождением и медленностью, решительно отказалась от выдачи зачинщиков и требовала выдачи им билетов вольных. Генерал Дренякин, щаля заблудившихся, приказал из Кандеевки нарядить 150 подвод в Поим, будто под войско и 18 числа в 8 ч. утра, т. е. пока еще с окрестных сел не поспела съехаться вся толпа, избрал решительную минуту, и когда ни клятвы, ни снятый с груди образ божией матери не победили в них уверенности (поддерживаемой попами, бессрочными и отставными), что генерал не смеет стрелять в православных, генерал приказал отступить толпе и назначил 41 боевой патрон по-шереножно выстрелить в оную, прицеливая первые выстрелы вниз. Эти выстрелы нескольких человек ранили, переговор повторялся тщетно. Второй выстрел несколько положил наповал, тоже переговоры, но ответы были более свирепы. Между тем пока 3-й выстрел готовился, войска справа и слева окружили толпу и за третьим выстрелом взят тыл и толпа под штыками приведена была на площадь, где выданы были зачинщики. Они при толпе прогнаны были сквозь строй и разобраны по степени вины, часть малая наказана розгами, а большая распущена. Эта решительная минута произвела то благотворительное действие, что почти в одни сутки на всех пунктах распространился панический страх и безумные, смирясь, ползали прося прощение.

Борисович.

Телеграмма тамбовского губернатора министру внутренних дел, 30 апреля 1861 г.[1]

Почтительно доношу, генерал Дренякин уведомляет, что волновавшиеся имения Пензенской губернии сознательно покорились; там и во вверенной мне губернии теперь спокойно, я вчера возвратился из Липецкого уезда, где при содействии двух рот привел в повиновение крестьян помещиков Федцова и других кроткими убеждениями и полицейскими наказаниями, более виновных, трех главных возмутителей, крайне вредных, заключил в тюремный замок.

Губернатор Данзас.

Доклад ген.-майора Винценгероде Александру II, 30 апреля 1861 г.[2]

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, что распространившееся из Пензенской губернии в пограничные имения Моршанского уезда, Тамбовской губернии, возмущение крестьян, в настоящее время прекращено.

Порядок и повиновение мною возстановлены без пролития крови,

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, л. 30.

[2] АВПК и Б., Гл. комитет по крестьянским делам, донесения флигель и ген.-адъютантов, т. III, с марта по июль 1861 г., № 106, лл. 221—223 об.

посредством одних только убеждений и строгого наказания главнейших виновников беспорядков.

Взволновавшиеся села принадлежали к имениям: гг. Нарышкина, наследников Протасьева, графини Сухтелен и генеральши Кайсаровой и состоят все в Моршанском уезде. Народонаселение их простирается слишком до 8000 душ.

Усмотрев, что главная причина, обнаружившегося в некоторых местах Моршанского уезда, волнения, заключалась единственно в распространении духа неповиновения из Чембарского уезда Пензенской губернии, я решился сперва содействовать во всем движению свиты вашего императорского величества ген.-майора Дренякина, а потому две роты 17 стрелкового батальона, под ведением командира полковника Плечкова, я направил в село Пичаево, Моршанского уезда, а сам с двумя стрелковыми ротами Тарутинского пехотного великого герцога Ольденбургского полка отправился из уездного города Кирсанова по границе Тамбовской и Пензенской губерний; третий же баталион оного полка был мною отдан в распоряжение ген.-майора Дренякина и впоследствии только три роты оного соединились со мною 17 апреля в селе Соломенке. Второй баталион и часть первого баталиона Тарутинского пехотного великого герцога Ольденбургского, полка сосредоточены были мною в Кирсановском уезде близь границ Пензенской губернии, дабы не дать возможности распространиться волнению, и вместе с тем и содействовать ген.-майору Дренякину. Эти меры оказались достаточными для прекращения волнения и препятствовали духу неповиновения перейти в другия места.

Причины, побудившие крестьян выйти из должного повиновения, по моему мнению, следующие:

1. Соседство с возмутившимися и долго не наказанными крестьянами Чембарского уезда, Пензенской губернии, при сильном старании сих последних всеми средствами возмутить и соседние деревни Тамбовской губернии.

2. Распространяемые злонамеренными людьми повсеместно слухи о существовании какого-то нового манифеста с золотым орлом и крестом и нового Положения, на основании которого помещичьи крестьяне, получая свободу, должны будто бы получить и всю господскую землю и имущество без всякого вознаграждения, при чем у них родилась уверенность, что, не повинуясь помещикам и местным властям, они не бунтуют, а только исполняют волю начальства.

3. Заблуждение взволновавшихся крестьян довело до беспорядков и неповиновения местным властям, но убийств, насильства и грабежа, нигде не случалось и волнение крестьян в Моршанском уезде не продолжалось более 10 дней. Раскаяние их мне показалось искренним и повиновение в настоящее время полное, а потому я счел возможным ограничить меру взыскания одними только телесными наказаниями и назначением главных зачинщиков беспорядков, в числе 12 человек, к удалению из места жительства в отдаленные губернии. Телесно наказано мною до 60 человек.

Для предупреждения могущих вновь случиться частных беспорядков, я счел однако же полезным оставить, на некоторое время, пять рот Тарутинского пехотного, великого герцога Ольденбургского, полка на местах бывших беспорядков для ближайшего наблюдения за спокойствием края. Две роты 17 стрелкового баталиона отправлены обратно в место прежнего расположения, в Тамбовский уезд.

В Липецком уезде в селе Знаменском Тараканово, тож помещика Федцова, равно и в Кирсановском уезде в селе Александровке помещика Петрово-Солововo, произошли маловажные беспорядки, вслед-

ствие разных недоразумений между помещиками и крестьянами, но эти беспорядки не выходили из пределов обыкновенных происшествий и не могут быть приписаны к возмущению.

В прочих уездах Тамбовской губернии порядок и тишина нигде не были нарушены по настоящее число.

При настоящих обстоятельствах я имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что я полагал бы необходимо нужным ускорить утверждение мировых посредников и сколь возможно поспешнее допустить их к исправлению их обязанностей, будучи убежден, что с принятием этой меры все недоразумения между помещиками и крестьянами, подающие часто повод к волнению, легко могут быть устранены и спокойствие края на будущее время обеспечено.

В заключение считаю долгом совести всеподданнейше довести до сведения вашего императорского величества, что со стороны местного гражданского и военного начальства мне оказаны были все возможные содействия для скорейшего усмирения волновавшихся крестьян Моршанского уезда, и что усердием, неутомимостию и благоразумием в особенности отличались находившиеся при мне с двумя ротами 17 стрелкового баталиона командир оного полковник Плечков, жандармский штаб-офицер подполковник Дурново и чиновник особых поручений начальника губернии, надворный советник Чихачев. Дух же состоявших под моим ведением войск, был превосходный, вид их бодрый и веселый, обнаруживающий полное усердие и готовность исполнять все требования начальства по долгу чести и присяги.

Ген.-майор барон Винценгероде.

Рапорт подполковника Дурново шефу жандармов Долгорукову, 1 мая 1861 г.[1]

В дополнение рапорта капитана Самойлова от 27 апреля за № 62 к вашему сиятельству имею честь почтительнейше донести, что начальник Тамбовской губ., приведя в повиновение и совершенный порядок волновавшихся крестьян Липецкого у., помещика Федцова, подвергнул до 40 челов. более виновных наказанию розгами, и в других окрестных имениях, где также начинало возникать неповиновение,— до 30 человек, при этом он признал нужным удалить из разных имений 3 человек, более других закоренелых в своих ложных убеждениях.

Апреля 30-го по возвращении начальника губернии г. генерал-адъютант Яфимович отправился в Пензенскую губ.

Подполковник Дурново.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 3 мая 1861 г.[2]

Известие о прибытии в Пензенскую и Тамбовскую губ. для подавления в них возмущения генерал-адъютанта Яфимовича дошло до генерал-майора Дренякина незадолго до возвращения последнего в Пензу.

Сначала никто не мог понять цели его прибытия, ибо все знали, что государь император остался доволен дельными распоряжениями Дренякина, в народе стали ходить слухи, что новый генерал простит всех и наказанных и ненаказанных. В одной деревне Чембарского

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 223, л. 21.
[2] ЦАР, III отд. IV, 1861 г., д. № 221, л. 72 и об.

уезда, Никульской, крестьяне уже после кандеевской катастрофы отказались итти на работу. Между ними пронесся слух, что царь услыхавши о случившемся в Кандеевке, очень рассердился, сел на машину и сам едет сюда, ведя войско на войско. Крестьяне вследствие распоряжений генерала Дренякина приведены были тотчас к покорности и выдали главных зачинщиков, но это случилось незадолго до известия о прибытии генерал-адъютанта Яфимовича. Впрочем его превосходительство, найдя возмущение уже подавленным, ограничивает свои действия одними наблюдениями и собиранием сведений до какой степени надежно водворенное спокойствие и какие причины его нарушили.

Все действия и распоряжения генерал-майора Дренякина его превосходительство считает такими, какие бы он сделал сам, если бы был на его месте.

5 или 6 мая ген.-адъютант Яфимович намерен объехать всю губернию.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 3 мая 1861 г.[1]

Я вернулся в Пензу вместе с его превосходительством генералом Дренякиным 30 прошлого апреля. Здесь я получил положительные сведения, что в прочих уездах в это время было довольно спокойно; даже Городищенский уезд, начавший было серьезно волноваться, усмирен был одним только передвижением войск.

На видимое спокойствие это нельзя однако много полагаться: в крестьянах укоренилась мысль, что помещики в эти два года будут делать им разного рода предложения, может быть и выгодные, но ни на что соглашаться не следует, ибо это ловушка, а кто выдержит по истечении двух лет будет совершенно вольный и получит землю даром, так что от добровольного соглашения между помещиками и крестьянами указанного в Положениях никто не ожидает счастливых результатов.

Действительно наши крестьяне понимают пока одни только приказания, на этом основании генерал-майор Дренякин намерен войти с предложением в губернское присутствие, что для полного спокойствия края необходим обязательный переход на оброк. Мнение это разделяют здесь почти все помещики.

Работы на поле идут здесь вообще худо. Крестьяне, правда, выходят на работу, но почти ничего не делают. При весьма плохих всходах озимого хлеба, если и яровой хлеб будет небрежно посеян, краю угрожает голод. А до сих пор в здешней губернии всходы озимого хлеба так худы, что в некоторых местах перепахивали поля на хлеб яровой.

Впрочем я слышал мнение довольно опытных людей, что с учреждением волостей, когда крестьяне будут иметь своих выборных, дела должны итти лучше, ибо крестьяне будут более доверчивы к правительственным распоряжениям.

Майор Лакс.

Рапорт подполковника корпуса жандармов в Тамбовской губ. шефу жандармов Долгорукову, 15 мая 1861 г.[2].

Распространился слух, что в Тамбовской губ. бродят злонамеренные люди, толкующие превратно высочайше утвержденное Положение о

[2] ЦАР, III, отд., IV, 1861 г., д. № 221, лл. 68—69.
[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 233, л. 28.

крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, стараясь при этом возмутить бывших помещичьих крестьян. Вследствие чего начальник губернии немедленно принял надлежащие меры к отысканию и задержанию таковых людей, из коих уже двое пойманы и переданы суду. Один из них оказался бессрочно-отпускной солдат, а другой неизвестно кто, но имеет на себе монастырскую послушную одежду.

О чем почтительнейше донося вашему сиятельству имею честь присовокупить, что народных слухов и толков заслуживающих особенного внимания нет.

Подполковник Дурново.

Донесение начальника Тамбовской губернии управляющему министерством внутренних дел 6 июня 1861 г.[1]

Вследствие дошедших до меня сведений о том, что крестьянин с. Высокого Пензенской губернии, помещика Кожина, бывший главным виновником происходивших в Пензенской губернии беспорядков, в селе Сенцовке Липецкого уезда умер, я предписывал местному земскому исправнику произвесть об этом точнейшее дознание.

Ныне исправник донес мне, что действительно крестьянин г. Кожина, села Высокого, Леон Васильев Егорцев, 65 лет, умер с 15 на 16 мая в селе Сенцовке, в доме дальнего родственника своего, государственного крестьянина Парамона Федорова Горохова, куда он пришел за день пред смертию, сказавшись, что ходил в город Задонск на богомолье и на возвратном пути почувствовал себя весьма слабым. При погребении его, бывшем 18 числа, была родная его дочь, Лиата Леонова Бирюкова, проживающая близь села Сенцовки, в деревне Аршани имении того же Кожина.

Толстой.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов 15 июня 1861 г.[2]

По приговору свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, утвержденному и ген.-адъютантом Яфимовичем, священник села Студенок Чембарского уезда Федор Померанцев отправлен ныне на вечное жительство в Соловецкий монастырь за ложное толкование крестьянам имений графа Уварова высочайшего манифеста. Для сопровождения его до г. Нижнего-Новгорода назначены по распоряжению начальника губ. два жандарма из Пензенской жандармской команды.

Подполковник Лакс.

Предписание управляющего III отделением е. и. в. канцелярии подполковнику Дурново, 23 июня 1861 г.[3]

В дополнение к рапорту вашего высокоблагородия от 15 сего июня за № 89 о смерти в Липецком уезде крестьянина Пензенской губ. села Высокого помещика Михаила Кожина Леона Егорцева, предлагаю вам дознать положительно и донести: действительно ли по дальнейшим сведениям оказалось, что это тот самый Егорцев, который был зачинщиком возмущения крестьян как в Чембарском уезде, так и в других местах.

Граф Шувалов.

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отд., 1861 г., д. № 20, лл. 18—19.
[2] ЦАР, III, отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 91.
[3] Там же, л. 40.

Донесение начальника Тамбовской губернии Толстого министру внутренних дел, 9 декабря 1861 г.[1]

Во исполнение предложения вашего высокопревосходительства, от 15 июня за № 1993, я предписывал Липецкому земскому исправнику удостовериться ближайшим образом в точности представленных мною вам, 6 того же июня за № 187, сведений о смерти главного виновника беспорядков в Чембарском уезде, Пензенской губернии, крестьянина Леона Егорцева, а также по надлежащим удостоверении, донести об обстоятельствах, предшествовавших его смерти и могущих объяснить его укрывательство от полицейских поисков.

Из произведенного исправником на месте дознания открылось:

1) Крестьянин Леон Егорцев, переведенный помещиком Кожинным из Липецкого имения в с. Высокое Чембарского уезда, пришедши 15 мая сего года в дом родственника своего, государственного крестьянина с. Сенцовки, Паромона Горохова, сказал ему, что он на возвратном пути из г. Задонска, куда ходил на богомолье, почувствовал себя нездоровым и хотел принять исповедь и св. причащение, почему Горохов пригласил приходского священника, и по напутствовании им Егорцева, сей последний на другой день рано утром умер. При погребении его, бывшем 18 мая и удостоверенном сведением священника, была по извещению крестьянина Горохова, замужняя родная дочь покойного крестьянка д. Аршанки, Клеопатра Леонова Бирюкова, которая подтверждает это вполне в данном ею показании. Сверх того, в дом крестьянина Горохова приходили сначала видеться, когда покойный еще был жив, а потом проститься, двое соседей, знавшие Егорцева еще до смерти, о чем они объясняют в своих показаниях, говоря, что когда они известились от Горохова о приходе в дом его с богомолья крестьянина Егорцева и когда пришли, чтобы повидаться с ним, то, несмотря на его болезненное состояние, тот же час узнали его.

2) Вотчинный староста и 50 человек крестьян, спрошенных под присягою, показали, что они слышали от крестьян Павла Егорцева и Клеопатры Бирюковой, что родственник их первому родной брат, а последней родной отец, Леон Васильев Егорцев, приходили в дом крестьянина Горохова и там умер, но тот ли он самый, который был главным виновником происходивших в Пензенской губернии беспорядков и которого разыскивали, утвердительно сказать не могут, потому что Егорцова в это время они живым не видали и при погребении не были[2].

3) Родной брат Леона Егорцева, Павел Егорцев, объяснил, что он был приглашаем родною дочерью покойного, Клеопатрою Бирюковою, быть на похоронах отца ее: но он на это не согласился из боязни подпасть под ответственность за поступки, сделанные, как он слышал, покойным в Пензенской губернии и

4) 8 человек крестьян соседей, спрошенные также под присягою, показали, что действительно Леон Егорцев был в доме крестьянина Горохова на весьма короткое время, потому что на другой же день, после прихода умер и что покойник в доме того крестьянина, как заведомо беглый не проживал и крестьянин Горохов ни в каких противозаконных действиях замечен никогда не был.

Имею честь почтительно довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства.

Толстой.

---

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отд., 1861 г., д. № 20, лл. 37—39.

[2] Толстой умалчивает о том, что для того, чтобы удостовериться в смерти Егорцева, тело его было вырыто из могилы. См. об этом признание Дренякина в ст. «Волнение крестьян в Кандеевке», «Русская старина», т. XLVI, 1885 г., стр. 140.

Рапорт генерала-от-кавалерии фон-дер-Лауница 1 шефу жандармов Долгорукову, 25 августа 1861 г.[1]

В настоящее время весьма часто командируются войска в виде экзекуций для принуждения крестьян к исполнению обязанностей, возложенных на них Положением 19 февраля.

Появление воинских команд в деревнях сначала всегда производит более или менее сильное впечатление на обывателей, но впоследствии при продолжительном пребывании одной и той же команды в деревне крестьяне сближаются с нижними чинами, угощают их, приглашают к содействию при своих работах и приучаются видеть в них не взыскание за вину, но расположенных к ним друзей. Последствия подобного сближения экзекуционных команд с обывателями весьма легко могут оказаться вредными, а потому я полагал бы необходимым военные команды ввиду экзекуций вводить в селение только на самое короткое время и не более как на 10 дней, в продолжении коих все распоряжения правительства должны быть исполнены непременно. Во всех же случаях даже тогда, когда пребывание команд долее 10 дней окажется необходимым, расквартировать нижние чины, смотря по местности, или в средине или по обоим концам селений, отдельно от обывателей, в хатах, из коих хозяева предварительно должны быть выведены, а начальнику команд вменить в строжайшую обязанность не допускать никакого сообщения нижних чинов с местными жителями, которые только обязаны будут приносить солдатам определенную им пищу, если сим последние не будут довольствоваться из общего котла.

Генерал-от-кавалерии Лауниц.

★ ★ ★

СПИСОК

бунтовщикам, взятым вооруженною силою Пензенской губ. Керенского уезда, в селе Кандеевке г. Волкова 18 апреля сего 1861 года, с толпой собравшихся из разных сел и деревень 3-х уездов после трех залпов, сделанных по-шереножно полувзводом 9 роты Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, из гладко-ствольных ружей.[2]

При чем выпущена 41 пуля и оказалось убитыми восемь, а ранено двадцать семь бунтовщиков. С пояснением виновности и меры наказания по конфирмации свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, на основании высочайшего разрешения, изображенного в телеграфической к нему депеше через шефа жандармов от 17 апреля 1861 г. за № 3264 «решить дело о виновных по своему суду».

I разряда. Керенского у., с. Кандеевка г. Волкова.

1. Елизаров, Андрей, 72 лет. Отставной рядовой гренадерского е. в. короля Прусского полка, проживающий в селе Кандеевке.

16 апреля, когда свиты е. и. в. ген.-майор Дренякин прибыл в село Кандеевку к толпе, то Елизаров стоял в первых рядах и как старый гренадер был обласкан, когда же ген.-майор Дренякин стал с ним говорить, то он толковал одно, что они должны стоять за бога и царя. А когда было сказано, чтобы он отошел, то он ослушался и говором своим продолжал влиять на заблужденный народ, и хотя потом скрылся в избе, но удачно был взят вестовым жандармом и арестован. При снятии с него допроса 17 апреля оказался в военном сюрту-

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 148, л. 9.

[2] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1815, л. 25—33. Заголовок подлинника.

ке с красным воротником и с куском красного сукна, самовольно нашитыми в виде лацканов, с двойным на них количеством орденских лент во всю грудь, хотя имел только четыре знака отличия, которые будто бы у него сгорели.

До приезда же ген. Дренякина уговаривавшим толпу, говорил, указывая на оную, «мы все должны стоять за правое дело, для чего их обманывать». Впрочем в поощрении крестьян к неповиновению не сознался.

В службу вступил в 1808 г., в отставку ушел в 1833 г. Был в походах и сражениях противу французов и польских мятежников. Имеет знак отличия св. Анны № 182876, серебряные медали за взятие Парижа в 1814 г., за взятие штурмом Варшавы в 1831 г., польский знак отличия 5 ст. и нашивки из желтой тесьмы в три ряда.

По усмирении бунтовщиков 18 апреля и наказанные и прощенные все показали, что их возмущал он, Андрей Елизаров, и уговаривал мужчин в церковь не ходить, уверяя, что их войско там захватит. Сидя же под арестом, после стрельбы и захвата бунтовщиков, подслушан был его разговор с другими арестантами о том, что если бы он был против войска, то дело было бы иначе, после чего начал шептаться. Со стороны крестьян против него было показано и то, что он начитал им, что трехлетний срок барщины кончился еще в 1857 г., удостоверяя их в том статьею 147 общего положения до того, что и за правильными истолкованиями им лицами от правительства, каждый из бунтовщиков, а их собиралось в село Кандеевку до 8 тысяч человек, все были проникнуты убеждением, внушенным Елизаровым.

Определение наказания. Неоднократно был уличаем, но не сознался. За участие в бунте и ободрении крестьян к возмущению следовало бы его расстрелять. Но применяясь к монаршему милосердию и во внимание к бытности его в походах и сражениях и старости его лет: лишается военного звания, всех знаков отличия — св. Анны, медалей и нашивок — и ссылается в Иркутскую губ. на поселение.

Села Троицкого наследниц гр. М. Ю. Виельгорского гг. Веневитиновой, Сологуб и Шаховской.

2. Горячев, Василий Антонов, лейб-гвардии Гатчинского полка временно-отпускной рядовой, 26 лет. В толпе приходил к приходскому священнику и, когда священник читал высочайший манифест, изданный в 19 день февраля 1861 г., он, Горячев, не осеняя себя крестным знаменем, стоял в фуражке, которой даже и по замечании ему того священником не снял и отвернулся от него. После чего, будучи вызван исправником в числе прочих бессрочно-отпускных, в село Кандеевку для рассылок по делам службы, говорил, что «надо стоять за мужиков».

В Кандеевке же при толковании уездным предводителем дворянства крестьянам Положения на площади он, Горячев, явясь в толпу около 5 тысяч человек, с накинутою на плечи шинелью, стал вблизи предводителя с наглостию, не снял фуражки и подбоченясь говорил: «народ уговаривать то нечего, они работать не станут», явно ободряя тем ослушников высочайшей воли.

Определение наказания. Лишается военного звания, бронзовой медали на андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг. и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 7 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

Временно-обязанные крестьяне.

3. Буданов, он же Савкин, Павел Иванов, 40 лет. Приходил с толпой к приходскому священнику, требовал от него какого-то указа об воле, который будто бы лежит на престоле с георгиевским крестом и с знамением пресв. богородицы, делал угрозы священику: «если

не выдаст того указа, то лишит его жизни». От работ господских совершенно отказался, толкований уездного начальства и священника об исполнении повинностей не послушал, пренебрег даже внушением самого свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина и, стоя под выстрелами впереди толпы, кричал: «Не пойдут работать на помещика».

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 7 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

4. Радушин, он же и Зобов, Ермолай Сысоев, 40 лет, обвиняется в том же. Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 7 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

5. Янин, Иван Матвеев, 50 лет, обвиняется в одинаковом преступлении с № 3 Будановым Павлом, исключая того, что он не угрожал священнику лишить его жизни. Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

6. Потапов, Максим Егоров, 50 л., обвиняется в одинаковом преступлении с Яниным Иваном. Сверх того он собирал народ в селении итти к священнику с криком «воля», возил по улице им, Потаповым, сделанное красное знамя.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

7. Харитонов, Игнатий Афанасьев, 40 лет, обвиняется в одинаковом преступлении с № 5 Яниным Иваном.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Села Кандеевка г. Волкова.

8. Конобевцев, Исай Давыдов, 48 лет, с толпою приходил к приходскому священнику и настоятельно требовал какого-то указа об воле, произнося при этом оскорбительные слова. Внушений и истолкований начальства о послушании и отбытии повинностей помещику до определенного срока не послушал, напротив того, высочайше утвержденное о том Положение толковал ложно, объяснял, что назначенный на повиновение помещиком срок работ (два года) уже прошел, начало коего было будто бы с 1857 г., укрепляя тем и прочих в таковом заблуждении. Напоследок пренебрег и толкованиями свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина и до того восстановлял народ, что решительно отказывались от работ, от предложенного оброка и повиновения помещику, хотя бы это стоило жизни. Так что вся толпа в том же громко клялась, повторяя то же и после сделанных по ней выстрелов.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

9. Шильцын, Федор Антонов, обвиняется в том же самом.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники. на 10 лет.

10. Холодилин, Антон Дементьев, 52 лет, обвиняется в том же самом.

Лишается всех прав состояния и по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

11. Баранов, Никита Алексеев, 55 лет. Обвиняется в том же преступлении.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в каторжную работу на заводах на 4 года.

Села Большого Буртаса графа Виельгорского.

12. Туриков, Тимофей Федоров, 50 лет, обвиняется в возбуждении всего общества к неповиновению помещику и в приглашении на сборище в с. Кандеевку. Оказал упорство и после выстрелов, крича «умрем, а не пойдем на работу помещику».

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники.

II разряд. Керенского у., села Кандеевки г. Волкова.

1. Мокров, Федор Петров, 50 лет. Обвиняется в требовании от приходского священника какого-то указа о воле с георгиевским крестом и с знамением пресв. богородицы, в неповиновении помещику с отказом от работ, несмотря на все истолкования Положения и внушения.

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

2. Ефимкин, Григорий Филиппов, 50 лет, обвиняется в том же преступлении.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

Села Большого Буртаса гр. Виельгорского.

3. Прокаданов, Андрей Алексеев, 57 лет, за тот же бунт и подговор прочих итти на сборище в село Кандеевку, оставаясь непреклонным и после выстрелов.

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в Сибирь на поселение...[1].

Керенского у., села Троицкого.

18. Мартышев, Алексей Григорьев, 13 стрелкового батальона бессрочно-отпускной стрелок, 35 лет, обвиняется в сообщничестве с бунтовавшими крестьянами и при снятии допроса в сокрытии, что он грамотный.

Следовало бы лишить военного звания и сослать в отдаленные сибирские рудники, но, принимая во внимание долговременную до сего беспорочную службу и ходатайство сельского священника, лишается на левом рукаве нашивок в два ряда, бронзовой медали на андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг. и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 2 раза, возвращается в один из оренбургских линейных батальонов.

Не бывшие под выстрелами, выданные миром 19 апреля.

Чембарского уез., дер. Николаевки г. Эспехо.

19. Сысоев, Михаил Афанасьев, 50 лет, ездил по селам, волновал крестьян и сговаривал ограбить бурмистра.

Лишается всех прав состояния и, по наказании 250 ударами розог, ссылается в Сибирь на поселение.

20. Жигалов, Иван Корнеев, 50 лет, обвиняется в том же и в присвоении себе звания и власти старшины.

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 3 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

21. Коноплев, Савелий Киреев, 50 лет, обвиняющийся в волно-

[1] Далее опускается список крестьян, против имен которых значится «обвиняется в том же самом» и которым определена та же мера наказания, — по дер. Ильинской пом. Охотникова — 4 чел., по дер. Самарихи гр. Виельгорского — 4 чел., по дер. Михайловке и Николаевке пом. Эспехо — 5 чел., по дер. Колесовке — 1 чел.

ьании крестьян, говоря, что «земля наша, а потому работать на помещиков не надо».

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 2 раза, ссылается в Сибирь на поселение.[1].

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение на месте возмущения, через нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, керенского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера, земского исправника и уездного стряпчего. После чего преступники 20 апреля препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

СПИСОК

нижним чинам и временно-обязанным крестьянам, бывшим главными виновниками возмущения Чембарского уезда в дер. Черногае и в селе Чернышеве.[2]

Выданные вотчинными начальниками и миром с просьбами не водворять их на прежнее место жительства. Осуждены и приговорены к нижеизложенным наказаниям г. Дренякиным в силу данного ему высочайшего разрешения «решать дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграфической депеше шефа жандармов от 17 апреля, № 3264. 28 апреля 1861 г., с. Чернышево.

I разряд. Чембарского у., дер. Черногая, графа Уварова.

Временно-обязанные крестьяне.

1. Минцев, Василий Семенов, 23 лет, молокан. Когда уездный предводитель дворянства с исправником и становым приставом приехали в дер. Черногай объяснять превратно понятое крестьянами Положение и собравшийся народ готов уже был покориться, то Минцев первый подал пример к всеобщему непослушанию, начал бить и ругать стариков, выгнав их силою из избы, уговорив не слушать никаких властей, кроме того разъезжал по разным деревням, возбуждая крестьян к неповиновению.

При допросе не сознался, но предводитель, исправник, становой и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 5 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

2. Сарычев, Матвей Дорофеев, 45 лет. В то время, когда в Черногай приезжал уездный предводитель, то при толковании им Положения Сарычев вышел из толпы, взял предводителя за борт мундира и спрашивал с угрозой — «а зачем тебя подкупил управляющий» и тем возбудил толпу к всеобщему неповиновению.

На допросе не сознался, но предводитель, исправник, становой и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

---

[1] В дальнейшем в местах обозначенных звездочкой будет опущена та же мера наказания.

[2] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 39—45. об. Заголовок подлинника.

Деревни Каменки, графа Уварова.

3. Ментюков, Михаил Кузьмин, 50 лет. Крестьянин той же деревни Яков Конышев уличал его в том, что во время беспорядков в Черногае три раза ударил одного из солдат Тарутинского полка. Кроме того, клал исправника на скамью и держал его за ноги в то время, когда его ковали. Ругал при всей толпе управляющего.

На допросе сначала не сознался, но при очной ставке сознался во всем.

Лишается всех прав состояния, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

II разряд. Деревни Черногая, гр. Уварова.

1. Сарычев, Степан Тимофеев, 33 лет. При исправнике, становом и командире 10 роты Тарутинского полка говорил, что как только рота выйдет из Черногая, то убьет бурмистра. Вызывал в толпу управляющего: «Выходи сюда, сейчас порешим тебя».

На допросе не сознался, но исправник, становой и командир роты подтвердили *.

2. Барабашев, Филипп Титов, 32 лет. Возбуждал крестьян к неповиновению, бранил бурмистра, грозя его убить.

На допросе сознался, утверждая, что он это делал по приказанию общества и со слов священника с. Студенки Федора Померанцева *.

3. Кобзев, Иван Максимов, 45 лет. Во время возмущения в Черногае был один из главных бунтовщиков, сковывал управляющего Пичугина.

На допросе сознался во всем *.

4. Гамонов, Егор Яковлев, 45 лет, один из главных бунтовщиков. В числе других выскочил из под ареста.

На допросе сознался *.

Деревни Починок, графа Уварова.

5. Дедюкин, Афанасий Федотов, 60 лет. Сковывал в Черногае управляющего Пичугина.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, но во внимание собственного сознания и старости лет, без наказания ссылается в Сибирь на поселение.

6. Федосов, Степан Макаров, 52 лет, один из главных бунтовщиков.

На допросе не сознался, но миром не одобрен *.

Деревни Каменки, графа Уварова.

7. Ментюков, Андрей Емельянов, 50 лет. Был в Черногае, из толпы больше всех кричал, что исправника и управляющего следует ковать.

На допросе не сознался, но исправник, управляющий и мир подтвердили *.

8. Шорин, Николай Иванов, находящийся в бессрочном отпуску унтер-офицер лейб-гренадерского Екатеринославского е. в. полка, имеет на левом рукаве нашивки из желтой тесьмы в два ряда. Вместе с толпою приходил в Чернышевскую контору, где толковал, что солдаты не смеют стрелять в бунтующихся крестьян, даже если бы их били. Кроме того ездил в Черногай, во время бывшего там волнения.

На допросе в последнем сознался, первое же подтвердили дворовые люди графа Уварова в числе 30 человек.

Определение наказания: лишается унтер-офицерского звания, нашивок и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 2 раза, обращается на службу в один из оренбургских линейных батальонов.

Деревни Грязнухи, графа Уварова.

Временно-обязанные крестьяне.

9. Букарев, Кирей Никитин, 60 лет. С толпою приходил к господскому дому и к конторе с. Чернышева, возбуждая крестьян сковать главноуправляющего и говоря им, что он дознал, что чиновники и войска подкуплены помещиками.

На допросе не сознался, но дворовые люди в числе 30 человек подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, за старостию лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

10. Букарев, Фома Варфоломеев. Один из главных буянов, ударил бурмистра Тарасова дубинкой.

На допросе не сознался, но бурмистр и мир подтвердили *.

11. Доронин, Ермолай Тимофеев, 33 лет, ездил в с. Черногай во время бывшего там волнения и, возвратившись оттуда, приехал к господскому дому в с. Чернышеве, подговаривая сковать главноуправляющего и привязать его к столбу.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшины подтвердили *.

12. Макеев, Прокофий Федоров, 25 лет. Один из главных буянов, вместе с толпою подъехал к Чернышевской конторе, уговаривая толпу расхитить кассу с господскими деньгами и говоря, что также следует разделить господский скот.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшины подтвердили *.

13. Чулюканов, Макей Никифоров, 45 лет. В толпе, подходившей к Чернышевской конторе, был из первых, предлагавших разграбить господское имущество и сковать главноуправляющего.

На допросе сознался только в том, что приезжал в Чернышево, остальное же подтвердили дворовые люди и старшины *.

14. Кальдиков, Филипп Власов, 37 лет. Обвиняется в том же самом, что и Букарев Фома.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшины подтвердили *.

15. Кудрявцев, Федор Тихонов, 33 лет. В числе прочих был у Чернышевской конторы, предлагая разграбить и разделить все господское имущество.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшина подтвердили *.

16. Иванов, Михаил Иванов, 55 лет, сотский. Выгонял крестьян деревни Соломенки в село Чернышево на сходку.

На допросе не сознался.

Определение наказания: лишается некоторых личных прав и преимуществ и отправляется в Пензенский смирительный дом на два года.

Деревни Соломенки (Алексеевки тож)
г. барона Фитингофа.

17. Сарычев, Лукьян Яковлев, 33 лет. В числе прочих был в Чернышеве, ворвался самовольно в господский дом, предлагая сковать главноуправляющего и разграбить господское имущество.

На допросе сознался только в том, что был в господском доме, остальное же подтвердили дворовые люди *.

18. Воробьев, Федор Иванов, 38 лет. Поздно вечером самовольно вместе с другими приезжал в село Чернышево и участвовал в намерении оскорбить главноуправляющего.

На допросе сознался только в том, что приезжал в Чернышево, остальное же подтвердили дворовые люди графа Уварова *.

19. Воробьев, Савелий Ефимов, 37 лет, обвиняется в том же.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми людьми *.

20. Воробьев, Иван Константинов, 78 лет, старшина, собирал деньги с мира на отправление выборных в село Чернышево.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается некоторых прав и преимуществ и отправляется в Пензенский смирительный дом на один год.

Села Чернышева, графа Уварова.

21. Самохвалов, Василий Андреев, 48 лет, караулил главноуправляющего с тем, чтобы он не ушел, кроме того оболгал мальчика Василья Кальдикова и бурмистра.

На допросе не сознался, но старшина и мир подтвердили *.

22. Горячев, Варфоломей Герасимов, 60 лет, бурмистр. Поил водкой бунтовщиков, говоря, что солдаты не смеют стрелять и что в случае стрельбы мужики должны перековать всех солдат.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми.

Определение наказания: лишается некоторых личных прав и преимуществ и отправляется в Пензенский смирительный дом на два года.

23. Тикунов, Лукьян Терентьев, 40 лет, с дубиной в руках входил в дом главноуправляющего, грозя его оскорбить.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми *.

24. Шеркунов, Филипп Осипов, 35 лет. Созывал народ ехать в Черногай, куда приехавши подстрекал толпу к нанесению побоев управляющему.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, но во внимание того, что одною рукою не владеет, без наказания ссылается в Сибирь на поселение.

25. Кривашев, Елисей Яковлев, приходил в село Чернышево вместе с другими в дом управляющего, предлагая расхитить господское имущество.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми *.

Села Студенки, графа Уварова.

26. Тараскин, Григорий Антонов, 37 лет, был в Черногае во время бывшего там волнения и стащил с чердака укрывавшегося от бунтовщиков исправника.

На допросе сознался.

Определение наказания: во внимание ходатайства самого исправника лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 2 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

Деревни Кулеватовой г. Кожина.

27. Кулишев, Матвей Яковлев, 40 лет, выдан тестем, как буйный зять и хвалившийся тем, что в Черногае из толпы бросил в офицера кирпичем и по счастию не был убит.

На допросе сознался только в том, что был в Черногае.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и без наказания ссылается в Сибирь на поселение.

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение 29 апреля в с. Чернышеве, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира полка, штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, земского исправника, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

СПИСОК

нижним чинам и крестьянам Пензенской губернии различных селений, принимавшим участие в возмущении бывшем Керенского уезда в селе Кандеевке и волновавшим народ в своих соседственных имениях[1].

Как главные нарушители спокойствия они 21 апреля с просьбою: не водворять их на прежнее место жительства, — были выданы миром и вотчинными начальниками и представлены на суд свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, приговорившего их к нижеизложенным наказаниям в силу полученного им высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграмме к нему шефа жандармов от 17 апреля № 3264, 21 апреля 1861 г.

1-й разряд. Керенского уезда, села Знаменского Большого Буртаса гр. М. Ю. Виельгорского.

1. Мушкин, Матвей Иванов, 63 лет, отставной унтер-офицер Тенгинского пехотного полка, имеет знак св. Анны № 390783 и нашивки в три ряда. С 9 по 15 апреля постоянно находился в своем селе, среди собиравшейся с разных сел толпы, возбуждал крестьян к неповиновению словами: «не бойтесь, стрелять не будут», после чего самовольно перевозил к себе господский кирпич.

При допросе сознался только в том, что брал господский кирпич, остальное же подтвердили бурмистр и старшины.

Определение наказания: лишается военного звания, знака св. Анны, нашивок и ссылается в Сибирь на поселение.

Временно-обязанные крестьяне.

2. Голиков, Илья Андреев, 43 лет. При мирской сходке толкал и ругал старшин за то, что они ездили в имение того же владельца дер. Подгорное для усмирения волновавшихся крестьян. Из рук старшины Данилы Мартынова вырвал высочайший манифест.

На допросе не сознался только в том, что толкал и ругал старшину, что впрочем подтвердили бурмистр и старшины.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные Сибирские рудники на десять лет.

3. Голиков, Иван Иванов, 36 лет. Обвиняется в том же самом На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

4. Анохин, Илья Петров, 45 лет. Ездил в село Кандеевку на сбо-

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 16—19 об. Заголовок подлинника.

рище, откуда передавал возмутительные вести и увлекал крестьян, объявляя им, что «скоро всех перережут».

На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Чембарского уезда села Подгорного гр. Виельгорского.

5. Федотов, Сидор Ильин, 27 лет. Подстрекал народ к возмущению. С толпою приходил в с. Троицкое и, в числе прочих, требовал от священника какого то указа, кроме чего нанес побои леснику.

На допросе сознался во всем.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, но во внимание его сознания, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 2 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

6. Лагуткин, Мирон Иванов, 25 лет, нанес дубиной жестокий удар по голове старшине Трофиму Хресткину, присланному в с. Подгорное из главной вотчинной конторы для того, чтобы усмирить крестьян, кроме того с криками возбуждал других к неповиновению.

На допросе сознался во всем.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

7. Дмитриев, Ферапонт Дмитриев, 44 лет, рядовой Пензенского гарнизонного баталиона. Возбуждал крестьян к неповиновению говоря: «не верьте, войска в вас стрелять не смеют», прибавляя, что предъявленный им манифест ложный, ибо на настоящем должен быть георгиевский крест. Когда находился на сходке, то имел в руках оружие.

На допросе не сознался, но его проступки подтверждены миром и старшинами.

Определение наказания: лишается военного звания, нашивок и знаков отличия и медалей, ежели и то и другое имеется, и, по наказании шпицрутенами по слабости здоровья чрез 100 человек только 2 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Керенского уезда деревни Ильинской г. Охотникова временно-обязанные крестьяне.

8. Балдышев, Лаврентий Фотиев, 42 лет. Возбуждал крестьян к неповиновению, привозил им ложные вести из с. Кандеевки. Он первый, как в д. Ильинской, так и в с. Никольском, внушал обществу не ходить на работу и не повиноваться никаким властям, а именно: 9 апреля в имении г. Охотникова, селе Черкасском, когда по приказанию станового пристава были собраны в вотчинной конторе крестьяне для объяснения им высочайше утвержденного Положения, то он, Балдышев, расстраивал толпу своими словами. Заметив это, становой приказал выйдти из толпы, он ослушался, не дав себя взять десятским и ушел из конторы самовольно, и народ, по его примеру, последовал за ним. Кроме того в с. Никольском стоял во главе толпы, требовавшей от священника какого-то указа.

На допросе сознался во всем.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

II разряд. Керенского уезда села Знаменского Большого Буртаса гр. Вильгорского.

1. Евсеев, Ефим Андреев, 40 лет. Возбуждал народ к возмущению, во время коего занимался воровством господской соломы. На допрое не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили *.

Села Троицкого гр. Вильгорского.

2. Ежиков, Григорий Захаров, 43 лет. Возбуждал всех крестьян села Куземкина к неповиновению, вследствие чего все крестьяне отправились в село Кандеевку.
На допросе сознался *.

Деревни Самарихи гр. Вильгорского.

3. Куликов, Иван Гаврилов, 50 лет. Восстановил крестьян как своей, так и других деревень к неповиновению помещикам и непослушанию властям.
На допросе не сознался, но старшины подтвердили *.

Чембарского уезда села Подгорного гр. Вильгорского

4. Липилин, Герасим Андреев, 57 лет. Взволновал народ своей деревни и требовал от приходского священника какого-то указа о воле и тем смутил крестьян.
На допросе сознался.
Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании его, во внимание старости лет, ста ударами розог, ссылается в Сибирь на поселение.

5. Терин, Иван Алексеев, 48 лет, обвиняется в том, что участвовал в побоях, нанесенных старшине Трофиму Хрестнику, и кроме того сильно возбуждал крестьян к неповиновению.
На допросе не сознался, но старшины подтвердили *.
Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение 26 апреля в с. Покровском, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

СПИСОК

временно-обязанным крестьянам разных сел и деревень Пензенской губернии Чембарского уезда, бывших главными виновниками возмущения в с. Покровском г. Веригина, составленный по указанию священника, бурмистра, старшин и всего мира, просившего исключить их из общества, как людей вредных [1].

Осуждены и по степени виновности приговорены к нижеизложенным наказаниям свиты е. и. в. ген.-майором Дренякиным, в силу данного ему высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграмме шефа жандармов от 17 апреля сего года № 3264, 26 апреля 1861 г.

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 55—60. Заголовок подлинника.

I разряд. Села Покровского г. Веригина.

1. Белынцев, Егор Прокофьев. 40 лет. Один из главных бунтовщиков, бил бурмистра, и уже прежде за возмущение был в арестантской роте.

На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

2. Живов, Иван Петров, 28 лет. Тащил из дому священника и кричал: «надобно душить всех».

На допросе не сознался, но священник и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

Д. Ивановки г. Веригина.

3. Юдин, Иван Марков, 23 лет. Вошел в шапке в дом священника, тащил его вон из дому, и кроме того грабил дом управляющего.

На допросе не сознался, но священник и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами и чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

4. Никитин, Тихон Никитин, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, грабил дом управляющего.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Д. Екатериновки г. Веригина.

5. Гребенников, Кирилл Данилов, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, толкал палкою священника, бил конторщика и угрожал разорвать в клочки станового, в случае его приезда в деревню.

На допросе не сознался, но священники, конторщик и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

II разряд. С. Покровского г. Веригина.

1. Каблов, Федор Кузьмин, 55 лет, возмущал народ, бил бурмистра и старшин.

На допросе не сознался, но бурмистр, старшины и мир подтвердили *.

2. Караульщиков, Антон Данилов, 28 лет. Нагло требовал у священника «воли».

На допросе не сознался, но священник и мир подтвердили *.

Д. Ивановки г. Веригина.

3. Карпов Ефим Карпов, 38 лет. Один из главных бунтовщиков Все общество признало его вредным.

На допросе не сознался, но мир подтвердил *.

4. Белынцев, Николай Гордеев, 48 лет. Один из главных бунтовщиков; заставлял сыновей бить начальников.

На допросе сознался *.

5. Белынцев, Иван Гордеев. Один из главных бунтовщиков, бил бурмистра.

На допросе сознался *.

6. Бутников, Иван Терентьев, 68 лет. Один из главных бунтовщиков; первый начал бить бурмистра.

На дознании сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, во внимание старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

Д. Петровской г. Веригина.

7. Белов, Иван Егоров, 25 лет. Один из главных бунтовщиков.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили *.

8. Юдин, Федор Михайлов, 53 лет. Был главным распространителем возмущения в своей деревне; бил тех, которые его не слушали.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

9. Сущев, Федор Васильев, 48 лет. Помогал действиям Юдину и уверял народ, что видел в с. Высоком «чистую волю» с золотой печатью *.

10. Карпугин, Григорий Алексеев, 45 лет. Один из главных бунтовщиков и сквернослов.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

11. Понякин, Минай Дементьев, 40 лет. Один из главных бунтовщиков; дрался.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

12. Караульщиков, Герасим Данилов, 35 лет. Грамотный. Ездил в село Высокое, откуда возвратившись возмущал народ, ложно толкуя ему Положение.

На допросе сознался *.

13. Десятков, Андрей Евсеев, 28 лет. Обвиняется в том же.

На допросе сознался *.

Дер. Екатериновки г. Веригина.

14. Кудрявцев, Павел Петров, 65 лет. Один из главных бунтовщиков.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, во внимание старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

15. Красичкин, Константин Прокофьев, 50 лет, бил бурмистра, один из главных бунтовщиков.

На допросе сознался *.

16. Красичкин, Иван Иванов, 25 лет. Один из главных бунтовщиков, грабил дом управляющего.

На допросе сознался *.

Поименованное шпицрутенное наказание на месте возмущения приведено в исполнение 26 апреля, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в город Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

СПИСОК

главным виновникам возмущения, бывшего в деревне Никольской г. Бородина[1].

С просьбою не водворять их на прежнее место жительства, выданы вотчинными начальниками и миром и присланы в с. Высокое на суд свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, приговорившего их к нижеизложенным наказаниям, в силу полученного им высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграмме к нему шефа жандармов от 17 апреля № 3264, 26 апреля 1861 г.

I разряд. Чембарского уезда д. Никольской г. Бородина временно-обязанные крестьяне.

1. Чушкин, Константин Иосифов, 37 лет. Хотел поджечь дома управляющего и старосты, просив для этого крестьянина Дмитрия Белова купить пороху. Более других возмущал крестьян, не приказывая им ходить на работу. До того был 17 лет в бегах.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

II. разряд.

1. Усов, Андрей Гаврилов, 35 лет. Один из первых бунтовщиков, разъезжал по деревням, откуда привозил ложные вести, коими и смущал все свое селение и подговаривал к неповиновению, кроме того уговорил весь мир наказать крестьянина Зоркина за то, что тот советывал повиноваться помещику.

На допросе сознался *.

2. Усов, Яков Гаврилов, 28 лет. Обвиняется в том же и кроме того ослушался исправника, не явившись на его зов для выслушания высочайше утвержденного Положения.

На допросе сознался *.

3. Шебуняев, Иван Николаев, 45 лет. Был в Черногае, откуда возвратившись, подговаривал всех ехать опять в Черногай слушать «чистую волю», и что одна деревня должна стоять за другую, чтобы в случае прибытия войска легче было бы прогнать его вместе.

На допросе вполовину сознался, остальное подтвердили старшины *.

4. Чушкин, Иван Антонов, 35 лет. Обвиняется в том же самом.

На допросе сознался *.

5. Шебуняев, Василий Родионов, 50 лет. Бессрочно-отпускной рядовой Модлинского пехотного полка. Был на мирской сходке и уверял всех, что не следует слушаться помещика.

На допросе сознался в том, что был на сходке, остальное подтвердили старшины.

Определение наказания: обращается на службу в один из оренбургских линейных баталионов без телесного наказания.

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение 27 апреля в с. Высоком, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

---

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл 50—51 об. Заголовок подлинника.

СПИСОК

временно-обязанным крестьянам, главным виновникам возмущения, бывшего Чембарского уезда в селе Высоком[1].

С просьбою не водворять их на прежнее место жительства выданы миром и вотчинными начальниками на суд свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, приговорившего их к нижеизложенным наказаниям, в силу высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграфической депеше от 17 апреля № 3264. 26 апреля 1861 г.

I разряд. Чембарского уезда села Высокого, г. Кожина.

1. Чернов, Петр Макеев, 55 лет. Из первых бунтовщиков, будучи послан от генерала Дренякина к бунтовщикам в с. Покровское с воззванием, чтобы крестьяне опомнились, то от имени генерала советовал священнику помириться с крестьянами и просить у них прощения, сообщил Егорцеву, что его ищут и потому дал ему средство скрыться.

На допросе почти сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 3 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

II разряд.

1. Коровяков, Козьма Ионов, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, был в селе Кандеевке, где в числе прочих один из первых остановил экипаж керенского уездного предводителя дворянства.

На допросе сознался *.

2. Шкинев, Николай Яковлев, 60 лет. Один из главных бунтовщиков. Когда старики хотели сковать главного бунтовщика — возмутителя Егорцева, не дал им его, влияя на толпу, ударил старшину Василья Григорьева и оскорблял жену управляющего, скрывшегося для того, чтобы не быть убитым.

На допросе почти сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, за старостию лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

3. Шкинев, Иван Яковлев, 65 лет. Входил в дом управляющего, вызывая его именем всего мира на двор и говоря: «выходи в клочки разорвем».

На допросе сознался чистосердечно.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, за старостью лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

4. Золотов, Алексей Семенов, 50 лет. Один из главных возмутителей, был в доме у управляющего, оскорблял его жену и бил старшину Барабашева.

На допросе сознался, говоря, что в это время был пьян.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании 200 ударами розог, ссылается в Сибирь на поселение.

5. Макеев, Семен Сергеев, 30 лет. Грамотный. На господской лошади без спроса ездил в Черногай и другие деревни. Был в доме у управляющего, у коего запечатывал двери и шкафы.

На допросе сознался *.

6. Анашенков, Тимофей Иванов, 47 лет. Был в доме у управляющего, хотел прибить старшину Михайлу Барабашева, мир и управляющий его не одобрили.

---

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 52—54 об. Заголовок подлинника.

На допросе сознался *.

7. Коньков Илья Васильев, 20 лет, был в селе Кандеевке и бранил в лицо предводителя. Был в доме у управляющего и жалел, что не нашел его, иначе бы убил его, имел в руках железное орудие.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили *.

Деревни Кулеватовки г. Кожина.

8. Нагорнов, Федот Иванов, 75 лет. Обвиняется в том, что в церкви громко требовал у священника воли.

На допросе не сознался, но священники и старшины подтвердили

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

9. Нагорнов, Иван Федотов, 30 лет. Накануне черногайского дела, притворившись больным, причащался, на другой же день поскакал в Черногай, был в доме у управляющего, печатал дом.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

10. Тараканов, Иван Иванов, 60 лет. Был в Черногае и в Высоком, вырвал клок бороды у старшины Щелкушкина.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили.

Определение наказания: Лишается всех прав состояния и, по старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

Поименованное шпицрутенное наказание на месте возмущения приведено в исполнение 27 апреля, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

К истории фабричного законодательства в 1861 г.

В известной статье «О промышленных судах» В. И. Ленин писал:

«Это было тогда, когда наши крестьяне были освобождены из крепостной зависимости (в 1861 г., более 38 лет тому назад). Около того же времени русское правительство решило заменить также новыми законы о ремесленниках и фабричных рабочих: слишком уже ясно было тогда, что с освобождением крестьян нельзя оставить старые законы о рабочих; когда вырабатывались эти старые законы, из рабочих многие были крепостными. И вот правительство назначило комиссию из нескольких чиновников, поручив им изучить немецкие и французские (и других стран) законы о фабричных рабочих и составить проект изменения русских законов о ремесленниках и фабричных рабочих» [1].

Комиссия, о которой говорил В. И. Ленин, была создана при министерстве финансов в 1859 г. Ей предшествовала комиссия при петербургском генерал-губернаторе, которая разработала «Проект правил для фабрик и заводов в С. Петербурге и уезде». Через министерство внутренних дел этот проект был разослан всем губернаторам для того, чтобы собрать о нем отзывы «компетентных и заинтересованных лиц», о том в какой мере этот проект пригоден для остальных местностей России.

Проектом предусматривалось обязать предпринимателей оборудовать свои фабрики и заводы приспособлениями, предохраняющими от несчастных случаев, определить условия, каким должно отвечать помещение, в котором протекал производственный процесс, и помещение отведенное для жилья рабочих и устанавливалась продолжительность рабочего дня для малолетних и несовершеннолетних рабочих. Контроль за выполнением законов предполагалось возложить на фабричную инспектуру, которая получала право ревизии промышленных предприятий в любое время дня и ночи и право наложения штрафов на фабрикантов.

Московские, владимирские, ярославские и другие фабриканты центральной России, в подавляющем большинстве, отнеслись отрицательно к первой попытке фабричного законодательства, враждебно встретили этот проект. Особенно яростно они ополчились против предположения о запрещении детского труда (до 12 лет) и о сокращении рабочего времени несовершеннолетних.

В пятидесятых годах минувшего столетия промышленность центральной России остро почувствовала недостаток свободных рабочих рук. Рабочий класс находился тогда только в процессе формирования. Подавляющее большинство фабричных рабочих состояло из оброчных крестьян, которых помещик всегда мог вызвать обратно в вотчину.

Для обеспечения своих предприятий рабочей силой фабриканты использовали все средства, не останавливаясь перед прямым закабалением рабочих. Так например, егорьевские фабриканты братья Хлудовы, под видом помощи окрестным крестьянам, желавшим выкупиться из крепостной неволи, произво-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 566.

дили массовую скупку крепостных, заставляя их затем отрабатывать всю сумму уплаченного помещикам выкупа. Положение таких рабочих мало чем отличалось от положения рабов [1].

В этих условиях всякое мероприятие, сокращавшее контингенты, из которых фабриканты могли черпать рабочую силу, должно было встретить с их стороны упорное противодействие. Поэтому они единодушно выступили против попытки запрещения труда малолетних и сокращения рабочего времени несовершеннолетних рабочих.

Правительство не пошло против воли фабрикантов. Комиссия, работавшая около семи лет, опубликовала свои труды в пяти объемистых выпусках и опубликовала проект закона, но дальше этого вопрос о фабричном законодательстве не двинулся.

«С проектом этой комиссии,— писал В. И. Ленин,— наше правительство поступило так, как оно всегда поступает со всеми сколько-нибудь хорошими для народа и для рабочих проектами. Чиновников правительство наградило жалованьем за труды на пользу царя и отечества; чиновникам повесили на шею ордена, дали высшие чины и более доходные места. А составленный ими проект положили себе преспокойно «под сукно», как говорят в канцеляриях» [2].

Разрешение вопроса о фабричном законодательстве было отложено на много лет.

Пересмотр безнадежно устаревших законов и первые шаги, которые правительству пришлось сделать по пути фабричного законодательства в 1886 и 1897 гг., были уже результатом организованной борьбы рабочего класса против правительства и предпринимателей.

«Законы 3 июня 1886 г. и 2 июня 1897 года, эти главные фабричные законы в России,— писал В. И. Ленин,— оба являются таким образом вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства» [3].

Ниже мы публикуем сводную записку, или точнее критический обзор мнений тверских фабрикантов по поводу петербургского проекта правил для фабрик и заводов, представленную в августе 1861 г. в министерство внутренних дел от имени тверского губернатора графа Баранова.

Записка подробно излагает возражения Морозова, Каулина, Шилова и др. фабрикантов против тех пунктов правил, которые в какой-либо мере могли стеснить произвол фабрикантов и возможность неограниченной эксплоатации рабочих. Вместе с тем записка обрушивается с исключительно резкой критикой на этих, по ее выражению «американских плантаторов», «эксплоататоров его (народа) сил и способностей», прикрывающих «защиту самого неправого дела» громкими фразами о «свободе народного труда», ради которой де неприемлемо сокращение ночных работ и ограничение детского труда, о том, что «фабрика есть дом трудолюбия» и потому-то и недопустимо нарушение «спокойствия трудящихся» в ней ночными ревизиями фабричных инспекторов и т. п. Идеализируя фабричное законодательство и положение рабочего класса в Западной Европе, и в частности в Англии, записка противопоставляет этому невыносимо тяжелые условия труда и жизни русского рабочего и решительно высказывается за необходимость фабричного законодательства и сосредоточение функций фабричной инспекции не в руках мануфактур-советов, т. е. самих же фабрикантов, как хотели бы последние, а в руках правительственных чиновников, подчиненных контролю гласного суда.

До сих пор эта записка была известна лишь по тем крайне скупым извлечениям, какие попали в «Свод замечаний на изданный в 1860 г. проект правил

---

[1] Рязанский обл. исторический архив, ф. Канц. рязанск. губернатора, д. № 1690; ф. Рязанск. губ. правления, журналы за 1858 г. по 8 столу, III отд.; Поварищин. Рязанские помещики и их крепостные; Дризен, Салтыков в Рязани, «Исторический вестник», февраль, 1900 г., стр. 606—607.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 567.

[3] Там же, стр. 131.

для фабрик и заводов в С. Петербурге и уезде», опубликованный во второй части «Трудов комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного» [1]. Эти извлечения дали повод проф. Туган-Барановскому пропеть панегирик тому «либеральному» времени, когда «даже губернаторы заговорили слогом народных трибунов» [2].

Однако, еще в 1934 году на страницах калининской газеты «Пролетарская правда» Л. Рассудов в статье «Забелин или Салтыков» [3] выразил сомнение в том, что автором сводной записки является граф Баранов.

Резолюция графа Баранова, которой он предписывает чиновнику особых поручений А. И. Забелину составить сводную записку из представленных фабрикантами отзывов на проект, действительно говорит о том, что граф Баранов не был автором приписываемого ему документа.

В январе 1860 г. А. И. Забелин, будучи врачом больницы Тверского приказа общественного призрения, поместил в журнале «Вестник промышленности» статью, в которой привел не мало фактов, изобличавших тяжелое положение рабочих на предприятиях тверских фабрикантов. Тверским вице-губернатором в это время был великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Борясь с крепостниками, взяточниками и ворами, Салтыков стремился привлечь в подведомственные ему учреждения чиновников передового образа мыслей, честных и знающих свое дело. Этим и объясняется назначение А. И. Забелина в мае 1861 г. чиновником особых поручений и то, что ему было поручено составление данной записки.

Несомненным влиянием М. В. Салтыкова, исполнявшего в период составления записки обязанности тверского губернатора, определяется и резко обличительный характер самой записки.

Так совсем по-щедрински звучит оценка, даваемая в записке различным провинциальным комитетам и должностным лицам, вроде оценщиков частных имуществ. Заметим, кстати, что контроль за деятельностью последних входил, непосредственно, в круг обязанностей Салтыкова, как вице-губернатора.

Затем красной нитью через всю записку проходит требование гласности, столь характерное для всех произведений великого сатирика в этот период. В гласности, говорит записка, средство «от тлетворного влияния взяткодателей». Во имя этой гласности автор записки считает полезным предоставить рабочим право выбирать документы для отстаивания своих интересов перед фабричным инспектором и судом. Из этого же принципа исходит записка, предлагая учреждение словесных судов и специальных мировых судов.

Некоторые критические замечания записки противоречат и мнениям самого Забелина, высказанным в его статье в «Вестнике промышленности». Так, например, в статье Забелина о Каулине и его фабрике говорится только хорошее. А между тем в записке мы читаем: «Помещение на их фабриках (Каулина и Залогина). неудобно, тесно и для здоровья рабочих вредно... Для них тысячи человек, страдающих по милости отвратительного устройства их мастерских, значат не более валяющихся около их фабрик кошек и собак» [4]. Это также дает основание считать, что Забелин, составляя свою записку, высказывал не столько свои мнения (да и едва ли бы рядовой чиновник рискнул представлять начальству столь смелые суждения от своего имени), сколько мнения М. Е. Салтыкова.

Что касается тверского губернатора, слабовольного и идущего на поводу у окружающих его лиц, графа Баранова, то оказывается, что последний далеко не разделял всех выводов приписываемой ему записки. Он пытался против них возражать на полях самой же записки. Кое-что он просто вычеркнул.

---

[1] СПБ, 1863 г., стр. 258, 265—266, 274—275, 290—292, 303—304, 310—316 и 321.

[2] Проф. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, Соцэкгиз, М., 1938 г., стр. 316.

[3] См. названную газету № 229 от 18 октября 1934 г.

[4] См. ниже стр. 144.

Тот факт, что записка получила однако его визу и была, правда, в крайне урезанном виде, напечатана в официальном издании, можно объяснить только слабым развитием в то время в России капиталистических противоречий и отсутствием организованного рабочего движения.

Публикуемая ниже полностью записка дает ценный материал для истории промышленности, рабочего класса и фабричного законодательства в России накануне реформ 1861 г. Записка представляет также значительный интерес, как документ, отражающий взгляды великого сатирика Салтыкова-Щедрина на рабочий вопрос, как документ, показывающий, откуда писатель черпал материал для своих бессмертных образов Деруновых, Колупаевых, Разуваевых и прочих представителей купечества.

Н. Журавлев

Записка по проекту правил для фабрик и заводов, 24 августа 1861 г., № 5946. [1]

Вследствие предписания министерства внутренних дел от 7 декабря 1860 г. за № 160 о доставлении мнения по проекту правил для фабрик и заводов, я, препроводив по экземпляру проекта, предлагал фабрикантам и заводчикам Тверской губернии сообщить мне их мнения об этом предмете. В настоящее время, получив ответы всех значительных фабрикантов и заводчиков Тверской губернии, имею честь представить их, в кратком извлечении всего существенного, на благоусмотрение министерства, прилагая в конце каждого параграфа и свое собственное об них и о самом проекте мнение.

I. Осташковский фабрикант купец Савин [2] находит изложенные в проекте правила вполне удобоисполнимыми и для его фабрики, но выражает желание, чтобы лица, назначаемые в должность инспекторов за фабриками имели достаточные технические познания, как теоретические, так и практические; сверх того, чтобы это были лица просвещенные и беспристрастные, и поэтому не наклонные к произволу ни в каком виде и способные безошибочно разбирать фабричные дела.

По моему понятию, тут нужнее всего честные и добросовестные люди, образование же требуется не специальное, а общее — человечное [3], потому что и сами фабриканты, большею частью, кроме рутинной практики, никакого образования не имеют. Если же упирать на специальность техническую, то для инспектора не менее нужна специальность и медицинская для определения общего вида, здоровья рабочего, чистоты воздуха, доброкачественности пищи и т. д.

II. Вышневолоцкий фабрикант, московский купец Шилов [4], считая удобоисполнимыми на своей фабрике все правила проекта, только против некоторых представил следующие возражения, а именно: а) против § 6, что промежуток между машинами может быть и менее

---

[1] Калининский областной исторический архив, ф. канцелярии тверского губернатора, 2 стол, д. № 7530, лл. 37—64. Заголовок подлинника.

[2] Ф. К. Савин (1816—1890) управлял делами Осташковского кожевенного завода с 1845 по 1890 гг. Фирма «Иван Савин» владела, кроме этого завода, бумаго-прядильной фабрикой и банком в г. Осташкове (См. И. Токмаков. Город Осташков Тверской губ. и его уезд. М. 1906 г., стр. 214—218 и А. Вершинский «Тверская текстильная промышленность в ее прошлом» в «Известиях Тверского Пединститута», вып. II — Тверь, 1926 г., стр. 50—69; см. также ф. Твер. губ. стат. комитета, д. № 434-б).

[3] Так в подлиннике.

[4] А. Шилов — владелец бумагопрядильной и ткацкой фабрики в гор. Вышнем-Волочке, Тверской губернии, открытой в 1857 г. В 1869 г. предприятие Шилова было продано и перешло к Рябушинским (См. ф. Тверского губернского правления, д. № 28745 и № 28676, а также «Двадцатилетие товарищества П. Н. Рябушинского», стр. 46 и 110—111).

трех четвертей, если проход между ними не представляет никакой опасности как в самоткацком станке, в мюлях и проч.;

б) против § 16, что вместо слова «ведомости» следовало бы сказать: «книги», так как ведение ведомостей будет сопряжено с потерей времени, и тем более, что в ведомостях не могут быть ясно изложены все обстоятельства, и поверка их возможна только при сличении с теми же конторскими книгами. Ведомости, по его мнению, всегда будут излишней формальностью, тяготеющего над конторою фабрики и останутся мертвою буквою.

С этим я не могу согласиться, потому что не вижу причины, почему богатые фабриканты не могли бы иметь не безграмотных, а образованных конторщиков, которые бы могли вести эти ведомости, как они ведутся заграницей [1];

в) против § 67, что запрещать рабочим спать на полу, на столах и в мастерских следует только на фабриках, производящих работу паровыми машинами, водяными колесами и другими механическими двигателями, а равно и на всякого рода химических заводах, потому что запрещение спать в мастерских, где производится ручная работа, равняется почти запрещению самых работ. Ручная фабрика при достаточном освежении воздуха форточками, вентиляторами и т. п. представляет часто удобнейшее помещение, нежели холодные или душные квартиры, где рабочие должны были бы поместиться. В случае пожара несчастие можно отвратить, обязав фабрикантов в двух или трехэтажных корпусах иметь наружные лестницы с площадками к окнам.

Конечно, при соблюдении этих условий, можно бы позволить спать и в мастерских, но мало надежды на соблюдение их. Всякому известно, каков воздух в ручных мастерских сапожников, портных и т. д.;

г) против § 70 и 71, в которых он видит цель уничтожить вовсе ночные работы, так как они невозможны без малолетних. Против этой цели фабрикант Шилов возражает со всей энергией американских плантаторов и приводит все те доказательства, которые приводят от начала мира люди, живущие чужим трудом. Приведу для образчика несколько собственных его выражений. Он говорит, например, что «сокращая труд малолетних, мы тем сокращаем труд взрослых работников, уменьшаем тем их заработки, лишаем увеличения народного богатства и отчасти воспитания их детей. Этим предположением нарушается свобода народного труда».

Довольно этих пышных с виду и совершенно пустых внутри фраз, чтобы видеть всю изворотливость в защите самого неправого дела и противоречие самому себе. Фабрикант хлопчатобумажный, следовательно, протекционист, живущий не естественной жизнью, а покровительственной системой, добивающийся удержания ее на бесконечное время, возвышает голос о свободе народного труда!

Такие тартюфовские приемы просто отвратительны потому, что известно, что ни о народном богатстве, ни о воспитании детей народа фабриканты не думают, а заботятся, единственно, о своем кармане. Если же их производства и разливают в народе деньги, то, очевидно, им тут хвастаться не следует, что они благодетели народа,— они, просто, эксплоататоры его сил и способностей, эксплоататоры в полном смысле этого слова, т. к. они вовсе не заботятся ни о здоровье, ни о нравственности своих рабочих. Развратнее фабричного населения и молодежи, более коротающей свою жизнь,—нигде нет. Медицинской

[1] Изложение этого пункта записки см. в «Трудах комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного» СПБ, 1863 г. В дальнейшем этот сборник везде назван для краткости «Труды комиссии».

помощи, в большей части случаев нет, школ также, а где есть та и другие, то заводятся без всякого сочувствия, только для виду.

Фабрикант Шилов после своих великолепных фраз о воспитании детей и свободе народного труда начинает говорить проще и, по моему, дельнее, именно, что цель правительства улучшить участь малолетних рабочих одной регламентацией не достигается потому, что родители будут отдавать детей на работы в ремесленные и другие заведения, где работа малолетних не запрещена законом. Но, конечно, правительство примет меры и против всех содержателей ремесленных заведений, похожих на американские плантации, и против самих родителей, также похожих на американских плантаторов. Дети совершенно не составляют собственности родителей, которою бы они могли распоряжаться по произволу, особенно, родителей полудиких, каково большинство нашего народа[1].

На одних текстах священного писания гражданское общество, с жизнью все более и более развивающеюся, очевидно, стоять не может. Освобождение крестьян из крепости помещика, естественно, влечет за собою освобождение рабочих из крепости хозяев, служащих из крепости начальников, детей из крепости родителей, жены из крепости мужа, которая всего виднее при ссылке в Сибирь отъявленных негодяев, имеющих, однако, право насильно тащить за собой жену и детей[2]. Государству нужны здоровые разумные и свободные граждане, а не тупоумные и никчемные, хотя с виду и очень покорные, рабы.

Далее фабрикант Шилов говорил, что если в Англии малолетний рабочий работает 6½ часов в день, то надобно помнить, что там работа продолжается 300 дней в году, а у нас только 250, что, если наш рабочий будет работать по 6 час. в сутки, то в годовой сложности работа его будет — 2 000 часов, а у английского рабочего — 1 950, следовательно, только на 50 часов продолжительнее. Но ни слова не говорит чем питается английский рабочий и наш. У первого запас сил и средства их поддержания, вследствие мясной пищи, доброго пива и чистого воздуха в его квартире и теплого платья на его теле, втрое более против нашего[3]. Шилов предлагает следующим образом заменить вышеприведенные параграфы: 1) Детей моложе десятилет-

[1] В подлиннике эта фраза и следующая за ней вычеркнуты. Против них на полях рукою губернатора Баранова написано: «Эта фраза неясна для меня» (См. «Труды комиссии», стр. 290—292).

[2] В «Трудах комиссии» эта фраза подверглась значительной редакционной правке: из нее вычеркнуты слова: «служащих из крепости начальников, детей из крепости родителей».

А в следующей фразе вместо «свободные граждане» поставлено «способные граждане».

[3] Автор записки идеализирует положение английских пролетариев. «...Эти рабочие, — пишет Ф. Энгельс, — не имеют никакой собственности и живут только своей заработной платой, почти всегда еле достаточной для пропитания; общество, состоящее из разрозненных атомов, совершенно о них не заботится, предоставляя им заботиться о себе и своих семьях, как знают, но не давая им средства обеспечить себя заработком хорошо и надолго; по этой причине каждый, даже самый лучший рабочий не обеспечен от безработицы, а следовательно и от голода, и многие от него умирают; жилища рабочих в общем плохо распланированы, плохо построены, содержатся в скверном состоянии, плохо вентилируются, сыры и нездоровы; живут в страшной тесноте; в большинстве случаев в одной комнате спит по меньшей мере одна семья; внутреннее убранство квартир очень бедно, хотя и не в одинаковой степени, а во многих нет и следа самой необходимой мебели; одежда рабочих тоже в среднем очень неудовлетворительна, а у многих состоит из одних отрепьев; пища в общем плоха, часто почти несъедобна, во многих случаях, по крайней мере временами, имеется в недостаточном количестве, а в худших случаях дело доходит до голодной смерти» (см. Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, гл. II «Крупные города», 1930 г., стр. 367—368).

него возраста запрещается принимать для работы на фабрики и заводы.

2) Труд детей, не ограничивая временем ночным и денным, ограничить определенными ниже сего часами.

3) На фабриках, производящих работы в течение всех суток, ввести двухсменный комплект рабочих с 16-летнего возраста и трехсменный с 10 до 16-летнего возраста. Каждая смена продолжается для взрослых работников 6 часов, для малолетних 4 часа. Как те, так и другие, работают на две смены ежедневно. Таким образом, малолетний работает 8 часов в сутки, а взрослый 12 часов.

Примечание: Взрослому дозволяется, если он желает, работать и более 12 часов в сутки.

4) На фабриках, производящих одни денные работы, для взрослых и детей с 12-летнего возраста число рабочих часов назначается 13, для детей с 10 до 12-летнего возраста — 12 часов. Как те, так и другие работы, должны делиться двумя часами промежутка, назначаемыми для завтрака и обеда.

После всего вышеизложенного бесполезно говорить, куда здесь дует ветер, бесполезно и потому, что ночная работа самими петербургскими фабрикантами, как людьми более образованными, признана вредною для здоровья не только детей, но и взрослых и менее дневной производительною, и сами фабриканты изъявили желание ее уничтожить, лишь бы она была законом уничтожена для всех фабрик, чтобы не было алчной конкурренции, вредной для народного здоровья.

По моему понятию, и спешить то фабрикантам, особенно хлопчатобумажным, у которых именно и идет ночная работа, некуда. Внутренний наш рынок легко может быть наполнен их изделиями и при одной денной работе, а заграницу, как известно, их изделия почти вовсе не требуются. В Англии ночная работа необходима потому, что она снабжает своими изделиями целый мир, и вследствие того у нее образовался особый огромный класс рабочих, живущих одной фабричной работой[1]. Мы еще до этого не дошли. Зачем же даром мучить рабочий народ и заедать его здоровье — это государственное благо, никак не принадлежащее фабрикантам?

д) Против §§ 73 и 74 фабрикант Шилов возражает так же энергически, как и против уничтожения ночной работы. По его понятию, надзор за исполнением на фабриках новых положений лучше всего поручить мануфактурному совету, мануфактурным комитетам и мануфактур-корреспондентам. Для этого в совете и отделениях его должно быть потребное число механиков и техников. Очевидно, что фабрикант хлопочет о выгодах только своей братии, оставляя в стороне попечение об участи рабочих. В бесполезности этих комитетов его не убеждает даже и пример Франции, приводимый в проекте.

Если эти мануфактурные комитеты устроить и не из одних фабрикантов, но придать даже им и чиновников, то сколько я вижу опытов пред глазами, комитетское управление не принесет той пользы, которую имеет в виду правительство, учреждая должность инспектора. Все, вообще, наши губернские и уездные комитеты действуют

---

[1] Автор записки не указывает основной причины, почему капиталисты прибегают к ночной работе — погони за прибавочной стоимостью.

«Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки,— пишет К. Маркс,— является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется смена рабочих сил, пожираемых днем и ночью,— смена, допускающая различные методы, напр., организованная таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю несет дневную работу, другую неделю — ночную и т. д.» (К. Маркс «Капитал», т. I, отд. 3-й, гл. VIII, раздел 4, стр. 243, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г.).

бодро, большею частью только на бумаге, и весьма вяло на самом деле, потому что чины, богатство и другого рода влиятельность одного или двух членов решительно парализируют деятельность других членов самых ретивых, которые, к сожалению, и встречаются-то еще чрезвычайно редко.

Трудно представить что-нибудь апатичнее нашего провинциального общества, что лучше всего доказывается выборами должностных лиц. Мне приходится видеть выбранными на должности, например, оценки частных имуществ целых городов, таких лиц, которых добрый хозяин не послал бы на рынок за провизией. При таком жалком положении общества, только говорящего о необходимости самоуправления и ничего не делающего, конечно, надзор за таким важным и щекотливым делом, как отношения богачей-фабрикантов к беднякам-рабочим не может быть с уверенностью в его успехе поручено выборным лицам, особенно из купеческого сословия, отличающегося своею умственною и нравственною неподвижностью, и по необходимости он должен остаться в руках правительства, которому при хорошем вознаграждении труда можно найти добросовестных и образованных чиновников. А чтобы уберечь их от тлетворного влияния взяткодателей, по моему мнению, необходимо подчинить их, кроме суда, контролю гласности. Кто будет клеветать, на того инспектору, как человеку образованному, легко найти суд и расправу, в той же самой гласности, или судебным порядком.

Было бы весьма полезно, чтобы сами рабочие имели право выбирать из среды себя депутатов, которые бы могли отстаивать их интересы перед инспектором и перед судом, потому что в настоящее время, если они вздумают жаловаться все вдруг, то это считается бунтом, если же поодиночке, то первые челобитчики — зачинщиками бунта, и таким образом, выходит дилемма, по которой они всегда виноваты, а фабриканты правы.

е) Против § 75 также вооружается фабрикант Шилов. Его страшит мысль, что инспектор может осматривать фабрику во всякое время дня и ночи, следовательно, может, если захочет, останавливать работы, например, требованием поголовного предъявления возраста детей и т. д. По словам фабриканта это право инспектора осматривать фабрику во всякое время дня и ночи представляет полный простор произволу и равняется только следствию производимому о важном уголовном преступлении по горячим следам, и поэтому он желает, чтобы инспекторы осматривали фабрики только днем, чтобы каждый раз показывали фабрикантам законный акт, уполномачивающий их на осмотр, и чтобы лица, нарушающие ход и порядок работ, были подвергаемы строгой ответственности.

Не зная наверное из каких лиц будут избираться инспекторы, как это учреждение примется, и будет ли оно подвергнуто общему для всех, а не административному суду и гласности, я не могу восставать против опасений фабриканта за свою собственность и личность, действительно, почти вполне зависящие от произвола инспектора. Человек притязательный, недовольствующийся жалованием и кадеющийся обмануть свое начальство, будет злокачественной язвой на фабрике. Поэтому я полагаю, что инспекторы должны подлежать тому же словесному и гласному суду, которому по предположению проекта будут подлежать и фабриканты и рабочие. Мне кажется для этой цели еще бы полезнее было учреждение мировых судей. Несколько даже небольших фабрик и заводов, сложившись вместе, весьма легко, на счет хозяев и рабочих, могут содержать мирового судью. Большим фабрикам это еще легче. Целые же словесные суды, в полном составе состоящие из нескольких лиц, едва ли удобно будет

размещать по фабричным местностям. Приписывать к известному суду известное количество фабрик и заводов, разбросанных по разным местам, значит заставлять хозяев и рабочих за десятки верст искать суда, когда им дорога каждая минута. Словесное разбирательство необходимо для рабочих потому что они безграмотны и не понимают ни юридической, ни нравственной силы писанных контрактов и обязательств, а уважают правду только по голосу совести и убеждения. Устройство мировых словесных судов и подчинение им самих инспекторов может успокоить и фабрикантов и рабочих.

Но сверх всего этого, надобно, по моему мнению, которое я уже излагал выше, кроме права жаловаться суду, дать больший, чем теперь, простор гласности. Если с одной стороны законодательство улучшает или ухудшает нравы, то с другой стороны нравы улучшают и ухудшают законы в самом их приложении. В Англии и несовершенный закон в своем приложении, по милости образованных и честных чиновников и полной гласности, выходит хорошим, а у нас и хороший закон на самом деле нередко выходит дурным. В Англии инспекторам фабрик предоставлено осматривать их во всякое время дня и ночи и даны вообще самые широкие права, а между тем на них никто не жалуется, и сами фабриканты требовали бы их вновь, если бы их вздумали уничтожить, как видно из самого проекта правил для наших фабрик и заводов [1].

В Германии, в некоторых странах, контроль этот еще проще: расчетливые немцы не назначают особых инспекторов, а поручают этот надзор инспекторам элементарных школ, конечно, с прибавкой за эти труды особой платы. И здесь дело идет очень добросовестно и успешно. У нас же иногда, несмотря на контроль, контролирующий контроль, чиновничество наше при отсутствии гласности находит средства наделать гадостей и вылезть сухим из воды.

По моему мнению, от мировых и словесных судов и от развития печатной гласности можно ждать весьма много хорошего. Они пробудят жажду деятельности в лицах способных, теперь спящих, будут грозой для бесчестности и бездарности и дадут самый сильный толчек развитию народного смысла, сочувствия к общему делу и стремлению к образованию, без которого народ не может назваться цивилизованным и никогда не сможет благоденствовать. Я говорю это по своему личному убеждению, добытому мною не из книг, а из шестилетнего моего управления губернией, которую я имел довольно случаев изучать со всех сторон.

Никакая высшая власть, как бы она ни была разумна, честна и деятельна, ничего не может сделать для государства, если ей не сочувствуют и не содействуют служащие под ее началом чиновники и сам народ, а для этого тех и других надобно нравственно и умственно поднять [2].

Против § 82 фабрикант Шилов говорит, что несправедливо было бы подвергать штрафу фабриканта, если ложные показания последовали не от его вины, а от нерадения конторщика. Против истинности этого нечего говорить, только необходимы ясные доказательства вины

---

[1] Предприниматели Англии как и предприниматели других стран постоянно нарушали изданные под нажимом рабочего класса законы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, закон о детоком и женском труде и др. К. Маркс приводит в «Капитале» огромный фактический материал, рисующий борьбу фабрикантов против фабричного законодательства. (См. К. Маркс «Капитал» т. I, отд. 3, главы VII и VIII, Партиздат, 1937 г., стр. 202—230).

[2] В «Трудах комиссии» (стр. 310—312) целиком опущены те места записки, в которых доказывается необходимость учреждения мировых судов и самой широкой гласности при разборе столкновений рабочих с предпринимателями.

конторщика, а то, ведь, богатому фабриканту легко ссылаться на бедняка конторщика, которого он всегда может лишить места. Вообще все наше купечество, сколько мне известно, в отношении к служащим у них лицам, отличается самым необузданным и грубым деспотизмом, решительно деморализующим всякого, кто в молодых летах имел несчастье побывать в его руках. Эта школа и дает характер недобросовестности всей нашей торговле и промышленности. В эту то школу мелкое дворянство и чиновничество, дорожащее своею честью, несмотря на всю нищету не отдает своих детей.

III. Тверской фабрикант, московский купец Морозов[1] считает вообще все правила проекта удобоисполнимыми, за исключением некоторых, на которые он представляет свои возражения. Прежде всего он желает, чтобы фабрики и заводы производили работу от пасхи до сентября одну денную, а от сентября до пасхи и денную и ночную, по усмотрению фабриканта. Желание свое он основывает на том, что в летнее время в деревнях нужно более рабочих рук, чем зимой, и потому что вообще летом чрезвычайно трудно удерживать рабочих на фабрике.

а) Против § 6 он говорит — 1) что промежуток в три четверти аршина между станками и машинами необходим, но для безопасного прохода рабочих достаточно двух четвертей. 2) Заграждение барьерами промежутков будет бесполезно и только стеснит помещение, потому что рабочий вместо того, чтобы обойти, полезет через барьер

б) § 70 он считает возможным изменить и изложить следующим образом: принимать на фабрики малолетних работников с следующим распределением их в работах: от 10 до 12 лет работать не более 8 часов в сутки — 4 часа до отдыха и 4 после отдыха, от 12 до 16 лет работать в сутки не более 13 часов и, если работа денная, то разделить ее двухчасовым отдыхом во время завтрака и обеда; начинать работу с 6 часов утра и оканчивать в 8, а при денной и ночной работе работать не более 12 часов, по 6 часов в смену, т е. 6 часов работы и 6 отдыха днем и ночью также.

По мнению фабриканта Морозова, при утверждении правил проекта, касающихся работ малолетних, в настоящем их виде, родственники малолетнего рабочего не оставят его на фабрике, а для получения большей платы будут отдавать к так называемым «мастеркам» — крестьянам, занимающимся ткачеством ка дому. Здесь работа малолетних и более трудна и более продолжительна, чем на фабриках и, таким образом, благодетельная цель ограждения здоровья малолетних правилами проекта не будет достигнута. Если воздух на фабрике в зимнее время бывает сперт, то в светелках «мастерков» он в несколько раз еще хуже. Морозов говорит, что на одной его фабрике зимой прошлого года числилось рабочих до 3 000 человек. Для этой же фабрики в разных губерниях по разным селениям в домах, в течение той же зимы, работали на 18 000 ручных станках. В ином доме работается на 2, 3, 10, а в некоторых на 15, 20, 30 станках. Тут бывают также 12-летние мальчики и девочки, а шпульники бывают 8 и 9 лет и, по словам Морозова, может быть работают не 8 и не 13, а 16 часов[2].

---

[1] Морозов (1823—1899) — младший сын текстильного фабриканта Саввы Морозова, был директором основанного в 1857 г. богородскими купцами Шибаевым, Митюшиным и Брызгалиным товарищества Тверской мануфактуры. Морозовы вошли в это товарищество в 1858 г. (См. ф. Тверского губ. правления 4 стол, № 114, 1873 г., п. 4 и кн. Иоксимовича «Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем», ч. I, 1915 г., стр. 7; о Савве Морозове см. В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 424).

[2] Очевидно, не короче был рабочий день и на фабрике, если Морозов в целях улучшения положения малолетних предлагает ввести для них тринадцатичасовой рабочий день.

В видах большего приобретения малолетний работает до изнурения сил. Безжалостные отцы и братья, как видно из объяснения Морозова, для этой цели, т. е. чтобы вытягивать из малолетних больше сил, нарочно отдают их в чужие дома, потому что в своем все кто-нибудь да сжалится над несчастным ребенком.

Такое откровение фабриканта Морозова бросает весьма ясный свет на нравственные качества фабрикантов, знающих каким количеством человеческих жизней приобретают они в короткое время свои громадные капиталы, и нисколько не заботящихся о прекращении подобных, возмущающих душу способов фабричных работ. И эти люди осмеливаются говорить о свободе труда, о благосостоянии народа и о воспитании его детей на приобретенные на фабриках деньги! Кроме того, что фабрики при настоящих их условиях суть гнезда разврата, они в то же время суть гнезда заразы для здоровья и целой жизни рабочих.

Из всего этого объяснения Морозова можно и должно вывести совсем не то заключение, какое он натягивает, а совершенно другое, именно: необходимость самого бдительного надзора вновь учреждаемых инспекторов не только за фабричным, а вообще за всем ремесленным даже домашним производством, о чем много уже было говорено выше.

в) Фабрикант Морозов о надзоре инспекторов говорит, что он будет неисполним в отношении сельского фабричного производства, потому что родственники, распоряжающиеся малолетними, всегда имеют возможность заставлять их работать более определенного времени и скрыть все свои злоупотребления, а между тем число рабочих на фабриках к работающим в селениях в Московской и смежных с нею промышленных губерниях относится как 1 к 10, а число малолетних работников составляет значительный процент.

По моему мнению, если все лица, промышляющие чужим трудом будут обязаны представлять инспектору ведомости о своих заведениях и числе рабочих на них, и если из среды самих рабочих будут выбираться депутаты — представители нужд своих товарищей, если при этом будут расширены пределы гласности и за нарушение правил о малолетних виновные будут деятельно преследоваться и правдиво судиться, то эти правила для малолетних никак не смогут остаться мертвою буквою. Весь фабричный устав будет хорошо известен каждому рабочему, а правила о малолетних должны быть отпечатаны в гораздо большем количестве, чтобы могли распространиться по всем фабричным селениям. Но мне кажется, что такой пессимизм фабриканта Морозова касательно неудобоисполнимости этих правил зависит более всего от того, что ему, как и другим фабрикантам, не хочется инспектора из чиновников, а хочется из купцов, и притом из фабрикантов.

Такое невинное желание весьма естественно со стороны человека, у которого на Тверской фабрике нет для рабочих не только воскресной школы, но и бани, несмотря на значительное расстояние фабрики от города; нет теплых в зимнее время жилищ для рабочих [1], потому что как ни привык наш народ и к грязи, и к вони, и к холоду, но и тот уже говорит, что в конурах фабричных рабочих зимой мерзнет вода. При фабрике нет порядочно устроенных отхожих мест, и все нечистоты вонючие вываливаются вблизи самой фабрики или, по

[1] В подлиннике слова «бани» и «нет теплых в зимнее время жилищ» подчеркнуты карандашом и против них на полях рукой губернатора Баранова написано: «NB. Точно ли это так на самом деле?» ниже, рукой чиновника особых поручений А. Забелина написано: «Точно так». («Труды комиссии», стр. 312—314).

слухам, в маленькую речонку Тьмаку[1], из которой фабричные пьют воду. В настоящее время производится в губернском правлении дело о порче воды в Тьмаке фабрикантами, расположившими свои фабрики на ее берегу[2].

Очень естественно, что подобным фабрикантам не нравятся новые правила для фабрик и надзор уже не полиции, бывшей всегда на их стороне, и не их товарищей-фабрикантов же, которые, естественно, будут на их стороне, а людей чуждых, которых и подкупить и обмануть будет трудно.

IV. Тверские фабриканты московские купцы Каулин и Залогин[3] представили мне следующие свои мнения:

а) § 11 требует мастерских светлых, достаточно высоких и просторных, преимущественно там, где работы производят пыль, пары или зловоние. Каулин и Залогин требуют, чтобы изданием новых положений не стеснялись фабрики и заводы, уже существующие, для которых закон обратного действия иметь не может.

Из одного этого мнения уже видно, во-первых, что помещение на их фабрике неудобно, тесно и для здоровья рабочих вредно[4]; во-вторых, направление всех умственных и нравственных сил фабрикантов единственно только в пользу своего кармана. Для них тысячи человек, страдающих по милости отвратительного устройства их мастерских, значат не более валяющихся около их фабрик кошек и собак. Конечно, юридически они правы, закон обратного действия не имеет. Но правы ли они нравственно? А между тем подобные люди то и дело говорят о благе народа и о нравственности.

б) Против § 16 говорят, что достаточно иметь в конторах фабрик исправно веденные книги, в которых должны быть написаны и пишутся условия найма, количество задельной месячной или недельной платы, взыскание за прогул и причиненный хозяину вред, согласно чему и все рабочие должны иметь от конторы расчетные листы, на основании которых и разбираются споры их между хозяевами. Из этих книг всегда можно почерпнуть необходимые сведения, которых, по мнению фабрикантов, в ведомостях выяснить нельзя, в особенности же там, где тысячи рук ежедневно получают свое назначение и событие найма, расчета штрафов, прогулов, проступков, награждений и проч. идут ежечасно одно за другим, следовательно, ведомости должны переписываться каждый день, чего, очевидно, сделать нельзя потому, что по словам фабрикантов, такой труд превышает челове-

---

[1] В подлиннике слова «речонку Тьмаку» подчеркнуты. Против них губернатор Баранов написал «NB. Еще это недостоверно».

[2] См. ф. Тверск. губ. правления, 4 стол, д. № 29201 и ф. Тверской врачебной управы, д. № 946 и д. № 1114.

[3] Н. Каулин и И. Залогин — московские купцы, основавшие возле г. Твери в Рождественской слободе вместе с А. Хлудовым первую местную текстильную фабрику в 1853 г. Фабрика товарищества Рождественской мануфактуры была рассчитана на 44.000 веретен (см. «Журнал министерства внутренних дел», февраль 1856 г., стр. 53 и ф. Тверского губ. правления д. № 28740).

[4] 2 апреля 1859 г. тверской городовой врач Грекович в донесении тверской врачебной управе писал о Каулинской фабрике: «Общие спальни на фабрике и квартиры рабочих очень неопрятны, воздух в них нечист от скучения народа и постройки спален и сам народ от этих неудобств изможден и худосочен» (ф. Твер. врачебн. управы, д. № 816, л. 2). В 1860 г. ночью, во время чистки отхожих мест, в казарме задохнулся рабочий Андреев. Постановлением губернского правления, во главе которого стоял Салтыков, фабриканты Каулин и Залогин были отданы под суд. Однако в 1863 г. тверской городовой магистрат, согласившись с доводами доверенного фабрикантов, что «фабричные работники, получая задельную плату, вольны жить, где хотят и за жизнь их в квартирах хозяева не обязаны отвечать», освободил фабрикантов от ответственности.
(ф. Твер. городового магистрата, журнал № 3207, 1863 г.).

ческие усилия. Что же касается других несчастных приключений, то они всегда известны полиции и тайною оставаться не могут.

В этом возражении я вижу одно только нежелание тратить деньги на наем образованного конторщика. Настоящие конторщики, конечно, для этого не годятся.

в) § 67, по мнению фабрикантов, можно применить только к механическим, ткацким, прядильным заводам и мастерским, производящим самовозгараемые ядовитые и удушающие вещества, как то: хлор, кислоты, свинцовые белила, сурик, фосфорные спички, мышьяковистые, амиачные и другие вредные химические продукты. В безвредных же мастерских ночлег должен быть допущен, но непременно при хорошей вентиляции, на случай же пожара к окнам верхних этажей должны быть приделаны выходные площадки и лестницы.

По моему мнению, как ни освежайте мастерских, в которых работает несколько десятков человек в продолжение, по крайней мере, половины суток, для ночлега они не годятся, потому что, сколько я знаю, ни в одной мастерской нет необходимого объема воздуха на каждого человека, т. е. две куб. сажени в сутки. Очевидно, что фабриканты везде отстаивают не благосостояние рабочих, а только свои собственные карманы. Кроме того, в случае пожара выходные площадки и лестницы представляют весьма ненадежное средство спасения для целых сотен людей, потому что от страху и поспешности они могут падать с площадок и лестниц и даже могут проснуться тогда, когда и сами площадки и лестницы уже находятся в огне [1].

г) Против § 70 Каулин и Залогин говорят тоже самое, что и Шилов и Морозов, даже в некоторых местах одними и теми же словами. Очевидно, что бумагопрядильные фабриканты стакнулись между собою, что отвечать, вероятно, в том предположении, что если мы все будем говорить одно и тоже, то правительство уважит наши слова; но к их огорчению, правительство недовольствуется мнениями одних только их. Я не буду представлять образчиков их красноречия, где они говорят о свободе народного труда, о залогах счастья народа и интересах промышленности и т. д. Все эти громкие фразы прикрывают самую прозаическую мысль: мы хотим пользоваться трудом рабочих малолетних и взрослых, по нашему усмотрению, сообразно нашим выгодам, и поэтому не желаем предполагаемых нам законом ограничений.

В этих видах фабриканты § 70 находят справедливым узаконить следующим образом:

а) на фабрики и заводы не принимать детей ниже десятилетнего возраста; б) при неперемежающихся суточных работах ввести на фабриках двухсменный комплект рабочих с 16-летнего возраста и выше и трехсменный с 10-ти до 16-летнего возраста; в) в каждую смену совершеннолетние работники работают по 6 часов, таким образом 12 часов в сутки, обе же партии 24 часа; г) три партии малолетних до 16-летнего возраста работают по 4 часа в смену, и потом партии эти, сменяясь через 8 часов работали бы каждая в сутки по 8 часов; д) на фабриках, ведущих одни дневные работы, допустить 13 рабочих часов для детей от 12 до 16 лет и 12 рабочих часов при возрасте детей от 10 лет. В обоих случаях урочные работы должны делиться 2 часами для завтрака и обеда.

При этом фабриканты ссылаются на Францию и Англию, где рабочих часов на фабриках в целом году и для взрослых и для малолетних больше чем у нас, не говоря ни слова, а может быть и не зная,

[1] См. «Труды комиссии», стр. 274—275.

что тамошние фабричные по образу жизни на фабриках, т. е. по тому, что они едят, в каких комнатах живут, во что одеваются и т. д., более походят на самих наших фабрикантов, чем на жалких наших, растрепанных, грязных, пьянствующих, развратных, и холодающих, и голодающих фабричных рабочих. В Европе во многих местах и прежде издания законов фабриканты заботились о материальном и нравственном быте своих рабочих, и посещение школ малолетними издавна было обязательно; в новейшее же время законодательство всюду регламентировало труд малолетних и вообще отношение хозяев к рабочим, не оставляя их на произвол капиталистов [1].

В конце своего возражения Каулин и Залогин, впрочем, отказываются от Европы и говорят, что «наши фабрики находятся при других условиях, и если народ сам себе дает отдых, работая на фабриках не целый год, то едва ли было бы законно подчинить его буквальным положениям, существующим в других странах, снабжающих нас, по словам Каулина и Залогина, и плугом, и сохой, и мануфактурными и другими многоценными изделиями. И так ли поступала Англия, говорят они, когда она развивала народный труд во всех его явлениях?

Очевидно, что во всей этой нескладной тираде скрывается ирония, которой, впрочем, по ее бессмысленности я понять не мог. Замечательно, что как ни невежественны наши фабриканты, они превосходные эклектики,— из нравов, обычаев и законов всех стран они выбирают только те, что выгодны лично для них, нисколько не думая ни о целых народах, ни в частности о рабочем классе, руками которого они загребают жар.

Такие лентяи и невежды, как наши фабриканты, ссылаются даже на то покровительство, которое оказывало английское правительство своим торговцам и промышленникам, как будто английских неутомимо деятельных, добросовестных и образованных фабрикантов, пламенно любящих свою Англию и в своих изделиях полагающих свою честь, можно сравнивать с нашими фабрикантами, вырастающими, как паразиты, на почве народного труда, по милости покровительственной системы, жаждущих только легкой наживы [2]. Достаточно сказать, что директор фабрики Каулина и Залогина англичанин —

---

[1] О положении английских рабочих см. примечание 1 на стр. 6. Автор записки прав, когда он рисует превосходство английского фабричного законодательства над русским, сложившимся при крепостном праве. Однако, фабриканты Англии отнюдь не были склонны заботиться «о материальном и нравственном быте своих рабочих».

«Если буржуазия дает им жить,— пишет Ф. Энгельс,— лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не должно удивляться, если она и образования дает им лишь постольку, поскольку это в ее интересах».

(Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, гл. V «Выводы» 1930 г., стр. 402).

[2] Автору записки не понять, что английская буржуазия неутомимо деятельна, если эта деятельность обещает «счастье быстрой наживы». Она добросовестна, если это сулит ей деньги; «пламенной любовью к Англии» она маскирует свою единственную любовь к деньгам. Английская буржуазия недалеко ушла от русских фабрикантов.

«Мне никогда не приходилось встречать класса,— писал Ф. Энгельс,— столь глубоко деморализованного, столь безнадежно испорченного своекорыстием, внутренне разлагающегося и совершенно неспособного к какому бы то ни было прогрессу, как английская буржуазия... Все, что существует в мире, существует, по ее мнению, только ради денег, и она сама не составляет здесь исключения: она живет только для того, чтобы наживать деньги, она знает только одно счастье — счастье быстрой наживы, и одно горе — горе денежной потери». (Ф. Энгельс «Положение раб. класса в Англии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, гл. XI «Отношение буржуазии к пролетариату», 1930 г., стр. 553).

кузнец, говорят, не умеющий ни читать, ни писать [1]. И такие господа требуют, чтобы им в жертву приносилось и здоровье и нравственность, не говоря уже о трудовой копейке народа, покупавшего их изделия.

д) Против § 73 Каулин и Залогин возражают то же самое, что и другие фабриканты, именно что надзор над фабриками лучше всего поручить мануфактурному совету, его комитетам и корреспондентам. Некоторые фразы буквально одни и те же с фразами фабриканта Шилова и Морозова, что указывает на предварительную стачку фабрикантов, как например, следующая фраза: «недоверие к фабрикантам поставить их судьями в своем собственном деле, равняется недоверию судам купца — купцу, дворянина — дворянину, русского — русскому».

Фабриканты желают, что бы при отделениях и комитетах мануфактурного совета, учрежденных в промышленных центрах, имелись всегда механики и техники, а самый надзор за фабриками подчинить полному присутствию заседающих в советах и комитетах лиц. Одним словом, желают комитетского и сословного надзора, который уже оказался совершенно бесполезным во Франции, далеко опередившей нас и с образованием и пониманием общественных интересов. Техников же и механиков желают, очевидно, для того, чтобы их знаниями можно было пользоваться в таких случаях, когда их собственные механики и техники становятся в тупик. Об участии рабочих, составляющих предмет заботливости правительства учреждающего инспекторов, фабриканты, очевидно, ничего не заботятся [2].

е) Против § 76 Каулин и Залогин возражают тоже самое, что и Морозов, что фабрика есть дом трудолюбия, покровительствуемый законом, и что ночная ревизия фабрик похожа на следствие, и может подать повод ко всевозможным притеснениям со стороны ревизора и ко всевозможным тревогам и даже материальным ущербам со стороны фабриканта. Под именем фабрик и заводов, по словам Каулина и Залогина, следует также разуметь дом, квартиру, гостиницу, судно, корабль и проч., где закон охраняет спокойствие трудящегося, отдыхающего, ликующего и каждого гражданина знатного и незнатного, богатого и бедного. Что же такое фабрика и фабрикант? Неужели они суть места беззакония, требующие внезапных следований?

Таковы подлинные слова Каулина и Залогина, весьма схожие со словами других фабрикантов. Заключают они свое возражение против этого параграфа, также как и Морозов, именно, чтобы ревизия фабрик производилась только днем, а не ночью, без отнятия работников от занимаемых ими мест и без замешательства в ходе работ, притом предъявлением на нее каждый раз законного акта от места, командирующего то или другое лицо, и чтобы к ревизии были приглашаемы посторонние фабриканты, или же купцы, или посторонние лица.

Об инспекторах, повидимому, и слышать не хотят, а настаивают на подчинении фабрик мануфактурному совету, его отделениям и комитетам. Наши фабриканты не хотят знать, что нигде в целом мире так не уважается законом гражданская личность человека и его свобода, как в Англии, и нигде столько не предоставлено свободы деятельности каждому гражданину, как там; нигде промышленность фабричная не терпит так мало стеснений, как в Англии, однако, там давно уже учреждены инспектора для фабрик, имеющие право делать самый полный и строгий их обзор во всякое время дня и ночи. Возразят, что

[1] Директором фабрики Каулина и Залогина в 1861 г. был Иван Васильевич Престон. Действительно, он был неграмотен на русском языке, а по-английски, судя по подписям, едва мог вывести свою фамилию (см. ф. Твер. торгового словесного суда, д. № 53, л. 351).

[2] См. «Труды Комиссии», стр. 303—304.

там инспекторы не делают никаких злоупотреблений из своей огромной власти. Это дело другое, и для меня было бы очень понятно желание фабрикантов, чтобы и у нас инспекторы были не хуже английских, и чтобы интересы фабрик были вполне ограждены от произвола ревизий. Но, очевидно, фабриканты не желают никаких инспекторов, а желают за собою надзора своей же братии. Понятны мотивы таких желаний!

ж) § 82 Каулин и Залогин дополняют тем, что если ложные отметки и показания лет последуют не от вины фабриканта, а от нерадения конторщика, или от неправильного показания лет в паспортах, то хозяева не должны подвергаться взысканию [1].

з) §§ 87 и 88 по понятиям их следует вовсе исключить, как предложено это департаментом мануфактур. По моему же мнению, этих двух важных параграфов о вознаграждении увечных рабочих исключать никак не следует по неясности существующих законов об этом вознаграждении, а надобно определить размер самого вознаграждения самым точным образом, ничего не предоставляя на произвол фабрикантов и на усмотрение наших настоящих судов, не отличающихся беспристрастием.

По моему мнению, в случае увечия, делающего рабочего совершенно неспособным к труду, или если рабочий умрет от увечья, происшедшего от беспечности хозяина или несоблюдения предписанных правил,— вознаграждение работника на всю его жизнь или в случае его преждевременной смерти до совершеннолетия его детей должно быть таково, какое жалованье он получал в последнее время от хозяина. За увечья, оставляющие возможность трудиться, должны быть определены единовременные вознаграждения.

Напрасно департамент мануфактур опасается, что новые правила, находясь на фабриках, могут подать рабочим повод к несправедливым домогательствам и искам хозяев и напрасно он называет статьи 644, 657 и 661 т. X о вознаграждении за увечья, ясно его определяющими. Комиссия гораздо веркее смотрела на это дело. Довольно взять в соображение только то, каким образом бедный, безграмотный и еще увечный рабочий будет ходить по судам и искать себе вознаграждение за увечье от богатого фабриканта, когда в вышеприведенных статьях не определены ни увечья, ни самые за них вознаграждения? Неужели такой важный вопрос можно представить на милостивое усмотрение самих фабрикантов?

и) Разбирая § 89, Каулин и Залогин желают, чтобы он был оставлен в настоящем своем виде, а не исключаем, и дополняют его тем, что вознаграждения за увечье рабочим должны быть точно определены новыми правилами, т. к. прежние, на которые ссылается департамент мануфактур, неясны и неудовлетворительны и могут рабочим подать повод требовать несоразмерных вознаграждений. Итак, наши просвещенные фабриканты на одной и той же странице своих объяснений совершенно противоречат самим себе. В одном месте желают, чтобы правила о вознаграждении увечий из проекта были исключены, в другом месте совершенно некстати требуют, чтобы эти вознаграждения были определены самым точным образом, и были бы заранее известны фабричным рабочим для предупреждения чрезмерных ожиданий и желаний. Из таких объяснений трудно понять чего желают эти люди. Кажется, что они и сами этого хорошо не знают.

---

[1] См. «Труды комиссии» стр. 303—304.

V. Корчевской фаянсовый фабрикант дворянин Ауербах[1] находит общие правила проекта очень хорошо применимыми ко всем вообще фабрикантам и заводам; он возражает только, в частности, против запрещения употреблять в работу детей моложе 12 лет на его фаянсовой фабрике, так как он находит легкие работы на ней вовсе не вредными для здоровья детей, если только они здорового телосложения, с 10-летнего возраста, тем более, что эти дети у него не на жалованье, но получают вознаграждение за работу помесячно и работают в сутки не более 4 часов. Все мастеровые живут у него с своими семействами в особых квартирах на собственном своем содержании.

Определить, могут ли на таких фабриках, как фабрика Ауербаха, работать без вреда для своего здоровья дети моложе 12 лет, могут только будущие инспекторы фабрик. По моему понятию, производство фаянсовой посуды не представляет никаких опасностей для здоровья малолетних рабочих, разумеется, если работа будет по их силам, но утвердительно сказать не могу, нужно ли допускать для таких производств исключение из общих правил о работе малолетних.

VI. Вышневолоцкий фабрикант московский купец Ермаков[2] в отзыве своем говорит, что новые правила для фабрик «еще до составления оных комиссиею по опыту применены им на фабрике его торгового дома, если не с такой буквальностью, какая изложена в правилах, то по крайней мере с аккуратной применимостью их делу»;— таковы буквальные выражения Ермакова. Из этой напыщенной бессмыслицы я ничего не могу понять. Но далее Ермаков просто говорит, что правила о работе малолетних и воспрещении ночных работ неудобоисполнимы. Он ясно говорит, что работа на бумагопрядильных не столько изнурительна, вредна, сколько полезна, по крайней мере, на их фабриках, где дети работают только 12 часов в сутки. Увечья, по его словам, всегда бывают не по вине фабрикантов, а от неосторожности самих рабочих. Впрочем, по его словам, у него на фабрике вошло в закон давать вознаграждение за каждое увечье, от каких бы причин оно ни произошло. Если работник остается в живых, то по смерть свою получает то жалованье, какое он получал в то время, когда получилось с ним несчастье, если же лишается жизни, то жалованье его постоянно получает его семья, отец, мать или жена[3]. Если бы подобный закон был сделан обязательным для фабрикантов, по словам Ермакова, не нужно бы было ни полицейского разбирательства, ни

[1] Ауербах — Корчевской помещик, владелец крепостной фарфоро-фаянсовой фабрики. Фабрика была основана в сельце Домкине, Корчевского уезда в 1804 г. В 1826 г. предприятие было перенесено в сельцо Кузнецово. В 1870 г. фабрика была продана А. А. Ауербахом М. С. Кузнецову — крупнейшему предпринимателю фарфоро-фаянсового производства в России (см. журн. «В наши дни» № 3—4, 1937 г. Н. Журавлев, «Забастовка 1886 г. на фабрике Кузнецовых», стр. 171—172).

Заметим, что Ауербах вербовал рабочих из своих дворовых и крепостных крестьян. Пользуясь этим, он платил им в три раза меньше, чем вольнонаемным. Две трети и без того очень скудного заработка он забирал в свою пользу вместо оброка.

[2] Ермаков — внук основателя и фактического хозяина Вышневолоцкой бумагопрядильной и ткацкой фабрики, основанной в 1858 г. Фабрика эта, находившаяся в Солдатской слободе, была рассчитана на 23 000 веретен и на 350 механических ткацких станков. К концу 80-х годов т-во Ермаковых продало свою фабрику московским капиталистам Прохоровым (ф. канцел. твер. губернатора, д. № 2854, л. I и ф. твер. губ. правления, д. 28676).

[3] Фабрика Ермакова по количеству несчастных случаев была самой неблагополучной в губернии.

Вышневолоцкий уездный суд, знакомившийся с условиями фабрики Ермаковых, отметил, что «самое устройство оной... опасно для рабочих, находящихся при ткацких станках...» В течение пяти месяцев 1858 г. только тяжелых увечий на фабрике было зарегистрировано 10 случаев. Фабрикант не только не обеспечил этих увечных рабочих, но и не оказал им медицинской помощи, предоставив их попечению городской благотворительности (см. ф. твер. губ. правления, д. № 28676).

словесных судов, ни особых чиновников для надзора за фабриками.

Вот каковы понятия у наших капиталистов фабрикантов, величающих себя двигателями народной промышленности и благодетелями отечества. По моему понятию, доколе покровительственная система значительно не ослабеет, дотоле не ослабеет самое грубое невежество в этом классе, легко наживающем деньги, нисколько не утруждая своей головы, по милости отсутствия конкуренции, основанной на науке и честном труде.

В заключение своего отзыва Ермаков говорит, что ночных работ его торговый дом на своих фабриках прекратить не может, и отстранение детей от работ для них неудобоисполнимо. При прекращении ночных работ его торговый дом должен будет покупать пряжу других фабрик, а большие работники не могут работать без малолетних, особенно на бумагопрядильных фабриках.

Я уже не привожу вполне того места из его объяснения, где он оплакивает участь бедных вышневолоцких мещан, которая должна сделаться еще хуже с прекращением детских ночных работ, потому что этот же самый Ермаков спускал с своей громадной фабрики все нечистоты в вышневолоцкий канал, совершенно испортил его воду и сделал ее негодною для употребления, тогда как бедным жителям больше негде взять воды.[1] Вот какова на самом деле филантропия наших фабрикантов. Принимая в расчет это хорошо известное мне обстоятельство, о котором и теперь идет переписка, я не верю, чтобы он действительно хорошо вознаграждал своих рабочих за увечья, как он это выставляет с подобающим невежественному богатству тщеславием.

В заключение я считаю долгом сказать, что лично я нахожу улучшение быта фабричных и вообще всех ремесленников так же важным, как и уничтожение крепостного состояния, и, вполне сочувствуя разумному и благородному проекту правил для фабрик и заводов, желаю скорейшего его осуществления.[2]

---

[1] О загрязнении воды в реке Цне фабрикой купцов Ермаковых, см. ф. Тверск. губ. правления, д. № 28950.

[2] Обследование быта ремесленных учеников в предприятиях г. Твери показало, что дети, работавшие в ремесленных заведениях, находились в исключительно тяжелых условиях. Рабочий день длился до 16 часов в сутки. Ютились в холодных, грязных коморках. Одевали их хозяева в жалкие лохмотья, которые им служили обычно и постелью. Однако, никаких мер к улучшению положения ремесленных учеников принято не было. (См. ф. Канц. твер. губернатора, 2 стол, д. № 418).

Из истории ненецкого народа 30—40-х годов XIX в.

(Движение Ваули Пиеттомина)

Среди социальных движений малых северных народностей первой половины XIX в. на первом месте по интенсивности и значимости стоит движение 1830—1840 гг., связанное с именем его руководителя — Ваули Пиеттомина из ненецкого рода ненянг.

Имя Ваули вошло в историю северных народностей и в памяти народных масс Севера дожило до наших дней, как имя руководителя ненецко-хантейской бедноты в борьбе против угнетателей и эксплоататоров туземных князьков, русских чиновников, ненецких и хантейских старшин, богатых оленеводов и русских торговцев и купцов.

Дореволюционная литература о Ваули представляет собой ряд отдельных небольших заметок, авторы которых рассматривают движение Ваули с великодержавно-шовинистической точки зрения.

Так, например, Н. Абрамов — яркий образчик провинциального доморощенного историка середины XIX в., в своем «Описании Березовского края»[1], характеризуя движение, называет Ваули «возмутителем народного спокойствия самоед» и расценивает выступление Ваули, как разбойничье. Пересказ событий 1839—1841 гг. занимает у Абрамова всего 2 странички и дает только хронологическую канву событий.

Такая же чиновничье-великодержавная оценка движения Ваули дается в заметке «Самоедский праздник в Обдорске по случаю раздачи величайших наград»[2]. В этой заметке содержится, главным образом, ряд фактических данных об отзвуках движения Ваули в 1856 г. Сам Ваули, его сподвижники 40-х годов и последователи 1856 г., рисуются просто грабителями, а успех и популярность Ваули «объясняется» страхом перед силой его шаманства.

Несколько отошел от оценки движения Ваули, как разбойничьего, Барш в статье «Обдорский возмутитель»[3]. Статья эта написана, как говорит сам Барш, по рассказам, так как дела о Ваули в архиве Тобольского губернского суда по его запросу не нашли. В статье этой перепутаны даже хронологические даты, анализа событий совершенно не дано. Автор все движение связывает с фигурой самого Ваули, о котором говорит, что «это была, действительно, весьма замечательная между дикарями личность».

П. Славин в статье «Самоеды-грабители в Обдорском крае»[4] в основном повторяет данные Барша, а, кроме того, использует дело Тобольского губернского архива «О самоедах, производящих грабежи в Обдорском отделении» для краткого очерка отзвуков движения Пиеттомина в 1856 г.

Такова основная, крайне бедная дореволюционная литература о Ваули.

---

[1] «Тобольские губернские ведомости», 1858 г., отделение II-е, часть неофициальная, книга № 21.

[2] «Тобольские губернские ведомости», 1858 г., № 9.

[3] «Русская старина», 1881 г., октябрь, стр. 377—386.

[4] «Ежегодник Тобольского музея», выпуск XIX.

Кроме того о нем и о движении, организатором которого он был, разбросан ряд мелких заметок во всех дореволюционных работах по истории западной Сибири: у Шашкова «Сибирские инородцы в XIX в.», у Житкова «Полуостров Я-мал» и в ряде других.

В современной советской литературе нет ни одной работы, посвященной этому наиболее значительному движению ненецко-хантейской бедноты в первой половине XIX века.

Даже в работе, вышедшей в 1937 г., «Очерк истории народов Северо-Западной Сибири» автор ее — Карцев, говоря об этом движении, принужден ограничиться использованием тех немногих статей, о которых упоминается выше.

Н. Абрамов и Барш для своих статей использовали рассказы современников. Однако тексты сказаний и легенд о Ваули, существующие на севере и до настоящих дней, до революции не записывались.

Несмотря на тщательные розыски, не найдены до сих пор архивные материалы о движении Ваули, которые должны были иметься в Тобольском архиве. Есть данные, что царские чиновники при одной из очередных варварских «чисток» архивных материалов уничтожили дела об этом движении [1].

Поэтому большую научную ценность представляют публикуемые ниже материалы о движении Ваули, из недавно обнаруженного в Омском историческом архиве дела «Главного управления Западной Сибири», № 1960 за 1841 г. «О возмущении остяков Березовского края самоедом Ваули Пиеттеминым».

Подходя к их оценке, нужно помнить, что это официальные материалы царских чиновников, что события освещаются ими односторонне и в общем и даже в деталях с точки зрения сибирской администрации николаевских времен.

Однако, эти материалы дают для исследователя ряд новых данных как о самом Ваули, о его биографии, так и о движении, дают точную хронологическую канву событий и часто против воли составителей — царских чиновников проливают свет на отдельные факты этого наиболее значительного социального движения в Северо-Западной Сибири в первой половине XIX века.

Крайняя бледность показаний самого Ваули не покажется странной тому, кто знаком с показаниями Пугачева и других вождей народных движений в прошлом. Они, естественно, избегали давать подробные объяснения, которые могли только еще более отяготить их положение перед царским судом. В свою очередь царских чиновников не интересовали ни мотивы, ни обстановка движений. Их допросы сводились к тому, чтобы выколотить из подследственного показания, непосредственно уличающие его в «противозаконных поступках». Поэтому показания Ваули мало вскрывают социальную суть движения, которое он возглавлял.

Несомненно, однако, что социальная сущность движения Ваули гораздо сложнее, чем ее изображает буржуазная шовинистическая историография, которая сводила все дело к примитивному разбою.

В тюрьме народов, какой была царская Россия, малые народности Севера были обречены на голод и вымирание.

Начавшаяся с первых же дней завоевания Сибири хищническая эксплоатация северных народностей царской администрацией, купечеством, промышленниками разных сортов довела малые северные народности до полного обнищания.

Правительство, опираясь на верхушку населения — на князьков и старшин, рассматривало широкие массы северных народностей только как объект для выколачивания ясака и других поборов.

Вот характерные цифры. В 1763 г. в Березовском крае было 8003 ненцев и хантэ, подлежавших обложению. Они выплачивали ясак пушниной по оценке в 6 876 руб. 90 к. В 1829 г. по переписи ясачной комиссии [2] в Березовском

[1] «Тобольский архив», Тобольск. 1937 г., стр. 26.
[2] Омский исторический архив, ф. № 3, д. № 851.

округе было подлежащих обложению 10 993 души (8 421 хантэ и 2 572 ненца). Население, подлежащее обложению, выросло, как видим, приблизительно на 25%. К 1829 г. ненцы и хантэ Березовского округа платили ясака на ту же сумму и 44-копеечного сбора по указам 1797 г. и 1806 г. 4 722 руб. 52 коп. и выполняли натуральных повинностей по оценке на 12 723 руб. Комиссия же установила подати в размере 20 212 руб. 35 к., не считая повинностей.

Таким образом обложение увеличилось против 1763 г. почти на 300%. И это, несмотря на то, что общее экономическое положение северных народностей к 30-м годам XIX в. значительно ухудшилось. Тобольская казенная палата в 1828 г. заявляла, что «инородцы тогда (т. е. в 1763 г.) были гораздо зажиточнее нежели в нынешнее время». На самом деле сумма обложения была гораздо выше, чем ее показывают официальные цифры, так как оценка мехов, сдаваемых в ясак, была крайне низкой и, кроме того, приемщики мехов прибегали к целому ряду мошенничеств и в оценке, и в записях налагаемого ясака. К этому нужно прибавить поборы со стороны духовенства, прибегавшего к чисто провокационным приемам для выколачивания из порабощенных народностей всякого рода штрафов за нарушение церковных правил (несоблюдение постов и проч.).

В годы плохого улова рыб и добычи зверя, особенно в начале XIX в., когда, в результате хищнических способов лова и сильных лесных пожаров, погибли лучшие звероловные места, обнищавшим ненецко-хантэйским массам приходилось для уплаты ясака обращаться за ссудой или к «своим» богачам или же к русским купцам и промышленникам.

Ростовщичество процветало на Севере вплоть до 1917 года. В залог за взятую небольшую сумму ненцы и хантэ отдавали лучшие угодья. Колоссальные проценты нарастали на взятую сумму и на проценты, и в результате население запутывалось в долгах. Ядринцев в своей работе «Сибирь, как колония» приводит характерный факт, как местные жители в 1688 г. заложили угодья за 1 р. 50 к. и 135 лет до 1823 г. не могли их выкупить.

Пользуясь покровительством властей, русские купцы и промышленники брали в долгосрочную аренду, по баснословно низким ценам, лучшие угодья и фактически становились настоящими хозяевами их. Практиковался и прямой открытый захват русскими промышленниками и купцами лучших угодий.

Теряя лучшие земли, народности Севера одновременно подвергались усиленной торговой эксплоатации. Им продавались наиболее плохие, часто бракованные товары по баснословно высоким ценам. В этой грабительской торговле участвовало в качестве контр-агентов и местное национальное кулачество, а также и духовенство.

Обдираемые царскими чиновниками, купцами, попами и промышленниками, хантэ-ненецкие массы попадали в кабалу к своему национальному кулачеству, представители которого занимали все низшие административные посты и были посредниками между высшей русской администрацией и широкими массами.

Массы дошли до крайнего обнищания в то время, как верхушки во главе с князьями быстро обогащались. Князья (Тайшин, Артанзиев и другие) были верными слугами царизма, от которого они получали всевозможные награды и подачки. Именно царизм помогал им властвовать и эксплоатировать широкие массы ненецкого и хантэйского народов.

Нужно к этому добавить полное юридическое бесправие ненца, хантэ и манси в царской России. Царское правительство считалось только с верхушкой — князцами, богатыми оленеводами, старшинами. Бедняк ненец или хантэ в глазах самого мелкого чиновника был «собакой», «дикарем». Сибирская администрация от верху до низу была взяточниками, казнокрадами и насильниками.

Из года в год повторялись голодовки, при которых бывали случаи людоедства, население косили болезни. Общеизвестен много раз обсуждавшийся вопрос о так называемом угасании северных народностей. Северные народности, ныне возрождающиеся под мудрым водительством партии Ленина — Сталина, в старой царской России обречены были на вымирание.

30-е годы XIX в. были годами еще большего увеличения податных тягот, усиленного отбирания угодий, роста эксплоатации, невероятного двойного гнета — социального и национального, против которого и было направлено возглавленное Ваули Пиеттоминым движение.

Всесторонняя оценка этого движения требует еще дальнейшего углубленного исследования. Многое в нем еще неясно: роль шаманства, взаимные отношения между хантэ и ненцами, отношение данного движения к предыдущим выступлениям ненцев в XVII—XVIII вв. и т. д.

Публикуемые материалы при всей их неполноте и односторонности, однако свидетельствуют, что возглавляемое Ваули движение было народным движением, направленным именно против этого социального и национального гнета. В нем несомненно есть элеметы классовой борьбы.

Документы говорят как о Ваули, так и об участниках его отрядов, как о бедняках «не имеющих дневного пропитания». Один из наиболее близких Ваули сподвижников Менчеда Санин «ясаку от роду не платил по случаю бедноты». О широкой поддержке Ваули хантэ-ненецкой беднотой свидетельствует значительная численность его отрядов, достигавших до 400 человек. Ваули объединил эти обездоленные массы вокруг самых насущных требований (снижения ясака, снижения цен на товары), направленных против ига безграничной колониальной эксплоатации. Как указывает публикуемая «Краткая выписка», Ваули распустил слух, что он в Березовском крае понизит цены на все русские товары, даже на отпускаемый из казны хлеб, и что «инородцы будут платить подати вместо двух песцов одного... и посылал в Обдорск нарочного, чтобы до его туда прибытия инородцы не смели вносить ясака, а купцы торговать».

В то же время движение Ваули было направлено против местных социальных верхов. Когда, как проговаривается составлявший «Краткую выписку» чиновник, «увеличилось народное к нему доверие», Ваули стал делать нападения на богатых ненецких и хантэйских старшин, владельцев сотен оленей, отбирая у них оленей, муку и деля его среди бедняков. В течение всего 1840 г. власть над ненцами и хантэ была фактически не в руках князя Тайшина, ставленника царской власти, вымогателя и насильника [1], и богатых старшин, а в руках Ваули. Ваули смещал старшин и если бы не помощь царской администрации, то Тайшин был бы смещен. Ваули не ставил однако задачи уничтожения власти князя и старшин вообще. На место ненавистного князя Тайшина он намерен был поставить князя хантэ — Янту Мурзина — богатого оленевода, искавшего дружбы с Ваули с провокационной целью, чтобы заманить его в ловушку, организованную князем Тайшиным и царской администрацией. Легкой ликвидации движения Ваули содействовала и провокационная работа русского торговца Нечаевского.

Схваченный с помощью провокации в Обдорске, Ваули был отправлен сначала в Березов, затем в Тобольск и предан военному суду, который приговорил его к ссылке в каторжные работы. Генерал-губернатор Западной Сибири утвердил приговор и предписал отправить Ваули для отбывания каторжных работ в Восточную Сибирь.

Части участников движения удалось скрыться, и спустя много лет после поимки Ваули на Севере снова вспыхивает волнение, которое однако не приобрело широких размеров.

В 1855 г. родственники ближайшего друга Ваули — Мейри Ходина, также сосланного в каторжные работы,— Иани Ходин, сподвижник Ваули, Тумбы, Няру, Оли, Хорумы и Нюмдэ Ходины вместе с другими ненцами и хантэ организовали отряд. Во главе отряда стал Иани. Отряд стал делать нападения на богатых оленеводов, на старшин.

---

[1] См. о нем заметку Т. Попова, «Остятские князья», «Русская старина», 1890 г., ноябрь, стр. 457—460.

Снова в тундре началось волнение. Ненецкий старшина Тэпкэ Ванюзе (Ванхозе) обратился за помощью к царской администрации в Обдорске [1].

Призрак возвращения Ваули встревожил и местных старшин и царскую администрацию. Между властями от Петербурга сверху и до Березова снизу началась оживленная переписка о ликвидации волнения. Посылать в безлюдную, отдаленную тундру солдат или казаков было рискованно, поэтому разгромить отряд Иани было поручено князю Тайшину, а Тайшин перепоручил это дело Ванюзе, наиболее заинтересованному в усмирении подчиненной ему бедноты.

С помощью старшин и наиболее богатых кулаков-оленеводов участники отряда Иани во главе с ним самим были схвачены. При поимке им повредили в суставах пальцы рук, чтобы лишить «силы шаманства». Затем арестованные были доставлены для допросов в Березовский земский суд.

К сожалению, до настоящего времени не обнаружены архивные материалы, сообщающие об их дальнейшей судьбе. Очевидно их ждала, как и участников движения Ваули, каторга и поселение в Восточной Сибири.

Царская администрация и кулацкая верхушка праздновали легкую победу. Однако ненецкая и хантейская беднота не верила, что Ваули погиб и ждала его возвращения.

В 1883 г., через 40 с лишком лет после движения Ваули, в Обдорске распространились слухи, что на Обдорск идет Ваули или его потомок [2]. Слухи эти вызвали настоящую панику среди обдорских торговцев.

Память о Ваули дожила до наших дней, до дней возрождения к новой счастливой жизни всех народностей Советского Союза, когда «народы-парии, народы-рабы впервые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира» (Сталин).

Публикуемые материалы подготовлены к печати коллективом работников Омского Исторического Архива под редакцией К. Е. Розанчугова.

К. Розанчугов.

«Краткая выписка из дела комиссии, учрежденной в Березовском крае о возмущении инородцев Обдорского края»

12 генваря 1839 года Обдорской волости ясачной князь Иван Тайшин с самоедами и остяками, составя приговор о том, что самоеды сей же волости Ваули Пиеттомин и Магири Вайтин с их сообщниками более семи лет делают у них дневные грабежи, просили обдорского заседателя Соколова представить Пиеттомина и Вайтина к высшему правительству для поступления с ними по законам и удаления их на поселение.

Пиеттомин и Вайтин сознались Соколову, что они человеками с десятью своих товарищей, быв вынуждены бедностью, единственно для собственного пропитания, точно обкрадывали и грабили самоедов и остяков, но никого не убивали.

После этого сознания, без всякого производства следствия, Березовский окружной суд полагал: наказав Пиеттомина и Вайтина кнутом, сослать на год в каторжную работу и потом оставить их на поселении. А губернский суд, приняв в уважение, что во 1-х преступники при следствии чистосердечно сознались в воровстве и грабеже, во 2-х, делали они воровства и грабежи для того, чтоб им и другим бедным самоедам не лишиться жизни при неулове зверя и невозможности по дальнему расстоянию мест их жительств быть в Обдорском отделении

[1] Славин, «Самоеды-грабители в Обдорском крае», «Ежегодник Тобольского музея», вып. XIX, 1909.— «Самоедский праздник в Обдорске», «Тобольские губернские ведомости», № 9, 1 марта 1858 г.

[2] «Тобольский Архив», Тобольск, 1936 г., стр. 26.

для взятия в долг муки, в 3-х, их роду свойственно незнание законов, преследующих воровства и грабежи и, наконец, в 4-х, поступки их были в продолжение 10 лет терпимы, и общество желает токмо удалить их от себя,— на основании 105, 114, 129 пун. 1 и 471 ст. 15 тома, определил: дав Пиеттомину и Вайтину, при полиции, по 20 ударов плетей, отдалить их, согласно с 64 статьею тома, в другое место по распоряжению губернского начальства.

Приговор этот, утвержденный губернатором Талызиным, был препровожден губернским правлением в Березовский окружной суд, для надлежащего исполнения и с тем, чтоб о переселении преступников было донесено к сведению Тобольской казенной палаты.

После чего Пиеттомин и Вайтин были при березовской градской полиции наказаны плетьми и, по распоряжению тамошнего окружного суда, отправлены к сургутскому отдельному заседателю Ширяеву, который 10 июня его уведомил, что те самоеды причислены им (Ширяевым) в Парчинскую волость, и ее старшине предписано наблюдать, чтобы они не отлучались в прежнее свое жительство, и что об этом причислении доведено до сведения и казенной палаты.

А 19 сентября 1839 же года Ширяев донес Березовскому земскому суду, что Пиеттомин и Вайтин на 28 августа бежали с места своего причисления, обокрав разных людей, и что хотя он отыскивал тех преступников, но в Сургутском отделении их не оказалось.

Когда же суду сделалось известно, что Пиеттомина и Вайтина видели плывшими в лодке к Обдорскому отделению, то суд 9 октября предписал тамошнему заседателю их поймать.

Между тем Пиеттомин сначала скрывался в разных местах, занимаясь воровством, а потом, когда составил себе шайку, простиравшуюся, наконец, человек до 400 инородцев, стал покушаться и на значительные грабежи: распустил слухи, что он в Березовском краю понизит цены на все русские товары и даже на отпускаемый из казны хлеб и что инородцы будут платить подати вместо двух песцов одного, назвался царем всей низовой стороны и посылал в Обдорск нарочного сказать, чтоб до его туда прибытия инородцы не смели вносить ясака, а купцы торговать, и нарушение сего приказания, грозил строго с ним поступить. Этим Пиеттомин навел такой страх на обдорских жителей и остяков, что каждый из них боялся быть убитым или, по крайней мере, ограбленным.

Генерал-губернатор по получении от начальника Тобольской губернии известия, как о возникших в Березовском крае беспорядках, так и о принятых к прекращению их мерах, немедленно предписал ему составить комиссию из советника губернского правления (начальником губернии назначен был в сию комиссию советник Соколов), адъютанта своего графа Толстого и чиновника особых поручений Тобольского общего губернского управления Казачинского, для необходимых на месте происшествия распоряжений и узнания причин беспорядков с тем, чтоб, по окончании ими следствия, находившийся уже под стражею Ваули Пиеттомин был предан военному суду; а г. военного министра, донеся его сиятельству о своих по сему случаю распоряжениях, известил, что впоследствии представит ему, со своим мнением, дело о Пиеттомине и не преминет взыскать с виновных, назначивших сему преступнику с его товарищем, после их наказания, близкое к их родине местопребывание.

Г. военный министр на это отвечал, что государь император, по всеподданнейшему докладу генерал-губернаторского рапорта, о возникших в Березовском крае беспокойствиях между остяками и самоедами и о принятых к их усмирению мерах, высочайше одобряя все по

этому предмету распоряжения, изволил поручить генерал-губернатору войти в ближайшее рассмотрение, не подали-ли повода к этим беспорядкам, кроме возмущений ссыльным Ваули, какие-либо притеснения, злоупотребления или наущения. Сообщая сию высочайшую волю, его сиятельство просил о последующем его уведомить, для доклада его величеству.

Учрежденная в Березовском крае комиссия окончила свои там занятия и из представленного ею дела сказывается следующее:

Пиеттомин с Вайтиным, по присылке их в Сургут, были причислены к Парчинской волости, но оставались до побега в самом Сургуте и нанимались в работу у тамошнего мещанина Силина. Потом, когда возымели желание возвратиться к своим семействам, обокрали хозяина и бежали. По возвращении на родину Пиеттомин сначала уверил народ, что начальство назначило его главным старшиною над всеми инородцами Обдорского отделения, обманывал их шаманством и воровал, а впоследствии, когда увеличилось народное к нему доверие и шайка его усилилась, он стал грабить, делить награбленное со своими соучастниками, объявил себя царем низовой стороны, сменил двух самоедских старшин: Содома Ненекина за то, что он, в 1839 году убил грудного младенца родственника его, Пиеттомина, Танута[1], женившегося на невесте Ненекина, за которую и часть калыма была уже заплачена, а Падиги за его бедность, равно хотел сменить и князя Тайшина, который, как выше упомянуто, просил об удалении Пиеттомина на поселение, запрещал внос в казну ясака, пришел в Обдорск с тем, чтоб цены на казенную муку и русские товары понизить, а на рухлядь возвысить, принудить князя Тайшина выдать из казенных магазинов муку, все, что можно найти у Тайшина и в Обдорске, по случаю начавшейся тогда ярмарки, ограбить, при малейшем тому сопротивлении действовать оружием и убить как князя Тайшина, так и заседателя с исправником.

Хотя слухи о грабежах Пиеттомина, после побега его из Сургута, начали доходить до Обдорска еще весною 1840 года через инородцев, приезжавших туда по своим надобностям, но тамошний заседатель Соколов, преданный всегдашнему пьянству, не только не предпринимал никаких мер к прекращению тех грабежей, но когда из числа инородцев Япта Мурзин в марте того года с несколькими другими, жалуясь Соколову, что Пиеттомин ограбил у них оленей и всю годовую их пропорцию хлеба, просили дать им муки из магазина под ручательство, то Соколов, закричав на них, что это до него не касается, выгнал их от себя, и они принуждены были у одного мещанина брать муку в долг по дорогой цене. Равным образом Соколов прогнал от себя приезжавших к нему в декабре из ограбленных Пиеттоминым старшину Лабе Оленина и других человек 10, которые извещали его, Соколова, что Пиеттомин продолжает грабежи и следует с своей шайкой к Обдорску. Соколов сделал то же с Яптой Мурзиным, приезжавшим после того к нему через неделю с тем же известием. А потому как Япта, так и Лабе с прочими остались в Обдорске ожидать приезда исправника.

---

[1] Об этом преступлении Содомы Ненекина, равно и о том, что, в пределах соседственного с Обдорским отделением Туруханского округа, ведомства старшины обитающих там самоедов Тирангула Моргина, у самоеда Хочь-Морика Содома жестоко избил жену Ерой и топтал ее ногами, за препятствование отдаче чего-то им требуемого, от каковых побоев она тогда же выкинула мертвого младенца. Следственною Комиссиею доведено до сведения начальника губернии, для надлежащего с его стороны в сем случае распоряжения (Прим. подлинника).

Исправник, прибыв туда 1 генваря и узнав о намерениях Пиеттомина, убеждал инородцев не страшиться разбойника и стараться его поймать, но когда заметил, что инородцы, страшась мщения и колдовства Пиеттомина, не осмелятся отказать ему в покорности, то по недостаточному количеству в Обдорске казаков, пригласил к общей защите русских, приехавших на ярмарку, и жителей Обдорска, поручил князю Тайшину и его родственнику Япте Мурзину [1], видом покорности и готовности исполнять все требования, стараться заманить Пиеттомина в Обдорск, а постоянно живущего в Обдорске березовского мещанина Нечаевского убедил, будто бы для торговли, съездив в те места, в которых Пиеттомин находился с своей шайкой, разведать об ее вооружении, предположениях и главных сообщниках и с тем вместе упросить Пиеттомина приехать в Обдорск для того, чтобы там его схватить, так как у исправника не было никаких средств сделать это на месте пребывания разбойничьей шайки.

Нечаевский, несмотря на свое одиночество, оставив все свои торговые дела, на собственных оленях, с незначительным числом товаров отправился в путь и в 150 верстах от Обдорска отыскал Пиеттомина человеками с двумя стами его сообщников, который принял его как старого своего знакомого. Нечаевский успел уверить Пиеттомина, что о нем в Обдорске давно забыли, и никто не думает его преследовать. Тогда Пиеттомин открыл ему свои замыслы на Обдорск. Нечаевский, соглашаясь с ним по всем, не показывал ни малейшего сомнения в его силе и власти, просил его приехать к нему в Обдорск, обещаясь его угостить, дать ему вина и даже подарить лучшую из оставшихся после отца вещь. По возвращении в Обдорск Нечаевский сообщил исправнику все виденное и слышанное у Пиеттомина.

Пиеттомин въехал в Обдорск с 40 человеками самых отборных из толпы ему приверженных, прочим приказал понемного подъезжать, и часть оставил около хлебных магазинов, находящихся в версте от Обдорска. С 20 человеками вооруженными одними ножами вошел в юрту князя Тайшина; других 20 оставил при нартах, на которых под оленьими шкурами было оружие: луки со стрелами, шесты с копьями и несколько ружей. Этим 20 человекам Пиеттомин приказал быть на страже и, в случае нападения, стараться подать ему с товарищами оружие. В юрте князя Тайшина требовал себе от него и прочих дани и объявил князю смену.

Между тем исправник вблизи той юрты, в неприметных местах расставив казаков и других приглашенных им к тому людей, сделал верные для поимки Пиеттомина и его сообщников распоряжения. Потом посылал два раза просить его к себе в гости и, когда тот к нему не пошел, сам к нему явился с тем же приглашением. Внезапное появление исправника изумило и привело в смущение Пиеттомина и его сообщников. Исправник, воспользовавшись их смущением, взял Пиеттомина за руку и повел к себе. Пиеттомин, видя, что он обманут, хотел было бежать, но, по данному исправником знаку, был схвачен. Тогда некоторые из его последователей намеревались его освободить, но не успели. Один из них бросился было с ножем на исправника, но урядник Шахов, в ту минуту подбежав к нему, ударил злодея обнаженною саблею по руке, вышиб у него нож и тем избавил исправника от явной опасности лишиться жизни. В то же время приготовленные

[1] Япте Мурзину Ваули еще до того несколько раз предлагал место князя Тайшина. Но он на то не согласился. И уже по приказанию исправника, чтобы удобнее обмануть Ваули, изъявил притворное на то согласие, сверх того по делу видно, что Мурзин спас одного самоедина, которого Ваули велел своей шайке убить. (Прим. подлинника).

исправником люди одни отнимали у выбегавших из юрты князя ножи, другие выхватывали из нарт Пиеттоминой толпы оружие, ломали его и разгоняли оленей с нартами, а прочие, по указанию Нечаевского, ловили злоумышленников и, посредством этих благоразумных мер, поимка главного разбойника и рассеяние его шайки обошлись без смертоубийства, спокойствие в Обдорске восстановлено, и инородцы в благоговейном восторге сделали угоднику божию Николаю на 300 рублей разных приношений.

Комиссия удостоверяет, что остяки и самоеды (в чем она убедилась после самых тщательных расспросов их по дороге, от Березова до Обдорска) совершенно довольны управлением земского начальства и, хотя в частности были принесены жалобы [1] на притеснения их заседателем Соколовым, на неудовлетворение законных их просьб и нанесение им безвинно побоев, но эти частные неудовольствия нисколько не были причиною временного успеха Пиеттомина, шайка которого была составлена большею частью из людей, не имеющих дневного пропитания, привлеченных к нему лестными обещаниями богатой добычи, шаманством и другими способами, чему доказательством может служить случившееся с самоедом Сой. Пиеттомин встретился с ним, когда шел к Обдорску и, зная, что Сой, как человек ловкий, может увлечь за собой несколько из своих собратий, предложил ему сначала с ласкою, а потом с настойчивостью присоединиться к нему, но когда он на то не согласился, Пиеттомин жестоко его избил, вышиб ему передние зубы, приказал его убить, и этот несчастный обязан своим спасением сообщникам самого Ваули.

Начальник губернии, представляя генерал-губернатору дело о возмущении самоедов Обдорского отделения, доносит, что о поимке более виновных из них уже сделано распоряжение [2] и испрашивает разрешения, не преследуя остальных, ограничиться строжайшим за поведении их надзором, потому что:

во 1-х, мирные инородцы просили не посылать к ним в кочевье вооруженных казаков,

во 2-х найти всех участвовавших в грабежах Ваули невозможно по отдаленной, неизвестной и очень раздробительной на пространство нескольких тысяч верст кочевке их в тундрах и лесах,

и в 3-х, эти люди обольщены Пиеттоминым и преступны менее по своей воле, чем потому что боялись ослушаться его, как сильного, наглого и, по их понятиям, святого человека.

А прежде того Ладыжинский, доводя до сведения генерал-губернатора о поимке Ваули, представил список людям, содействовавшим исправнику в поимке этого начальника шайки с тем, что не прикажет ли он (генерал-губернатор) изъявить особенной от его имени благодарности как тем людям, так и Обдорской казачьей команде. Об исправнике же отозвался, что благоразумные, смелые и с некоторою опасностью жизни сопряженные его действия тем более достойны поощрения наградою, что этот чиновник опытностию своею полезный для того отдаленного края, просил уже его ради детей, требующих учения, перевесть его на другое место, но он убедил его, для пользы службы повременить.

[Подпись].

---

[1] Эти жалобы приняты Казачинским к общему его донесению по особо порученному ему обревизованию Березовского округа. Соколов удален уже от должности и об его поступках велено произвести следствие (Прим. подлинника).

[2] Князь Тайшин обещает стараться доставить в руки правительства скрывшихся сообщников Ваули с тем, чтоб они были удалены из прежних мест их жительств (лл. 35—46). (Прим. подлинника).

Краткая записка, составленная в Тобольском губернском суде из дела о беспорядках в Обдорском отделении, произведенных беглым инородцем Ваули Пиеттоминым с сообщникам [1]

Обстоятельства дела этого следующие:

В журнальной записке, постановленной 1841 года, березовский земский исправник Скорняков писал: по приезде его из Березова в Обдорск явился к нему инородческий обдорский князь Иван Тайшин со многими инородцами и старшинами; осведомясь от них о малом начатии инородцами положения ясака, спросил он князя, почему не полагается до сего времяни инородцами ясак, так как в прошедшие годы в сие время производился сбор его значительно? На что тот Тайшин объяснил, что низовые самоеды, хотя и следуют в Обдорск чумами своими не очень в дальнем расстоянии, и некоторые старшины их были даже в Обдорске, но удерживаются положением ясака по наказу самоедина Ваули Пиеттомина, который, присоединив к себе ватагу до полсотни или более человек и производя грабежи у инородцов, обещал быть в Обдорск, и что некоторые старшины опасаются полагать прежде его ясак, по угрозам его, отнятием у них после сего оленей. Сверх сего он Тайшин присовокупил, что он, ожидая прибытия его исправника в Обдорск, посылал своего ясашного остяка Яптy Мурзина в необитаемую тундру звать его Ваулю Пиеттомина к себе в Обдорск, и он, кочуя чумами или шалашами, обещался быть непременно в Обдорск. Так как Ваули Пиеттомин, бывши судим и наказан за преступление по приговору судебного места плетьми с поселением в 1939 году в Сургутское отделение, откуда бежал, то, почитая обещание Пиеттомина быть в Обдорске невероподобным, как опытного по прежней поимке его за преступления, им сделанные, нужным почел тогда же собрать некоторых старшин в ясашную, понудить их к положению ясака в присутствии своем с уверением их, что Ваули Пиеттомин никакого вреда делать им не может, в каковой день и положено ими в ясак до 40 песцов. За сим сказал князю, дабы он еще послал тайно для узнания действий и намерений Пиеттомина в тундру; между тем и предположено было г. исправником без огласки послать в тундру к Ваули Пиеттомину опытного и надежного человека из русских под видом торговли, разведать случайно: будет ли он Ваули в Обдорск, просить его туда, осмотреть все имеемое при нем и его действия с узнанием сообщников, орудия при нем и всей ватаги, им приобретенной.

Для выполнения всего этого исправник избрал находящегося в Обдорске березовского мещанина Николая Нечаевского, как известного по его благонадежности и усердию. К каковому разведыванию исправник нашел удобным употребить Нечаевского и потому более, что он знает по-самоедски лучше прочих, знаком Ваули Пиеттомину по прежним торговым связям с ним покойного отца Нечаевского. Без собрания же означенных сведений исправник не мог приступить ни к каким мерам для схвачения Пиеттомина, сколько по чрезвычайной отдаленности местонахождения его от Обдорска на таковом пространстве неизвестной тундры или степи, столько же и по малочисленности полицейских служителей, коих в Обдорске с вахтерами запасных магазейнов только семь человек, а потому и заключил земский исправник сделать подлежащее распоряжение и по возвращении Нечаевского донести г. начальнику губернии.

Г. березовский земский исправник рапортом от 14 генваря № 12 донес г. исправляющему должность гражданского губернатора со сло-

[1] Заголовок подлинника.

весного объявления князя Тайшина, что низовые самоедцы, хотя следуют сюда не очень в дальнем расстоянии и некоторые старшины их были в Обдорске, но удерживаются от положения ясака по заказу бунтовщика Пиеттомина. Далее г. исправник объясняет в рапорте своем те же обстоятельства, какие видно в вышеприписанной журнальной его записке. За сим дано от него предписание урядннку Шахову с имеемыми там 4 казаками, княжцу Тайшину и обдорскому отдельному заседателю собрать опытных обитателей, отправиться туда, где он, Ваули, находится, взять его благоразумными мерами под стражу с посылкою в город Березов. По каковому действию желал следовать туда и сам он, но поездка туда князем Тайшиным и старшинами отвлечена неимением дорог, дальним расстоянием и переменных оленей, да и невозможностью поймать его по быстроте имеемых у него оленей и ограждением себя всегдашнею осторожностью. Между тем без огласки посылаемый к Пиеттомину о подробном о нем разведывании, возвратясь, объяснил, что означенный Пиеттомин имел у себя подобранную орду самоедцов, до 400 чел. простирающуюся и, будучи вооружены винтовками и стрелами, подъехал с ним ближе к Обдорску и остановился чумами в 25 верстах расстоянием, на тех местах, где проходят самоеды в Обдорск для положения ясака, с преграждением путей им. При сем же от него г. исправника с посланным был и князец Тайшин с 13 старшинами остятскими и самоедскими, которые равно и сам Тайшин, подходя к нему Пиеттомину, с уважением целовали у него руки, о чем сказывал ему и сам князец с тем, что он это делал из подобострастия, а ездил к нему по зову самого его, и он Пиеттомин требовал от него и всех старшин собрать и доставить, как можно более, к нему оленей обещался быть в Обдорске завтрешнего числа. Он г. исправник по долгу звания своего предпринимал меры к поимке того Пиеттомина с обдорскими обитателями, без настоящего орудия, сообщил березовскому управляющему казачьею командою, дабы он, в помощь и ограждение обитателей и в предупреждение могущих быть опасных последствий, прислал в Обдорск вооруженных казаков хотя до 25 человек.

Г. березовский земский исправник при предложении от 14 генваря за № 13 препроводил бежавших с поселения самоедов: Ваули Пиеттомина, Хонзали Санина, Хонзали Палумина, заключающихся в грабежах у инородцев, в возмущении к отдаче ясака и прочего, предложил земскому суду отобрать от них на законном основании показании, отослать для содержания в острог, ибо они отняты от народа с орудием, подговоренного к грабежу и пришедших в Обдорск более 300 человек, с коими управы были значительны и теперь с ними происходит, из коих первый назвался царем, сменил уже князя и некоторых старшин, которые не смели и объявлять; о поимке же их донесено г. начальнику губернии.

Еще г. исправник таковым же земскому суду от 15 генваря № 15 предложил, дабы не отнят был у караульных в Обдорске возмутитель тишины и спокойствия беглый самоедин Ваули Пиеттомин и два сообщника в грабеже самоедов же Хонзали Санин и Хонзали Палумин народом обольщенным шаманством того Ваули, он долгом своим почел отправить их тотчас, при удобном случае, в земский суд за караулом для крепчайшего содержания в остроге от 14 числа при предложении без отобрания показаний, а сего числа от таковых же двух Тюйпада Топкина и Лазерина, занимавшихся единственно грабительством, отобрав показания, препроводил их с оным в земский суд, предложил отослать и сих людей для содержания, если еще не отобраны от первых трех показания, содержать их порознь.

На заданные вопросы земским исправником нижеписанные люди ответствовали:

Князь Иван Тайшин: в последних числах декабря месяца истекшего 1840 года, по случаю неявки в настоящее время к положению ясака старшин и самоедцов, посылал он, Тайшин, в необитаемую тундру или степь ясашного остяка Япту Мурзина, разведать о причине медленного их хода, который при обращении объявил, что низовые самоедцы удерживаются ходом от беглого самоедина Ваули Пиеттомина и приказанием им не класть ясака; присоединивши он, Ваули, к себе прежде бывшую у него ватагу и многих других самоедцов, разглашая, что они должны ясак платить только по одному песцу, а не по два, что с них взыскивают излишне, равно и за казенную муку платить деньги не должны, между тем он, Ваули, через приверженцев своих отгоняет у самоедцов, сколько ему угодно, оленей, показывая им шаманство или колдовство свое, и сам он, Ваули, с ватагой своей идет в Обдорск, чрез что некоторые старшины опасаются полагать прежде прибытия его в Обдорск ясак по угрозам его отнятием у них всех оленей. После сего того же Мурзина посылал он еще навстречу к нему Ваули узнать о его действиях. Ваули же, увидавшись с Мурзиным, заказывал с оным сказать князю, дабы он до приезду его ясак не принимал и торговцы, чтоб никто не торговали, и говорил, что, когда он придет, тогда прикажет как ясак принимать и у торговцев на муку и хлеб положить цену, в противном же случае, чтоб от него хорошего не ожидали, при том же Мурзин ему объявил, что он Ваули, будучи вооружен огненным и кинжальным орудием с присовокупленным народом до 400 человек, некоторые вооруженные следуют к Обдорску ближе, о чем он объявил тогда отдельному заседателю и земскому исправнику, но поймать его тогда никак было невозможно. За сим по приближении его, Ваули, к Обдорску, за 100 верст примерно, послал он Ваули за князем самоедина Салы Ялтына, звал к себе, на каковой зов он с некоторыми старшинами поехал к нему, доезжая до чума Япту Мурзина, примерно от Обдорска в 25 верстах, где находилось народу до 300 человек, съехавшихся с разных мест и дожидают туда приезда Ваули, и он только мог подъехать к оной толпе, куда и приехал Ваули со многочисленным народом и с мещанином Нечаевским, остановился у чума, потребовал его к себе, сам сидя на санках, и он Тайшин подъехал к нему, встал с санок и кланялся ему, но он начал его ругать всячески, почему он жаловался на него в грабеже и просил сослать его на поселение, и хотел его Тайшина за то бить оленьим рогом и пришедший в великий азарт, но, по убеждению мещанина Нечаевского, несколько он Ваули себя скротил: он Тайшин просил у него Ваули в том прощения, кланяясь ему, и целовал у него руку, и он при том сказал ему Тайшину, что он будет сменен им с княжества остяком Яптою Мурзиным за непослушание его к нему, Ваули; он Тайшин, повинуясь сему, обещался ему уступить свое княжество, с обещанием, что если требовано [что] им будет, все исполнено будет, но только по свидании с прочими старшинами, причем он звал его к себе в гости, где может решиться и в даче ему оленей или требуемой ему дани. Побывши же он Тайшин тут примерно часов пять, с позволения его поехал обратно с мещанином Нечаевским и старшиной Лявой Ендыревым.

На другой же день он, Ваули, подъехав к Обдорску со многочисленным народом, остановился близь казенных магазинов, послал за ним; по приезде же со старшинами сначала обошелся с ним грубо и кричал ему, почему он прежде не встретил, и тут вторично ему назначал смену, говорил ему, если не уступит княжество свое, то хотел воротиться назад; но он уверял его в том, при том же обещал ему со

старшинами требуемых им оленей и просил его к себе в избу в гости, на что он и согласился. Подъезжая к его, Тайшина, избе, вошел в оную со своим народом и начал расспрашивать у него: кто какой старшина? сколько положил ясаку? Потом начал требовать у всех старшин оленей от 100 до 500 у каждого, также и песцов, а у него требовал муки до 300 пуд. И все ему обещали, что он требовал, при том приходили к нему русские и звали его к исправнику в гости, но он не пошел. Потом пришел заседатель, тоже звал его к исправнику, но он ему никакой чести не отдал, промолчал. Вслед за тем пришел и сам г. исправник, и он Ваули, оробевши, стал на ноги. Исправник же ему сначала говорил: почему он ослушается? Потом взял его за руку и повел из избы. Приверженцы его, Ваули, самоедцы кинулись его отнимать; тогда по команде от исправника началось казаками и жителями Обдорска с оными самоедами сражение; он же Тайшин, испугавшись того сражения, и чтоб ему чего не последовало от тех самоедцев, с некоторыми остятскими старшинами убежал и спрятался. И как кончилось оное сражение, он не видал. Во время же брожения его, Ваули Пиеттомина, было им ограблено в 1840 году и ему объявлено: у самоедов Лаба Аоки 140 оленей и две старинные доставшиеся от предков его кольчуги; у Халида Паседина — 102 оленя, у брата его Ханзюру Паседина — 220 оленей, у остяка Тыяды — 50 оленей, у Яптыы Мурзина — 15 оленей, у вайтважского остяка Езика Томачева — 50 оленей, у обдорского остяка Огама Юркина — три оленя, три пуда муки, семь сажен моржевого ремня, три упряжи ременные, табаку два и пороху два же фунта, а сколько было жалоб в 1839 году, равно и мелочных грабежей и в 1840 г. им Ваулей с товарищи чинимых, упомнить по неимению письмоводства не может.

Ляу Ендырев Паин: действительно он ездил с князем Тайшиным к самоедину Ваули Пиеттомину, подъезжая они к юрте остяка Яптыы Мурзина, где находилось множество самоедов, съехавшихся с разных мест и дожидающихся тут приезду Ваули, где и они остановились, но в скором времени приехавши туда Ваули с мещанином Нечаевским и с большим количеством самоедов его ватаги, остановясь у чумы, потребовал к себе князя; подъехавши же к нему князь сошел с санок и сделал ему Ваули своим поклонением честь, но Ваули начал его ругать и называл собакой, за то, что он князь его отдал за грабежи под суд, держа в руках олений рог и хотел им бить князя, но мещанин Нечаевский до сего не допустил, уговорил и он послушал его, оставил свою горячность, и князь просил у него прощение и целовал у него руку, равно и он Паин и прочие с ними приехавшие кланялись ему и целовали у него руки, единственно из подобострастия. Между тем говорил он, Ваули, что он непременно за непослушание к нему его князя сменит остяком Яптой, и князь, повинуясь ему, обещал уступить ему свое княжество и обещался все его приказания и требования исполнять. Пробыв же они тут, примерно до пяти часов, с позволения его с князем и мещанином Нечаевским поехали обратно, а он на другой день непременно обещал быть в Обдорск.

Березовский мещанин Николай Нечаевский: 8 числа генваря, по приказу исправника, приехал он тайно на оленях для узнания обстоятельств по предмету народного возмущения и разведывания о приверженцах возмутителя в походные самоедские чумы, состоящие примерно за 150 верст, к знакомому прежде еще покойному родителю его старшине Ваули Пиеттомину, под видом торговли с товаром, который принял его ласково, расспрашивал, что говорят про него и не ищут ли его, не жаловался ли начальству князь и старшины в грабеже им скота и прочего, кладут ли ясак инородцы или нет, причем сказывал, что он заказал князю, дабы без него ясак собираем не был и купцы или

торговцы в ярмарку в амбарах не торговали и что он подъедет к Обдорску, установит цены муке и прочим потребностям. Он же Нечаевский уверял его, Ваулю, в забытии начальством об его поступках, просил к себе в гости по дружбе старой родителя, с обещанием подарков из оставшихся от родителя своего вещей и вина, если ему угодно будет, и он, обещаясь быть, потом поехал с ним Нечаевским и прочим народом его ватаги на 80 санках ближе к Обдорску и остановились у стоящих трех чумов остяка Япты Мурзина, расстоянием от Обдорска в 25 верстах. Тут застали князя, старшину Ляву Ендырева и множество народа самоедского и остятского, съехавшихся с разных мест, дожидающихся туда приезда Ваули. Ваули же, сидя на санках, потребовал к себе князя; по приближении оного, сей последний, сошедши с санок и подходя к Ваули, кланялся. Он же начал его ругать и называть собакой за то, что он просил на него прежде в грабеже оленей и сослали его за то на поселение; пришедши в азарт, хотел бить имеемым при нем оленьим рогом. Нечаевский же, дабы Ваули не убил князя, вынужденным нашелся его уговаривать от сих дерзких поступков, который горячность свою и оставил. Князь же испугавшись просил у него прощения, кланясь, и целовал у него руки. Между тем Ваули говорил Нечаевскому, что он непременно переменит князя остяком Яптою Мурзиным, по непослушанию его к нему. Князь же и старшина Лява, повинуясь и испросив у него прощение, обещали все то исполнить, что он потребует, только по свидании с прочими старшинами, причем князь звал его в гости к себе, где могут решиться и в даче ему требуемой дани от всех старшин. В каковом месте он Нечаевский, побывши до 5 часов, отправился на легких санках вместе с князем и старшиной Лявой Ендыревым в Обдорск; приверженцев же Ваули, участвовавших с ним в грабеже, он тут заметил: брат его Тогомпадо Топкин, он же Пиеттомин, Хазахи Санин, Саню Ванутин, Ханзала, Палумин и Лазарема, во всей его ватаге до 100 человек и ближе к Обдорску кочуют в чумах до 200 человек, подведомственных к нему, ожидающих его. По приезде же в Обдорск Нечаевский объявил его разведование и при поимке оных самоедцев, по известности ему, указывал, кого надобно поймать.

Остяк Япта Мурзин пояснил согласно с ответом князя Ивана Тайшина.

Самоедин Сали Ямин: бродяжа своим чумом, которым шедши он Ямин к положению ясака в Обдорск и, дошед до чумов [нашел] множество наставленных Ваули Пиеттомина, где был также остяк Япту Мурзин, и он со своим чумом близь оных чумов тоже остановился. Ваули начал посылать тогда помянутого Мурзина в Обдорск за князем, а Мурзин послал за оным его, Ямина, по которого он на легких оленях съездил в полторы суток. На другой же день по приближении Ваули с несколькими чумами ближе к Обдорску, остановился примерно от Обдорска в 23 верстах, посылал его Ямина в Обдорск по причине знания русского разговора разведывать и выслушивать у русских, что о нем Ваули говорят в Обдорске, но он Ямин был в нескольких домах с прочими самоедцами и ничего об нем не слыхал, и с тем возвратился к нему обратно. За сим Ваули пригласил Ямина ехать с собою в Обдорск, взявши с собою многое количество народа [и] на легких санках отправились в Обдорск. Подъехавши к Обдорску, он, Ваули, приказал остановиться близь казенных магазинов, послал его за князем, который вскоре и приехал. Поставя своих оленей, подошел к Ваули с учтивостью, долгое время имели разговор, потом поехали в Обдорск к избе князя; по прибытии же в избу был Ваули с некоторыми самоедцами угощаем от князя мерзлой сырой осетриной. В то ж время приходили посланные от исправника и просили

его, Ваули, в гости, но он не пошел, а занялся требованием себе у старшин и богатых самоедов оленного скота, песцов и муки и спрашивал, сколько какой старшина положил ясаку? За сим прибыл заседатель обдорский, кланялся ему и звал в гости к исправнику, но он тоже итти отказывался.

Вслед за тем пришел и сам исправник, испугал его зовом своим к себе, взяв за руку, вывел из юрты; по выходе из юрты он рванулся к санкам или оленям, спрашивал, где олени? В то же время казаки загремели саблями, а другие русские взялись за него и понесли. Когда же великое множество приверженцев самоедцев к Ваули кинулись к отнятию, тогда началась по команде драка, и он со многим утащен к исправнику, где и связан; он же Ямин драки не делал и приверженцем к Ваули не был.

Старшина Хайда Пиеттомин, бывший старшиной, после того выбран был Ваули Пиеттомин, — кочуя с своим чумом в разных местах только не близь Ваули, назад тому дней 10 присоединился он к ватаге Ваули своим чумом, шел к Обдорску с ним, уговаривая его итти в Обдорск к положению ясака. И шедши с тем до Обдорска, примерно верст с двести, никаких он тогда грабежей при нем не делал, а по приближении их к Обдорску приехал к Ваули березовский мещанин Николай Нечаевский, обходясь с ним дружески, и звал его к себе в гости. И он, Ваули, ему обещался приехать. После того, еще ближе подошедши к Обдорску, послал он, Ваули, самоедина за князем, который и приезжал к нему с подобострастием, кланялся ему и целовал у него руки и уважая его за мудрость шаманства, а по величайшей толпе у него народа он сказывался, что произвели его великим человеком, [он] приказывал князю не собирать до его ясак, пока не придет он в Обдорск, с чем князь и воротился. На другой же день со многим количеством народа Ваули поехал в Обдорск, остановился близь хлебных магазейнов. И по его зову приехал тут князь, и он, Ваули, на него кричал с огорчением, почему он ранее его не встретил, и назначил ему смену, определил на место его быть князем остяка Япту Мурзина, а если он не уступит княжеское свое звание другому, то хотел воротиться назад, и князь, уступая свое звание, между тем со старшинами обещал ему оленей, согласился он, Ваули, ехать в юрту князя, где требовал у старшин по 300 и по 500 оленей и песцов с тем, чтоб привели сами к нему, где он будет находиться, а у князя требовал муки, которые и обещали. Когда же пришел в юрту заседатель звать его к исправнику в гости, то он, Ваули, не отдавал ему чести никакой, промолчал сидя, а вслед за сим прибыл с русскими исправник и он соскочил с робостью с места своего и, по выводе его исправником из юрты, началась по противности его итти к исправнику, равно и приступу приверженных к Ваули самоедцев, драка и посажен он Хайда под караул и дрался ли, то по случаю данной чем-то по голове ему раны, не помнит, грабежей с Ваули не делал и приверженцем ему не был.

Самоедин Ервы-Лый, ватаги старшины Язсвая, у коего и ныне находится самоедин Слев: по приближении его к Обдорску остановился он чумом, откуда на легких санках поехал в Обдорск. По въезде в оный остановился у избы князя и, сидевши на санках, смотрел на находящуюся тут толпу самоедцев ватаги Ваулиной, в то время по выходе Ваули сделалась драка и сражение, по случаю отнимания самоедцами Ваули у русских, и при поимке русскими самоедцев был схвачен и он ответчик, связан и отведен под караул; драки же он никакой не производил, и кто дрался с русскими, он не заприметил, ножик имел на поясу, который вынут кем, или самим погерян, не знает.

Самоедин Сирта Ломбаинда: низовой стороны старшины бывшего Ензеру и потом находился у Ваули, приехавши в Обдорск из своего чума для покупки себе хлеба и подъехав к юрте князя, сидевши на санках, смотрел на находящуюся тут толпу самоедцев Ваулиной ватаги; потом вошедши в юрту князя, но вдруг взбунтовались все самоедцы отнятием Ваули от русских, и при поимке русскими самоедцев был и он Ломбаинда схвачен и отведен под стражу, драки же он никакой не производил, и кто дрался из самоедцев не заметил.

Самоедин Готта Выньпад: шедши с матерью и братом своим в Обдорск для положения ясака, остановился своим чумом вблизи чумов ватаги Ваулиной, куда приехавши к ним Ваули на легких санках, приостановясь, увидя его Выньпада, говорил, почему он не явился к нему, и кулаком ударил по зубам, сшиб тем зубы из места, почему он чувствует и впоследствии в них боль, и звал Ваули его к себе в ватагу, он на сие не согласился. И приехавши в Обдорск для положения ясака, но по случаю нахождения старшины своего у князя в избе, едва только успел он войти в избу к князю, вдруг случилось сражение чрез отнятие самоедцами у русских Ваули, но он нимало не дравшись, тоже был взят под стражу, с Ваулей он никакого сообщения не имел.

Прибывшие с претензиями своими на самоедина Ваули Пиеттомина в грабеже им с сообщниками оленей и прочего, показали:

Старшина Каменной стороны Месали Низя: прошлого 1839 и 1840 г. приезжал к оленному своему стаду самоедин Хонзали Санин с пятью человеками, отгонил от его стада 400 оленей к себе, о чем он Низя объявил тогда князю.

Самоедский старшина Селипта Пуйков: прошлого 1840 года, весной самоедин Хонзали Санин с 8 человеками приезжал к стаду его, отогнал насильно 80 оленей, о чем он тогда объявил князю, но найти его после того не могли.

Старшина Каменной стороны Халида Посадин: прошлого 1840 года приезжал самоедин Ваули Пиеттомин со своей ватагой до 50 человек к нему к чуму, и приказал своей ватаге отогнать у него из стада к себе 102 оленя и у брата его Ханзюры Паседина 220 оленей, которых, отогнавши, угнали невозвратно, о чем он объявлял князю.

Самоедин Ханзюра Паседин показал согласно с братом своим Пасединым.

Самоедский старшина Каменной стороны роду Ванутты Майха Хыкин: в прошлом 1840 году весной, приехавши к нему самоедин Хонзали Санин, с братом и тремя самоедцами ватаги Ваулиной, ограбил у него ящик с бумагами, принадлежащими старшине, и обратно не возвращал.

Самоедский старшина роду Ванюты Мензеда Музин: в 1839 и 1840 годах в зимнее время, приезжавши к нему к чуму самоедцы Ваули Пиеттомин и Хонзали Санин, отогнали у него насильно из стада 100 оленей, о чем он объявлял тогда князю.

Ясашный остяк Ендыревых юрт Огам Юркин: действительно в 1840 году в феврале месяце был он со своим скотом и чумом для промысла зверя в тундре: приехавши к нему в чуму самоедин Салю Лазарема с тремя своими сыновьями и пятью самоедцами, поймали у него из стада 3 оленя, вынули из нарты 3 пуда муки, 7 сажень ремня, 3 упряжи оленьи, 2 фунта табаку и 2 ф. пороху, всего примерно на 50 руб.; хотя он и усиливался в недаче онаго, но они увезли насильно, о чем он объявлял князю.

Ясашный остяк Вайтважских юрт Езек Томачев: прошлого 1840 г. весной он был в тундре с своим чумом и скотом для промыслу; приезжавши к нему к чуму Ваули Пиеттомин с братом своим и несколь-

кими людьми его ватаги, отогнали у него из стада 30 оленей и угнали к себе, после того дней с пять прислали к нему 10 человек самоедцев его же Ваули ватаги и насильно тоже отогнали 20 оленей; хотя он и не отдавал, но они угнали и говорили ему, что по приказанию Ваули они приезжали, о чем он тогда же объявлял князю.

Нижеписанные люди в присутствии Березовского земского суда спрашиваны и показали:

Самоедин Ваули Пиеттомин: назад тому 2 года был предан [суду] за грабеж у инородцев оленного скота и по решению наказан плетьми, сослан в Сургутское отделение по волости Парчинской на поселение, находился на месте причисления месяца два, проживал перво у русского, занимался неводьбою из одного пропитания, побег сделал с товарищем своим с места поселения по невежеству, боявшись, чтоб их не отослали далее, при побеге украл съестных припасов, лодку, лук со стрелами, нож и топор у неизвестного ему русского, прибыл к своему семейству. В пути же смертоубийства и насилия не чинил. По прибытии его на место, присоединились к нему, как прежде бывшему старшине, многие самоедцы, и впоследствии времени приверженцы его усилились, и он начал производить грабежи, называя себя большим старшиною. В положении ясака делал преграду посредством остяка Япты Мурзина, который просил Ваули о производстве в князья. За сим Пиеттомин в прочих частях показал согласно князю Тайшину, присовокупил, что главным сообщником его был брат Тогомпада, а прочие были под его распоряжением и властию, а частию брата его Тогомпады, Хазума Паулин; захвачен со стороны приезжавшей к нему положить ясак.

Самоедин Менчеда (а не Хонзала) Санин: ясаку от роду своего не платил по случаю бедности, бродяжа по низовым местам для пропитания себя с семейством, чинил кражи оленей из стад неизвестных ему людей. К самоедину Ваули Пиеттомину присоединился назад тому другой год на тундре, тогда, как он пришел из Сургута, сказав, что с поселения отпущен; более он пристал к нему Ваули потому, что он обещался за его класть ясак, и что он сделал покражу 60 оленей у старшины Манли; находясь у Ваули, делал он с прочими приверженцами грабеж у разных людей, которых он не знает, [число] ограбленного количества оленей простиралось до 200, другого ничего не грабили, смертоубийства не производили. Запрещал ли Ваули класть ясак, не знает. Слышал от него, что он князя сменил, а о смене старшин не слышал; орудия он, кроме оленнаго шеста с витнею или копьем и ножа, не имел, а у прочих находилось. Князь был у Ваули со старшинами, кланялись и целовали руки и у князя просил муки и оленей, который при сем и был сменен. Приверженцев Ваули было до 150 человек, впоследствии приверженцев к нему более увеличилось по причине, что он большой старшина и уважаем чрез опасность по ворожбе его, и все приказания его были выполняемы. С каким намерением Ваули приехал к Обдорску он не знает, где с прочими, при защищении Ваули, был схвачен.

Самоедин Хазаули Палумин: был при Вауле со своим чумом, в грабеже с ним не участвовал, по приказанию его с прочими приверженцами подъехал к Обдорску, но, в каком количестве их было, не знает. Хотел ли он, Ваули, класть ясак и какое он имел намерение по прибытии к Обдорску, он не знает, где с прочими был схвачен.

Тогомпада Пиеттомин: Ваули по прибытии к нему застал у него 20 прежних своих оленей, с которым воровали и отгоняли вместе, но у кого не знает, многое количество оленей для прокормления семейства и ватаги 100 человек; остается до ста оленей при трех его женах, оставшихся в чуму нераздельно. Прочие же обстоятельства показаний

его сходны с ответами мещанина Нечаевского и князя Тайшина. При сем Тогомпада объяснил, что стрелы и лук, найденные в его санках, имелись у него с самой осени, оленной шест с острым копьем имел для зверей, у юрты же князя при поимке защищался ножем; кроме висевшего на поясу и вынутого русскими, имел внизу под малицей на случай потери одного, более же ничего не знает, убийств, кроме битья, не делал.

Салю Лазарем: по родству жены своей с Ваули Пиеттоминым присоединился к его ватаге, воровали и грабили оленей у разных инородцев, потом вознамерились приблизиться к Обдорску для набрания у проезжающих ясака и оленей, присоединения к себе вместе с ними и людей, количество коих он не знает. В это время князь со старшинами и множество самоедцев прибыли к Ваули, и с подобострастием обещали дать ему оленей в скором времени. Но хотел ли взять Ваули из магазейнов казенной муки до 500 пуд, он не слыхал; отнимал Ваули от взяния под стражу и защищался от русских, по приказанию его Ваули, имеемой при себе нож потерял при драке; что же касается до переговоров каких-либо с князем и сражения, то об этом более знает сын, находившийся телохранителем, а ему ничего неизвестно.

В отобранной сказке 19 числа генваря 1841 года самоедские Низовой и Каменный сторон старшины и прочие самоедцы и остяки объяснили, что в отобранных от них показаниях обличают самоедцев Ваули Пиеттомина, Хонзали Санина, Тогомпаду Топкина, Салю Лазеруми и Ханзали Палумина в чинимых ими грабежах и отогнании у них оленей, но не имеют посторонних о том свидетелей, ибо они всегда бродяжили по тундре с чумами со своим скотом, на разных местах, каждый со своим семейством порознь, а в подкрепление их показаний сим утверждают, что всегда они вышеозначенных самоедцев видели в грабеже, в чем они ссылаются и на посторонних инородцев, которые сие и подтвердили.

Повальным обыском старшины Неба Яуров с товарищами поведение Ваули Пиеттомина, Хонзали Санина, Тогомпаду Топкина, Салю Лазерума каждый порознь, по приводе к жертве, не одобряет, так как они всегда занимались грабежами и воровствами, у которых и находили неоднократно оленьи шкуры своих пятен с украденных своих оленей, что подтвердил и князь Тайшин, просят тех бунтовщиков из ссылки к ним не обращать, как вредных и неблагонадежных людей, а Хазама Паулина, если благоугодно будет начальству обратить, примут в свое общество.

Березовский 3 гильдии купец Андрей Трофимов пояснил: по случаю возмущения инородцев Пиеттоминым, по деланным им грабежам с присовокупленной к себе ватагой, г. земским исправником, квартировавшим в его доме, князцем со старшинами остятскими и самоедскими составлен был совет, при котором он Трофимов был толмачем. По всем убеждениям инородцы не соглашались поймать Пиеттомина, опасаясь, по суеверию своему, его шаманства и колдовства, и решили во всем ему повиноваться. Но как известно сделалось через мещанина Нечаевского, что Ваули приближается к Обдорску с вооруженною шайкою, состоящею почти из 300 человек, решился он, Трофимов, секретно, с согласия исправника, по малости в Обдорске казаков и по неимению надлежащего вооружения, присогласить русских, приехавших на ярмарку, и жителей Обдорска, также отставных казаков и уволенных в отпуск начальством, которые и были по возможности вооружены. По прибытии Ваули в Обдорск и по выходе его с исправником из занимаемой им избы, он был схвачен и обезоружен, приверженцы же Ваули кинулись для отнятия его, в это время началось с обеих сторон

сражение, а он, Ваули, по повелению исправника, унесен на руках в квартиру, куда также приведены и другие бунтовщики, из коих двое главных и сам Ваули в то ж время были отправлены в город с конвоем. А на третий день на том месте, где происходило сражение, отслужен господу богу благодарственный молебен, и все самоедские старшины жертвовали святому Николаю чудотворцу, особенно ими почитаемому, звериными шкурами на триста рублей ассигнациями. Действовали в прекращении бунта следующие: березовский купецкий сын Константин Нижегородцев и купец Степан Плеханов; мещане: Дмитрий Шапошников, Николай Нечаевский, Дмитрий Булыгин, Михайло Панаев, Николай и Илья Сергеевы, тобольский мещанин Алексей Мамеев, отставной коллежский регистратор Николай Никитин и сам он Трофимов со своими рабочими 10 человеками.

Февраля 4 дня 1841 года, в присутствии Березовского окружного суда, самоедцы: Менчеда Санин, Хонзали Палумин, Тогомпада Топкин, Саля Лазарумин подтвердительными опросами утвердили свои показания без перемены.

На данные комиссиею 20 февраля вопросы нижеследующие самоедцы ответствовали:

Ваули Пиеттомин, что в грабеже участвовал брат его Тогомпада, а главными сообщниками были ватаги старшины Хандея Непокана двоюродного брата его, сам он и самоедцы Полума, дядя его Моттий Таск, Аный Таргмдера, Хыму Пенки, прочих же товарищей имен не припомню.

Самоедец Тогомпада Топкин: что Ваули Пиеттомин не родной брат ему, но двоюродный, участвовал с ним в 1839 г. в грабежах, и по ссылке Ваули в Сургутский край, он пропитывал его семейство, не зная о настоящем его местонахождении, там же вместе с Ваули был сослан и товарищ его Мыгри Ходин. По прибытии, Ваули сказывал ему, что он бежал из Сургута, а не возвращен правительством, товарищ же его Мыгри отстал от него близь Обдорска, который впоследствии присоединился к ним с 10 человеками. Соединясь с ними, продолжали грабить успешно, чему способствовала ему хитрость брата, который, будучи за два года до переселения своего старшиною, имел много приверженных себе, привлекши на свою сторону еще человек до 40, и они грабили успешно, но у кого именно, не упомнить. В одном месте отбили они у остяка Хаби две кольчуги, которые находятся у брата его Ваули. Кроме назначения грабить, он никаких намерений не знал. Главные сообщники шайки их были: Мыгри Ходин, Сани Ванютин, сын его Менчеда Санин и двоюродный брат Ваули Ханди и Полума Ненянгины, других же не упомнит. Орудия их составляло у всех вообще лук со стрелами, шест с копьем, коим погоняют оленей, а у некоторых имелись ружья для звериной охоты, порох и пули, но оружие это не употреблялось в действие; и по многолюдству их шайки они успевали в грабежах без всякого сопротивления. Во все продолжение времени Ваули называл себя в народе великим старшиною этой страны и повелителем, но называл ли себя царем, он не слыхал. О производимых же ими кражах и грабежах знали все старшины тех улусов, через кои они проходили, но не имели в оных с ними участия, если же они и не доводили о действиях их до сведения начальству, то потому, что удерживались страхом, боясь мщения от Ваули. Главный же старшина обдорский князь Тайшин, как он слышал, знал от них о их действиях с самого начала, то есть с зимы 1839 года. Старшин, сменённых братом его, знает только двух Седоми Ненянгина и Пидаги Ненянгина, на место первого определил Оды Ненянгин и на место другого родственника Подаги, имя его не припомнит, Садома сменил Ваули за то, что убил грудного ребенка у родственника Ваули само-

едина Топуры Ненянгина, но новопроизведенные старшины в грабежах их не участвовали. Ваули действительно посылал в Обдорск два раза самоедов, в первый Хонзали Палумина, а во второй Недоми Адерова, для узнания, что там делается и для вызова к себе князя Тайшина. Далее обстоятельства показания Тогомпады Топкина согласны с ответами князя Тайшина с присовокуплением, что он не знает, кто намеревался освободить Ваули и кто бросился на исправника с ножем, также, где находится Мыгри Ходин и прочие их сообщники, но не знает, а полагает, что он с оставшей незначительной шайкой откочевал далеко в низовые места к Туруханской стороне на реку Таз.

Менчеда Лазероду, по прозванию Санин, в 1839 году в сообществе самоедцев Ваули Пиеттомина и Мыгри Ходина он не находился, да у него самого было ими ограблено несколько оленей и звериных шкур, и о намерении побегу Ваули и Мыгри из Сургута он не знал, и Ваули по прибытии в свой аул объявил, что он возвращен царем и сделан большим старшиною и, соединясь с братом своим Тогомпадою и самоедом Мыгри, производили грабеж, наконец, и он по убеждению присоединился к ним с братом Подором, дядьми Солымом и Моямом и общество по времени увеличилось до 200 человек. Главной же причиной соединению с Ваули была та, что был прежде их старшиною, и из страха к его ворожбе и шаманству. Во время нападения самоедов случались и драки и из числа оных однажды едва были спасены от убийства Ваули два человека: 1 — старшина Лабы во время защищения грабежа своей собственности и 2 — самоедин Пура Сон, за несогласие его для вступления в шайку Ваули. Подобно сему он слышал, что старшина Садоми сделал два преступления, первое у самоедина Надыра Тоназарчаева зарезал грудного младенца из мщения, что мать этого дитяти не вышла за него в замужество, второе от побоев его жена остяка Хочь Морика выкинула ребенка, за препятствование к отдаче чего-то требуемого им. Других же случаев смертоубийства он не знает и не слыхал. Вооружение их состояло из стрел, ружей, ножей и шестов, с приделанными к нижним концам копьями. Сначала, как сказано выше, Ваули называл себя большим старшиною, но по причине успехов в грабеже и сильного влияния его на умы инородцев, говорил, что он повелитель Обдорской страны, не подчинен земскому начальству и что князь Тайшин со всеми старшинами состоит под его властью и наконец назвался царем той страны, что слышали и многие из его шайки, даже и посланный от князя Тайшина остяк Япта Мурзин, а о прочих его намерениях не знает. Прочие показания его сходны с таковыми остяка Тогомпада Топкина, с добавлением, что самоедин Хонзали Палумин в грабежах с ними не участвовал, был нечаянно встречен их шайкою на кочевне с своим чумом и был посылаем Ваули в Обдорск к мещанину Нечаевскому для приглашения его по торговым делам; но как он Палумин впоследствии времени был схвачен вместе с ними не знает.

Сани Ванютин, по старости лет и нездоровью, он никакого участия в кражах и грабежах о Ваули не имел, и потому самому лично удостоверить о действиях его с шайкою, по небытию при оной, не может, а по наслышке им от сыновей своих, находившихся при Ваули, он показал те обстоятельства, какие видны из вышеотобранных ответов. При сем он Ванютин присовокупил, что видел Ваули уже в то время, как он приближался к Обдорску, близ чумов Япти Мурзина, где князь Тайшин целовал у него руки и обещал заплатить требуемую дань, и во время пути к Обдорску Ваули объявил, что он намерен ограбить казенные магазины с мукой и все, что найдет там по случаю ярмарки, у князя же хотел отбить весь скот и, в случае сопротивления, лишить его жизни. По прибытии в Обдорск он остановился у князя, куда

прибыл и Ваули, на зов же его заседателем к исправнику он не согласился, и сей последний по прибытии в юрту вывел из оной Ваули за руку, прочие же сообщники его обробев, обратились в бегство, он же Занютин по старости лет не мог за ними следовать, скрылся вблизь находящемся сене, где он схвачен и отведен к исправнику. Где же находятся сообщники Ваули он не знает.

Хонзали Палумин причины к оправданию своему относительно неучаствования в грабежах с Ваули он выводит те самые, какие видны в показании Менчеды Лазероду. При том дополнил, что в 25 верстах от Обдорска видел он князя Тайшина, но какие были причины его приезда туда и какой имели разговор с Ваулей, не знает, слышал только, что сей последний ругал князя и хотел бить оленьим рогом, но был от сего удержан мещанином Нечаевским, и князь просил у него в чем то прощения и целовал руки. Палумин о задержании Пиеттомина пояснил, как и прочие ответчики, наконец и сам с другими был схвачен и отведен к исправнику.

Обдорский отдельный заседатель на предписании следственной комиссии от 14 февраля 1841 года донес о исполнении указа Березовского земского суда от 9-го октября 1839 г. за № 1188, о розыскании самоедцов Ваули Пиеттомина и Мадари Ходина, о поимке их даны были казакам приказы, но, по случаю нахождения их в отдаленных местах и со многим количеством сообщников с ним, поймать было невозможно.

Следственная комиссия журналами, состоявшимися 1 и 2 числа марта, постановила: по невниманию заседателем Соколовым к законным требованиям комиссии и за оказанное к ней явное неуважение не относиться более к нему ни за какими требованиями.

3 марта о внушении заседателю Соколову, что мнение его на счет действий комиссии неосновательно.

И 4 марта об отзыве заседателя Соколова, касательно представления ему ответов в комиссию на данные вопросы.

На заданные комиссией вопросы нижеписанные люди ответствовали:

Мещанин Николай Нечаевский: самоедец Ваули Пиеттомин по торговым делам был знаком покойному отцу, а потому Нечаевский знал его и слышал, что Ваули из ссылки бежал и производил грабежи, а в 1840 году, бывши по торговым делам за 300 верст от Обдорска, он встретился с Ваули и сообщниками его, в это время им у него Нечаевского товару было отобрано на 90 руб., а у инородцев до 50 оленей, по возвращении он донес об этом заседателю Соколову. За сим сделалось известно во время ярмарки, что Ваули с усилившейся и вооруженною шайкою направляет путь к Обдорску, но какие были приняты меры по таковым слухам заседателем Соколовым ему неизвестно, жители же Обдорска и приехавшие торговцы на случай нападения по возможности вооружились, а, вскоре прибыв туда, березовский земский исправник, сделал нужные распоряжения, потом пригласил его Нечаевского съездить к Ваули, узнать его намерения, число людей и вооружение и пригласить к себе в Обдорск, где будет удобнее его захватить. В это время прибыл от Ваули для приглашения Нечаевского самоедец Хонзали Палумин, о чем он известил г. исправника, отправился в место назначение. Подробности пребывания мещанина Нечаевского у Ваули Пиеттомина известны из прежде отобранного его показания. Наконец по совещании со своими старшинами и по убеждению Нечаевского отправились к Обдорску с тем, чтоб князь со старшинами встретил его по приезде к оному. Во время пути Тайшин открыл все опасения свои в отношении к Ваули и обещался выполнить его требования, хотя и говорил Нечаевский, что Ваули по приезде в Обдорск будет задержан, но сим не убедился и даже советовал и ему не доно-

сить о том, что видел и слышал. По приезде в Обдорск Нечаевский объявил г. исправнику об всем выполненном. В 14 число генваря в 10 часов утра появился близь Обдорска Ваули с передовою частию своей шайки, а за ним тянулось множество нарт с инородцами, числом до 200 человек, и часа чрез два или три соединился с ними князь Тайшин и пробыл не менее двух часов. Ваули по прибытии в Обдорск остановился у юрты князя, с некоторыми из своих вошел в оную, а другие остались у нарт, а остальная шайка остановилась у хлебных магазинов. Что же происходило в юрте князя, ему неизвестно, но по входе в оную г. исправника Ваули был схвачен, и в то время Нечаевский показал участников Ваули, которые были с ним в юрте Мурзина, кто же его старался освободить и кто замахивался на исправника с ножом, он, Нечаевский, в толпе заметить не мог.

Иерей обдорской Петропавловской церкви Александр Попов, — идя с квартиры своей в дом дьячка Карпова, видел он, что Пиеттомин остановился с шайкою своею у юрты князя, но число сообщников его не знает, также были ли они вооружены. Потом прибыл в юрту князь и сам исправник, а некоторые из казаков и жителей начали отбирать от самоедцов шесты с копьями. По выведении исправником Ваули из юрты, хотя приверженцы его бросились к отнятию, но в том были удержаны казаками и жителями, а он, Ваули, с товарищами утащен в квартиру исправника. Заседатель же Соколов в действии этом не принимал никакого участия и был, кажется, нетрезв. Многие из инородцев остались довольными начальством и жителями за избавление от нападения Ваули, и пожертвовали церкви звериными и оленьими шкурами до 300 рублей ассигнациями.

Урядник Филипп Федоров Шахов: о грабежах Ваули Пиеттомина начали доходить до Обдорска весною 1840 года слухи через инородцев, приезжающих для своей надобности, о чем знали князь Тайшин и заседатель Соколов, хотя сему последнему и жаловались за грабеж на Ваули остяк Япта Мурзин, старшина Лабе Оленин и прочие, но не получили от него никакого удовлетворения, и он даже не принял никаких мер к безопасности и к поимке Ваули, а почему они ожидали приезда г. исправника, который прибыл в Обдорск 1-го генваря и узнал от упомянутых людей о намерениях Ваули, распорядился, чтоб Тайшин через родственника своего Япту Мурзина старался заманить Ваули в Обдорск, дабы иметь возможность его поймать, также употребил к этому мещанина Нечаевского, который успел в этом, обратясь в Обдорск через два дня вместе с князем Тайшиным, т. е. 13 генваря. Это известно ему, Шахову, потому, что он в продолжении этого времени находился при г. исправнике. Ваули на другой [день] с шайкою прибыл в Обдорск и остановился у магазинов, и один из этой шайки ездил за князем, который при приезде к ним пробыл около трех часов. Перед вечером уже большая часть шайки поехала в Обдорск, за нартой Ваули ехал князь, у юрты которого все остановились. С Ваули сняли верхнюю одежду, и Мурзин, взяв его под руку, ввел в юрту, у нарт же осталось несколько человек. А по распоряжению исправника вблизи были расставлены караульные, которые по условленному знаку готовы были к поимке Ваули с сообщниками. При сем заметил Шахов, что в нартах приехавших инородцев были луки со стрелами, в некоторых винтовки и при каждой шесты с копьями, а у самого Ваули лежали в юртах винтовки и меч. Г. исправник посылал сперва звать к себе Ваули казака Канаулина, потом мещанина Андреева, вместе с заседателем Соколовым, который был в нетрезвом виде, наконец и сам пошел в юрту, с ним вошел и Шахов с другими казаками. Исправник, взяв Ваули за руку, сказал: «Здорово Ваули пойдем ко мне в гости!» Внезапный приход исправника привел в ро-

бость Ваули, и он вышел из юрты без сопротивления. Испугавшиеся иногородцы, кинувшись вдруг из юрты, затруднили для себя выход, а между тем подоспели торговцы и казаки, обезоружили их и, по указанию Нечаевского, некоторых из них схватили. Шахов же выскочил в окно и увидел, что Ваули, вырвавшись из рук исправника, бросился к своим нартам, но был схвачен и унесен в квартиру исправника, равно и другие из его сообщников, схваченные в ту же минуту. Один из числа намеревавшихся отнять Ваули бросился с ножем на исправника, но Шахов в это время ударом обнаженной своей сабли вышиб нож из руки того неизвестного, и он успел скрыться. Прочие же сообщники Ваули скрылись, ибо по малочисленности народа не было средств к поимке. Заседатель же Соколов, будучи пьян, не оказал никакого при этом случае содействия, стоя за юртою князя, кричал непонятные речи. Но имели ли участие в преступных замыслах Ваули князь Тайшин и другие старшины ему неизвестно. По взятии Ваули незаметно было между инородцами никакого на русских ожесточения и злобы, но только они страшились силы его шайки, колдовства его и мщения, в случае вторичного побега, но, когда узнали, что он увезен в Березов и лишен средств к побегу, тогда всеобщая радость заступила место их спасения, в ознаменовании коей пожертвовали они добровно церкви на 300 р. ассигнациями и разными звериными шкурами.

Единственная причина привлечения к Ваули была надежда на богатую добычу, которая по словам шла в общий раздел, а другие инородцы присоединились к нему, боясь мщения и колдовства его, но никогда не слышны были ропоты на начальство, хотя в частности и наносимы были им притеснения заседателем Соколовым, но это не содействовало к соединению их с Пиеттоминым. Причины такого обращения заседателя Соколова не только с инородцами и с жителями Обдорска есть всегдашнее пьянство, от которого приходит иногда в сумасшествие, и до приезду комиссии за три дня был пьян и в оном положении, из вытребованных по предварительному предписанию комиссии из чумов князя Тайшина и прочих старшин, он, Соколов, остяка Япту Мурзина бил жестоко, без всякой вины и хотел надеть на его колодки, произнося при этом, что он будто грабитель вместе с Ваулей, несмотря на то, что Мурзина оправдывал князь Тайшин.

Урядник Иван Ослопов, казаки Андрей Какоулин, Николай Старков, Игнатий Москантин, купецкий сын Михайло Чечуров, мещане Сергеев, Гуличин, Мамеев в ответах своих против ответа урядника Шахова показали согласно.

Князь Иван Тайшин слышал от инородцев ему подведомственных, что Ваули привлек на свою сторону людей бедных, не имеющих никакого пропитания, чрез угрозы, обманы и вымышленное колдовство. Ваули при свидании с Тайшиным и при народе говорил, что он могущественнее самого царя, о смене же старшин Седома и Падиги он узнал тогда, когда был в чумах у остяка Япты Мурзина, но воспрепятствовать в том Вауле, по причине усилившейся его шайки, было невозможно, и по краткости времени не успел донести местному начальству, о всех жалобах старшин на грабежи Ваули объявил заседателю Соколову; но он не делал никакого удовлетворения, не утаил от Соколова и то, что его Тайшина намерен был Ваули ограбить, но в этом намерении не успел. Он прежде не имел никаких сведений о намерении Ваули его сменить. Япту Мурзина посылал он к Ваули два раза, будучи совершенно уверен в преданности его к правительству, звать в Обдорск, где удобнее его можно будет схватить. Ваули в оба раза отвечал, что он в Обдорск будет только тогда, когда Япта будет князем. Во время встречи Тайшиным Ваули близь Обдорска, последний первого начал ругать и хотел ударить оленьим рогом, но

от этого удержан мещанином Нечаевским, за то, что выдал его в 1839 г. в руки правительства; ему Тайшину невозможно было тогда противоречить, и чтобы успеть в своем намерении заманить его в Обдорск, принужден был унизиться до того, что целовал у него руку, соглашаясь заплатить ему дань, и даже соглашался уступить место свое Мурзину, и он следствие своей поездки сообщил подробно г. исправнику, а Нечаевскому не открыл потому, чтоб он не проговорился и чрез то не расстроил его плана. На другой день подошел Ваули к Обдорску и к нему по зову явился Тайшин, уверив в своей преданности и в исполнении всех его требований, убедил Ваули въехать в Обдорск и получил на это согласие. По приезде Ваули остановился у юрты князя, с него снята была верхняя одежда и он под руки введен был в оную, где и делал раскладку дани на всех старшич, начиная с князя, но приход заседателя отвлек его от этого занятия, которому он не сделал должного уважения, даже не встал со своего места и не согласился на зов его итти к г. исправнику. Но при входе сего последнего Ваули смутился, с покорностью встал со своего места и беспрепятственно последовал за ним из юрты: Тайшин же по тесноте не мог выбраться из юрты, а потому не знает, что делалось на улице, сообщники же его должны быть на реке Енисея.

Япта Мурзин в ответах своих говорил согласно с Тайшиным, присовокупив, что он Мурзин никогда не имел намерения быть на месте князя, хотя и желал этого Ваули. Однажды он точно согласился на принятие этого титла, единственно для того, чтобы привлечь Ваули в Обдорск, Ваули не называл себя царем, а только великим старшиной, не знает, кого именно он посылал к князю и зачем, но полагает, что с намерением устращать его и взять дань, о смене же старшин услышал он только в то время, когда Ваули был близь его чумов, но кто именно был сменен и за что, не знает.

Старшины Ляу Ендырев, Небыр Тобольчин, показали согласно князю Тайшину.

Березовский окружной суд по рассмотрению этого дела мнение полагает: 1) из числа самоедцов Меньчеду Санина, Тогомпаду Топкина, добровольно сознавшихся в грабеже у разных инородцев на немалозначительную сумму оленей, а также и в намерении ограбить князя Тайшина и казенные запасные магазейны с мукою, хотя бы следовало на основании 120, 121, 123, 726, 727, 1030 и 1031 ст. 15 т., Зак. Угол. подвергнуть телесному наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу, но как ими сие преступление учинено до издания всемилостивейшего манифеста, состоявшегося в 16 апреля сего 1841 года, то, применяясь к 11 пункту оного, избавя от такового телесного наказания, сослать в каторжную работу, по назначению приказа о ссыльных; 2) Сану Лазарина (он же Ванютин) и Хозали Палумина, первого из них, как при начальном вопросе земского начальника Скорнякова сознавшегося в соучастии с Ваулею Пиеттоминым по предмету чинимого воровства и грабежа, а также защищения себя во время случившейся в избе князя Тайшина драки, имевшимся при нем ножиком, и передопросе, сделанном следственною комиссиею, учинившего во всем том запирательства, освободив от назначенного законом телесного наказания, в силу того же всемилостивейшего манифеста III пункта сослать в Иркутскую губернию на поселение. 3) а последнего, то есть Палумина, не сознавшегося в воровстве и грабеже с Ваули, но оговоренного Топкиным в этому соучастии и достаточно не изобличенного по силе 109 и 1155 ст.ст. 15 тома Зак. Угол. оставить в сильном подозрении, и как он Палумин по сознанию его, что он от сообщников Ваули и от самого его пользовался, вероятно, заведомо ограбленными оленями, то его Палужина сослать далее в Сибирь на поселение, 4) О тех, какие

значатся в реестре следственной комиссии инородцы и именно: Мы-яры, Той-Ходин, Пильту Туиби с прочими товарищами, всего 22 человеками, заключающимися также с Ваули Пиеттоминым по предмету грабежа, но не известно куда сокрывшиеся, ограничиться строгим местным за ними наблюдением, что и возложить на земский суд, с тем, чтобы оный в поимке их употребил самые скорые и деятельные меры, так как они все поименованы тому суду в реестре, приложенном при подписании комиссии от 25 февраля с/г. 5) Поступок инородца Садома Ненянгина в убийстве грудного младенца у самоедина Топуры Ненянгина ж впредь до поимки его из бегов оставить без положения. 6) Князю Тайшину, старшинам Обдорского отделения за несвоевременное объявление по начальству о чинимых Пиеттоминым грабительствах, в начале появления в тот край по побеге с места причисления, куда сослан он был за прежние преступления, но тогда, уже когда грабежи еще более начали увеличиваться и покушения на жизнь самого Тайшина, признав по 1 и 4 пунктам 13 ст. 15 тома Зак. Угол. выдержать всех старшин в Обдорском отделении под караулом, а князю Тайшину строго подтвердить, чтоб на предбудущее время сколь можно старался быть по службе деятельнее. 7) Инородцам же, у коих ограблены Ваулей олени, возвратить через земский суд и всех тех оленей, какие только опознаны будут ими у жен грабителей, в остальном же иске по 484 ст. того же 15 тома хозяевам таковых покраденных оленей отказать. 8) Прочим же инородцам того отделения в деле заключающимся, как то: Соли Яившину, Ервалы Сирта, Ламболиду, Горша Вырпаду и прочих, прикосновенных к оному делу, на основании 107 и 108 ст. 15 т., оставить свободными. 9) Что же касается до бывшего обдорского заседателя Соколова, оказавшего при отобрании от него следственною комиссиею нужных по делу сему ответов упорство и прочие противозаконные действия, а равно оказанные при произведениях начального следствия земского исправника Скорнякова к прекращению грабежа и поимке преступников, то об этом предать в благорассмотрение высшего начальства

Губернский суд по рассмотрению обстоятельств настоящего дела, представленного при рапорте Березовского окружного суда от 24 июля за № 64 решительным определением, состоявшимся 9-го сентября настоящего года, заключил: по обстоятельствам этого дела учинить следующее: первое, самоеда Тогомпада Топкина Пиеттоммина за ограбление разных инородцев на немалозначительную сумму оленей и за намерение в числе прочих подобных себе, бывших под управлением инородца Ваули Пиеттомина шайки вооруженных, ограбить князя Тайшина и казенные запасные магазейны с мукою, хотя бы и следовало подвергнуть определенному законом публичному наказанию кнутом, но благостию всемилостивейшего манифеста, состоявшегося в 16 день апреля 1841 г. 11 ст. избавя от наказания, сослать в отдаленную Сибирь в каторжную работу, по распоряжению Тобольского приказа о ссыльных, такового ж Менчеда Самина, он же Сенин, тоже бы следовало за это самое преступление подвергнуть тому же наказанию, но за смертию его оставить без положения.

Второе, Саниала Ямо Лазаридо, он же Ванютин, Ханзали и Хазауми (а не Хатауми) Палумина первого, как при первоначальном вопросе земским исправником Скарняковым, сознавшегося в том грабеже и воровстве и также в защищении себя и прочих во время случившейся в избе князя Тайшина драки, а при передопросе, сделанном следственною комиссиею, учинившего во всем том запирательство, но по следствию некоторыми в том показании и обстоятельствами обличаемого, не давая веры отрицательству, на основании 109 ст. 15 т. Зак. Угол. оставить в сильнейшем подозрении, сослать в переселение от сообще-

ства со скрывшимися участниками, в отдаленную Сибирь на поселение по распоряжению приказа о ссыльных, который о всех преступниках от сего суда уведомить, а последнего Палумина, хотя не сознавшегося в грабеже и воровстве и никем из соучастников Пиеттомина не оговоренного, но признавшегося, что он получил от сообщников Ваули Пиеттомина и самого его оленей, якобы по бедности своей, как человека подозрительного и в самом участии, удалить от сообщества в другие места, по усмотрению начальства на основании 58 5 пункта и 64 ст. 15 т. Зак. Угол.

Третье, о значущихся в реестре следственной комиссии инородцев Мы-Яры, Той-Ходине, Бильте-Тукбе, всего 22 человеках, заключающихся также с Ваули Пиеттомином по грабежу, суждение их впредь до поимки оставить, равно и поступки инородца Садоми Ненянгина в убийство грудного младенца и самоедина Топура Ненятина же, тоже до поимки и его.

Четвертое, князю Тайшину и старшинам Обдорского отделения, за убийство грудного младенца у самоедина Топура Ненянгина ж, тоже несвоевременное объявление по начальству о чинимых Пиеттоминым грабежах в начале появления его в край тот, по побеге с места своего поселения, куда он был сослан за подобное прежде сего преступление, хотя бы и следовало наложить соразмерно невниманию и беспечности их по законам строгое взыскание, но за силою последовавшего всемилостивейшего манифеста 16 апреля 1841 г. от того избавить, подтвердив, чтоб они на будущее время сколь можно старались по службе быть деятельными, под опасением за противное неизбежного строго по законам наказания.

Пятое, инородцам, у коих ограблены Пиеттоминым олени, по дознании о действительной их хозяевам принадлежности, возвратить с распиской под делом, через Березовский земский суд, в остальном же иске по силе 684 ст. 15 т. Зак. Угол. отказать, а прочих инородцев, прикосновенных к сему делу одними спросами оставить без положения.

Шестое, об оказанном отдельным заседателем Соколовым при отобрании у него следственною комиссиею нужных к этому делу ответов упорстве и прочих противозаконных действиях, даже пьянстве, которое удостоверяется некоторыми спрошенными разными лицами, что видно в особенности из постановления комиссии (стр. 182, 188, 192, 280), из собственных его даже Соколова от 3 и 4 марта № 172 и 183 (лист 194) рапортов, независимо от этого дела, передать причастность его на постановление Тобольского губернского правления, соображаясь силою всемилостивейшего манифеста, состоявшегося 16 апреля с. г. IV ст.

Седьмое, употребленные по этому делу прогонные деньги адъютантом графом Толстым 17 р. 85 к. серебром по силе того же всемилостивейшего манифеста ст. 6 из недоимки исключить, о чем уведомить через Тобольское губернское правление Тобольскую казенную палату. Затем мнение Окружного суда, не утвержденное в некоторых частях, на основании 1103 ст. отменить, составив строгое замечание членам Окружного суда, что мнение оного, особенно заключение, изложено не только с ошибками, но и довольно в некоторых частях бесмысленно, это и все должно Губернским судом буквально прописываться в его решении и восходить в этом виде в высшую ревизию, подтвердить особенно секретарю наблюдать за исправностью, и о поступке Ваули Пиеттомина, за преданием его военному суду, оставить здесь без положения; о закование же в кандалы самоеда Тогопаду Топкина Пиеттомина, основании 83 ст. 14 т. предписать смотрителю Тобольского тюремного замка. [Подписи].

К истории каракалпаков XVIII в.

(Окончание)[1]

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел, 23 мая 1743 г.[2]

Прошлого 1742 года сентября от 27 числа о бывших у меня в Орску каракалпацких посланцах, которые о бытии в подданстве ея императорского величества имянем своего народа присягали, покорнейше доносил и с какою инструкциею отправил к ним порутчика Гладышева, чтоб тамошней народ, от которого означенные посланцы приезжали, в верность ея императорскому величеству, по указу ея императорского величества, из Государственной коллегии иностранных дел присланному, к присяге привесть, со оной инструкции к высокому правительствующего Сената разсмотрению приложил тогда копию.

Минувшего ж апреля 24 числа означенной порутчик Гладышев в Новой Оренбург возвратился благополучно, и с ним от каракалпацкого Каип-хана и брата ево Абейдуллы салтана прислано посланцов 8 человек, да 2 ис той орды высвобожденные пленники: один руский, а другой мещеряк. В Оренбурге приняты оные посланцы обретающимся тамо генералом-майором фон-Штокманом и имеющияся у них письма помянутых хана и салтана и знатнейшаго в их орде Мурат-Шиха (то есть их главного духовного) з детьми и старшинами, да особливое от знатного ж тамошняго старшины Девлеть-Бая ему генералу-майору подали, между которыми одно на высочайшее ея императорского величества имя, а протчие ко мне. Оныя письма и при них из вышеозначенных посланцов двое, а именно Мамон Батырь, да Пулат есаул (о которых в присланном ко мне письме особливо упомянуто, чтоб их ко двору ея императорского величества отправить), при доношении от помянутого генерал-майора, и с прибывшим с ними порутчиком Гладышевым ко мне присланы; протчие ж до резолюции от меня оставлены им при Оренбурге и содержатся в надлежащем довольстве, А каков оной порутчик Гладышев, будучи в каракалпаках, имел журнал, оной и вышеозначенные письма, также и учиненные от каракалпак присяги при том ево генерал-майора доношении приобщены, ис которых писанное на имя ея императорского величества, также и учиненные присяжные листы подлинные с переводами и тем присягавшим с реэстром, а с присланных на имя мое писем же переводы, а с журналу копию в Государственную коллегию иностранных дел к разсмотрению при сем моем покорнейшем доношении прилагаю. И хотя мне не невозможно было означенных посланцов с надлежащим ответом возвратить от себя и понеже оной каракалпацкой хан, салтаны и старшины в письмах своих к верности ея императорского величества довольно себя подтверждают, и прибывшей порутчик Гладышев доносил, что они ево приняли с радостию и содержали у себя со всяким удовольствием; из них де прибывшие посланцы как у генерал-майора фон-Штокмана, так и у меня при подаче писем объявляли, что их каракалпацкой народ назад тому з 260 лет от Российской империи отстал и называли себя природными подданными,

[1] См. «Красный архив» т. 6 (91), 1938 г. сс. 225—254.
[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

ибо, как то прибывшей с ними порутчик Гладышев о них объявлял, что они изстари живали между Астрахани и Казани, а потом на Бухарскую сторону к Аральскому морю отошли в раззорение оных царств, и всех в их орде имеющихся российских пленников собрать и освободить и аманатов давать обещаются они ж, яко промышленные и торговые люди и к разпространению оренбургских торгов полезны. Того ради, к пользе высочайших ея императорского величества интересов, разсудил из оных прибывших посланцов, помянутых Мамон Батыря и Пулата есаула, при доношении моем в Государственную колегию иностранных дел с вышеозначенным прибывшим с ними порутчиком Гладышевым отправить.

Но понеже порутчик Гладышев объявил, что между теми прибывшими посланцами первым отправлен вышепомянутого знатного Мурат-Шиха Ходжи сын Адбулла-Ших, а по нем второй означенной Мамон-Батырь, того ради писал к реченному генерал-майору, дабы и оного Абдулл-Шиха, склоня с предписанными двумя посланцами, или вместо ево оставя означенного есаула Пулата, с ним Гладышевым отправил, в том разсуждении, что когда такого знатного человека сын под предлогом посланства здесь останется, то к содержанию оного народа в непоколебимой верности вместо аманата служить может, а другого того же Мурат-Шиха Ходжи сына, между теми ж посланцами присланного, якоже и всех оных, ежели пожелают с ответным листом, удовольствовав их на дорогу милостию ея императорского величества, определил возвратно отпустить, уведомя, что остальные посланцы ко двору ея императорского величества отправлены, и обнадежа высочайшею ея императорского величества милостию, с представлением, чтоб они, будучи ея императорского величества подданными, всевозможное и скорое старание приложили, чтоб всех находящихся у них российских пленников (коих в их орде, по показанию Гладышева в журнале, будет с три тысечи человек), собрав, во знак первой своей верности, в Россию отправили, за что пожалованы будут особливою и многою ея императорского величества милостию и с караванами своими в Оренбург без всякого б опасения ездили и с тем велел послать одного обыкновенного к таким делам обер или ундер-афицера и толмача, дав ему о всем том надлежащую инструкцию, а, будет они похотят дожидаться меня, что б и сходнее, то велел удержать их до себя.

Что принадлежит до предозначенных посланцов, отправленных с листом каракалпацкого хана, и протчих ко двору ея императорского величества, то я об оных как правительствующему сенату доносил, так и Государственной коллегии доношу, что для вступления того народа в подданство ея императорского величества вновь, по моему слабейшему мнению и по надобности того народа, не соизволено ль будет оных посланцов в таком удовольствии содержать, как прежде присланные ко двору ея императорского величества от киргис-кайсацких Абулгаир и от Абул-Маметь ханов посланцы содержаны; также и сие по здешнему состоянию немало нужно, чтоб оные посланцы, как возможно скоряя, в отечество свое отпущены были, и весь тот народ от ея императорского величества всемилоствейшею грамотою обнадежить, что оной под протекцию и в число подданных ея императорского величества принят и в высочайшей ея императорского величества милости по их службам и верности содержан быть имеет, а при том объявить и сие, чтоб они, в заслужение той оказанной к ним ея императорского величества высочайшей милости, первую свою службу показали и имеющихся у них в полону российских людей, какого б звания и веры ни были, собрав, возвратили, а в протчих делах и о удовольствии их жалованьем ея императорского величества, когда верность

свою и службу отдачею тех пленных засвидетельствуют, сослаться на меня, снабдя указом ея императорского величества, каким образом долженствую я с ними поступить, когда означенная отдача действительно от них воспоследует; что же они упоминают о разбитом яицкими казаками кораване их, на то, по справке в Государственной военной коллегии, можно ответ учинить, ибо оные казаки, разбивши тот караван, обо всем том деле доносили во оную коллегию и объявленного в приложенном при сем Девлеть-Бая Батыря письме, бывшего в том караване старшину, а ево Девлеть-Баева дядю родного, во оную коллегию отвезли, — мне слабейше мнится, со оными посланцами и з грамотою, когда оная всемилостивейше будет определена, отправить предупомянутого поручика Гладышева (о коем в присланных письмах прошено) или другаго афицера, чтоб он, будучи тамо, на обращении того народа смотрел, и их в совершенной и непоколебимой верности пребывать утвердил, особливо же затем, дабы зюнгорской владелец и сей новоподданной ея императорского величества народ, подобно, как и киргис-кайсаков, от верности не поколебал, ибо в журнале Гладышева показано, что смежной с сими подданными каракалпацкой верхней народ в подданство свое привлек, и Салтан Мурат хан того народа оному владельцу сына своего в аманаты отдал и старается де он Салтан Мурат, чтоб и сих нижних каракалпак, ея императорского величества подданных, в подданство того ж владельца привлечь; при оном же посланном и в отискании пленных и в отправлении их в Россию лучшей успех воспоследовать может.

Хотя указом ея императорского величества, присланным ко мне из Государственной коллегии иностранных дел от 22 числа июля прошлого 1742 году, и повелено о киргис-кайсацких обращениях доносить куда по указом надлежит, а во оную коллегию о том, яко до оной не принадлежащем, не писать, но как по прежним, так и особливо присланным ко мне ныне ис правительствующего сената от 4 числа прошедшего марта ея ж императорского величества указом, на доношении мои по таковым же делам состоявшиеся о всем том, что до помянутых киргис-кайсацких дел касается, наиболее подтверждено, как в правительствующий сенат, так и в Государственную коллегию иностранных дел доносить, и со учиненной мною протокольной записки, что в прошлом 1742 году при свидании моем с киргис-кайсацким ханом, салтанами и старшинами происходило, из оного правительствующего сената в ту коллегию копия сообщена и потребным наставлением снабдить меня велено,— чему следуя, должным себя нахожу оной Государственной коллегии и сие донести, что от Абулгаир-хана киргис-кайсацкой Меньшой орды с предупомянутым поручиком Гладышевым три письма получил, в том числе одно на высочайшее ея императорского величества имя, которое и с ево ханских писем, на мое имя писанных, переводы и копии з двух доношений и з журнала, обретающегося при нем хане прапорщика Муравина, о киргис-кайсацких обращениях при сем же моем покорнейшем доношении прилагаю, что також де и в правительствующий сенат при доношении сообщил.

Государственная коллегия иностранных дел из оных писем, также и из доношений, особливо же из журнала помянутого прапорщика, довольно усмотреть изволит, в каком неудовольствии бывает оной хан за то, что по ево воли обретающейся ныне во образ аманата сын ево Куз-Ахметь другим ево сыном Чингизом малолетным и не от прямой жены рожденным не переменен и за то, хотя я при свидании со мною чинил ему довольное почтение и угощение и милостию ея императорского величества против прежних годов не меньше награжден[1] однако

[1] Так в подлиннике.

изъявляет затейно многое неудовольствие, яко де и о порутчике Гладышеве, вопреки каракалпацских писем, объявляет, и я по моей всеподданнейшей рабской должности еще от 27 сентября 1740 при изъяснении ево ханского и киргис-кайсацкого народного состояния Государственной коллегии иностранных дел и покорнейше доносил, что к воздержанию не только оного хана, но и всего подвластного ему народа, от всех быть от него могущих своевольностей по его коварствам другого так надежного способа нет, как содержание в аманатах детей ево, ныне имеющемуся единоутробных, ибо ежели вместо оного принять помянутого незаконного, то по всем усмотрениям не только старшие и законные ево дети, а именно Нурали и Эрали и предупомянутой Куз-Ахметь, которые у народа в немалом почтении и силе и при первых двух улусов более нежель при самом их отце находятся, ничем уже обязаны не будут, ибо к тому Чингизу натуральной братерской любви не имеют, но и сам оной хан чрез него в таком обязательстве, как ныне, не будет.

Еще ж известии были, что он хан и требует сего в тот токмо вид, чтоб Куз-Ахметь салтана выманить и к своевольностям своим всякую свободу иметь, того ради, по силе присланного ко мне ея императорского величества указа ис правительствующего сената от 4 марта сего 1743 и по указом, данным преждебывшим здесь командиром, которыми имянно повелено, чтоб такие перемены чинить детми ево с первыми единоутробными, то-есть от прямой ево ханши рожденными, на вышеписанные от него хана письма в ответ ныне ему сообщу, что при дворе ея императорского величества ни о какой другой ево ханше неизвестно, как токмо о той, от которой бывшие у двора ея императорского величества дети ево Эрали и Куз-Ахметь салтаны рождены, и одна она в особливой консидерации содержится, как то и указом блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, данным покойному генералу-лейтенанту князю Урусову повелено, что ежели она ко двору ея императорского величества пожелает, то ее и с сыном отправить, и затем объявлю, что в разсуждении оных обстоятельств и ево чести присланным ко мне ея императорского величества указом повелено, чтоб означенного Куз-Ахметь салтана переменить другим родным ево братом от настоящей ево ханши рожденным; буде же он похочет, чтоб и упомянутого Чингиза для обучения принять, (как то он и просил), то и оное исполнено быть может, а в службе ея императорское величество соизволяет тех токмо детей иметь, которые от настоящей ево ханши рождены и ево наследными быть имеют, оная ж ханша ея императорского величества в особливой консидерации и милости содержится, и другие пристойные резоны напишу, а у него сверх помянутых возрастных детей Эрали, Нурали и Куз-Ахметя еще двое меньшие есть, от той же настоящей ханши рожденные, а именно: Акчювашь да Идиль, которые у него и у ханши в немалом люблении, при том же представлю ему хану и о приезде ево к свиданию со мною в Оренбург, ибо при нынешних обстоятельствах с ним ханом и Средней орды с Абул-Маметь ханом же, и з Барак-салтаном и с отпущенным ис полону Зюнгорского (ежель то правда) Аблаем-салтаном для пользы высочайших ея императорского величества интересов и ко утверждению оных владельцев и всего киргис-кайсацкого народа в непоколебимой верности и подданстве ея императорскому величеству видеть весьма потребно, ежели они того не отрекутся.

В протчем ис тех киргис-кайсацких орд ни о каких других противностях сея весны не слышно, но все видится спокойно и генерал-майор фон-Штокман репортует, что Эрали салтан, сын Абулгаир хана, которой, по прошению ево, впущен был с улусами на сю сторону

Яика зимовать до весны, при начале оной на ту сторону Яика спокойно перешел; одна токмо противность недавно произошла близь Илецкого городка, что отделясь от улусов, воровских кайсаков, человек около дватцети, напали на бывших у рубки лесу илецких казаков и, отбив шесть лошадей и багаж, убежали, о которых ворах реченной генерал-майор ко владельцом писал, требуя сатисфакции, но посланные при отправлении того ево репорта еще не возвратились; что же в том учинено будет, об оном, яко же и о прочих киргис-кайсацких состояниях, Государственной коллегии иностранных дел впредь покорнейше доносить не премину.

Иван Неплюев.

Из лагеря от устья речки Увелки.

Перевод с татарского письма, присланного от каракалпацкого нижняго народа, полученного тайным советником и кавалером Неплюевым чрез посланцов их, приехавших с порутчиком Гладышевым, майя 14 числа в лагире при устье реки Уя.[1]

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, Вашему императорскому величеству по всеподданнической присяжной должности доносим, что мы нижней каракалпацкой народ четыре сана, то есть сорок тысячь, со всею морскою волостию в подданство пришли и присланных Дмитрея Гладышева да Мансура Делного в том не ослушались и поверили. При чем просим, дабы между нами посланцы посылались, а во первых бы для уверения оного ж Дмитрея Гладышева да Мансура Дельнова прислать, по которому могут купцы с караванами наши к вам, а ваши к нам приезжать; мы же ныне которые вам приятели, тех к себе приятелями, а кои неприятели, тех по тому же неприятелями почитаем, и в знак нашей верности находящихся у нас российских полоненников к вам отослали, а вас просим наших посланцов немедленно возвратить.

Когда приезжал к нам мурза Тевкелев, то хотя мы и тогда вашему императорскому величеству в подданство приклонились и триста дворов ваших подданных башкирцов с ним выкупили, сверх же того триста человек купцов своих послали, которых тогда яицкие казаки убили всех, что вашему императорскому величеству небезизвестно есть, но после того как купцами, так и послами никто не ездил, а ныне с Дмитрием Гладышевым Мамона-Батыря и Пулата есаула к вашему императорскому величеству отправили. Ежели нас почтить соизволите, то просим Дмитрея Гладышева к нам с теми нашими показанными Мамон-Батырем и Пулат есаулом, не задерживая (а имянно) октября месяца, прислать. Понеже между нами в средине находятся киргис-кайсаки, хотя нас мурза Тевкелев, в бытность свою, обнадеживал, что ежели от них киргис-кайсаков каракалпаком или от каракалпаков им кайсакам чиниться будут обиды, то от всемилостивейшей государыни в защищение российское войско посылаться может, но после того киргис-кайсаки нас каракалпаков, четыре раза приезжая, разоряли, и затем вашему императорскому величеству служить не допущены. Ныне же как по высочайшей императорской своей милости к нам с повелением прислать соизволили, то мы со всем своим почтением оное исполнили, и для того просим, дабы киргис-кайсаки в непропуске ими посланцов и караванов усмирены были. Как соизволите Дмитрея Гладышева и толмача Мансура с посланными нашими посланцами без замедления возвратить, то мы и настоящего посла и три тысячи куп-

[1] МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

цов и находящихся у нас российских полоненников ко двору вашего императорского величества, ежели бог соблаговолит, прислать обещались, и в том присягою утвердились, ибо, хотя мурза Тевкелев в киргис-кайсацкую орду к Абулхаир-хану приезжал со многою казною, чрез что киргис-кайсацких биев и протчей нечювственной их народ в подданство производил, а к нам ныне Дмитрея Гладышева без всякого награждения прислали, но мы и бес того, по повелению вашего императорского величества, 40 000 человек рабски в подданство пришли, и как выше показали, имеющихся у нас российских полоненников отдать обещались и в том присягою утвердились, а ежели с таким же почтением наших ханов салтанов и знатных людей ко двору вашего императорского величества востребовать соизволите, то мы и к тому со всею нашей готовностью ради, ибо присягали.

Також де просим, чтобы Дмитрей Гладышев и толмач Мансур, как мурза Тевкелев, награждением были не оставлены, а более все в воли вашей императорской состоит. Мамон-Батыря, да Маман-Шиха Сагындука Батыря, Пулата есаула, Ших-Ясаула к двору вашего императорского величества при сем отправили, и в том для уверения чернильные свои печати приложили, первая Каипханова, вторая Мурат-Шиха, третья Губейдула салтана. На том письме на стороне прописано.

Переводил переводчик Ямагул Гулеев.

Перевод татарского письма нижних каракалпацких ханов И. Неплюеву, апрель 1743 г.[1]

Присланной от вашего превосходительства порутчик Дмитрей Гладышев, и при нем толмач Мансур Дельной к нам прибыли, за что мы весьма обрадовались, и всемилостивейшей государыне 40 000 дворов каракалпаки пришли в подданство, в чем и присягу учинили и в той подданнической нашей должкости содержать себя имеем, а с недругом в недружестве противится должны, и кои же у нас имеются российские пленники, оных по нашей верноподданнической должности выслать в Россию должны, ежели же наших ханов и хаджеев и биев изволите содержать в милости, как и Абулхаир-хана с киргис-кайсаками, наших всех каракалпаков, то мы весьма довольны, а между нами посланцов и купцов ездить в Россию киргис-казаки не допущают, просим оных дураков унять, да при том же доносим, что после приезду к нам полковника Тевкелева, посланных от нас купцов в Россию триста человек с товарами яицкие казаки розбили, и за то более не ездили. А ныне мы с вышепоказанным, присланным от вашего превосходительства порутчиком Гладышевым, послали к вашему превосходительству, для отправлекия к ея императорскому величеству посланцов, наших каракалпацких Мамон-Батыря, Пулат есаула. Да еще ж вашего превосходительства просим вышепоказанного толмача Дельного с посланным от нас к вашему превосходительству каракалпаками прислать к нам обратно сего 743 года майя в последних числех, дабы они в тех числех к нам явиться могли, а при том и мы обязуемся к вашему превосходительству паки своих посланцов прислать. А понеже вышеупомянутой полковник Тевкелев, когда приезжал в киргис-кайсацкую орду для приведения к присяге Абулхаир хана и киргис-кайсаков со многими подарками, почему де они и пришли в подданство, а к нам предреченной порутчик Гладышев приехал хотя без всего, но мы, ревнуя ея императорскому величеству, по чистой нашей совести в подданство ея императорского величества, так как верноподданным рабом подлежит, пришли, и присягою в том

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

утвердили, в чем и содержать себя должны; токмо мы просим нас содержать в таковой милости, как содержатца Булхаир-хан с киргискайсаками, а мы ея императорскому величеству, как верноподданным подлежит, душевно и телесно неотменную службу продолжать готовы, как нам всемогущий бог да подаст. А если мы или из наших каракалпаков кто тое присягу нарушит, то должны мы все пред всемогущим богом ответ дать. А если не от нас та присяга нарушена будет, то уже тех будет судить бог и кто в том явится противен, то вручаем ему ж всемогущему богу. А понеже полковник Тевкелев в таковых же мерах службу свою продолжал, за что мы чаем он и не оставлен, но и помянутых порутчика Гладышева и толмача Мансура Дельного, как вам известно, службы происходило немало, за что и они от вашего превосходительства оставлены быть не могут, а мы вышеписанных Гладышева с товарыщи приняли и в почтении содержали и по всем вашего превосходительства правлениям неотменно исполняли и при сем вашему превосходительству поклон посылаем. При сем же посланы от нас Абдулла-Ших, Мамон-Батырь, Ших Санших, Баба Назар Батырь, Маман Ших, Багундук Батырь, Пулат Есаул, Аидерек Бек.

Во уверение сего на подлинном татарском письме приложены чернильные печати Каип-хана, Мурат-Шиха Абейдуллы Салтана, 1743 года, февраля 19 дня.

На том же письме на обороте писано тако: при сем вашего превосходительства просим прислать с помянутым толмачем наших каракалпаков: Абдула-Шиха, Шарсын-Шиха, Баба Назар Батыря к нам обратно от вашего превосходительства.

Переводил переводчик князь Николай Максютов

Перевод с присланного из Нижней каракалпацкой орды от старшины Девлеть-Бай Батыря татарского письма, в котором по переводе значит.

Его превосходительству господину тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичю Неплюеву.

Присланной от вашего превосходительства порутчик Гладышев с указом ея императорского величества прибыл к нам благополучно, по силе ж оного ея императорского величества указа, и мы все катайского роду к ея императорскому величеству пришли в подданство, так как верным рабом подлежит, и с приятелем поступать приятельски должны, а с неприятелем неприятельски поступать не отменим, и, если какия ея императорского величества ко исполнению указы к нам присылатца будут, по оным надлежащее исполнение рабски чинить не преминем. Вышереченной порутчик Гладышев с товарыщи у нас зимовал и ныне отправлен от нас благополучно к вашему превосходительству обратно; при сем же просим, чтоб из России и от нас купцы ездили беспрерывно, мы ж по нашей верноподданической должности ко услугам готовы.

Сие письмо по повелению Нижней каракалпацкой орды катайского роду старшины Девлеть-Бая, Батыря Маилчибей Биева сына, я, Ишнияз Ахун, писал, во уверение сего Девлеть-Бай Батырь тамгу свою приложил такову.

На том же письме писано тако.

При сем же вашего превосходительства прошу. В тот год, когда прибыл полковник Тевкелев к Абулхаир-хану посланцом ездили наши каракалпаки сто человек для купечества в нижние калмыки с великим богатством, то Яицкого городка казаки тех наших людей побили всех и товаров множество взяли, в том числе моего дядю родкого, не убив, взяли жива языком Палванбая и отослали ко двору ея императорского величества и, ежели оной мой дядя жив, прошу его к нам

возвратить, а ежели ж умер, то меня уведомить, а понеже я здесь имею нужду в печати того ради вашего превосходительства прошу пожаловать, зделав, прислать ко мне Хорошинскую печать.

Переводил переводчик князь Николай Максютов.

Показания Д. Гладышева в канцелярии Оренбургской комиссии.[1]

Прибывший в Оренбург от Каракалпацкой нижней орды Оренбургского драгунского полку порутчик Дмитрий Гладышев в канцелярии Оренбургской комиссии о усмотренном им в той орде секретно объявил.

Как он из Орска из походной канцелярии в Оренбургской комиссии по инструкции в Каракалпацкую нижнюю орду прошлаго 742 года сентября 3 числа отправился, обще з бывшими в Орской крепости каракалпацкими посланцами Мамыром Уразаковым да Кошаном, чей сын запаметовал, з бывшим же в Орску киргис-кайсацким Абулхаир ханом и при том старшинами ево и киргис-кайсаками, ехал он Гладышев от Орска за Яик, степью четыре дни (то есть сентября по 8 число), а сентября 9 числа помянутой Абулхаир-хан отдал ево Гладышева и, с реченными каракалпацкими посланники Мамыром с товарищем на руки владения своего киргис-кайсацкой орды старшине Карабаю Батырю (кой во время бытия в киргис-кайсацкой орде переводчику Тевкелеву, что ныне брегадиром, служил во всякой верности), чтоб оной Карабай Батырь проводил ево Гладышева с товарыщи до помянутых нижних каракалпаков. Токмо при том отпуску ево Гладышева упомянутой Абулхаир хан, взяв к себе в кибитку посланного с ним Гладышевым каракалпацкого посланца Мамыра с товарыщем, и нечто имели тайной разговор, но потом он Гладышев с имевшимся при нем толмачем Мансуром Дельным и с реченными каракалпацкими посланцы поехали обще с помянутым Карабаем Батырем и с имеющимися при нем киргис-кайсаками тремя человеки, с которым Карабаем Батырем ехал он Гладышев степью девять дней, а на десятой день (то-есть сентября по 18 число), приехали в кочевье помянутого Карабая Батыря на реку Эмбу, и у оного Карабая Батыря жил он Гладышев тринатцать дней и во оное житье пищею ево Гладышева и бывших при нем каракалпацких послов довольствовал оной Карабай Батырь от себя неоскудно.

2 числа октября оной Карабай дал ему Гладышеву брата своего родного Баимбетя Батыря, да племянника своего родного Басурмана (кой ныне приехал с ним Гладышевым) да родственников своих ис киргис-кайсаков Мунку Бия, да и Баша, чьи дети не знает, и велел ево Гладышева и бывших при нем каракалпацких послов проводить до Каракалпацкой нижней орды, с которым ехал он Гладышев до нижних каракалпаков степью осмнатцать дней, и приехали во оные каракалпаки октября 19 числа (кои в то число имели кочевье за Сыр-Дарьею в городе Янгенте), где имеется пустая каменная палата с подмаскою ценинною, отчего он Гладышев привез малинкой обломачек кирпича и объявляет при сем. По приезде ево Гладышева в предписанные каракалпаки на другой день (то-есть октября 20 числа) призвали ево Гладышева на збор, на котором были каракалпацкой Убейдулла салтан (на коего имя грамота с ним Гладышевым подписана была), да Мурат-Ших Хозей, да Каип-хана брат Абдулла салтан и протчие каракалпацкие старшины, батырии и бии, и по призыве ево Гладышева на тот збор, посланную с ним Гладышевым грамоту и на татарском письме привилегию подал он Гладышев предписанным Убейдулле салтану и Мурат-Шиху. И оные Убейдулла салтана и Му-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1. 1743 г. Дата отсутствует.

рат-Ших Хозе приказали ему Гладышеву реченную грамоту и привилегии подать Каип-ханову брату Абдулле салтану, кой, распечатав тое грамоту, велел читать всем вслух бывшему при нем Гладышеве толмачю Мансуру Делькому, которой роспечатав и прочел. По прочтении вышеписанной грамоты реченные Убейдулла салтан и протчие владельцы и их старшины ничего ему Гладышеву не сказали, токмо при том говорил ему Гладышеву катайского рода старшина Девлеть Бай Батырь, что де он Гладышев ныне от них ехать хочет или нет, на что ок Гладышев объявил, что вскоре ему ехать невозможно, понеже имеющияся у него Гладышева лошади весьма худы, при чем протчие каракалпацкие старшины говорили, что ныне ево Гладышева удержат у себя зимовать, а весною отправят его Гладышева, и с ним своих каракалпацких посланцов, так же и купцов. И по тому удержанию он Гладышев и с имеющимся при нем толмачем и школьником [1] жил марта по 3 число нынешнего 743 года. Во время близь помянутого города Янгента кочеванья усмотрил он Гладышев, что каракалпаки, собирают круг того города селитру и делают про себя порох, которой селитры, взяв он Гладышев тайным образом с один фунт, привез с собою и объявляет при сем. А вышеписанные посланные с ним Гладышевым от предписанного киргис-кайсака. Карабая Батыря провожатые Баимбеть Батырь с товарыщи, проводя их до реченных нижних каракалпак, благополучно возвратились в жилища свои по прежнему октября 29 числа.

27 числа октября вышеписанные каракалпацкие владельцы Убейдулла салтан и Мурат-Ших Хозей з детми своими и с подданными их старшинами конратского роду Девлет Бай Батырь с родственники ж своими, собрався в одно место, о бытии в подданстве ея императорскому величеству при нем Гладышеве присягу учинили и на посланных с ним Гладышевым на татарском письме присягах печати свои приложили (кои он Гладышев при сем объявляет в канцелярию Оренбургской комиссии) и по учинении той присяги о многолетном здравии ея императорского величества по своему закону молитву читали при означенных киргисцах Баимбете с товарыщи.

20 октября уведомился он Гладышев от многих каракалпаков, что отправленной с ним из Орска каракалпацкой посланец Мамыр Уразов, приехав в те свои каракалпаки, разгласил всему каракалпацкому народу: когда де они, будучи в степи, (то есть сентября 9) разставались с Абулхаир ханом, приказывал оной Абулхаир хан реченному каракалпацкому послу Мамыру Уразову ево Гладышева и бывших при нем всех ограбить, только живых пустить и будто ж означенной Абулхаир хан сказывал оному посланцу Мамыру Уразову, якобы с ним Гладышевым послано на подарки каракалпацким владельцом казенных товаров на двести кабыл, да будто и ему Мамыру на пятьдесят кобыл.

Во время бытия ево Гладышева в предписанных каракалпаках вышеписанной бывшей посланец Мамыр Уразов, збирався с родственники своими, неоднократно намеривался ево Гладышева убить и, напав на него, Гладышева, ограбил, а грабежем взял имеющейся у него Гладышева для своего пропитания две тысячи пятьсот марьяну, да одну казенную лошадь, и при том грабеже оной Мамыр говорил, якобы велел ево Гладышева грабить предписанной киргис-кайсацкой Абулхаир хан; тако ж и после на кего Гладышева ко убивству неоднократно оной Мамыр нападал же, токмо до того убивства не допустили часто упоминаемые Убейдулла салтан и Мурат-Ших Хозей з детми.

[1] Это был один из школьников при Оренбургской комиссии — Дмитрий Иванов Казанцев, который «будучи в той школе (при Оренбургской комиссии) грамоте и письму, також отчасти и по татароки говорить обучился» (То же дело).

31 октября уведомился он, Гладышев, чрез некоторых каракалпаков, якобы некоторые каракалпацкие старшины разглашают: ежели де киргисцы нынешнюю зиму с ними иметь будут войну, то де они каракалпаки русских послов побьют до смерти или продадут.

20 ноября пришедший к нему, Гладышеву, к кибитку каракалпаченин Чюман-Ших между протчих в разговорах объявил, что де их каракалпацкой народ дикой, а ея императорского величества никакой милости не видали, а ежели от ея императорского величества милость увидят, то де они будут кочевать все вблизь к Российским жилищам з женами и з детми, ежели де не будет помешательства от киргискайсаков.

4 декабря между протчих разговоров объявил ему, Гладышеву, каракалпаченин Калветь-Ших: ежели де прикажет ему ея императорское величество привести к российскому подданству Бухары и Ташкент и Хиву, то де оные городы в подданство приведет.

6 числа декабря между протчих разговорах объявил ему, Гладышеву, часто упоминаемой Убейдулла салтан, что де у них в нижних каракалпаках имеется русских пленников с три тысячи человек.

9 декабря объявил ему, Гладышеву, вышеписанной же каракалпаченин Чюман-Ших, что де они каракалпаки, кроме вышняго бога, никого не боятся, а в подданство де ея императорскому величеству пошли они не для какой боязни, но для торгу.

11 декабря приезжал к нему, Гладышеву, каракалпаченин Урускул салтан, которой ныне имеется ханом в каракалпацком конратском роду, и, вынев нож, хотел ево, Гладышева, зарезать и при том говорил: как де он Гладышев дарил Каип-хана и Убейдуллу салтана (коих он Гладышев ничем не даривал) и ево б Урускула салтана так же подарить, он же не меньше вышеписанных Каип-хана и Убейдуллы салтана, а ежели он Гладышев ево не подарит, то хотел зарезать; однако ж по сколким его, Гладышева, пристойным разговорам вышеписанной Урускул хан к лутчему способу склонился и после того спустя дней з десять дал он Гладышев оному Урускулу хану в презент из своего багажу двести марьянов, то оной Урускул хан пришел в подданство российское и ея императорскому величеству присягу учинили и печатью утвердил (коя значит во объявленных от него Гладышева между протчих присяг), и при том ему Гладышеву объявил: несколько де он Урускул хан башкирцов разбил, тако ж и руских семь деревень раззорил, а ныне де он пошол в подданство ея императорскому величеству и никаких шалостей чинить не будет для того, что де они ея императорского величества природные холопи.

3 февраля вышеупоминаемой Убейдулла салтан объявил ему, Гладышеву, что де недавно прислал из верхних каракалпак их нижних каракалпаков к Мурат-Ших Хозе беглой из Уфинского уезду ис татар новокрещен Осип Федоров (который назвался Салтан-Мурат хан и по прикятию в верхних каракалпаках имеет ханство) письмо в котором написал, что де прислал ко оному (называнному ханом) Салтан-Мурату зюнгорской владелиц Галдан Черен посланцов, чтоб оной Салтан-Мурат с верхними каракалпаками шел ко окому зюнгорскому владельцу в подданство, почему оной Салтан-Мурат и отдал в аманаты сына своего большого, а вышеописанной де нижних каракалпаков Мурат-Ших Хозей писал к вышеписанному (называемому ханом) Салтан-Мурату, что де они нижние каракалпаки к предписанному зюнгорскому владельцу в подданство нейдут для того, что они пошли в подданство ея императорскому величеству, в чем присягу учинили и той своей присяги не нарушат. Да вышеописанной же Салтан-Мурат, похваляясь, говорит: есть де у него сабля, ежели де махнет по людям, то на сорок сажен порубит, да есть же де у него стрельные копейцы,

ежели на людей бросит, то более тысячи человек побьет и имеет при себе тулунбай, да оной же де Салтан-Мурат держит при себе беглых из Уфинского уезду Сибирской дороги Катайской волости башкирцов: вора Сарткула с товарищи, которой де в прошлом году ездил и раззорял на Сибирской границе по реке Ишиму жилища.

7 февраля часто упоминаемой Убейдулла салтан сказывал ему, Гладышеву, что хивинцы с трухменцами имеют войну, для того некоторые де узбехи бежали от шаха в Хиву и объявили, якобы персицкой шах умер, а в прошедшем де январе месяце от них каракалпаков поехал в Хиву с торгом вышеупомяненный Мамыр Уразов (кой в прошлом 742 году от каракалпак был в Орску посланцом и с ним, Гладышевым, возвратился и, будучи в каракалпаках, на него, Гладышева, нападал).

3 марта между протчих разговоров объявил ему, Гладышеву, каракалпаченин Чюман-Ших: ежели де их нижних каракалпаков ея императорское величество так не пожалует, как часто упоминаемого Абулхаир хана, то де, хотя и еще пришлются к ним из России посланцы, то они тех посланцов будут кормить из собачьей посуды.

И вышеписанного марта 3 числа вышеупомянутые владельцы нижних каракалпаков Убейдулла Салтан и Мурат-Ших Хозей и все старшины и бии со всего совету, призвав ево, Гладышева, сказали, что де они каракалпаки имеют с некоторыми своими письмами послать своих послов ко двору ея императорского величества и объявили каракалпаков восемь человек, в том числе первой — часто упоминаемого знатного Мурат-Шиха Хозя, сын родной Абдулла-Ших, второй — знатной каракалпак Мамон Батырь Уразаков, третий — эсаул каракалпацкой Булат (кой в случившияся их зборы своей орды жителей на совет наряжает), четвертой — Сагынды Бай, пятой — Баба-Назар Батырь, шестой — предписанного ж Мурат-Ших Хози сын же родной Маманы-ших, седьмой — Ших-эсаул, осьмой, в кощеи назначенной помянутым посланцом, каракалпаченин же Айдар, с которыми он, Гладышев, из помянутых нижних каракалпаков и отправился и ехал степью семнадцать дней, и выехали марта 19 дня на кочевье частоупоминаемого Абулхаир хана владения ево с киргис-кайсаками (кои имели кочевье близь Барсуковских песков), где жил он, Гладышев, с реченными посланники три дни, и хотел показанной Абулхаир хан дать им провожатых, токмо не дал.

22 марта от помянутого Абулхаир хана, выехав, он, Гладышев, и с каракалпацкими посланцами начевали во владении оного Абулхаир хана и киргис-кайсака у Караменди Батыря и во время того начеванья украли у него, Гладышева, собственную лошадь, и 22 марта для отыскания той украденной лошади посылал он, Гладышев, толмача Мансура Дельного к предписанному Абулхаир хану, которой оному толмачю сказал, что означенную лошадь украли вышеписанного Караменди Батыря братья, для того оной Караменди Батырь на него, Гладышева, сердит за то, якобы во время приезду в прошлом 742 году в Орскую крепость с Абулхаир ханом сына ево не велел гранодерам пропустить к его высокопревосходительству тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичю Неплюеву в полатку (чего от него, Гладышева, отнюдь не бывало).

23 марта, выехав от помянутого Караменди Батыря, он, Гладышев, с товарыщи поехал [во] владения частоупоминаемого Абулхаир хана к верноподданному киргис-кайсацкому старшине Карабаю Батырю; жили три дни, где довольствованы были нескудною пищею от оного Карабая Батыря, кой для знания пути дал ему, Гладышеву, в провожатые племянника своего родного Басырмана Батыря. И от означенного Карабая Батыря выехав он, Гладышев, предписанного ж марта

26 числа в путь свой и, отъехав от кочевья например верст з десять, догнал его, Гладышева, с товарыщи от предупомянутого Абулхаир хана киргис-кайсак Алляберда Батырь (кой сказываетца шурин Абулхаир хана) и сказал, что де послал ево Абулхаир хан для провожания ево, Гладышева, с посланники до его высокопревосходительства г. тайного советника и кавалера Ивана Иваковича Неплюева, кой с ними обще приехал до Оренбурга.

Будучи он, Гладышев, в проезд чрез вышеписанные киргис-кайсацкие кочевья, слышал он от некоторых киргисцов, что многие киргис-кайсаки в приезд с торгом в Орскую крепость выменивают тайным образом Уфинского уезду у башкирцов и у казанских торговых татар порох; за один фунт дают по десяти корсуков, тако ж и на протчее выменивают же.

Будучи в пути вышепредъявленной посланной от Абулхаир хана в провожатые киргис-кайсак Алляберда между протчих разговоров чрез толмача Мансура Дельного сказал он Гладышеву, что де ныне Джанбек тархан зимовал в Торкустан и прислал известие чрез нарочного в Среднюю киргизскую орду, чтоб все кочевали к Торкустану, ибо де он Джанбек тархан с верхними калмыками помирился. Да в нынешнем же году по первому зимнему пути киргис-кайсак айлинского роду Акбута-Батырь с товарыщи пятьсот человек ездил разорять нижних калмык и раззорил сто кибиток и взяли в плен, от чего оному Акбуте досталось 5 человек, а протчим сколько досталось имянно не сказал, а при том де побито калмыками киргисцов тридцать человек, а во время нападения на калмык якобы русские люди, имеющиеся на Волге реке, тем калмыкам противится помогали, поймав ис тех русских, обрезав носы, киргисцы отпустили.

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел 23 мая 1743 г.[1]

Сего числа о возвращении посыланного от меня к каракалпацкому нижнему народу порутчика Дмитрея Гладышева и о приехавших с ним от оного народа посланцах и об отправлении некоторых из них ко двору ея императорского величества, так же и что на то до моего покорнейшего мнения и представления принадлежало, о том, о всем чрез особливо посланного Государственной коллегии иностранных дел обстоятельно доносил, а при сем и те посланцы, которые в том моем доношении объявлены, а имянно Мамон-Батырь Уразаков, за Пулат есаул чрез обретающегося в команде моей генерал-майора фон-Штокмана с порутчиком Гладышевым и с находящимся при нем, Гладышеве, учеником в Государственную коллегию иностранных дел отправлены, при чем оному генерал-майору определил, чтоб по объявлению ево, Гладышева, и оставшаго от тех двух в Оренбурге с прочими знатнейшаго в каракалпаках Мурат-Шиха Ходжи, сына Абдул-Шиха, склоня к той езде, с ними ж бы отправил и к ним придать одного из кощея, а буде похотят, чтоб токмо двоим ехать, то б означенного есаула Пулата вместо ево оставил для указанных от меня в вышеупомянутом перво отправленном резонов.

Оным дву послацам, бывшим здесь, при отпуске их, в показание высочайшей ея императорского величества милости, дано мною по четыре аршина сукна и по лисице на шапку, а вышеписанному третьему Абдул-Шиху, когда с ними поедет, определил дать в Оренбурге четыре ж аршина сукна, ценою аршин рублев от двух и на шапку лисицу, да кощею их сукна последней доброты четыре аршика; им же на дорогу кормовых денег до Санкт-Петербурга, а имянно, трем по-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

сланцам по десяти, а кащею по пяти копеек на день на два месяца в их посланские руки и отправить дав подорожную на четыре порутчику и школнику, да одному драгуну или салдату, коего командировать велено,— три и того на семь ямских подвод с указными прогонами до Санкт-Петербурга, о чем Государственной коллегии иностранных дел покорнейшие доношу и о приеме тех посланцов, о содержании и об отправлении их возвратно по первому посланному моему об них доношению милостивого разсмотрения и определения прошу.

Иван Неплюев.

Из лагиря от речки Уведки

ВЫПИСКА

Прошлого 1742 года принят в поддаиство ея императорского величества тайным советником Неплюевым каракалпацкой нижней народ. Того народа ханы и протчая старшина при нарочно посыланном офицере публичную в том присягу учинили. И ныне з благодарением прислали сюда послаицами трех своих старшин и обещают из плена своего освободить россиан, у них содержащихся.

Тот каракалпацкой народ кочевье имеет у Оральского моря около реки, имянуемой Сыр-Дарьи, где и хлеб пашут, ружье имеют огненное с фитилем, которое сами делают и в Хиве покупают, а селитру и порох делают и киргис-касакам продают; они ж имеют сайдаки, копья и сабли.

Военного народа объявляют якобы 40 тысяч имеют, а посыланной к ним офицер при обрании Урускул Салтана в ханы, которого племени у них знатнее нет, более в зборе не видал, как тысячь с шесть, но ис тех от большой части лошадей не имеющие, которых у них весьма мало, а больше употребляют в работы и в разъезды быков. Тот каракалпацкой народ состоит под владением двух ханов. В соседстве у них с одной стороны аральской народ, а за оным Хива, где они главные свои торги, состоящие в скоте, имеют, а з другой стороны каракалпацкой же верхней народ. От Оренбурха в тот нижней каракалпацкой народ путь простирается чрез Меньшую киргис-касацкую орду чрез пески и степи, и скорою ездою налехке мочно доехать в 26 дней, а верст например будет с 3 тысячи.

В бытность российского офицера в каракалпаках, в разговоре объявил ему один старшина, яко в их орде пленных из российского народа есть с 3 тысячи человек, и он сам видел мужеска и женска полу человека с 70.

Такова отдана для докладу ея императорскому величеству в секретную экспедицию 12 августа 1743 года.

Доношение Коллегии иностранных дел в сенат, 12 августа 1743 г.[1]

1.

Правительствующему сенату из доношений тайного советника Неплюева известно о принятии им в подданство ея императорского величества каракалпацкого нижняго народа и об отправлении их посланцов. А кыне оные их посланцы: Мамон-Батырь Уразаков, Мамат-Ших, Мурат-Шихов и Пулат есаул, с одним их служителем, в препровождении бывшего в том каракалпацком народе Оренбургского драгунскаго полку поручика Дмитрея Гладышева, сюда в Санкт-Петербург приехали и от Коллегии иностранных дел тем посланцом по обыкновению дана квартира и определены кормовые деньги, и будут оные представлены пред ея императорское величество, и при отпуске их и награждение им учинится.

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

2.

И понеже киргис-касацкие дела и вся Оренбургская комиссия состоит во особливом ведомстве правительствующего сената, того ради Коллегия иностранных дел на разсуждение онаго представляет свое мнение, яко тот народ, как правительствующий сенат ис приложенной при сем копии со взятой в Коллегии иностранных дел от вышепомянутого порутчика Гладышева скаски, усмотреть изволит, за весьма великим от российских границ отдалением, в действительной протекции и защищении ея императорского величества содержать неудобно; однако же, по нынешней оного народ склонности и обнадеживанию отдачи российских пленных, кажется и от подданства отказать непристойно. И для того тайному советнику Неплюеву, во-первых приказать: старание возиметь о освобождении из них каракалпацкого плена всех российских подданных, а паче христиан, за что на жалованье ханом и старшинам мочно некоторую и сумму денег издержать, также и в протчем тому народу приласкание, и купечеству во Оренбурге приохочивание чинить, и в жалобе их на яицких казаков, ежели она справедлива, возможное им удовольствие показать.

А какову со оными посланцами к каракалпацким ханом и старшине, по разсуждению Коллегии иностранных дел надлежит отправить ея императорского величества грамату, оной при сем, також де на разсуждение правительствующаго сената представляется формуляр.

Таково подано за подписанием господ министров августа 12 дня 1743 году.

Проект манифеста[1]

Божиею милостию мы Елисавет первая, императрица и самодержица всероссийская, и пр., и пр., и пр.

Нашего императорского величества подданным каракалпацкого нижняго народа: Каип-хану, Урускул хану, Мурат-Шиху, Губей Дуллы солтану и другим солтаном и его старшинам, и всему народу наша императорская милость.

Нам, великой государыне, нашему императорскому величеству, тайный наш советник и кавалер Иван Неплюев доносил, что вы в верном подданстве нам великой государыне учинили присягу, которую мы и листом своим, сюда к нам присланным, подтвердили, обещаясь в том подданстве нам, великой государыне, содержать себя всегда непременно, и во знак того прислали вы во Оренбург двух человек невольников наших подданных; также обещаете освободить и всех наших российских подданных, доныне у вас в неволе находящихся, и при том просите о высочайшей нашей императорской милости, и с тем к нашему императорскому двору прислали вы своих посланцов, Мамон-Батыря Уразакова, Маман-Шиха, Мурат-Шихова, Пулата есаула.

А понеже нашему императорскому величеству небезизвестно есть, что и в 1731 году присланные от вас при присудствии нашего мурзы Маметя Тевкелева, в бытность онаго в подданном нашем киргиз-касацком народе, имянем вашим в верности к нам присягу учинили[2], того ради, мы, великая государыня, наше императорское величество вашу к нам верную подданность милостиво похваляем, и приемлем все в число наших подданных, и обнадеживаем нашею императорскою высочайшею милостию и награждением, яко же и ныне, во знак того

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

[2] В 1731 г. хан Меньшой киргиз-кайсацкой орды Абул-хаир, теснимый джунгарами, а также ханами Средней и Большой орды, принял русское подданство; вместе с ним номинально считались в русском подданстве и часть каракалпаков, зависевших от киргиз-кайсаков.

вышереченные ваши посланцы были допущены пред наше императорское величество, при чем и от уст наших о нашей императорской к вам милости слышать удостоились, и со особливым награждением отпущены к вам возвратно. И мы великая государыня, наше императорское величество, всемилостивейше уповаем, что вы, видя к себе нашу императорскую милость, будете в подданстве нашем содержать себя всегда непоколебимо, и во знак первой вашей к нам верной службы, имеющихся ныне у вас в плене российских наших людей, какого б звания и веры ни были, собрав всех, конечно пришлете во Оренбург, за что и действительною нашею императорскою милостию от помянутого нашего тайного советника Неплюева награждены будете. И тако, будучи вы на нашу императорскую милость благонадежны, можете от себя в Оренбург с купечеством караваны отправлять, и тем пользоватца, а оной тайной наш советник, яко главный в тамошнем крае командир, о всем том и о протчем указ наш имеет. И о чем он указом нашим будет к вам писать, или при персональном свидании словесно вам объявлять, и вам тому совершенно верить и исполнение чинить.

Елико же принадлежит до прошения вашего на наших подданных яицких казаков, которые, за неведением вашего в подданство наше вступления, взяли в полон некоторых каракалпак, и о том, имеете изъяснитца часто реченному тайному советнику Неплюеву, который может тех ваших пленных отыскать и к вам возвратить, и впредь то яицким казаком чинить запретить.

Таков формуляр подан в сенат при доношении августа 12 дня 1743 году.

Речь каракалпацких посланцов, 14 августа 1743 г.[1]

Всепресветлейшая императрица государыня всемилостивейшая.

Понеже каракалпацкого народа Каип-хана, Урускул хан и главной их поп Мурат-Ших, салтаны и вся старшина со всем народом по непременному их прошению, и по всемилостивейшему вашего императорского величества соизволению, приняты в подданство вашего императорского величества и в должной вашему величеству верности при нарочно присланном офицере торжественно присягали, того ради за принятие их в высочайшее вашего императорского величества подданство нами посланцами своими приносят всеподданнейшее благодарение и, засвидетельствуя свою всеподданнейшую верность, припадают к стопам вашего императорского величества и просят о содержании их и со всем народом в высочайшей вашей императорской милости.

Такову речь пред ея императорским величеством отправлял каракалпацкой посланец Маман Батырь, 14 августа 1743 года.

ОТВЕТ

Ея императорское величество каракалпацких ханов и старшины с их народом вступление в подданство приемлет милостиво и обнадеживает их своею императорскою высочайшею милостию и жалованьем.

Таков ответ от лица ея императорского величества сказан государственным вице-канцлером и ковалером графом Алексеем Петровичем Бестужевым Рюминым, 14 августа 1743 г.

Прошение Д. Гладышева, 21 августа 1743 г.[2]

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.
[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

Бьет челом Оренбургского драгунского полку порутчик Дмитрей Гладышев, а о чем тому следуют пункты.

1. В прошлом 734 году по указу вашего императорского величества ис правительствующего сената, по требованию бывшего статского советника Кирилова, определен я из уфимских дворянских рот из вахмистров в Оренбургской драгунской полк прапорщиком.

2. Потом командирован я, нижайший, был в Сибирскую губернию в Теченскую слободу для покупки на экспедицию правианта, где обретался с 735 по 739 год, а по покупке препровождал до самого Оренбурга и, будучи во оном препровождении, бунтующими ворами башкирцами был у озера Уклы Карагая в атаке, где противу оных поступок ревнительно, не щадя живота своего и претерпев многие раны, а по возвращении из Аренбурха, паки нагрузя правианта подвод тысячи з две, отправился к Оренбурху зимним путем чрез их башкирское жилище и не допустя до Верхояицкой пристани отакован был оными башкирцами и был чрез весь генварь месяц в той атаке день и ночь и за недостатком пороху возвратился от них ретирадою и был Сибирского гарнизона драгунского полку при подполковнике Арсеньеве для поиску над оными ворами башкирцами в разных партиях при командирах и один, причем также ранен неоднократно и много полону у них брал.

3. А по присланному ис канцелярии Оренбургской комиссии указу из оной Теченской слободы взят я в город Самару, где реченная канцелярия находилась, и оттоле послан я нижайший в киргис-касацкую орду в первейшему старшине Джанбек Батырю для возвращения прежде посланного в Ташкент порутчика Миллера пограбленных казенных и партикулярных товаров, из которых некоторую часть и возвратил.

4. А понеже во оной киргис-касацкой орде Абулхаир хана не имелось, а обретался он в каракалпаках и з детьми своими и в то ж время для нужд ево Абулхаир хана приехали в ту орду дети Нурали и Эрали Салтаны, которых уговоря привез с вышеупомянутыми Джанбек Батырем и с протчими старшинами во Оренбурх, где они и присягу по своему закону учинили.

5. Итако за многое мое претерпение и службу 1740 года сентября 2 дня пожалован я покойным генералом-лейтенантом князем Урусовым в порутчики и отправлен в каракалпацкую орду для призыву к Оренбурху вышеозначенного Абулхаир хана и по приезде моем в каракалпаках ево не застал, а объявили старшины, что он отъехал в Оральское владение, куда и я к нему ездил и он оттуда меня с собою в Хиву и во оной Хиве на ханство, где был только три дни, а по приступлении шаха персицкого с войском ис Хивы бежал в каракалпаки и меня увес с собою и по приезде в каракалпаки отправил меня в Оренбург по прежнему от себя с письмами.[1]

6. По прибытии же моем в Оренбурх паки послан был в реченную каракалпацкую орду ко оному Абулхаир хану для призыву ево в Оренбурх, куда ево и призвал, где он и присягу учинил.

7. По вступлении же в Оренбурхскую комиссию главным командиром г. тайным советником Неплюевым послан я, нижайший, еще в каракалпацкую орду для привождения их к присяге о бытии им в подданстве вашего императорского величества, которых как ханов, салтанов, старшин и протчих по их закону привел и присяжные листы в Оренбурхскую комиссию подал, а из оной комиссии с посланными со мною посланцы отправлен в Санкт-Питербурх в Государ-

[1] Подробное описание поездки Гладышева и Муравина в 1740—1741 гг. в Хиву напечатано в «Географических известиях», отд. II, стр. 519—599.

ственную коллегию иностранных дел, с которыми и приехал, и листом, присланным от них ко двору вашего императорского величества рекомендован.

8. Будучи во оных часто упоминаемых посылках я, нижайший, претерпевал великие нужды, к тому ж будучи дорогою набегающими ворами киргисцами ограблен бывал так, что без остатку и мучись смертными побоями, о чем известно в Оренбургской комисии. И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было за оную мою долговременную службу и за многое претерпение в разных посылках переменить меня чином, а за пограбленное от меня наградить высочайшею вашего императорского величества милостию, дабы я, нижайший, впредь к таковым посылкам в состоянии быть мог.

Всемилостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитье милостивое решение учинить. Августа 21 дня 1743 г.

К поданию надлежит в Государственную коллегию иностранных дел. Прошение писал правительствующего сената копеист Василий Табонкин.

Записка

Что дано ея императорского величества жалованья на отпуске и прогонных денег каракалпацким посланцам.[1]

Мамон Батырю Уразакову денег	50 руб.
Сукна 4 аршина по 2 руб. аршин	8 руб.
Другому Маман-Шиху Мурат-Шихову сыну денег	45 руб.
Сукна 4 аршина	8 руб.
Третьему Пулату есаулу денег	40 руб.
Сукна 4 арш.	8 руб.
Им же всем троим голь двулишная ценою в 13 руб.	20 коп.
Служителю их денег	10 руб.
Сукна 4 аршина	4 руб.
Да всем им в дорогу кормовых денег против здешней Санкт-Петербургской даче 3-м посланцам по 20 коп., да служителю по 10 коп., а всем по 70 коп. на день на два месяца	42 руб.

Им же и при них в препровождении Оренбургского драгунского полку капитану Дмитрию Гладышеву с конвоем до Самары 8 подвод ямских и уездных, на которые прогонных денег выдано здесь до Москвы 38 руб. 84 коп. А от Москвы до Самары на подводы прогоны велено выдать в Москве Коллегии иностранных дел ис канторы.

Наказ И. Неплюеву, 5 октября 1743 г.[2]

Божиею милостию мы Елисавет первая императрица и самодержица всероссийская и пр. и пр. и пр.

При сем посылаются к вам копии с представления нашей Коллегии иностранных дел о пришедшим вновь в подданство наше каракалпацком нижнем народе, сенату нашему учиненного, и какова на оное получена резолюция и какую их каракалпацкие посланцы: Мамон Батырь Уразаков, Мамат-Ших Мурат-Шихов и Пулат есаул, будучи пред нами на аудиенции речь отправляли и нашею императорскою милостию весь их народ обнадежен. А ныне те их посланцы с присланным с ними от вас Оренбургского драгунского полку порутчиком Дмитрием Гладышевым отсюда к вам отпущены с награжде-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.
[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

нием нашего жалованья, чему, так же и о даче им и с канвоем прогонных денег, особливая записка, так же и грамата наша к ханом их и старшине, и с нее копии при сем к вам посылаются. И вам, будучи о том известну, вышеписанную нашу грамоту при возвращении их посланцов отправить с нарочным офицером и о свобождении из их каракалпацкого плена наших российских подданных, а паче христиан, возъиметь вам старание и за освобождение оных хозяевам их или другим, кому надлежит, давать за каждого человека ис казны нашей от пяти до десяти рублев, или сколько вы по тамошнему дел состоянию, усматривая случай, заблагоразсудите. А ныне при отправлении к ним, каракалпаком, вышеписанной нашей грамоты, можете от себя к ханом их и старшинам для приласкания что небольшее послать. В протчем с тем каракалпацким народом имеете поступать по вышеписанным копиям и по вашему в тех делах искусству, усматривая во всем лутчей пользы интересом нашим, и что в том будет происходить, о том от времяни до времяни в нашу Коллегию иностранных дел репортовать, и на что вам будет потребны указы, о том приобщать вами имения.

Дан в Санкт-Петербурге октября 5 дня 1743 года.

По ея императорского величества указу

Подлинная подписана посему: Граф Алексей Бестужев-Рюмин.

Инструкция Д. Гладышеву, 30 ноября 1743 г.[1]

С возвратившимися от двора ея императорского величества каракалпацкими посланцами Мамон Батырем, Мамат-Шихом и Пулат есаулом ехать вам отсель[2] чрез Орск и оттоль удобнейшим трактом и безопасными местами в их каракалпацкое владение и поступать по сему.

1-е.

Едучи с посланцами содержать себя в добром согласии и, прибыв из Орска в первые киргис-кайсацкие улусы, выведать вам, где кочует Джанбек Тархан и, ежели будет попутно, то вам следовать на него, у которого просить провожатых до каракалпацкого владения, и ежели ко оному Джанбеку заезжать будет непопутно, то вам стараться, хотя и других в провожание свое надежных людей человек трех принять, со обнадеживанием, когда они вас препроводят и взяв от вас ис каракалпак письма сюда привезут, то дастся им здесь достойное награждение, а впрочем вам, следуючи чрез киргис-кайсацкие улусы, примечать поступки и рассуждении киргис-кайсацкие и вести себя честно и порядочно, также и осторожно, чтоб вам от каких-либо наглых и своевольных киргис-кайсак повреждения не приключилось, а особливо в разговорах с ними и с старшинами их имеете разсудительно и осмотрительно поступать; ежели они будут спрашивать и говорить о произшедших от киргис-кайсак нынешняго лета злодействах, то вам отзываться, что оное им другим загладить невозможно, как отысканием плененных ими людей и своим вседолжным повиновением, причем и о посланцах их Батыре с товарищи можете объявить, что они ко двору ея императорскаго величества посланы, а в протчем верных старшин и киргис-кайсаков можете обнадежить, чтоб они в предбудущее лето для торгов своих в Оренбург безбоязненно приезжали, ибо ея императорское величество, по высочайшему своему милосердию, не изволит, чтоб за воров и бездельников

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

[2] Т. е. от Оренбурга.

добрым людем какое ослабление учинить в надежде, что они какими тех злодеев унять и захваченных ими людей высвободить почтятся, не подвергая себя дальнейшему ея императорскаго величества гневу.

2-е.

В какой силе [состоит] посланная с вами к каракалпацким ханам, салтанам и к старшинам от ея императорскаго величества всемилостивейшая грамота и отсель отправленное письмо, с того при сем для вашего известия прилагаются копии; по прибытии вашем в каракалпаки имеете вы хану Мурат Шиху и салтаном первое о себе объявить, что вы присланы по высочайшему ея императорскаго величества указу со всемилостивейшею к ним от лица ея императорского величества грамотою, и для того б они учинили народный збор, при котором вы ту всемилостивейшую грамоту вручить им имеете. И как такое собрание у них учинится, то вам оную всемилостивейшую грамоту при всем народе подать и объявить, коим образом ея императорское величество, августейшая великая государыня, соизволила всех их и весь каракалпацкой народ в подданство свое всемилостивейше принять и обнадежить высочайшею своею императорскою милостию, чему свидетели и самовидцы бывшие у двора ея императорского величества посланцы их Мамон Батырь с товарищи. И как оная всемилостивейшая грамота прочтена будет, то вам и письмо тайного советника, при засвидетельствовании от него всякого им доброжелательства, подать и прилагать всевозможное старание о действительном изображенного в тех грамоте и письме исполнении, особливо о сыску и о свобождении имеющихся у них российских пленных, а наипаче христиан, яко то сами они при вступлении в подданство ея императорскаго величества в письмах своих обнадежили, и вы в прежних своих объявлениях показали, что у них таких пленных будет с три тысячи человек.

3-е.

Ежели при собрании оных пленников некоторые ис каракалпакских старшин будут вам объявлять, что они тех пленных не сами збирали, но у других народов покупали, на то вам представлять и обнадежить, что им по состоянию их верности за таких освобожденных учинено будет здесь ис казны ея императорскаго величества особливое награждение, для котораго кто похочет сам приезжать, или от себя поверенного в караване отправить может, чего ради вам иметь у себя о имянах таких хозяев записку, выспрашивая, каким образом те пленныя им достались, особливо ж вам ханов и старшин стараться истолкованием присяжной их должности и высочайшей ея императорскаго величества милости склонить, чтоб они во отыскании и во освобождении тех пленных по учиненному от них обнадеживанию вседолжное старание возъимели, и с тем бы они при купеческом своем караване предбудущею весною в Оренбург приезжали, обнадеживая, что то будет прямой знак верного их подданства, за что и награждение милостию ея императорскаго величества получить удостоятся, как то и указом ея императорскаго величества учинить им повелено.

4-е.

А понеже чрез бывших в каракалпаках донесено здесь, что и такие тамо из пленных российских людей находятся, которые, обосурманясь, живут де своими домами и к возвращению в Россию охоты не имеют, вам и о них всякое старание приложить, чтоб их на путь

истинный возвратить и утвердить, чтоб они, оставя свое заблуждение, со всякою доброю надеждою во отечество свое шли и себя б тако к вечной погибели не оставили, обнадеживая, что здесь обращение их принято, и они на свои прежние жилища отправлены быть имеют, а ханам, салтанам и старшинам представлять вам, чтоб они, по верности своей и по присяжной к ея императорскому величеству должности, их также не удерживали, изъясняя им, что они тем верность свою пред ея императорским величеством довольно подтвердить имеют.

5. Ко отправлению в Оренбург купеческих их караванов и к произведению здесь торгов их всячески вам поохочивать, истолковывая, какую от того киргис-кайсацкие народы ползу возъимели, и что с их каракалпацкого торгу, также как и с киргис-кайсацкого никаких пошлин в казну ея императорскаго величества не возмется, но еще и всякое потребное при том охранение показано будет, и того б ради конечно они такой свой караван предбудущею весною отправили и лутчие б их люди, яко ханы, салтаны и другие старшины при том караване для установления всех до пользы их касающихся дел приезжали, при чем и вам с ними возвращаться надлежит, а между тем вам о всем тамошнем происхождении стараться обстоятельное сюда доношение прислать чрез будущих в провожании вашем киргис-кайсаков или чрез кого вы надежно усмотрите, а особливо стараться, чтоб с тем прислать поехавшего отсель с Хальвет-Шихом Тарханом казака Лапина, которому быть тамо в вашей команде.

6. Ежели вы можете тамошних владельцов и народ собственным своим советом и представлением склонить к сему, чтоб они во знак своей верности и прямого подданства для отсылки ко двору ея императорского величества привезли в караване своем из находящихся у них барсовых больших и лучших кож несколько десятков, а буде можно, то б и живых таких зверей, или хотя что другое; оное б весьма было изрядно, и за сие можете особливою ея императорскаго величества милостию обнадежить их, однакоже, чинить вам так, аки бы вы то к лучшей их чести и пользе советуете от себя, не давая знать, что то по инструкции вашей представлять и требовать вам повелено. Буде же они по силе посланной к ним грамоты будут от вас спрашивать о разбитии напредь сего яицкими казаками каравана и людей их, на то вам ответствовать, что то яицкими казаками учинено в неведении подданства их, а к тому ж, как вы слыхали и люди их, бывшие в том караване, сами к тому подали притчину, тем что сперва казакам оным некоторые противности учинили, а потом, не показывая ничего о своем подданстве, с теми яицкими казаками в драку вступили, о чем о всем могут они по прибытии сюда от главной команды обстоятельно уведомлены быть и то их дело исследовано быть может, а вы про то более ничево не знаете.

7-е.

Впротчем вам, будучи тамо, усматривать поступки и обращении каракалпацкого народа и которые из них пожелают при Оренбурге жить для торгу, и к тому их всячески поохочивать и надежду подавать можете, по знанию вашему нравов и состояния тамошняго народа; ежели же случатца отколь-либо приезжия к ним посланцы и другия люди, то вам выведывать, зачем их приезд и с какими ответами назад будут отъезжать, от кого они каракалпаки более в опасности, и нет ли им каких противных внушений или какого утеснения с киргис-кайсацкой стороны, а наипаче от Абулхаир хана и от других киргис-кайсацких владельцев, подданных ея императорскому величеству, также и от зюнгорцов, и как они с соседственными народами обращаются, яко с трухменцами, оральцами и пр.

8-е.

Ежели вам случай будет видетца с помянутым ханом или з другими киргис-кайсацкими владельцами и знатными старшинами, то вам о произшедшем от киргис-кайсак злодействе в разговорах ответствовать так, как выше сего в первом пункте изображено, а буде они станут приносить жалобу на башкирцев, во отыскании тех лошадей всякое старание чинится, и те лошади действительно уже отъискиваются, зачем в Башкирии нарочной афицер был посылан, велено отъискивая их, на корму в Башкирии содержать и, когда киргис-кайсаки повеленное им во отыскании и освобождении пленных ими людей исполнят и все ограбленное ими прешедшаго лета отдадут, то и отдачею тех их башкирцами угнанных лошадей удовольствованы быть могут. А предупомянутому хану о сыне его ответствовать по содержанию отправленного к нему ныне письма, с которого при сем для известия вашего прилагается копия, и ежели он получа то во известие, будет говорить вам о том, что он в намерении обретающегося здесь сына своего другим таким же, то-есть от единой матери рожденным, переменит весною, на то вам ему представлять, что намеренная помянутого Куз-Ахметя ко двору ея императорскаго величества поездка тому нимало не препятствует, ибо он сам туда по своему собственному намерению ехать пожелал и оттоль, равно как и отсель, возвращен быть может, а брат ево, на ево место присланной, равным же образом удостоится тамо видеть всемилостивейшую государыню и высочайшую ея императорскаго величества милость получит.

9-е.

Для сей поездки выдано сверх окладного вашего жалованья на тамошнее содержание вам пятьдесят рублев, ундер-афицеру Гордееву десять рублев, бывшему при вас ис подгонщиков денщику Афонасью Персикову, которой написан в Уфинской пехотной батальон солдатом, пять. да на съезд дано вам казенных четыре, да посланцам четыре — итого восемь лошадей, сверх того, о удовольствованном вас содержании в письме к каракалпацким владельцом писано. Итако вам, будучи при сей комиссии поступать как доброму и честному афицеру надлежит, по присяжной вашей должности, ища во всем пользы высочайших ея императорскаго величества интересов, и сие порученное вам дело со всяким раденим и усердием исправить, со всеми тамошними людми обходитца с ласкою и содержать себя трезво и добропорядочно под опасением за нерадивые и непристойные поступки штрафа по указом.

10-е.

В заключение сея инструкцыи подтверждается вам блаженные и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра великаго указ, состоявшейся в прошлом 1724 году следующаго содержания: «Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оное отнюдь никому в партикулярных письмах не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций, а ежели какое препятствие от кого в том иль ином будет твоему делу, писать, вольно, куда заблагоразсудитца, только упоминая о врученном деле генерально, от чего оному повреждению есть; также ежели случатся посторонние дела, тайности подлежащия, а в реляциях к тому от кого отправлен, зачем-либо писать будет невозможно, то вольно писать кому в том поверишь, о врученном же своем никак инако только

как выше писано, под жестоким штрафом по вине преступления».

И на подлинном пишут тако: Иван Неплюев, по-немецки генерал-майор фон-Штокман, ассесор Петр Рычков, регистратор Иван Коптяжев.

Оренбург.

Письмо И. Неплюева каракалпацкому хану и старшинам[1]

Ея императорскаго величества подданного каракалпацкого нижняго народа Каип хану, Убейдулле салтану, Мурат-Шиху, Урукл-хану, Сююдюк бию, Девлеть Бай батырю, Аллаберды бию, Майлы бию, Багадуру Джитт-Батырь и протчим старшинам, биям, батырям и всему тому каракалпацкому народу.

С поехавшими отсель Халвета Ших тарханом о всем обстоятельно до вас писал, а при том и о посланцах ваших, отправленных от меня ко двору ея императорскаго величества, Мамон Батыре, Аблай-Шихе и Пулат есауле, дано вам знать, что они по всемилостивейшем отправлении от двора ея императорскаго величества в обратном пути находятся, которые, по отъезде оного Хальвет-Шиха, через пятнадцать дней благополучно сюда прибыли, и по желанию их при сем моем дружеском письме к вам отпущены с отправленным с ними от двора ея императорскаго величества с пожалованною к вам грамотою капитаном Гладышевым, при котором посланы недавно бывшей у вас ундер-афицер и один ево, Гладышева, деньщик, помянутые ж посланцы ваши потребными в путь подводами и лошадьми удовольствованы.

И понеже я вам, как выше упомянуто, с Халвет-Шихом обстоятельно о всем уже писал, а ныне не только чрез помянутого капитана Гладышева высочайшею и всемилостивейшею от лица ея императорскаго величества грамотою, но и чрез помянутых ваших посланцов, о высочайшей ея императорскаго величества милости, все вы совершенно уверены быть можете, яко они ваши посланцы пред престол ея императорскаго величества были допущены и о всем том изустно от ея императорскаго величества слышать удостоились. Того ради сим не распространяя, но ссылаясь на оную высочайшую и всемилостивейшую к вам грамоту, а к тому ж отправленной к вам капитан и посланцы ваши всему тому самовидцы и свидетели, и о высочайшем ея императорскаго величества соизволении и о всех ея императорскаго величества повелениях обстоятельно могут вам донести.

Между всем тем первая и главная ваша должность, видя к себе от такой в свете славной и великой монархии высочайшую милость, в знак всеподданнической вашей должности, крайнейшее и ревностное старание приложить об отыскании и о собрании, по учиненному от вам обнадеживанию, имеющихся у вас в неволе российских подданных, а особливо христиан, и по отыскании оных в Оренбург с собою привести, за которую вашу подданническую верность и службу от ея императорскаго величества имею я высочайшее и всемилостивейшее повеление при свидании с вами не только вас ханов, салтанов и всех старшин удовольствовать милостию ея императорского величества, но и те, у коих оные пленники найдутся и освободятся, особливое и достойное за то награждение получат; а впротчем при таком свидании о всех ваших народных делах, якоже и о возстановлении здесь купечества вашего для всенародной пользы почтуся все то действом исполнить как мне высочайшим ея императорскаго вели-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

чества указом повелено, и вам в высочайшей ея императорскаго величества грамоте знать надо. Тако уже без сумнения с первым вешним времянем вам и купеческого вашего каравана ожидать имею.

Объявленного капитана Гладышева и з будущими при нем людьми извольте содержать так, как от ея императорскаго величества к вам отправленного, чтоб ему, будучи у вас, ни в чем недостатка и ни от кого никаких обид произойти не могло, как то и здесь всегда с приезжающими от вас посланцами чинится, а как вы весною сюда поедете, то ему приказано быть при вас для предводительства вам, ибо он о дороге довольно сведом, и языку вашему искусен, и, сие объявя, остаюсь с моим всегдашним к вам доброжеланием.

Ея императорскаго величества тайный советник и кавалер, Оренбургской комиссии главный командир.

Подлинное за подписанием и печатью помянутого тайного советника и кавалера Неплюева.

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел, 10 декабря, 1743 г.[1]

Ея императорскаго величества высочайший указ от 5 числа октября под № 703-м об отправлении с порутчиком Гладышевым бывших у двора ея императорскаго величества каракалпацких посланцов, и о пожалованной к тому народу грамоте, которую якоже и оных посланцов в их отечество велено отправить с нарочным афицером и о освобождении из их каракалпацкого плену российских подданных, а паче христиан, возиметь старание, и о протчем, здесь чрез помянутого порутчика Гладышева 25 числа минувшего ноября получен, и оные посланцы с ним же, Гладышевым, сюда прибыли, на которой сим покорнейше доносится.

Понеже оные посланцы, по прибытии сюда, об отправлении своем ныне просили, и удерживать их здесь до весны был бы токмо напрасной расход, они ж, прибыв во отечество свое, тамошних ханов, салтанов, старшин и народ в верности пребывать и на высочайшую ея императорскаго величества милость уповать совершеннее могут утвердить, чрез что и ко освобождению находящихся у них в плене российских подданных более надежды быть имеет, того ради сего декабря 1 числа и отправлены чрез Орск и на проезд как подводами, так и лошадьми удовольствованы, с ними и з данною к их ханам и народу всемилостивейшею грамотою отправлен бывшей при них порутчик Гладышев, яко им посланцам и каракалпацкому народу знаемой, и в тамошних местах бывалой, в том разсуждении, что оные ханы сами о присылке ево к ним с награждением чина просили, чего для и написан он в посланных к ним письмах капитаном, как то и в проезжем указе ея императорскаго величества, данном ему из Государственной коллегии иностранных дел, написан капитаном же, он же, Гладышев, яко сведомой о нравах и состоянии того народа, к высвобождению означенных пленных удобнейше может старание приложить, в какой же силе ему, Гладышеву, о том и о протчих тамошних делах дана отсель инструкция, со оной, также и с письма к каракалпацким ханом, салтаном и старшинам на разсмотрение Государственной коллегии, прилагаются при сем копии.

До возврату сюда означенных посланцов от того каракалпацкого народа приезжал главного их духовного и Государственной коллегии иностранных дел известного Мурат-Шиха старшей сын и такой же

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

их духовной Халвет-Ших с письмом ко мне от ханов и старшин. Приезд ево наипаче в том состоял, чтоб уведомитца, подлинно, в каком здесь их каракалпацкой народ содержитца мнении и об отправленных от них ко двору ея императорскаго величества посланцах, которой, будучи здесь довольно утверждал, что их народ, яко древней российской подданной (ибо они сказывают, что издревле живали по Волге и по взятии Астрахани в нынешние места предки их отлучились), ея императорскому величеству во всегдашней верности пребывать желает и пребудет, и весною он с салтанами в купеческом караване паки приезжать и о свободе имеющихся у них пленных старание прилагать обещал. Он же Халвет-Ших на высочайшее ея императорскаго величества имя подал здесь челобитную и, объявя отца своего Мурата-Шиха и свои прежния заслуги, просил о награждении их тарханством, и понеже помянутой отец ево в каракалпацком народе, как то Государственная коллегия уже известна по их суеверию за святого духовного и за знатнейшего человека почитается и к службе ея императорскаго величества оказуется старательным, а оной Хальвет-Ших сын ево учинен и народу объявлен от него наследником ево, и такое же имеет суеверное у народа почтение, того ради, как к их удовольствию, а наипаче для успеху чрез них к освобождению имеющихся там российских пленников и к доброму сего народа содержанию, разсуждено оным тарханством наградить[1]. И о том, на основании имеющихся здесь ея императорскаго величества присланных ис правительствующего сената и из Государственной коллегии иностранных дел дан им указ, и знаки ея императорскаго величества милости ему Хальвет-Шиху учинены, и помянутому отцу его (ибо он за глубокою старостию сам сюда приезжать не в состоянии) несколько послано, а протчие каракалпацкие владельцы обнадежены, что и они, по приезде их сюда со освобожденными пленниками и с караваном, высочайшею ея императорскаго величества милостию будут не оставлены. А ныне к ним посылать не разсуждено для того, чтобы их тем к приезду будущаго лета с караваном привлечь и пленных высвободить. В какой же силе привезенные им Хальвет-Шихом от каракалпацких владельцев и старшин письма и поданная от него Хальвет-Шиха о тарханстве челобитная, с того, тако ж и с ответных от меня писем и с скаски прибывших оттоль толмачей (в которой как о их каракалпацком, так и о киргис-кайсацком состоянии довольно значит) и с указу данного на тарханство к разсмотрению Государственной коллегии иностранных дел прилагаются копии, таковы ж и в правительствующий сенат при нижайшем доношении посланы. Что ж помянутому Хальвет-Шиху здесь, в знак ея императорскаго величества милости, подарено и к отцу ево послано, тому при сем же роспись, а учиненные присяги в бытность означенных толмачей у оных каракалпак о наследстве по высочайшему ея императорскаго величества соизволению его императорскому высочеству государю великому князю Петру Федоровичю при сем подлинные приложены.

Иван Неплюев.

Оренбург.

P. S. Вышеписанные каракалпацкие посланцы отъехав отсель семьдесят пять верст до Красногорской крепости и прислав нарочного от себя, объявили, что для нынешней великой здесь стужи и вьюжных погод ехать им невозможно, того ради определено ехать токмо до

[1] Получившие тарханство, пользовались разными преимуществами, освобождались от податей и других повинностей.

крайней Орской крепости и тут быть, доколе благополучная погода будет, при которой велено их отправить против вышеописанного обретающемуся там полковнику Пальчикову.

Переводы с татарских писем, которые присланы от нижних каракалпаков, полученные чрез каракалпацкого старшину Халвет-Шиха в Оренбурге, ноября 1 числа 1743 году, а имянно.[1]

1-е

От Каип-хана, Губейдула салтана, Мурат-Шиха и Урускул-хана и пр.

Высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичю[2] премного кланяюсь.

Вначале Каип-хан, Мурат-Ших, Урускул-хан, Губей-дулла салтан, Сюндук бий, Девлеть Бай батырь, Аллаберды бий, Майлы бий, Джиянбай бий, Шамурат бий, Труш Багадур, Джият Батырь и весь каракалпацкой народ, большие и малые, белому государю в рабское подданство пришли и верности присягали, и посланных к нам от вашего превосходительства без удержания до вас отправили благополучно; так же и наших без задержания изволите отправить, дав им провожатых, и о всем состоит в воле всемилостивейшей государыни. А весною в марте месяце с салтанами и знатными старшинами, так же и с караваном, к вам для свидания приедем и имеющихся у нас пленных, которые от хозяев освобождены, привезем. Да еще просим вашего превосходительства, ежели наши посланцы ныне возвратятся от двора ея императорскаго величества то и того, который ныне отправлен до вас обще с ними ж, возвратить изволите без задержки, ежели ж оные не бывали, то просим сих посланных з Джанбековым посланцами ныне возвратить, а о протчем изволите спросить у сына моего Хальвет-Шиха, которой вам обо всем обстоятельно донести может, ибо оного Хальвет-Шиха со общего согласия ханов, салтанов и знатных старшин и всего народа с сим до вас и з будущими при нем Тагай Батырем и Мунак Батырем отправили.

На подлинном письме от их ханов Мурат-Шиха и салтанов чернильные печати.

2-е.

От Мурат-Шиха особливо высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву кланяюсь.

Сим вам доношу, что сорок тысячь каракалпацкого народа белому государю в подданство пришли и о всем в повелении и в воле всемилостивейшей государыни состоят, и просим, чтоб караваны между нами с торгами ездили со всякою свободностию, с посланным от вас, придав к нему от себя своего сына до вас отправил в марте месяце знатных салтанов и старшин, так же и караван отправим[3]; ежели прежде посланные от двора возвратятся, то прошу обще с сим посланным сыном моим Хальвет-Шихом и с толмачем Мансуром, не задерживая, для лутчей нашему народу верности, отправить; дети мои Чюман-Ших, Хянсан-Ших, Абдул-Ших, Кюнтей Батырь вашему превосходительству кланяются; при сем до вас послал малой презентец в знак нашей любви: одну барсовую кожу. Ежели что мне или

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.
[2] Неплюеву.
[3] Так в подлиннике.

детям моим пожаловать соизволите, то прошу что нибудь достойное; было б чем между нашим народом похвалиться. Паки прошу о сыне моем Хальвет-Шихе, чтоб отправить к нам без задержания.

На подлинном письме ево Мурат-Шиха чернильная печать.

Письмо И. Неплюева каракалпакскому хану и старшинам, 10 ноября 1743 г.[1]

Ея императорского величества подданного каракалпацкого нижняго народа Каип-хану. Губейдулле салтану Мурат-Шиху, Урускул хану, Сююндюк бию, Девлет бай Батырю, Аллаберды бию, Маилы бию, Джиан бай бию, Шамурат бию, Труш Багадуру, Джият Батырю и протчим старшинам, биям, батырем и всему тому каракалпацкому народу.

Письмо ваше чрез Хальвет-Шиха исправно получено и о верности вашей к ея императорскому величеству, как из оного вашего списка усмотрено, так и от него Хальвет-Шиха словесное доношение здесь учинено, о чем и бывшие у вас ундер-афицер и толмачь, елико видели, засвидетельствовали и учиненные вами присяги подали, я о всем том вашем состоянии не оставил ея императорскому величеству всемилостивейшей нашей государыне всеподданнейше донести и обнадежить, что вы и весь каракалпацкой народ, яко древние ея императорского величества подданные, ради, с каким обещанием и усердным желанием присягали, так и пребудете вечно и почтитесь все то действом исполнить, что ныне в письмах своих объявляете, когда и знаки высочайшей ея императорского величества милости действительно получить удостоитесь, как то я присланному от вас Хальвет-Шиху на словах пространнее истолковал, который по подданому от него на высочайшее ея императорского величества имя прошению купно и с отцом ево Мурат-Шихом за доброе их состояние и за радение к службам ея императорского величества тарханским достоинством награжден и о том указом ея императорского величества снабден.

Что касается до прибытия вашего в Оренбург с караваном, в том наипаче ваша всенародная польза, от которой каракалпацкой народ потребное удовольствие возъиметь и в благополучное состояние притить может, чего вам всегда желаю, ибо вы сами без в какое состояние[2] чрез то пришед,— подданной же киргис-кайсацкой народ и как тем пользуются отдаленных мест жители, яко ташкенцы, хивинцы, бухарцы и другие тамошние народы, хотя и не суть они такие ея императорскаго величества подданные, как ныне вы и с вами нижней каракалпацкой народ, с которого, яко с подданного, за торг никакой пошлины брано не будет, но так же беспошлинно всякой торг и промысел дозволяется, как и киргис-кайсаком. И тако будущею весною, по силе вашего и учиненного от Халвет-Шиха обнадеживания, будем вас и каравана вашего сюда ожидать, чрез что лучшей возъимею случай мое доброжелательство вам засвидетельствовать и в надежде вашей на высочайшую ея императорского величества милость утвердить надеюсь, что тем, как вы, так и весь народ на всегдашнее время довольны и несумненны будете, а о безопасности в пути, так же и о пленниках у вас находящихся, говорил пространно с Халвет-Ших тарханом. Он вам здешнее разсуждение и ея императорского величества высочайшее соизволение обстоятельно донесет, по чему вам исполнить надлежит, ибо, как он словесно, так и вы письменно, довольно меня уверяли. И тако не имею сумнения, чтоб вы,

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.
[2] Так в подлиннике.

желая удостоиться и получить от великой своей монархини высочайшую милость, того не всполнили, яко то первое и главнейшее засвидетельствование ваше к ея императорскому величеству верности, а напротив того, вы и все те, которые пленных привезут, высочайшею ея императорского величества милостию награждены будут.

О посланцах ваших, ко двору ея императорского величества поехавших, Мамон Батыре, Аблай Шихе и Пулат есауле пред недавным времянем от двора ея императорского величества получил известие, что они туда прибыли благополучно и с награждением ея императорского величества высочайшей милости в незамедленном времяни обратно отпущены быть имеют, почему и надеюсь, что они ныне в пути находятся; когда сюда прибудут, то останется в их воле, сею ль зимою к вам ехать или ожидать весны, как о сем и с Халвет-Ших тарханом говорено; с ними буду до вас писать, а между тем на слова помянутого тархана ссылаясь, которой по правде и по бытности своей у меня может вам засвидетельствовать и уверить, с каким добрым намерением все вы и весь каракалпацкой народ в милости ея императорского величества.

Со всегдашним к вам доброжелательством пребываю ея императорского величества тайный советник, кавалер и Оренбургской комисии главный командир.

Подлинное за подписанием и печатью тайного советника и кавалера Неплюева.

Оренбург.

Показания ундер-офицера Гордеева и толмача Мансура Дельного, 2 ноября 1743 г.[1]

1743 г. ноября 2 числа приехавшие от нижних каракалпак, посыланные туда из Орска, в бытность главной тамо команды с посланцами их, августа 31 числа в ундер-афицерском чине из татарских школьников Филат Гордеев да толмачь Мансур, возвратясь, о той езде своей объявили.

По отбытии их с теми посланцами из Орской крепости ехали они вверх по Оре реке и искали кочевья Джанбек тархана и в шестой день наехали сперва уваксКаго роду старшину Барман Батыря, которой сперва показал было им вид не весьма приятной за то, что ево родственник не за долгим пред тем времянем пропал, о коем ему сказывали, что убит от русских. Однако ж, как они ему стали толковать о показанной ему чести и награждении в бытность ево ныне с Джанбек тарханом у тайного советника и ковалера Неплюева, то он обратился к ним с наилучшим приятством и содержал их во всяком удовольствии и по переначевании отправил к Джанбек тархану, дав шесть человек в провожание.

По отбытии от него Бармана в третей день наехали и онаго Джанбек тархана на речке Кайракле подле Орских вершин, к которому явясь посланные с ними письма ему подали и, хотя из них одним требовано от него о собрании им лутших старшин и о учинении совета к прекращению киргис-касацкого злодейства, то он то во всю их бытность содержал бездействительно, а другим требовано об отправлении их к каракалпацкому народу за безопасным провожанием; только он Джанбек тархан от того весьма отговаривался и не токмо ко отправлению их, Гордеева и Мансура, в настоящий путь не склонен был, но и их всячески склонял, чтоб назад возвратились, а напоследок

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

хотел было и действительно назад отправить, с тем токмо резоном, что им ни в каракалпаки ехать не зачем, ни от них получить ничего не могут, и напрасно де только такой труд принимают, а к тому ж де ныне в орде русским и проезд весьма опасной, особливо же в алчинском роде, где де, как только о руском спознают, то живого не выпустят, что причитал себе за опасность и стыд, ежели под ево камвоем пропадут. И о проводниках объявлял, что у него охотников сыскаться не чем, а в неволю послать никого не может. Однако ж они, Гордеев и Мансур, неотступно и со всяким усилованием просили у него себе отправления, куда они посланы, объявляя, что б им в пути и в каракалпаках ни зделалось, только они исполнять должны, каковым образом продержались у него шесть дней, и едва могли у него упросить об отпуске себя в настоящей путь, только о провожатых все отговаривался, и разве де кто охотою пойдет, того б и брали. Чего ради они и принуждены были искать. Однако ж напоследок дал есаула своего Абдула, брата Шамаметя, да Асана Абыза, кой был прежде сего при Ходже-Ахмет салтане, которых, как он Джанбек тархан, так и они по силе данной инструкции обнадеживали, что за то их провожание, по возвращении, от главного командира награждением оставлены не будут, и таким образом от него Джанбек с теми провожатыми поехали в путь, и были с ними до самого возвращения, как сюда приехали, и тем их провожанием довольны.

Будучи же в пути каракалпацкие посланцы сказывали им, что Джанбек тархан, в бытность их у него, наказывал им каракалпаком каждому порознь и тайно, дабы народ их ни пленников русских им, Гордееву и Мансуру, не давали, ни в посланство б хороших людей не посылали, а для чего, — того им не изъяснил, только они каракалпацкие посланцы сами признавали, что он то чинит, ревнуя их каракалпацкому подданству, и как де кайсаки ведают, что они каракалпаки особливаго пред ними кайсаками состояния, то де разве они опасаются, чтоб по склонности их каракалпацкой к российской стороне и по утверждении в подданстве какого им кайсакам утеснения не произошло.

По отбытии от Джанбек тархана проехали токмо одну волость киргискую, а потом до самых каракалпак ехали уже все степью, к которым и приехали в четырнадцатой день благополучно, только в пути по разговорам с каракалпацкими посланцами один Абдул-Ших Мурат-Шихов сын с толмачем Мансуром дошел до ссоры, и стал говорить: какие они русские посланцы, что как к ним каракалпаком приедут, то называются афицерами и протчими чинами, а как в Россию возвратятся, то их и не знают никто, и что им, каракалпаком, потребно было, о том они командиром не доносили, и он Абдул-Ших от генерала саблею не пожалован, и как Мансур сказал, что здесь тем жалуются честныя и верныя люди за особливую услугу, то он, Абдул-Ших, выхватя у него ж Мансура незапно саблю, на него замахнулся и действительно бы срубил, только киргис-кайсацкие проводники оную перехватили и не допустили, и за то ево лошадь плетьми стегали, и так с ним разошлись; однако ж и в каракалпаках он Абдул-Ших им, Гордееву и Мансуру, по той ссоре разные и немалые приметки чинил.

По прибытии к каракалпацкому народу въехали сперва в крайней елаирской род к простому каракалпаченину, у которого и начевали, а поутру поехали к Мурат-Шиху в настоящие улусы, и, не доехав верст за пятнадцать, от Мурат-Шиха выслана была им встреча человек с пятьдесят, с которою под вечер приехали к нему Мурат-Шиху, а от него приготовлена была для них особливая кибитка, в кою они и стали. При чем, как бывшия на встрече их, так и протчия, во первых стали спрашивать, где у них люди и протчие тягости их.

И как они Гордеев и Мансур сказали, что более ничего не имеют, как только что при них есть, ибо отправлены токмо с письмами и с надлежащим повелением, то они все, задумався, от них разошлись, а посланцы их, бывшие с ними, пошли по домам своим. И тако они, Гордеев и Мансур, в той кибитке и остались.

Немного погодя, ночью Мурат-Ших их, Гордеева и Мансура, призвал к себе, которой, по надлежащем поздравлении, спросил, с чем они приехали, и как ему сказали, что с письмами и со объявлением о всемилостивейшем ея императорского величества принятии их в подданство и со обнадеживанием высочайшей к ним ея императорскаго величества милости, то он Мурат-Ших паки спросил, естли что с ними в жалованье ему или детям ево и народу. На что ответствовали то ж и что как к нему, так и Каип-хану, Губаидулле салтану и Девлеть баю на первой случай по портищу сукна кармазинного прислано, против чего он Мурат-Ших немало усумнелся и сказал, что потому как он Мурат-Ших в стыду остался, так и сами они пропали, яко народ их ничего от них во изъяснение принять не может, когда уведает, что с ними ничего к ним не прислано, ибо они того и ожидали, как им порутчиком Гладышевым обещано, что они все милостию ея императорского величества во всем удовольствованы будут. И хотя ему Мурат-Шиху представляемо от них было, что в письме к ним изображено, как их ея императорского величества высочайшею своею милостию обнадежить повелено, и как оную они действительно получить могут, чему они и следовать должны, но он Мурат-Ших с немалым неудовольствием говорил, что народ тому, что б было ни написано, отнюдь не верит, доколе действительно не увидит награждения; и тем оное время у них продолжалось.

На другой день Мурат-Ших призвал их, Гордеева и Мансура, паки к себе ночью ж, и взял от них присланное с ними к нему сукно, которым хотя он доволен был, токмо весьма скучал, что к ево детям ничего не прислано, кои де и прошлаго году, в бытность порутчика Гладышева, всячески старались о всем, что они, Гладышев и Мансур, желали, и хотя он Мурат-Ших то сукно намерен был разделить тем своим детям, однако ж они сами ему то разговорили, что оное на разные части изодрав и в другие руки роздать неприлично, яко оно прислано к нему от толь знатного государства, в знак ея императорского величества милости, за ево верность, чего ради он его оставил у себя в целости и розвесил в своей кибитке в показание всем полученной им ис того чести.

И на третей день Мурат-Ших своего роду Габейдуллу салтана и прочих старшин собрал в мечеть, ибо протчие роды кочевали одни от другова не блиско, в которую и их, Гордеева и Мансура призвал, и присланные с ними письма взял, кои имь и поданы с надлежащим при том их объявлением, и Мансур их читал и, что было потребно, толковал, особливо же о пленниках обще старались. На что они каракалпаки ответствовали, что хотя они в подданство ея императорскому величеству пришли, однако ж не во всем еще утвердились, ибо о России почти ничего не знают и только что первые посланцы возвратились, то де уже генерал и пленников гребует, к чему де народ их склонить никак невозможно, доколе они в том подданстве оснуются, яко то чтоб российское состояние совершенно они узнать могли, и для того де как посланство, так и купечество перво учредить и в порядок привесть потребно, ибо де народ их дикой и без того к единственному мнению утвердить их не можно, а к тому ж де в том особливо препятствовать им может то, что они от ея императорского величества никакой милости еще не получали, зачем никто того и учинить не похочет, ибо хотя они тем и обнадеживаются, только

как с порутчиком Гладышевым, так и с ними все на словах, и потому де с языка ничего достать не можно, и что они принятия в подданство такого желали что, как мурза Тевкелев к Абулхаир хану приезжал, которой де не токмо ево, но и народ ево наградил. Причем кто разговаривали, что киргис-кайсацкой де народ и поныне от вас награждение получает, как черными лисицами, так и кармазинными суknами, токмо де пленников не токмо не освобождают, но и вновь российские места раззоряют, и в полон берут, а мы де от вас и ничего еще не видали, да и полонеников требуете, генерал де не шах персицкой, нас де не саблею в подданство привел, но мы де сами пришли, и для того де нужно прежде как путь в Россию, так генерала и торг российской далее спознать, почему и о пленниках стараться исполнить обещались, ибо де того вдруг в их народе зделать нельзя и они пленники от них не уйдут. А более все то, яко же и протчие здешние требовании, отлагали до возвращения достальных их посланцов, отправленных ко двору ея императорскаго величества, разсуждая, что, когда оные прибудут, то тогда они посмотрят, что с ними будет, а о посылке сюда салтанов и лучших людей, также и об отправлении купеческого каравана Мурат-Ших сказал, что как хочет Каип-хан с протчими. С чем с того собрания все и разошлись; по прочтении же тех писем, ему, Мурат-Шиху, посланное с ними, Гордеевым и Мансуром, именем тайного советника ружье штуцер вручено, которое он принял с немалым благодарением и при многих людех бога за то молил.

На четвертый день, уведав о приезде их, Каип-хан к Мурат-Шиху прислал, чтоб их, Гордеева и Мансура, прислал к нему, почему он Мурат-Ших, дав им приехавшаго ныне с ними сюда сына ево Халвет-Шиха, так же и то письмо, кое они к ним от тайного советника привезли, к нему, Каип-хану и отправил, к которому они и приехали чрез полдни и, подав то письмо, как о приеме их в число верных подданных ея императорского величества объявили, так и высочайшею ея императорскаго величества милостию обнадеживали, при чем и сукно, посланное к нему, вручили, с чем он их принял весьма изрядно и письмо взяв поцеловал и на голову положил, а за сукно немало благодарил; для них де поставил особливую кибитку и потом, собрав лучших людей, человек с сорок, письмо читал, по которому он ответствовал, что о пленниках зависит в старании и повелениях больше от Мурат-Шиха, яко он в том по своему духовенству и старости больше возможности имеет, а о караване говорил сперва, что ево отправить опасно, ибо де ныне киргис-кайсаки, хотя и подданными ея императорскаго величества называются, но вместо того российские крепости раззоряют и в полон берут, а к тому ж де и от руских небезопасно, ибо когда они и прежде сего по приходе в бытность у Абулхаир-хана мурзы Тевкелева, в подданство ея императорскаго величества купеческой караван к волским калмыкам отправили, то оной от яицких казаков разбит и бывшие при том их люди побиты, а протчие, что ни лучшие, в полон побраны, а особливо знатнейшей и первой их старшина Палван Батырь, и хотя ему они, Гордеев и Мансур, на то объявляли, по силе данной инструкции, но он хан, ничего того не приемля, отзывался, что яицким казакам о подданстве их нельзя было не ведать, ибо он в знак того во-первых беглых из России башкирцов триста семей, от которых он сам довольствовался, отдал. Об отправлении же ко двору ея императорского величества салтанов и знатных людей отзывался тем, что, хотя он Каип-хан прошлого года с порутчиком Гладышевым и о своем сыне обязывался, но с каким сюда отправлением, о том, как ко двору ея императорского величества, так и к тайному советнику

и ковалеру, писать удержался, ведая, что как российская великая государыня толь славная и высокого разума, следственно и правители ея о всех порядках довольно сведующие, то б ему было неприлично, однако ж и ево хана, яко же и протчих ему подобных, хотя они и бедные люди, по природе и по обыкновению их честь содержитца и когда зюнгорской владелец из верхних каракалпаков и от неприродного хана Хози (кой у них находитца из беглых из России чюваш) сына потребовал и присланные от него хотели было взять просто, то старшины каракалпацкие ево удержали до того, чтоб от онаго владельца то ево ханского сына взятье было с таким порядком, дабы для того прислано было от него зеленая полатка, надлежащее числе лошадей и верблюдов, а им бы старшинам подарки, почему де то от онаго владельца и учинено, и для того де пред своею братьею и ему Каип-хану помянутого сына своего отправить просто не можно.

Затем он Каип-хан по представлению их о наследстве его императорскому высочеству благоверному государю великому князю Петру Феодоровичу всероссийским императорским престолом как за себя, так и за детей своих и за весь свой род чинил присягу, в чем и печать свою приложил. И тако у него хана пробыли сутки во всяком удовольстве и с тем от него возвратились к Мурат-Шиху и, хотя он Каип-хан во всем их прибытием не доволен был, однако ж желал и при отъезде им наказывал, что им желательно, дабы из России посланцы присылаемы были как к нему хану, так и к протчим знатным людем, на всякой род по особливому человеку. В бытность их у онаго Мурат-Шиха и Девлеть бай батырь, уведав, к ним приезжал, которому они с надлежащим объявлением посланное письмо и сукно вручили и, хотя он всем тем доволен казался, при чем немедленно и присягу учинил, но как после того вскоре уехал в свой улус, то они более ево и не видали.

Куратского роду Урускул хан уведав, что они руския посланцы приехали и живут у Мурат-Шиха и к Каип-хану ездили и надеялся, что с ними есть и к нему хану письма и посылка, прислал к ним, Гордееву и Мансуру, есаула своего Шамрата с выговором, для чего они так долго к нему хану не явились, на что они ему ответствовали, что к нему с ними ни писем, ни посылок никаких нет, кроме как ко всему народу писано, ибо он и сам особливаго письма не писал, против чего тот есаул объявлял, что, когда он хан при порутчике Гладышеве в подданстве своем ея императорскому величеству присягал, то при отправлении от них онаго Гладышева Мурат-Шихов сын Хальвет-Ших (кой ныне сюда приехал) ездил нарочно к нему хану с тем, что он хан при том отправлении от себя прикажет или своих посланцов пошлет, которому он хан приказал в посланном с ним Гладышевым письме, и от его имяни приписать, ибо де у него писаря не имеетца, чего ради и печать свою на белом листу приложил и к порутчику Гладышеву с ним послал в подарок девять штучек ташкентских сусов да халат. Но как Мансур подтвердил, что от него ничего писано не было, и Гладышев ничего того не слыхал, то оной есаул им Халвет-Шихом стал с том следовать, по которому он Халвет-Ших, приходя к нему Мансуру, всячески приступал и принуждал, чтоб он тому ханскому есаулу сказал, яко з Гладышевым и от него хана письмо им послано, и что подарок ево ханской он Гладышев получил, а напоследок и ножем стращал, что ежели так не скажет, то он ево зарежет, ибо де он Халвет-Ших, яко почетной человек, им того не малой стыд принять может. Однако ж он Мансур в правде утвердился, оной же посланной с ним Халвет-Шихом к Гладышеву подарок утаил он у себя и разделил з братом своим Чюман-Шихом, с чем оной есаул от них и возвратился, и

с ним ездил к нему помянутой Халвет-Ших для взятия от него присяги, и хотя Урускул-хан на них, Гордеева и Мансура, сперва весьма осердился и послал было девять человек их убить, и что так Халвет-Ших с Чюман-Шихом зделал, никак верить не хотел, однако ж тот есаул ево от того разговорил и об них Гордееве и Мансуре уверил, после чего он хан и присягу учинил, объявляя де (как Халвет-Ших сказывал), что, хотя он ныне из России ничего не видал и с ними каракалпаками сообщатся не должен, однако ж прежней своей о подданстве присяги нарушить не хочет и требовал де, дабы впредь как к нему хану, так и на всякой род по особливому посланцу присылано было.

С вышепоказанным Урускуловым и есаулом Шамратом для них, Гордеева и Мансура, приезжал того ж роду знатной и первой старшина Сююндюк, которой весьма желал для содержания их взять к себе, завидуя, что кто из России ни приедет, то Мурат-Ших всех у себя удерживает; но Мурат-Ших отпустить к нему нимало не склонился, и хотя он Сююндюк и ссорился в том с ним немало, упрекая ево, что от него таким руским посланцом не токмо каких подарков не бывает, но и содержания хорошего нет, а к тому ж де хотя кто и другие подарками награждать пожелают, яко то Урускул хан к Гладышеву было послал, но и того, им не допущая, у себя удерживают, и вместо их сами корыстуются, а напоследок вышеписанного ханского есаула и по лошадей их посылал, и оседлать приказал, и их Гордеева к той езде не только принуждал, но и ножем стращал, только Мурат-Ших их до того не допустил; но что касается до такого ево сюндюкова поступку, то он, как они могли усмотреть, домогался с вымыслу, чтобы над ними у себя какой вред учинить, как то ему Урускул-хан приказывал, рнясь за то, что они с приезду в их народ мимо ево проехали, яко он пред другими ханами почитается больше, и тако он Сююндюк возвратился; однако ж, по требованию их, присягу учинил.

Затем они у онаго Мурат-Шиха жили до отъезду уже праздно и всего тамо пребывания имели месяц, ибо они, каракалпаки, сперва намерение имели держать их у себя всее зиму, но как от трухменцев, кочующих около Хивы, произошли на крайние их улусы нападения, кочующих к Аральскому владению кибиток с пятнадцеть вырубили, то они, согласясь с киргис-кайсаками, положили в отмщение им, трухменцам, иметь с ними за то войну, чего ради и об них, Гордееве и Мансуре, они каракалпаки имели собрание и совет, для которого и Каип-хан к Мурат-Шиху приезжал, и сперва намерены были отправить их возвратно одних с киргис-кайсацкими провожатыми, объявляя, что ныне около их все стала война, и хотя де вы о киргис-кайсаках сказываете, что они подданные ея императорскаго величества, но они де все ваше крепости разбили, и затем де ехать им опасно, однако ж Мурат-Шихов сын Халвет-Ших сам сюда ехать с ними пожелал, по которому они отправить их с ним и положили с тем резоном, чтоб он Халвет-Ших, как об них, каракалпаках, обстоятельно донести, так бы и во всех от генерала обнадеживаниях уверится и в ево требованиях основаться мог, по которому они и поступать будут, разсуждая, что их, Гордеева и Мансура, более у себя держать опасно, яко они и сами начинают войну, то б в таком случае какого им вреда причинится не могло, и от того б им в стыду не остаться, по которому они, Гордеев и Мансур, взяв от кого пристойно было у них присяги, сентября 28 числа от них и отправились, причем как Мурат-Ших, так и Каип-хан наиболее всего наказывали, дабы впредь, когда отсель посланцы отправлятца будут, то б как к ним, так и в кунратской род к Сююндюк батырю, особливые пись-

ма и посланцы присыланы были, чтоб по тому в требованиях всяк в своем роде старался, ибо де народ их бес того к доброму склонить не можно, и хотя де они сами иногда о чем бы и старались, но другие в своих родах препятствовать могут. А как ими, Гордеевым и Мансуром, усмотрено,— то они каракалпаки желают того, чтоб им подарки способнее чрез то получать было, яко думают, что бес того отсель отправляться не будет.

Пред отъездом же их за несколько времяни бывшей прошлаго 1742 года в Орской крепости ис каракалпацких посланцев, кой отправлен тогда с порутчиком Гладышевым, Мамырь Батырь Уразаков, увидя у них, Гордеева и Мансура, кафтан аглицкого сукна с Халвет-Шихом просили оной себе, но как оного им не дали, то оной Мамырь хотел их ограбить и действительно к тому был намерен, объявляя, что Абулхаир-хан и прошлаго году онаго порутчика Гладышева и ево, Мансура, приказывал ограбить, по которому он у них несколько и отнял; только к тому, они Гордеев и Мансур, не допущены, и хотя Мурат-Шиху о том с жалобою говорили, но он и сам сказал, что прежде у них и никому из русских выезду не было, кроме того как они при Гладышеве присягу учинили.

Посланное с ними в запас кармазинного сукна портище подарили они одному из Мурат-Шиховых детей, сыну Чуман-Шиху, которой, как ими усмотрено, у него Мурат-Шиха в лучшем люблении находится и в советах весьма силен, чему и он Мурат-Ших более следует, и хотя они от того удерживались, чтоб то сукно зберечь, но как оной Чуман-Ших видел, что он без награждения от них остается, то он во всех их нуждах никакого успеху допускать было не стал, а потом как сам и к присяге пришол, так и протчих многих ево вспоможением приведено.

В бытность их тамо, хотя как у них каракалпак в содержании их, Гордеева и Мансура, ни происходило, однако ж они от них каракалпак в том их подданстве притивностей и замыслов никаких, так же и лести не усмотрели, но сколько могли видеть, то они с прямым намерением в то вступили и содержать и к тому радение имеют, почему оное их подданство и ея императорскому величеству не безнадежно, в чем наиболее склонны упомянутые Мурат-Ших и Каип-хан, так же и в кунратском роде сюндюкова родственники, а наипаче всех к тому радетелен Губейдулла салтан, которой одного роду с Мурат-Шихом и, как их, Гордеева и Мансура, во всю их бытность он более довольствовать, так и всякие им ведомости подавать и по тамошнему их обычаю в поступках их наставлении им чинить старался, только он между своим народом мало силы имеет. Однако ж в люблении у них находится и назначен в кунратской род ханом вместо Урускул-хана, котораго от ханства намерены они отрешить, почему он и в присяге и в письме хотел было подписываться ханом же; только после до действительнаго на то возведения признал за непристойно.

Мурат-Ших по их усмотрению в народе их весьма силен и народ ево почитает не иначе, как за святаго, чего ради и делать без него ничего не хотят, а как они видели, то он действительным к тому угодником себя оказывает, ибо великой постник и в молитвах трудник и хотя какая бы стужа ни случилась, но он, вышед на снег, до земли протает и от кого что получит в подарок, то у себя ничего не оставляет, но раздает в мир, за что не только их каракалпаки, но из других городов, яко то ис Хивы и Бухарии приезжая, ево чтят. По нем из детей ево тамо почитаются: во-первых, большой Халвет-Ших, кой ныне с ними сюда приехал, да меньшой Чюман-Ших, которых он Мурат-Ших и любит лучше всех. Почему они и силу в народе

своем немалую имеют, и онаго Халвет-Шиха с вышеупомянутым Сюндюк Батырем, в бытность их, и в Хиву призывали и жаловали на место побитых тамо правителей, учрежденных от шаха из аральского народа, двух человек, только он Халвет-Ших более склонился сюда. Каип-хан между ими хотя не властен, но по их состоянию весьма умен и не убог.

С нутренним состоянием они гораздо убожее, нежели киргис-кайсаки и промысел их более состоит в хлебопашестве, скот у них больше рогатой, а лошадей весьма скудно, при том и торг производят, как в Хиву ездя, так и у себя приезжающим, скотом, а больше продают в киргис-кайсацкую орду порох, свинец и ружья, которые все у себя сами делают.

По отбытии их от того каракалпацкого народа ехали они до Абулхаир-хана дней з двадцать и на дороге встретили посланного отсель с письмами казака Лапина, с которым соединясь и ево хана искали, и наехали ево на речке Кайракле, к которому и явились вместе с Халвет-Шихом, и о своей комисии донесли, против чего он весьма осердился и стал с жестокостью спрашивать, что как они туда проехали и как они сказали, что чрез Джанбека для лучшей безопасности, то он и наипаче ожесточился за то, что тайный советник, кроме ево хана, такое им отправление учинил, ибо де они и в подданство приведены чрез него хана, а ныне де уже Джанбека более ево стал почитать; на онаго же Халвет-Шиха наипаче стал кричать, для чего они без ево ведома так пересылаются, со всяким их поношением и укоряя, что сперва российскую государыню нашли чрез него, а ныне сами собою вызываться стали: вы де, как башкирцы, только знаете себя оказывать, а того де не видите, что иногда, как сами, так от вас и другие, пропадут. И велел тот час, как ево Халвет-Шиха, так и их, Гордеева и Мансура, обыскать, какие они от каракалпак письма имеют, и нет ли в них какой на киргисцов жалобы, по которому они есаулами ево во всем коше и обыскиваны. Однако ж Халвет-Ших объявил ему только одно писанное от Мурат-Шиха письмо, а протчие ими были упрятаны, и хотя в нем противнаго ничего не нашол, однако ж ево Халвет-Шиха отпустить не хотел. Но как он Халвет-Ших стал ему говорить, что, когда он отправлен, то ево удерживать уже не для чего, и за то как отец ево, так и российская государыня недовольны от него остаться могут, то он к отпуску склонился и сказал: так же ты хочешь меня в том до стыда привести, того де ради, и как де отец твой — святой человек, поезжай.

При том же помянутой Лапин от тайного советника и ковалера ему хану подал посланные с ним письма, которые как ему прочтены, то он на него тайного советника наипаче осердился, и с немалым унижением говорил, что генерал им командует, и требует обыску пленников, добро бы де уже писала к нему государыня, то б исполнять не отрекся, а то де он — генерал, а я де — хан, следственно, и сам де таких же генералов имею, и уже де он таковыми письмами так наскучал, что де таких лоскутьев целой верблюд у него накопился, а что де он кайсакам грозит, тому статься не можно, и что де они боятся никогда не будут, вам ли де их доставать, что они, яко звери, куда хотят, туда уйдут, а вы де с своими телегами долго ли находиться можете; он де пишет много, а я де, что ни отпишу, тому не верит, и хотя де афицеров присылает, но только ими славу делает, вот де афицер только сидит, да ездит, а к генералу не только об них, но и о себе ничего ни писать, ни говорить не смеет, яко он с народом своим управиться не может, и хотя де прошлаго году сам ему представлял, чтоб для приведения в послушание учинил помочь войском, но он де и того не зделал.

И тако то время препроводили и были у него без малого двои сутки, а потом все они от него отпущены, и как с Лапиным, так и с Халвет-Шихом письма посланы; при отъезде же их, как он хан, так и протчие киргисцы весьма наказывали тайному советнику донесть, что башкирцы их киргис-кайсаков весьма обижают, и уже лошадей с тысячу отогнали, от которых они и к Сыр-Дарье бежать принуждены, и чтоб такое воровство пресечено было и из отогнанных лошадей нарочно для того посланных хотя малое число возвратить, а затем де протчих хотя после уже станут доставать, а если де тех лошадей ныне не возвратит, и их не уймет, то де лишь токмо зимняя дорога станет, вместо их у них, башкирцов, детей уже брать будут, ибо они не от государыни, ни от генерала, но от башкирцов уже обижаются. При том же отъезде, как хан к тайному советнику написал о задержании ис поехавших с ними джанбековых людей Каипа есаула да бывшаго в провожании их Абдулова брата Шамаметя, вместо имеющихся в ево джанбековых улусах руских пленников, то оной Шамаметь, уведав про то, хотя и ехать весьма опасался, однако ж напоследок осмелился и говорил, что если ево здесь задерживать будут, то генералу все донесет, яко он хан пишет, то вместо своего плутовства и он сам вор, ибо де прежде сам же алчинцов научал под российскими местами воровать, в том мнении, что руские, испужався того, сына ево скоряя отдадут. А ныне де уже, что в том и дела, то не знает. Халвет-Ших же, будучи в пути, сказывал им, что Абулхаир-хан весьма отвращал ево тайно, чтоб сюда не ехать, стращая бутто ево здесь задержат, что же они мимо ево хана не проехали, то он Халвет-Ших сам к нему явиться искал, как и от народа ему приказано, и бес того проехать не смел, ибо де они кайсаки кочуют ныне в близости к ним и тако они ево хана боятся; о состоянии Хивы, будучи они в каракалпаках, слышали, что тамо ханом ныне бывшаго хана Юлбарса сын, котораго персицкой шах убил, и хотя при нем для ево молодости от него, шаха, были во оной Хиве особливые из аральцов двое правителей учреждены, но, как оные, по шахскому указу, от кочующих около хивинского владения трухменцов стали требовать к нему людей в службу, то они, не дав их, положили тех правителей побить, к чему и хивинцов склонили, и потому они чрез них, а более чрез того хана и побиты, а потом они с хивинцами и трухменцы объединились, и хотя хана того же оставили, за то, что бывшия правители наиболее им переведены, но протчих хивинских присудствовавших с теми правителями, тако ж побив, на их места из своих трухменцов учредили и от шаха отложились и ныне имеют войну с каракалпаками и киргис-кайсаками.

К подлинной скаске помянутые ундер-афицер Гордеев и толмачь Мансур Дельной своеручно подписались.

Прошение Халвет-Шиха императрице Елизавете Петровне[1]

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня, императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом вашего императорского величества всеподданнейший раб нижних каракалпак ябынского роду Халвет-Ших Мурат-Шихов, а о чем мое прошение тому следуют пункты.

1. Ныне тому пятнадцеть лет как был мурза Тевкелев в киргис-кайсацкой орде у Абулхаир-хана для приводу ево со всею ево вла-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Дата отсутствует.

дения киргис-кайсацкою ордою вашему императорскому величеству в подданство.

2. В то время каракалпацкой наш народ, мой отец Мурат-Ших и Каип-хан, салтаны и знатныя старшины и я, нижайший, и со всею нашею каракалпацкою ордою вашему императорскому величеству при помянутом мурзе Тевкелеве в рабское подданство пришли, что более старание отца моего Мурат-Шиха учинилось.

3. В знак того нашего рабского подданства находящихся у нас 300 дворов башкирцов, по требованию вышеозначенного мурзы Тевкелева, возвратили, в чем так же отец мой и я, нижайший, верное старание прилагали.

4. В прошлом же году для оказания того ж нашего вашему императорскому величеству подданства со Абулхаир-ханом двух человек, а имянно Мамыр Батыря Уразакова с товарищем послали, которые, приехав к высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву в Орскую крепость, за весь наш каракалпацкой народ присягу чинили и, взяв порутчика Дмитрея Гладышева в нашу каракалпацкую орду, для тех же присяг возвратились, а оттоле с показанным порутчиком Гладышевым вышеписанной мой отец, дав сына своего с товарищи, до двора вашего императорского величества отправил; так же и ныне с ними же приехавшему брату моему с товарищи, четырех человек дав, вышепомянутый тайный советник Неплюев от себя дву человек паки к нам в каракалпацкую орду посылал, которые, прибыв к нам, как отца моего, так мои нижайшаго и братьев моих к вашему императорскому величеству верные старания персонально видели.

5. Во свидетельство же вышепоказанного нашего народа рабского подданства и верных стараней отец мой Мурат-Ших хан, салтаны и знатные старшины со общаго согласия меня, нижайшаго, с вышепоказанными вашими двумя человеками отправили и будущею весною все лутчие наши люди с салтанами и с караваном и, находящихся у нас в каракалпацком народе российских пленников освободя, к свиданию в город Оренбург приехать обещались и впредь, чтоб в вечном рабском подданстве быть присягу учинили и куран целовали.

6. Того ради вашего императорскаго величества всеподданнейше и рабски прошу, дабы за вышепоказанные отца и мои нижайшаго верные старании и впредь для вечного рабского нашего по присяжной должности подданства повелено было отца моего Мурат-Шиха и меня нижайшаго и всех наших законных наследников тарханами пожаловать и в засвидетельствование оного тарханства нам, нижайшим, за печатью вашего императорскаго величества грамоту дать.

К подлинному по-татарски писанному прошению нижних каракалпак Халвет-Ших Мурат-Шихов руку приложил.

Грамота Мурат-Шиху о пожаловании тарханства, 10 ноября 1743 г.[1]

Дан сей ея императорскаго величества всемилостивейший указ ея императорскаго величества нижних каракалпак Мурат-Шиху и сыну ево Халвет-Шиху по прошению их в засвидетельствование того, что Мурат-Ших и помянутой сын ево Халвет-Ших за верныя к ея императорскому величеству службы пожалованы между каракалпацким нижним народом первыми тарханами и законным их детям, которые в верной службе ея императорскаго величества будут, определено быть тарханами ж, того ради по ея императорскаго величества высочайшему указу каракалпацким ханам, салтанам бием и батырем и

[1] МИД, ф. 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

всему каракалпацкому народу объявляетца: оного Мурат-Шиха и сына ево Халвет-Шиха, за их службу и достоинство пожалованных первыми тарханами, также и детей их тарханами ж почитать и признавать, и во всяких письмах писать оными чинами; напротив того надеятельно, что не только они Мурат-Ших и Халвет-Ших, но и дети их, чувствуя к себе высочайшую ея императорскаго величества милость, не оставят по верноподданнической своей к ея императорскому величеству должности верные свои службы и добрые поступки вечно продолжать, как то ея императорскаго величества верным рабом по присяжной должности благопристойно есть и надлежит. Во утверждение сего при подписании ея императорскаго величества тайного советника ковалера Оренбургской башкирской комиссии главного командира Неплюева.

Дан в Оренбурге, ноября 10 1743 году.

РЕЗСТР

присягавшим в приезд посыланных ундер-афицера татарской школы из школьников Филата Гордеева и толмача Мансура Дельнова нижним каракалпацким ханом, салтанам, старшинам и протчим о наследстве, по соизволению ея императорскаго величества. его императорскому высочеству государю великому князю Петру Феодоровичу Всероссийским императорским престолом[1].

№ ПРИСЯЖНЫМ ЛИСТАМ

Дигинской волости

1. Каип-хан Ишим ханов

Салтаны

2. Алтай
3. Вали
4. Габдуррахман
5. Набдуррахим
6. Габейдулла Ишим ханов

} оного Каипа дети

Морской волости

7. Мусульманского закона управитель Мурат-Ших Ибак-Шихов
8. Халвет-Ших Мурат-Шихов
9. Написавшиеся духовным управителем Чюман-Ших Мурат-Шихов
10. Батырь Мамырь Уразаков
11. Аджимбет Яврубин

} Ябинского роду

Морской же волости

12. Урускул хан
13. Старшина Сюндюк бий Худай Назаров
14. Хасеин Барадур Ходжа Назар биев
15. Даша Мурат бий Валягабиев
16. Старшина Шамурат бий Худай Назарбиев

} Куратского роду

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

Салтаны

17. Шуна
18. Герей
19. Бахти-гирей

} Катайского роду.

20. Старшина Даблет-бай Батырь да Тивел мурза того ж роду.
21. Джалаирского роду старшина Ишимби Урусь-биев.

★ ★ ★

К истории пангерманского союза

В течение ряда лет по окончании проигранной Германией первой империалистической войны германская буржуазная историография пыталась создать впечатление, что политические планы, пропагандировавшиеся пангерманскими кругами, не имели якобы серьезных оснований, что эти планы не имели никакого влияния на политику германского правительства, что, наконец, носителями этих политических планов была сравнительно небольшая кучка «экстремистов», которых не следовало бы принимать в серьез.

В этой критике по адресу деятельности пангерманских кругов слышалось, однако, не столько осуждение, сколько сожаление по поводу того, что аннексионистские планы, о которых пангерманцы трубили во все трубы, оказались, в результате проигранной войны, неосуществленными.

Потерпевшая поражение,— более того — катастрофу,— в первой мировой войне, пребывающая в вечном страхе перед лицом опасности роста революционных сил в стране,— германская буржуазия одела маску умеренного пацифизма. Но вот по истечении каких-нибудь полутора десятка лет после поражения в войне и после революции 1918 г., из империалистской Германии снова начали раздаваться лозунги, призывающие к новой войне, во имя нового империалистского передела мира, во имя осуществления широкой захватнической программы.

Пришедший к власти фашизм, демагогически называющий себя «национал-социализмом», всемерно разжигает войну за новый империалистический передел мира.

Лютый враг социализма, фашизм — это партия кровавой расправы с социалистическим движением, с рабочим классом, с широкими массами трудящихся. Но фашизм это не только буржуазный национализм. Это — национализм и шовинизм зоологического типа, это — каннибализм, возведенный в государственную систему, это необузданная империалистическая агрессия. Планы этой агрессии не блещут оригинальностью. Они в основных своих чертах и во многих деталях являются воспроизведением тех планов, глашатаями которых некогда являлись пангерманцы.

Публикуемая ниже записка секретаря русского посольства в Берлине Фандер Флита, составленная еще в 1900 г., напоминает о том, каковы были политические планы пангерманцев еще на рубеже XX века. Политическая организация, именовавшаяся «пангерманским союзом», начала складываться в те годы, когда германский капитализм уже вплотную подошел к монополистической стадии своего развития. Подлинное детище германского империализма, пангерманский союз был организацией, поддерживающей пробудившиеся колониальные тенденции. Одним из отцов пангерманского союза Фан-дер Флит называет известного колониального авантюриста Петерса. Впоследствии у руководства пангерманским союзом оказались представители германских монополистических организаций германской буржуазии, некоторые наиболее реакционные депутаты рейхстага, профессора и т. п. Тесно связанные с подлинными хозяевами буржуазно-юнкерской Германии, эти господа взяли на себя труд не только формулировать империалистическую программу Германии, но и пропагандировать ее в кругах средней и мелкой буржуазии, а также создать из живших за границей немцев колонизаторскую агентуру. Крикливой демагогией они

стремились широкую аннексионистскую программу германского финансового капитала, его планы империалистического передела мира представить как программу национальных стремлений. Вместе с «флотским ферейном» они шумно требовали создания крупного военного морского флота, чтобы иметь возможность оспаривать у Англии мировую гегемонию. Они были в первых рядах тех, кто добивался неуклонного усиления германского милитаризма, орудия осуществления аннексионистской программы.

Не решаясь еще громко разглашать свои планы расчленения Австро-Венгрии и аннексии ее земель, они говорили об экономическом включении Австрии в германскую таможенную систему. Они носились с планами включения в эту экономическую систему Бельгии, Голландии, Люксембурга, а также Румынии и других балканских государств. Разумеется, это была лишь подготовка к территориальной аннексии одних из этих стран и политической гегемонии над другими. Таким образом, германский империализм, не имевший, подобно английскому или французскому, богатой колониальной империи, стремился пробиться через Триест непосредственно к богатствам Средиземноморского бассейна, а через Румынию к Черному морю. Через балканские страны путь шел в Турцию, где, особенно в связи с концессией на Багдадскую железную дорогу, открывались широкие перспективы для экспансии германского империализма. Пробиваясь через юго-восток Европы и Переднюю Азию, германский империализм вклинивался, с одной стороны, в сферу домогательств царской России,— с другой, английского империализма; в этой связи упоминающийся в публикуемой записке проект (он был изложен в брошюре Зигмунда Шнейдера) постройки моста, перекинутого через Босфор и вооруженного вращающимися батареями Круппа,— имеет почти символическое значение для оценки тех планов создания «Срединной Европы», которые начали оформляться еще в самом начале XX в. и которые полностью сложились в период первой империалистической войны.

Этим, однако, аннексионистские планы германского империализма не исчерпывались. Пангерманские круги широко пропагандировали и планы экспансии на Востоке Европы. Фан-дер Флит удивительно бесстрастно упоминает о пангерманских намерениях создать под протекторатом Германии ряд мелких государств за счет России. Оказывается, что к отделению от России Прибалтики, Польши и Литвы пангерманисты стремились не ради «расширения границ современной Германии на счет русских западных окраин», но исключительно чтобы помочь России завершить свое развитие «в чисто национальном духе». Он упоминает также о пангерманских планах расчленения Франции. Проектируя «на случай необходимого усмирения» Франции присоединение к Германии наиболее промышленных ее районов, пангерманцы, чтобы обессилить свою западную соседку, великодушно готовы были Савойю и Корсику и часть принадлежащей Франции Северной Африки предоставить презираемым ими итальянцам. Так, по словам Фан-дер Флита, представляли себе достойные предшественники Адольфа Гитлера свои «добрые отношения к Франции». Вместе с тем пангерманцы не только не скрывали, но и неизменно особо подчеркивали, что главным и наиболее ненавистным соперником германского империализма они считают Англию.

Проведение планов германской колонизации в Европе пангерманцы рассматривали как этап на пути к общей экспансии германского империализма. Повсюду, и в Европе и во внеевропейских странах они стремились создать опорные пункты дальнейшей германской экспансии. Тесно связанный непрерывными классовыми и многочисленными политическими нитями с германским правительством, пангерманский союз в своей деятельности обычно шел с ними рука об руку по пути агрессивных мероприятий. Однако, правительство обычно из тактических соображений отрицало свою причастность к пропаганде и столь откровенным захватническим планам пангерманского союза.

Сопоставление планов и методов деятельности пангерманского союза начала XX в. с планами и методами современного германского фашизма показы-

вает как много последний заимствовал у своих предшественников с той однако разницей, что современные фашистские заправилы Германии выступают еще более откровенно.

Германский фашизм не только усвоил и демагогические методы пангерманской пропаганды и общую империалистическую пропаганду пангерманского союза, он эти методы сделал еще более циничными, аннексионистскую программу еще более необузданной, приемы деятельности своей заграничной агентуры еще более откровенными и наглыми.

Пользуясь попустительством и даже покровительством со стороны реакционных клик Англии и Франции, он уже добился частичного осуществления своей программы захватов. Ему удалось захватить Австрию и Чехо-Словакию. Он является главным зачинщиком второй империалистической войны.

Публикуемый документ, напоминающий о пангерманских истоках фашистской программы нового империалистического передела мира, представляет поэтому несомненный интерес.

Публикуемый материал хранится в архиве внешней политики. Подготовлен к печати С. Левиной.

А. Е.

Депеша посла в Берлине управляющему министерством иностранных дел Ламздорфу, 4 января 1901 г/22 декабря 1900 г., № 70.

М. г. граф Владимир Николаевич,

Недавние парламентские прения по поводу непринятия президента Крюгера[1] в Берлине выдвинули на вид деятельность так называемого пангерманского союза.

Хотя проповедуемые им идеалы и являются, отчасти, плодом пылкой фантазии, тем не менее последовательное подготовление пангерманистами практического разрешения некоторых соприкасающихся с нашими интересами политических и экономических вопросов не может не обратить на себя серьезного внимания.

Вследствие сего я поручил помощнику секретаря вверенного мне посольства надворному советнику Фан-дер Флиту изложить в препровождаемой у сего на благоусмотрение вашего сиятельства записке, историческое развитие и цели сказанного союза.

Гр. Остен-Сакен

Докладная записка пом. секретаря Российского посольства в Берлине Фан-дер Флита.

Пангерманский союз обязан своим возникновением немецкому колониальному движению 80-х годов. В 1886 г. известный африканский деятель д-р Петерс, основатель немецкого колониального общества, подал также мысль к созыву всеобщего немецкого съезда в Берлине, к которому были приглашены все германские национальные «ферейны», объединенные тут же в союз под названием «Allgemeine Deutscher

[1] Президент Трансваальской республики Крюгер, после разгрома бурских армий и взятия Претории, бежал в Европу и был торжественно принят Голландией и Францией. Желая подчеркнуть свои хорошие взаимоотношения с Англией, Вильгельм II отказался принять его в Берлине.

Сообщая российскому министерству иностранных дел о прениях, развернувшихся по этому поводу в рейхстаге, Остен-Сакен, российский посол в Берлине, отмечал, что пангерманисты, в частности доктор Гассе, руководитель союза, резко нападали за это на правительство. «На этой благодарной почве, враждебные принятому решению элементы рейхстага находят несомненный отголосок в народных массах и в кругах пангерманистов, столь шумно приветствовавших трансваальского паломника по прибытии его в Кельн» — писал Остен-Сакен, указывая, что Бюлову пришлось выступить с объяснениями по данному вопросу и заявить, что «германское правительство не намерено создавать затруднений на долгие годы с Англией».

Verband». С той поры союз подвергся немалым изменениям. Он почти было совсем не распался, по возвращении д-ра Петерса в Африку, и возродился после заключения, оскорбившего народное чувство, Занзибарского соглашения с Англией в 1891 году на новых началах [1].

В таком виде «всенемецкий союз» явился выразителем национальных стремлений и задался целью зорко следить за всеми вопросами внутренней и, преимущественно, внешней политики, желая, по возможности, путем печати и своих представителей в парламенте, влиять в национальном духе на действия правительства.

В 1891 году во главе союза становится член рейхстага, профессор д-р Гассе, который и по сие время издает еженедельный орган «Alldeutsche Blätter» и энергично проводит стройную организацию союза, носящего теперь более краткое название «Alldeutscher Verband».

По последнему, прочитанному на общем собрании, в июне сего года, отчету, к союзу принадлежит ныне более 20 тысяч членов, образующих 184 местных групп (Ortsgruppen), из коих 158 находятся в Германии, а 26 вне ее пределов [2]. Главным образом агитаторский характер «Alldeutscher Verband» ставит его деятельность в прямую зависимость от стоящих на очереди национальных вопросов. С 1895 г. союз берет на себя роль проводника идеи необходимого увеличения морских сил Германии, пропагандируя эту мысль в многочисленных, устраиваемых им же, народных собраниях, и посвящая целый ряд брошюр выяснению задач мировой политики Германии.

Содействовав успешным подготовлением почвы, принятию рейхстагом нового морского закона [3], Alldeutscher Verband заслужил себе одобрение правящих сфер и его значение быстро выросло в стране.

---

[1] Имеется в виду англо-германская конвенция, заключенная в Берлине 1 июля 1890 г., в силу которой Германия признала британский протекторат над областью Виту и Сомалийским побережьем, так же как и над островами Занзибаром и Пембу, отказалась от всяких притязаний на Уганду и признала бассейн верхнего Нила, вплоть до границы Египта, находящимся в английской сфере влияния. В свою очередь Англия, уступая Германии о. Гельголанд, обязалась, кроме того, принудить занзибарского султана продать Германии прибрежную полосу земли, с правом расширить эту полосу до Великих озер (Ньясса и Танганайка). Сверх того Германия получала узкую полосу земли (область Каприви), дающую ей доступ к реке Замбези.

Бисмарк резко критиковал этот договор, указывая, что «отказ от прав на Занзибар является хронической жертвой, для которой Гельголанд не может служить эквивалентом». (Бисмарк. Воспоминания. Москва, 1923 г.). Общеизвестно мнение Стенли, который сказал, что Англии удалось получить новенький фрак, отдав взамен только панталонную пуговицу. С другой стороны, в своих мемуарах Вильгельм II так объяснял значение договора: «Этот остров (Гельголанд), тесно прилегающий к большим водным путям, ведшим к главным торговым городам Ганзы, был в руках британцев постоянной угрозой против Гамбурга и Бремена, что делало невозможным всякую мысль о постройке флота... я знал, что с расцветом Танга, Дарес-Салам и проч. колоний у берегов Африки, значение Занзибара, как главного порта для сбыта, падает... Таким образом, я был убежден, что обмен для нас приемлем и что нам предоставляется хорошая возможность избежать трений с Англией из-за колоний...» (Вильгельм II, Мемуары, Москва, 1923 г.).

[2] Правление Союза состоит из 200 членов, избираемых из числа руководителей местных групп и доверенных лиц. Делопроизводство лежит на теснейшем комитете, образованном из 15 членов, из которых, в свою очередь избираются представители главного управления. В настоящее время, в состав главного управления входят, кроме председателя союза профессора Гасс, депутаты рейхстага граф Арним-Мускау, фон Кардорф и аугсбургский бургомистр фон Фишер (прим. подлинника).

[3] Морской закон, принятый рейхстагом 28 марта 1898 г., утвердил судостроительную программу германского флота, рассчитанную на 6 лет. С принятием этого закона Германия перешла от строительства судов береговой охраны к постройке мощной броненосной эскадры.

Так, если в 1898 г. германский флот состоял из 12 лин. кораблей, 8 броненосцев береговой охраны, 10 больших и 23 малых крейсеров, то к 1903 г. он должен был, согласно новому закону, состоять из 19 лин. кораблей, 8 броненосцев береговой охраны, 12 больших и 30 малых крейсеров. Крупную роль в разработке и принятии

Одновременно, серьезное внимание союза обращено на судьбу немецкого элемента в Австрии. В этом вопросе он действует вполне на свой страх, входя в сношения с вожаками немецкого движения в Австрии и даруя им свою нравственную поддержку. Само собой разумеется, что правительственные власти явно сторонятся от поощрения этих стремлений, тщательно избегая открытого вмешательства во внутренние дела соседней и союзной монархии. Проповедуемая однако, пангерманским союзом теория дальнейшего развития австрогерманских отношений, почерпнута им из суждений железного канцлера, который считал в свое время, выделение Габсбургской монархии из состава Германии [1] лишь переходной ступенью к более тесному слиянию немецких народностей.

Союзом 1879 года [2] не исчерпывалась, по новейшим исследованиям [3], первоначальная мысль творца тройственного союза, предлагавшего графу Андраши проект почти неразрывного единения обоих государств.

Ныне немецкие националисты мечтают о заключении с Австрией таможенного союза на подобие экономического объединения государств современной Германии в одну таможенную область. По примеру воссоединенной империи, таможенный союз явился бы первым шагом к германизации Австрии. Этой цели должны были служить, с своей стороны, новые рельсовые пути, идущие через Альпы на Триест, и соединение рек Рейна, Майна, Эльбы, Одера и Дуная в одну обширную водяную систему.

Привлечением к таможенному союзу соседних государств: Голландии, Бельгии, Швейцарии, Люксембурга и впоследствии, может быть также, соприкасающейся с Черным морем, Румынии,— создалась бы, по мнению пангерманистов, та среднеевропейская, экономически независимая площадь, которая при успешном процветании зависящих от нее заокеанских колоний, обладала бы всеми материальными источниками для обеспечения беспрепятственного развития живущих на ней народностей.

Этим проектом немецкие националисты предрешают вопрос будущего экономического положения Германии в виду совершающегося, по их мнению, обособления России, Англии и Северо-Американских Соединенных Штатов в отдельные, вполне самостоятельные, торгово-политические единицы. К указанным выводам их приводит сознание все более осложняющихся условий для заключения торговых договоров, соперничество с Англией и Америкой на международных рынках и опасение развития славянского элемента.

Желая обеспечить за Германией экономически выгодные позиции «Alldeutscher Verband», с первых дней своего существования ратовал в пользу приобретения на Крайнем Востоке порта и угольной станции,

---

закона о постройке морского флота играл адмирал фон Тирпиц. Назначенный в 1897 г. статс-секретарем по морским делам, он разработал проект закона и развил сильнейшую пропаганду за его принятие в газетах, брошюрах и речах.

[1] Выделение Австрии из Германского союза произошло после австро-прусской войны, закончившейся победой Пруссии, в силу статьи 4-й австро-прусского мирного договора, заключенного в Праге 23 августа 1896 года.

[2] Имеется в виду германо-австрийский союз и оборонительный договор, заключенный в Вене 7 октября 1879 г., которым было положено начало австро-германского союза. Договор устанавливал, что если Австрия или Германия подверглись бы нападению России, то они были обязаны притти на помощь друг другу всеми своими вооруженными силами. Если же одна из сторон подверглась бы нападению какой-либо другой державы, не России, то другая договаривающаяся сторона была обязана соблюдать благожелательный нейтралитет. В случае, если бы нападающая держава получала поддержку со стороны России, то Австрия и Германия также обязывались оказывать друг другу помощь всеми своими военными силами.

[3] «Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland 1859 bis 1866». Heinrich Friedjung. Stuttgart 1899, B. II, pag. 531 (Прим. подлинника).

указывая, при этом, на Амой или острова Чушанского Архипелага. Занятием Киао-Чау осуществилось его заветное желание[1].

Одинаково сочувственно отнесся союз к решению Самоанского вопроса[2] и продолжает ныне следить с напряженным вниманием за развитием немецких интересов в Турции[3]. Последний вопрос составляет вообще излюбленную тему вдохновляемой пангерманским союзом литературы[4].

Начиная с новейших описаний немецких путешественников по Малой Азии и научных исследований области Ефрата и Тигра, до вышедшей недавно в свет фантастической брошюры, содержащей проект перекинутого через Босфор, вооруженного вращающимися батареями Круппа моста[5],— все эти издания служат одной идее. Ими обращается внимание германского общества на Турецкий Восток и развиваемые в них планы достойны внимания именно тем, что народное сознание постепенно пропитывается подобными мечтами и все более подготовляется почва, на которой созревающие политические задачи могут найти, со временем, сильную поддержку.

Мечтами, однако, о будущем мировом могуществе Германии не отуманивается трезвый взгляд на вещи, требующий предварительно упрочения политического влияния в намеченных краях экономического их завоевания. С этой точки зрения, германские националисты являются ревностными сторонниками правительственных мер, направленных к оказанию пособия частным океанским пароходным обществам, разветвлению кабельной системы и учреждению заграницей самостоятельных германских банков.

Одинаково последовательно отстаивается националистами самобытность немецкого сельского хозяйства. Этот вопрос тем более интересен, так как он является кроме того исходной точкой борьбы с наводняющими восточные провинции Пруссии славянскими элементами.

---

[1] В ноябре 1897 г., использовав в качестве предлога убийство в Шандунской провинции двух немецких миссионеров, германская эскадра заняла бухту Киао-Чау. После длительных переговоров в марте 1898 г. Германия «арендовала» Киао-Чау у китайского правительства сроком на 99 лет и получила право постройки жел. дороги в Шандуне.

[2] В 1889 г. Германия, Англия и США признали острова Самоа независимым и нейтральным государством, находящимся под тройным протекторатом. В конце 1899 г., после начала англо-бурской войны, Германии удалось добиться от Англии уступки ей части островов и 14 ноября 1899 г. был заключен англо-германский договор, в силу которого Англия, взамен части германских Соломоновых островов, отказалась от своих притязаний на остров Уполу и Саваи в пользу Германии и на остров Тутуилу в пользу США. 2 декабря 1899 г. договор этот был подтвержден общим англо-германо-американским договором.

[3] Самым серьезным фактором в экономическом и политическом наступлении Германии на Турцию являлась постройка Багдадской ж. д. Концессия на постройку этой дороги была получена в 1888 г. «Немецким О-вом Анатолийских ж. д.», финансируемым «Deutsche Bank». Дорога начиналась в Хайдар-Паше, проходила через Исмид, а в 1892 г. была уже доведена до Ангоры, после чего то же о-во получило концессию на продолжение этой дороги в направлении Кония — Адама — Небезин — Моссул — Багдад — Басра — Ковейт. В октябре 1898 г. Вильгельм II посетил Турцию. Официально поездка объяснялась необходимостью присутствовать на торжествах освящения евангелической церкви в Иерусалиме, но вот как объяснял этот визит Бюлов в своем меморандуме о поездке Вильгельма II: «Экономическим результатом поездки императора является выдача концессии на постройку гавани в Хайдар-Паша, концессии на проведение германского кабеля между Константцией и Константинополем и укрепление существующих отношений между турецким правительством и крупными немецкими фирмами... Следует также отметить план продолжения Анатолийской ж. д. до Багдада. Это, по всей вероятности, будет способствовать дальнейшему открытию для нас Малой Азии (Die Grosse Politik т. XII, № 3297).

[4] См. D-r Наббе. Deutsche Weltpolitik, München, 1897; «Flugsschroften des Alldeutschen Verbandes», «Alldeutsche Blätter» и др.

[5] Siegmund Schneider. Die deutsche Bagdad Bahn und die projektierte Ueberbrückung des Bosphorus in ihrer Bedeutung Weltwirtschaft und Weltverkehr. Wien und Leipzig. Verlagsbuchhandlung Leopold Weiss. 1900. (Прим. подлинника).

Ощущаемый сельскими хозяевами Восточной Пруссии недостаток рабочих сил пополняется, как известно, допущением рабочих из России и Галиции, число коих, по опубликованным «Alldeutscher Verband» сведениям, достигает ежегодно около 100.000 чел. Хотя подобное вторжение «чуждых» элементов и есть только временное и, по истечении срока, дозволенного им пребывания в Германии, прусские власти заботятся уже об их удалении, тем не менее националисты продолжают считать влияние проходящих славянских элементов весьма вредным для местного населения и требуют закрытия русской границы, как то было при железном канцлере.

Кроме того «Alldeutscher Verband» бдительно следит за малейшим проявлением инородных течений; им было открыто начало литовской и мазурской пропаганды в Восточной Пруссии и вендского движения в Верхней Лузации[1]; главной же его заботой остается, по сие время, польский вопрос, несмотря на то, что он перешел уже в ведение общества Verein zur Folderung des Deutschtums in den Ostmarken.

Сочувствуя деятельности «Поселенческой Комиссии в Познани и Западной Пруссии», националисты настоятельно требовали в 1898 г. в Прусской Палате увеличения поставленного в распоряжение сказанной комиссии фонда до 2 миллионов марок[2]; впоследствии они доказали парализующее влияние рентовых имений на достигаемые Переселенческой комиссией результаты и включили ныне в свою программу требования поощрения рентовыми банками[3] исключительно только немецких поселенцев.

В новейшее время, пангерманским союзом сделан опыт учреждения в восточных окраинах национальных питомников в виде сиротских домов[4], с другой стороны, им деятельно поощряется польская эмиграция.

Равно как «Alldeutscher Verband» в видах охранения германской нации от засорения инородцами, считает необходимым затруднить поступление их в германское подданство, он вместе с тем, ратует за создание возможно выгодных условий, облегчающих сохранение живущими заграницей немецкими подданными их национальной принад-

[1] Венды или лужичане — славянская народность, заселяющая области Верхней и Нижней Лузации. В указанный период в Верхней Лузации усиливалось национальное движение против германизации области. Организовывались просветительные общества, имевшие целью пропаганду и развитие лужицкого языка. Издавался ежемесячник «Luzica», еженедельник «Posnhal Boh», двухнедельник «Serbski Hospodar» и многие другие.

[2] Вопрос о германизации Познани и польских областей Западной Пруссии был поднят еще Бисмарком, который в 1886 г. провел через Прусский ландтаг законопроект о выкупе государством польского землевладения в этих областях, для чего был создан крупный денежный фонд, распоряжение которым было передано «Поселенческой комиссии в Познани и Западной Пруссии». В 1898 г. фонд этот был увеличен вдвое. Со своей стороны, немецкие землевладельцы в Познани организовали О-во «Verein zur Folderung des Deutschtums in den Ostmarken» и в издаваемом ими журнал «Ostmark» агитировали за полную германизацию области. Все эти мероприятия усилили рост национального движения поляков, которые с успехом проводили бойкот немецких товаров и агитировали за сплошной отказ в продаже земель лицам немецкой национальности.

[3] Между тем как Поселенческою комиссией в Познани скупаются польские имения для раздачи их отдельными участками поселенцам немецкой национальности, Генеральная комиссия в Бромберге учреждает, в видах задержания отлива сельского населения в города, рентовые банки и содействует таким образом в значительной степени, оседлости мелкого польского элемента (прим. подлинника).

[4] Эти сиротские дома задуманы так, чтобы в них помещались из городов дети лютеранского вероисповедания, поступающие затем к немецким крестьянам и ремесленникам, живущим в сказанных окраинах. Они являются, таким образом, переходными стадиями и призваны служить только для первоначального приема питомцев и временного их пребывания в случаях болезни или перемены воспитателя.

Подобное учреждение существует в Neu Zedlitz и поданный «Alldeutscher Verband» пример встретил особенное сочувствие церковных сфер. (Прим. подлинника).

лежности к Германии. Вследствие сего, националисты требуют увеличения числа консульских представителей и признают крайне нецелесообразным действующее, по сие время, расширение закона 1 июня 1870 года, по которому всякий, живущий заграницей германский подданный, не записывающийся, в течение 10 лет, в консульские списки, лишается имперского подданства.

В указанном духе рассматривается также пангерманским союзом вопрос о выселении и принятым в 1897 году в рейхстаге законом (Auswentlerungsgesetz), были уважены уже некоторые требования его по сему предмету.

Дальнейшим попечением союза о находящихся вне пределов империи германских подданных, является желание облегчить лежащие на них воинские повинности. По германскому военному кодексу правом отбывания военной службы в годичный срок (Einjährige Dienstzeit) пользуются только лица, окончившие курс в германских гимназиях. Учреждение немецких школ вне пределов Германии с одинаковыми правами, и составляет ныне предмет особых забот националистов. В этом отношении ими достигнут крупный успех, ибо правительство, снизойдя к предъявленным в парламенте д-ром Гассе требованиям, выразило в минувшем году, согласие на отпущение для этой цели 300.000 марок [1]. Одновременно националисты добились для жительствующих в юго-западных африканских колониях (Deutsch-Sud-West-Afrika) германских подданных права отбывать там же, на месте воинскую повинность.

В предыдущем изложены главнейшие пункты национальной программы «Alldeutscher Verband» в их прикосновении с вопросами реальной политики.

Остается дополнить характеристику союза немногими словами.

Представители его — восторженные поклонники преследуемой императором Вильгельмом мировой политики; они дружат с аграриями и открыто осуждают новейший поворот германской политики в сторону Англии, что объясняется как их симпатиями к бурам, так и опасением слишком большой зависимости от Сен-Джемского кабинета.

Относительно Франции они не питают завоевательных замыслов. Представители «Alldeutscher Verband» скорее сторонники добрых отношений к Франции, которой они, в своих утопиях о перетасовке Европы, готовы даже уделить Валлонскую Бельгию и Французскую Швейцарию; только на случай необходимого усмирения враждебной Тройственному союзу Франции, они намечают присоединение Дюнкирхена к Бельгии, Бельфора и Западно-Африканских владений к Германии и Ниццы, Савойи, Корсики и Северной Африки к Италии.

Равным образом расширение границ современной Германии на счет русских западных окраин не может, по словам националистов, входить в их соображения.

Развитие России должно, по их мнению, завершиться в чисто национальном духе. Прибалтийские провинции, царство Польское и Литва выделяются в самостоятельные величины, между тем как Афганистан, Белуджистан и опорный пункт в Дарданеллах должны отойти к России.

Приведенные утопии заимствованы из анонимной брошюры, носящей название «Gross Deutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950», которая рисует конечные цели пангерманских идеалов. Таковыми являются постепенная германизация членов будущего великого немецкого союза, за исключением скандинавских народностей, и тяготение к нему

---

[1] Rechenschaftsbericht zum 3-ten ordentlichen Verbandstage am 7 Juni 1900 zu Mainz. (Прим. подлинника.

в торговополитическом отношении создаваемых второстепенных государств [1].

Возвращаясь снова к действительности, следует в заключение, заметить, что правительство относится к националистам точь в точь как оно смотрит на частных пионеров германской культуры на Востоке, которых оно поддерживает своим политическим влиянием, если это входит в его расчеты, но от которых оно может бесцеремонно отказаться в неудобных случаях.

В сравнении с националистами других стран,— отличительной чертой представителей «Alldeutscher Verband» является свойственная немецкому духу, трезвость взглядов, которой отчасти сдерживается пыл шовинизма.

От сохранения этих отличительных качеств зависит преимущественно будущность «Alldeutscher Verband» в роли влиятельного фактора в дальнейшем развитии государственной жизни Германии.

Фан дер Флит.

---

[1] Прибалтийское княжество, Польское королевство, Русинское царство, расширенная на счет Бессарабии, Буковины и Валахии, Румыния, равно как Великая Сербия, обнимающая Кроацию, Далмацию, Черногорию, Боснию и Герцеговину.

Что касается мадьяр и чехов, то пангерманисты мечтают о разложении их путем сильной немецкой колонизации (Прим. подлинника).

Из записной книжки архивиста

П. А. Моисеенко в архангельской ссылке

Сталинский курс истории ВКП(б) так характеризует стачку, вспыхнувшую в 1885 г. на фабрике Морозова:

...«Особенно большое значение в истории революционного движения имела большая стачка, вспыхнувшая в 1885 году на фабрике Морозова в Орехове-Зуеве.

На этой фабрике работало около 8 тысяч рабочих. Условия работы с каждым днем ухудшались: с 1882 по 1884 год заработная плата сбавлялась пять раз, причем в 1884 году расценки сразу были понижены на одну четверть, т. е. на 25 процентов. Но кроме того фабрикант Морозов замучил рабочих штрафами. Как выяснилось на суде после стачки, из каждого заработанного рубля под видом штрафов у рабочего отнималось в пользу фабриканта от 30 до 50 копеек. Рабочие не выдержали этого грабежа и в январе 1885 года объявили стачку. Стачка была заранее организована» [1].

Морозовская стачка отличалась от предыдущих стачек своей организованностью, сплоченностью рабочих и участием в руководстве движением передовых рабочих: Петра Анисимовича Моисеенко и его ближайших помощников Василия Волкова и Луки Иванова.

П. А. Моисеенко родился в 1852 г. в деревне Обыденной, Смоленской губ., Сычевского уезда. Он рано попал на фабрику и, будучи передовым рабочим, всю жизнь был связан с рабочими, хорошо знал условия труда, нужды и быт рабочего класса.

Еще до Морозовской стачки Петр Анисимович Моисеенко уже имел революционный опыт: он состоял раньше членом «Северного Союза русских рабочих», участвовал в народнических кружках, принимал участие в стачках в Питере, сидел в тюрьме и отбыл сибирскую ссылку. П. Моисеенко был самоучкой, но самообразование и встреча с товарищами в революционных кружках расширили его кругозор. Большое влияние на его развитие оказали Г. В. Плеханов, Ст. Халтурин и др. «Мы с товарищами зачитывались, не верили себе и удивлялись тому, что читали. Мысль заработала: мы стали доискиваться правды и решили проверить то, что открывали нам книги»,— так пишет Моисеенко, вспоминая о первых шагах своей учебы.

Вернувшись из сибирской ссылки, П. Моисеенко поступил на фабрику в д. Ликине, быстро завязал связь с рабочими близлежащих фабрик и месяца за три до стачки перешел на фабрику Морозова.

«Накануне стачки Моисеенко вместе с другими наиболее сознательными ткачами выработал ряд требований к фабриканту, которые были утверждены на тайном совещании рабочих. Прежде всего рабочие требовали прекращения грабительских штрафов.

Эта стачка была подавлена вооруженной силой. Более 600 рабочих было арестовано, несколько десятков из них было отдано под суд» [1].

Одна часть арестованных была привлечена к суду по обвинению в грабеже, другая по обвинению в стачке. Моисеенко обвинялся и в том и в другом. По первому делу, разбиравшемуся во Владимирском окружном суде без участия присяжных заседателей Моисеенко был приговорен к аресту на 3 месяца. По второму, слушавшемуся с участием присяжных заседателей, все привлеченные к суду были оправданы.

Не решившись на кассацию приговора, царское правительство воспользовалось административным аппаратом и выслало руководителей стачки в отдаленные губернии. Моисеенко был выслан на три года в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции «за подстрекательство рабочих к беспорядкам», Волков — в Вологодскую губернию, Л. Иванов был выслан на родину в Смоленскую губернию.

Публикуемые нами документы относятся к периоду пребывания Моисеенко в архангельской ссылке.

После решения о высылке, полиция сразу направила Моисеенко по этапу в Архангельск, не дожидаясь разбора апелляции в Московской судебной палате на решение Владимирского окружного суда. Директор де-

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), краткий курс, стр. 9—10.

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), краткий курс, стр. 10.

партамента полиции, должно быть, не полагаясь на особую дальновидность архангельского губернатора в выборе места ссылки для Моисеенко, в дополнительном предписании просит водворить его «в одном из отдаленнейших уездов».

После более двухмесячного этапного путешествия, Петр Моисеенко 26 ноября 1886 г. был доставлен в распоряжение архангельского губернатора. Местные власти до середины декабря незаконно продержали в тюрьме не только его самого, но и жену его, Екатерину, добровольно следовавшую за мужем в ссылку.

Несмотря на болезнь жены, Моисеенко не дали возможности остаться в Архангельске или выехать в ближайший город — Холмогоры. Губернатор даже не ответил на его прошения, а направил Моисеенко в г. Мезень.

Население гор. Мезени в эти годы составляло около полуторы тысячи жителей, которые занимались сельским хозяйством (главным образом животноводством), рыбными и др. промыслами. На мельницах, салотопне, овчинном заводе и кузнице было всего 14 рабочих. Имелось два приходских училища, три церкви, две часовни, тюрьма и несколько лавок.

Казалось, загнав Моисеенко в такую глушь, полиция могла быть спокойна. Но жандармское управление с первых дней ссылки учредило за ним строгое наблюдение. Жандармские унтер-офицеры больше всего следили за связями политических ссыльных с местным населением. За знакомство с политическими ссыльными, в частности с Моисеенко, учитель Балиев, под давлением полиции, вынужден был подать в отставку и выехать из Мезени.

Публикуемые ниже выписки из прошений Моисеенко показывают, как издевательски относились царские чиновники к политическим ссыльным.

Понятно, что печатаемые ниже документы не отражают всей жизни П. А. Моисеенко в ссылке. Наблюдатели жандармского управления лишь очень поверхностно знали внутреннюю жизнь ссыльных. Даже при обыске Моисеенко в 1887 г. полиция ничего «предосудительного» не нашла, в то время как за картинами были спрятаны прокламации. Неловко должны были чувствовать себя полицейские начальники и после второго обыска на квартире Моисеенко, произведенного уже после его отъезда из ссылки. Получив сведения, что П. Моисеенко при отъезде оставил много литературы, полиция произвела обыск. Но ротмистр Кронгельм немного опоздал — Моисеенко много литературы вывез с собой.

Будучи в ссылке, П. А. продолжал самообразование. Часто чтения производились совместно с другими ссыльными и в частности с Александром Серафимовичем Поповым (писатель Серафимович). В своих воспоминаниях Моисеенко пишет, что в Пинеге они — «с большим усердием читали первый том «Капитала» Маркса»...

Переписка с прокурором Московской судебной палаты о приведении в исполнение приговора Владимирского окружного суда о трехмесячном аресте Моисеенко показывает, что московские чиновники не забыли его и в ссылке, заставив отбыть и это наказание.

Материальное положение Петра Моисеенко в ссылке было крайне тяжелым. С первых дней ссылки ему приходится учиться столярному ремеслу, а жене заняться стиркой белья. Но «бдительная» полиция и пинежский ротмистр запрещали населению давать заказы ссыльным, а на казенное пособие — 28 коп. кормовых на семью в сутки — которое Моисеенко к тому же стал получать лишь с 1 февраля 1887 г., прожить было невозможно. Запрос архангельского губернатора смоленскому губернатору, о выявлении материального положения Моисеенко на родине, носит явно формальный характер. И без ответа из Смоленска губернатор знал, какими «имениями и капиталами» владел Моисеенко.

В марте 1889 г. после длительной переписки, Моисеенко удалось переехать в Пинегу, этим переездом он стремился облегчить свой выезд из ссылки летом 1889 г.

29 июля 1889 г. П. А. Моисеенко закончил ссылку и выехал из г. Пинеги в Челябинск, полный решимости продолжать борьбу с самодержавием. Полиция не переставала следить за ним. Сообщая Оренбургскому губ. жандармскому управлению о выезде Моисеенко в Челябинск, полковник Латухин указывал: «Моисеенко взял с собою много книг»...

Ни суровые климатические, ни тяжелые бытовые условия не сломили революционной инициативы Моисеенко; он не только сумел сохранить свои силы, но и накопить энергию для продолжения борьбы с самодержавием.

После возвращения из ссылки П. Моисеенко не прекращал участия в революционном движении вплоть до 1917 г.

П. А. Моисеенко умер 10 ноября 1923 г. и похоронен в Орехово-Зуеве у подножья памятника стачки 1885 г.

А. Угловой.

Анкета — (список) на Петра Анисимовича Моисеенко (Мосеенок) [1].

1. Фамилия, имя и отчество.— Мосеенок Петр Анисимов.
2. Время рождения.— 1853 года, декабря месяца.
3. Место рождения.— Смоленская губ., Сычевского уезда, Кравцовской волости, деревни Обыденное.
4. Вероисповедание.— Православный.
5. Происхождение.— Крестьянин.
6. Народность.— Великоросс.
7. Звание.— Крестьянин.
8. Занятия.— Учусь столярному ремеслу.
9. Средства к жизни.— Казенное пособие.

[1] Архангельский облархив, ф. 2, д. № 666, лл. 29/54, 30/55. Заголовок подлинника. Анкета (список) заполнена собственноручно П. А. Моисеенко во время пребывания его в ссылке в г. Мезени. Дата заполнения анкеты неизвестна. Фамилия П. А. Моисеенко в разных документах пишется по-разному: Моссенко, Мойсеенко, Мосеенка, Мосеенок, Моисеенко. Принято считать — Моисеенко. В приводимых текстах фамилия воспроизводится так, как была в подлиннике.

10. Семейное положение (имя, отчество жены или мужа, имена детей, их занятия и местожительство).— Имею отца Анисима Иванова, мать Марию Яковлеву, братья: Григорий, Алексей; сестры: Матрена, Наталья Анисимовы; жена — Екатерина Сазонова; дочь Инна Петровна. Живут последние при мне в городе Мезени.

11. Родственные связи (родители, братья, сестры, места их жительства и занятия).— Отец Анисим Иванов, мать Мария Яковлева; братья — Григорий, Алексей Анисимовы; сестры — Матрена, Наталья Анисимовы. Жительство Смоленской губ., Сычевского уезда, деревня Обыденное, занимаются хлебопашеством, находятся в податном сословии.

12. Место постоянного жительства родителей или заменяющих их родственников или опекунов.— Смоленская губ., Сычевского уезда, деревня Обыденное.

13. Экономическое положение родителей.— Находятся в податном сословии.

14. Место воспитания (указать в каком именно заведении, сколько времени пробыл, почему оставил каждое заведение, когда поступил и когда вышел).— Нет, самоучка.

15. На чей счет воспитывался.— Нигде не воспитывался.

16. Был ли заграницей, когда именно, где и с какой целью.— Не был.

17. Привлекался ли раньше к дознаниям, где, когда и чем дело окончено.— Привлекался в Петербурге в 1878 г. по делу стачки. В 1879 г. по делу стачки. Выслан был административно в Енисейскую губ., кончился срок в 1883 г., в 1885 г. привлекался по делу стачки владимирским окружным судом, коронным — был приговорен к трехмесячному заключению при полиции. Судом присяжных оправдан. Административно выслан в город Мезень на три года.

18. Место жительства.— Город Мезень.

Петр Анисимов Мосеенок.

Из отношения департамента полиции архангельскому губернатору 10 августа 1886 г., № 2889 [1].

Особое совещание, образованное согласно ст. 34 Положения о государственной обороне, выслушав доклад о содержавшемся под стражею в владимирском тюремном замке, крестьянине Смоленской губернии Петре Анисимове Мосеецко, обвиняемом в подстрекательстве рабочих к беспорядкам,— постановило: по исполнении о нем судебного приговора, выслать его в Архангельскую губернию под надзор полиции на три года...

И. д. директора (подпись).

Из отношения владимирского губернатора архангельскому губернатору, 16 сентября 1886 г., № 447 [2].

...Прокурор московской судебной палаты от 13 сего сентября за № 2147 отозвался, что как с его, так и со стороны палаты не имеется препятствий к отправлению Мосеенка в назначенное им департаментом полиции место административной ссылки до рассмотрения в судебной палате дела о нем в апелляционном порядке, которое, как видно из определения палаты от 4 сего сентября, может быть рассмотрено в отсутствии подсудимого.

Вследствие сего, предписав с сим вместе владимирскому полицеймейстеру об отправлении Мосеенка этапным порядком в Архангельск, имею честь уведомить о сем ваше превосходительство, покорнейше прося о прибытии Мосеенка меня уведомить.

И. д. губернатора,
вице-губернатор (подпись).

Отношение департамента полиции архангельскому губернатору, 3 октября 1886 г., № 3584 [1].

В дополнение к отношению от 10 августа сего года за № 2889, департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше сиятельство не отказать в зависящем распоряжении к водворению крестьянина Петра Анисимова Мосеенко в одном из отдаленнейших уездов вверенной вам, милостивый государь, губернии.

Директор (подпись).

Из прошения Петра Моисеенко архангельскому губернатору, 27 ноября 1886 г. [2].

...Будучи семейным, имея при себе жену в болезненном состоянии, осмеливаюсь просить ваше сиятельство назначить медицинское освидетельствование жены моей Екатерины Мосеенок [3]. Ввиду болезненного состояния жены, осмеливаюсь почтительнейше просить ваше сиятельство не высылать меня далее города Холмогор. Буде не найдете возможным оставить меня навсегда в городе Холмогорах, то почтительнейше прошу назначить, хотя до весны или до выздоровления моей жены. Ввиду затруднительного и продолжительного

---

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 1.

[2] Там же, л. 2 и об.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 4.

[2] Там же, л. 11.— Здесь приводится выписка из второго прошения Моисеенко о месте его ссылки, написанного им в Архангельской тюрьме. Первое, от 30 октября 1886 г., адресованное губернатору из каргопольской тюрьмы, осталось без ответа. В деле имеется и третье прошение по этому вопросу. Видимо не получив ответа, Моисеенко 11 декабря 1886 г. вновь просил направить его в Холмогоры и одновременно освободить из тюрьмы его жену, т. к. она следовала за ним добровольно. На прошении имеется пометка канцелярии: «Явившийся 19 декабря в канцелярию ссыльный Мосеенко лично заявил, что он и жена его уже около недели тому назад освобождены из тюремного замка».

[3] Архангельский полицеймейстер 16 декабря 1886 г. за № 4786 сообщил губернатору, что освидетельствование жены Моисеенко состоялось. Был составлен акт, но в делах не сохранился. Из последующих документов видно, что она была признана больной.

ожидания подводы под своз вещей, имеющихся при мне, а также и жены моей при ее болезни, всепокорнейше прошу ваше сиятельство дозволить жене моей Екатерине Мосеенок следовать за свой счет до города Холмогор без стражи и конвоя.

Петр Анисимов Мосеенок.

Из предписания и. д. архангельского губернатора архангельскому полицеймейстеру, 19 декабря 1886 г. № 3306 [1].

Назначив местом жительства доставленному 26 минувшего ноября в г. Архангельск административно-ссыльному крестьянину Смоленской губернии Петру Анисимову Мосеенко г. Мезень, предлагаю в. в. отправить его этапным порядком в распоряжение мезенского у. исправника и о последующем донести мне.

Вместе с тем, усматривая из имеющихся о названном ссыльном сведений, что он доставлен сюда вместе с изъявившею добровольное желание следовать за мужем женою его, Мосеенко, Екатериною Сазоновой, по поводу болезненного состояния которой муж ее возбудил ходатайство о назначении ему местом жительства г. Холмогор, куда жена просителя могла бы последовать за свой счет по проходному свидетельству,— предлагаю вашему высокоблагородию объявить ссыльному Петру Мосеенко, что означенное его ходатайство — о водворении его в т. Холмогоры — признано неподлежащим удовлетворению...

И. д. губернатора князь Голицын.

Из предписания и. д. архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 19 декабря 1886 г., № 3305 [2].

...Назначив местом жительства Петру Мосеенко г. Мезень и сделав вместе с сим надлежащее распоряжение об отправлении его в распоряжение ваше, предлагаю вашему высокоблагородию, по доставлении Мосеенко в г. Мезень, учредить за ним гласный надзор полиции, о чем в то же время донести мне...

И. д. губернатора — князь Голицын.

Из рапорта мезенского уездного исправника архангельскому губернатору, 7 февраля 1887 г., № 166 [3].

Доставленный под надзор полиции в г. Мезень крестьянин Петр Анисимов Мосеенко, 1 сего февраля обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании ему с женою пособия на содержание и на наем квартиры, а также на заведение одежды и обуви.

Принимая во внимание, что в г. Мезени чет ни частных, ни общественных работ, через которые Мосеенко мог бы приобрести себе средства к существованию и для заведения одежды, ходатайство это я с своей стороны признаю заслуживающим уважения...

За уездного исправника помощник исправника (подпись).

Из отношения и. д. архангельского губернатора смоленскому губернатору, 14 февраля 1887 г., № 512 [4].

...Для определения прав Мосеенко на испрашиваемое им пособие, признавая необходимым иметь сведения о том нет ли на родине у Мосеенко имений и капиталов, от которых он мог содержать себя и жену свою в ссылке без казенного на это пособия, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в сообщении мне упомянутых сведений.

Вице-губернатор Депрерадович.

Предписание и. д. архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 18 февраля 1887 г., № 511 [2].

Вследствие изложенного в рапорте вашем от 7 февраля за № 166 ходатайства проживающего под гласным надзором полиции в г. Мезени, политического ссыльного Петра Мосеенко, о производстве ему и жене его, по неимению собственных средств к содержанию себя в ссылке, казенного на этот предмет пособия, предлагаю в. в. производить Мосеенко и жене его помянутое пособие с 1 сего февраля в размере, установленном для лиц непривилегированного сословия.

Вице-губернатор Депрерадович.

Из отношения смоленского губернатора архангельскому губернатору 30 мая 1887 г., № 2837 [3].

...Петр Анисимов Мосеенко, как донес сычевский уездный исправник, отдельно принадлежащего ему имущества на родине никакого не имеет, а отец его Анисим Иванов Мосеенко, от которого он не был отделен, имеет дом, земли на 4½ надела, одну лошадь, одну корову, но собственного хлеба не всегда достаточно бывает до нового урожая, семейство же состоит из жены, двух сыновей и двух дочерей.

За губернатора вице-губернатор (подпись).

Из отношения начальника Владимирского губернского жандармского управления начальнику архангельского жандармского управления, 23 марта 1887 г., № 219 [4].

Из бумаг, отобранных при обыске у обвиняемого Яковлева, усматривается, что сей

---

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, лл. 18, 19.

[2] Там же, л. 18.

[3] Там же. Вместе с рапортом уездный исправник прилагает свое «исчисление» о сумме, потребной на заведение одежды по арестантскому положению» и испрашивает 27 руб. 47 коп., 27 марта департамент полиции разрешает выдать 26 руб. 77 коп.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 28.

[2] Там же, л. 48.

[3] Там же, л. 48. Это отношение является ответом на второй запрос архангельского губернатора, т. к. на первый запрос смоленский губернатор не мог дать справку о Моисеенко, не зная из какого уезда, волости и деревни он происходит.

[4] Архангельский облархив, ф. № 2, д. № 666, л. 5.

последний вел переписку с крестьянином Смоленской губернии Петром Анисимовым Моисеенковым...

Переписка эта указывает на близкое знакомство Моисеенко с обвиняемым...

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить распоряжения вашего высокоблагородия произвести обыск по месту нахождения ссыльного Моисеенка и допросить его, в порядке закона 1035 1/2 ст. устав. уголов. судопр. о знакомстве и сношениях к обвиняемым Яковлеву и Буяковичам, и ежели при обыске окажется основание к аресту, то подвергнуть таковому Мосеенка и о последующем покорнейше прошу меня не оставить без уведомления[1].

Полковник Воронов.

Из сведений о поведении и знакомствах Моисеенко в Мезени, 27 апреля 1887 г.[2]

Поведения и нравственности недурных. Знакомство имеет с учителем 2-го класса приходского училища с Балиевым[3] и запасным рядовым Сергеем Кузминым.

Предписание архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 22 мая 1887 г., № 1318[4].

Препровождая при этом, присланную архангельским губернским прокурором при отношении от 12 сего мая за № 1418, выпись из приговора Владимирского окружного суда, состоявшегося от 7/8 февраля 1886 г., по делу о крестьянине Петре Анисимове Мосеенок, состоящем ныне под гласным полицейским надзором в г. Мезени, сужденном по 1358 ст. улож., предлагаю вашему высокоблагородию привести тот приговор в исполнение над крестьянином Мосеенок выдержанием его под арестом при полиции в течение трех месяцев и об исполнении сего донести мне.

За губернатора управляющий Казенной палатой (подпись).

Заявление П. Моисеенко, 29 мая 1887 г.[1].

Я, нижеподписавшийся, состоящий под надзором полиции в г. Мезени, крестьянин Петр Анисимов Мосеенок на предъявленную мне выпись из приговора владимирского окружного суда о подвергнутии меня аресту при полиции на три месяца, — имею честь объяснить, что приговор этот мне уже объявлен и на неправильность решения мною была подана апелляционная жалоба в московскую судебную палату, но ответа на нее мне не объявлено. Почему и прошу приостановиться приведением в исполнение означенного выше приговора.

Петр Мосеенок.

Рапорт мезенского уездного исправника и. д. архангельского губернатора, 29 мая 1887 г. № 772[2].

Представляя при сем отзыв состоящего под надзором полиции Петра Мосеенок, данный вследствие предъявления ему присланной при предписании от 22 сего мая за № 1318 выписки из приговора Владимирского окружного суда, состоявшегося 7/8 февраля 1886 г., по обвинению его по — 1358 ст. Улож., имею честь покорнейше просить ваше превосходительство дать мне знать, следует ли приводить приговор в исполнение, ввиду данного Мосеенок отзыва.

За уездного исправника помощник исправника (подпись).

Из отношения архангельского губернатора прокурору Московской судебной палаты, 8 июня 1887 г., № 1546[3]

...Усматривая из имеющегося в производящемся в канцелярии губернатора деле о Мосеенок отзыва Владимирского губернатора от 16 сентября 1886 г. за № 447, основанного на уведомлении вашего превосходительства от 13 того же сентября за № 2147, что крестьянином Мосеенок действительно была подана в означенную палату апелляционная жалоба по его делу, каковое, согласно определению палаты 4 сентября, заключено было рассмотреть в отсутствие подсудимого, — я

---

[1] Несмотря на неоднократные требования начальника Владимирского жандармского управления и предписания директора департамента полиции, обыск и допрос Моисеенко задержался до июня 1887 г., т. к. раньше, вследствие распутицы, жандармский ротмистр не мог добраться до Мезени. Протокола обыска и материалов допроса в делах нет. Сам Моисеенко пишет: «Обыск был произведен, но ничего не нашли. Составили протокол. После их ухода я удивлялся, как это они не могли догадаться, рассматривая кусок сплавленного желатина? Вероятно они сочли его за мыло... Затем они не нашли спрятанных за картиной прокламаций. Они искали переписку, перерывали все бумаги... Написали протокол, подписали, и делу конец» (П. А. Моисеенко, Воспоминания 1873—1923 г., изд. «Красная новь» М., 1924 г., стр. 109—110).

[2] Архангельский облархив, ф. 2, д. № 666, лл. 5/30, 6/31. Эти сведения представлялись каждый месяц в губернское жандармское управление, но они были очень поверхностны и не отражали, конечно, действительной работы и связей Моисеенко во время ссылки.

[3] В своих воспоминаниях П. А. Моисеенко пишет: «за близкое знакомство учителя Балиева с политическими, ему предложили подать в отставку». Балиев вынужден был выехать из Мезени.

[4] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 36.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 38. Это заявление (отзыв) было написано П. А. Моисеенко на предписании архангельского губернатора от 22 мая 1887 г. (см. выше), предъявленном Моисеенко уездным исправником.

[2] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 37.

[3] Там же, лл. 39, 40.

имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня, рассмотрена ли Московской судебной палатой означенная выше апелляционная жалоба крестьянина Мосеенок и какое последовало по ней решение палаты.

За губернатора, управляющий Казенной палатой.

Из отношения прокурора Московской судебной палаты архангельскому губернатору, 19 июня 1887 г. № 1416[1].

...Имею честь уведомить ваше превосходительство, что Московская судебная палата, рассмотрев в публичном заседании 17 декабря минувшего года дело по апелляционному отзыву защитника крестьянина Петра Анисимова Мосеенка и других присяжного поверенного Шубинского, между прочим определила: Приговор Владимирского окружного суда от 7/8 февраля 1886 г. в отношении обвиняемого Моисеенко оставить в силе.

Прокурор судебной палаты М у р а в ь е в.

Из рапорта мезенского уездного исправника архангельскому губернатору, 14 октября 1887 г., № 1256[2].

...Состоящий под надзором полиции в г. Мезени крестьянин Петр Анисимов Мосеенко, согласно приговора Владимирского окружного суда, состоявшегося 7/8 февраля 1886 года, выдержан под арестом при полиции три месяца, с 13 сего июля по 13 октября сего года.

Уездный исправник П о п о в.

Из прошения П. А. Моисеенко архангельскому губернатору, 21 сентября 1888 г.[3].

Честь имею довести до сведения вашего сиятельства о невозможных отношениях г. местного исправника к нам, политическим ссыльным. Отношения эти таковы: г. местный исправник всеми силами старается запугать местных мещан, чтобы они не могли иметь какие-либо отношения с нами, политическими ссыльными. Эти угрозы со стороны исправника выражаются не только местным мещанам, но даже их детям. Так, например, г. исправник отправляет полицейского солдата к родителям детей, которые иногда ходят к политической ссыльной Анне Васильевне Циценко. Приказывает от имени своего передать, что если их дети будут ходить к А. В. Циценко, то он, г. исправник, будет родителей этих детей штрафовать. Не удовольствуясь посылкой солдата, г. исправник приказывает собрать отцов в полицейское управление и там лично всеми силами старается показать вид им, что если они его не послушают, то даром это не пройдет для них. Не находя, повидимому, возможным запретить посещение квартиры Циценко детям, которые ходят играть к ее ребенку, г. исправник призывает Циценко в полицейское управление, требует от нее подписку в том, что она не будет заниматься педагогической деятельностью... Такое требование г. исправника ни на чем не основано, ибо Циценко никакой педагогической деятельностью не занимается...

Все эти запугивания и застращивания местных обывателей против нас, ставит нас в крайне затруднительное положение. Нам становится крайне трудно доставать припасы первой необходимости, благодаря отсутствию в Мезени базаров. Если же и достанешь, то платить за все втридорога.

Не имея же возможности прожить на казенное пособие[1], нам приходится искать каких-нибудь заработков, но благодаря тем же запугиваниям, это становится положительно невозможным.

Если же обращаешься к г. исправнику с какой-либо просьбой, или же за разъяснением чего-либо, то нет положительно никакой возможности от него добиться чего-либо определенного. Всегда г. исправник старается или избежать тебя или же дать непонятный ответ. А в конце концов заявляет, что он донесет вашему сиятельству... Мало того... г. исправник... всегда позволяет себе крайне невежливое отношение к нам. Так, например, мы обращались 30 августа к г. исправнику с просьбой, не найдет ли он возможным казенное пособие присылать каждое первое число с солдатом к нам на квартиру, вместо того, чтобы посылать того же солдата с приглашением пожаловать в полицейское управление или же к г. надзирателю. Вместо того, чтобы дать прямой ответ, г. исправник обещался подумать и дать нам ответ на другой день.

Ответа же он никакого не дал ни на второй, ни на третий день и по сие время. Так, что пришлось отправиться к нему вторично. Но во второй раз он даже не находил почему то возможным принять нас лично, заставляя вести переговоры сначала через свою кухарку, а потом через полицейского солдата, заставляя все это время ждать на улице.

В конце концов обращается с приглашением, через того же солдата пожаловать вечером в полицейское управление, куда придет и он в назначенный час. Мы не преминули явиться в назначенный час, но г. исправника там не оказалось. Мы решили ждать его, но эти ожидания не увенчались успехом, а заставили выслушать массу плоских острот со стороны чиновников, вызывающих на разговор, могущий окончиться крайне неприятной историей.

Вообще же сам г. исправник всегда ведет себя таким образом, что невозможно поручиться за себя, а также за столкновение с г. исправником более или менее крупное...

Петр Анисимов М о с е е н о к.

---

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 1, л. 42.

[2] Т а м ж е, л. 48.

[3] Т а м ж е, л. 55. Очевидно, это прошение осталось без всяких последствий. На прошении имеется пометка губернатора: «I/X—88».

[1] До февраля 1887 г. П. Моисеенко вообще не получал никакого пособия. Затем было установлено казенное пособие «в размерах... для лиц непривилегированного сословия».

Из предписания и. д. архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 18 января 1889 г., № 142[1].

Состоящий в г. Мезени под надзором полиции политический ссыльный Петр Анисимов Мосеенко, заявляя в поступившем ко мне прошении, что по крайне бедному его состоянию представляется весьма затруднительным возвращаться ему с болезненной женой и ребенком[2] из Мезени на родину, по окончании будущим летом срока полицейского за ним надзора, ходатайствует о перемещении его на жительство в г. Пинегу, откуда он считает более удобным переселиться на родину, отправившись водным путем на пароходе до Вологды. А переезд из Мезени до Пинеги по зимнему пути не составляет для него такой трудности, как в летнее время...

Вследствие сего и имея ввиду, что проситель Мосеенко мог бы переместиться в Пинегу и по последнему зимнему пути, если действительно переезд до Пинеги в летнее время представляется для него затруднительным, я не нахожу возможным удовлетворить ходатайство его о перемещении в Пинегу в настоящее время. О чем предлагаю вашему высокоблагородию объявить сказанному ссыльному Мосеенко.

При этом объявить ему также и о сроке окончания полицейского за ним надзора, который исполнится 29 июля сего года...

Независимо от сего предлагаю вам доставить мне сведения о том, справедливо ли заявление ссыльного Мосеенко о трудности переезда его в Пинегу в летнее время и, что ввиду бедности его и болезненного состояния его жены и ребенка, ему необходимо переместиться в Пинегу по зимнему пути...

(подпись).

Из рапорта мезенского уездного исправника и. д. архангельского губернатора, 31 января 1889 г., № 24[3].

...Имею честь доложить, что для просителя Мосеенко переезд до г. Пинеги в летнее время с женой и ребенком, не пользующимся особенным здоровьем, действительно затруднителен и потребует двойных затрат на путевые для переезда расходы...

Уездный исправник Попов.

Из предписания архангельского губернатора пинежскому уездному исправнику, 17 марта 1889 г., № 648[4].

Разрешив состоящему в г. Мезени под гласным надзором полиции политическому ссыльному, крестьянину Смоленской губернии Петру Мосеенко, согласно его просьбы, переместиться на жительство в гор. Пинегу... предлагаю вашему высокоблагородию по прибытии Мосеенко в г. Пинегу учредить за ним гласный надзор полиции...

Губернатор князь Голицын.

Из рапорта пинежского уездного исправника архангельскому губернатору 25 марта 1889 г., 249[1].

...Петр Мосеенок прибыл под надзор полиции в г. Пинегу 25 сего марта.

Уездный исправник (подпись).

Из заявления П. А. Моисеенко в архангельское губернское правление 23 февраля 1889 г.[2].

Имею честь заявить архангельскому губернскому управлению о следующем: мною в октябре месяце 1888 г. было подано прошение господину уездному исправнику города Мезени о выдаче мне казенного пособия — одежных денег в размере, установленном порядком. Находясь в ссылке два года и шесть месяцев я получил всего 46 руб. Имея при себе жену и ребенка, которым совершенно не выдают одежных денег, я до того обносился, что положительно не в чем выйти...

Петр Мосеенок.

Из прошения П. Моисеенко архангельскому губернатору, 14 апреля 1889 г.[3].

...Господин жандармский офицер безусловно запрещает обывателям города Пинеги иметь какое бы то ни было сношение с политическими ссыльными, даже если эти сношения носят чисто деловой характер.

В ссылке я стал учиться столярному ремеслу, чтобы обеспечить себе кусок хлеба по окончании ссылки, так как средств к существованию у меня нет никаких, — с одной стороны, а с другой, имея при себе жену и ребенка, которым не выдают казенного пособия на одежду, я вынужден всеми силами стараться заработать, хотя сколько-нибудь, чтобы не ходить раздевши и разувши. И, несмотря на свою неумелость в работе, я должен прибегать хоть к ничтожным заказам, которые только и могут быть даваемы обывателями.

Живя в г. Мезени я не испытывал со стороны администрации запрещения трудиться. Тут же г. жандармский офицер своим распоряжением окончательно отнимает всякую работу, так как заявляет обывателям, что если они будут иметь какое бы то ни было дело с политическими ссыльными, то он будет их ссылать в Сибирь»...

Петр Мосеенок.

---

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 65.

[2] Дочь Инна родилась в Мезени 1 января 1888 г.

[3] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 68.

[4] Там же, л. 72.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 73.

[2] Там же, л. 65.

[3] Там же, лл. 75, 76. На прошении пометка губернатора: «Сообщить начальнику жандармского управления, о чем и объявить просителю. 26/IV—89». Из дела не видно, чтобы были приняты какие-либо меры по этому прошению.

Из отношения и. д. помощника начальника Архангельского губернского жандармского управления в Пинежском и Мезенском уездах начальнику губернского жандармского управления, 29 апреля 1889 г., № 53 [1].

...Наблюдение за ссыльными показало, что с приездом из Мезени в Пинегу Мосеенко и Редько среди ссыльных стало заметное оживление; группируясь около Машицкого, они поочередно собираются друг у друга и преимущественно у состоящего под негласным надзором, бывшего политического ссыльного Ерофеева. Беседы их продолжаются далеко за полночь. В числе знакомых ссыльных стали замечаться некоторые мещане...

Корнет Мочалов.

Донесение жандармского унтер-офицера Сивкова помощнику начальника архангельского губернского жандармского управления, 4 мая 1889 г., № 9 [2].

Находящийся под моим присмотром ссыльно-политический Петр Анисимов Мосеенок квартиру содержит у мещанина Федора Иванова Олыкина, во флигеле, вышку за цену 1 руб. в месяц [3]. Стол имеет у себя, приготовляет его жена. И еще есть маленькое дитя.

Знакомство имеет с ссыльно--политическими со всеми, кто находится в г. Пинеге. А с Поповым [4] вместе работают столярные изделия.

А Мосеенко у Попова почти все время бывает — с утра до вечера, только сходит пообедать да ночевать, а остальное время все у Попова. А тут соберутся и поют и кричат промеж собой.

Знакомства с другими не имеет. На охоту ходит и на лодке с неводом рыбу ездит ловить.

О чем имею честь донести вашему высокоблагородию.

(подпись).

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 71.

[2] Там же, ф. № 2, д. № 666, л. 31/56.

[3] По другим, более точным данным, плата за квартиру была 3 руб. в месяц.

[4] Александр Серафимович Попов — это писатель Серафимович, который тоже находился тогда в ссылке в Мезени, а затем в Пинеге.

Рапорт пинежского уездного исправника архангельскому губернатору, 29 июля 1889 г., № 536 [1].

Имею честь донести вашему сиятельству, что освобожденный сего числа от надзора полиции политический ссыльный Петр Мосеенко, получив за № 536 проходное свидетельство на следование в г. Челябинск Оренбургской губернии, где изъявил место жительства, выбыл туда сего 29 июля.

Уездный исправник (подпись).

Из донесения начальника Архангельского губернского жандармского управления департаменту полиции, 10 августа 1889 г. [2].

Помощник мой в Пинежском и Мезенском уездах ротмистр Кронгельм телеграммой от 6 текущего августа за № 8, донеся, что политический ссыльный в г. Пинеге крестьянин Смоленской губернии Петр Анисимов Мосеенко, ныне освобожденный от гласного надзора полиции, при отправлении своем 29 июля в г. Челябинск, Оренбургской губернии, оставил у домохозяина своего в г. Пинеге два сундука с книгами и взял с собою много каких-то книг, просил разрешить обыск.

Вследствие сего я предложил ротмистру Кронгельму осмотреть сундуки с книгами, в порядке государственной охраны.

Произведенным по сему расследованием в г. Пинеге ничего предосудительного не обнаружено, за исключением нескольких отрывков из книг на польском языке, отчасти тенденциозного характера, что однако, по моему мнению, не составило в настоящем случае достаточных данных для привлечения Мосеенко к дознанию...

Представляя о сем департаменту полиции, имею честь доложить, что о всем вышеизложенном я сообщил начальнику Оренбургского губернского жандармского управления...

Полковник Латухин.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 81.

[2] Там же, ф. 2, д. № 666, л. 41.

Содержание

И. Сталин. отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) . . . 5
В. И. Ленин в годы империалистической войны. Вводная статья *Е. Ярославского* 39
К 20-летию смерти Я. М. Свердлова 70
Кандеевское восстание в 1861 г. 91
К истории фабричного законодательства в 1861 г Вводная статья *Н. Журавлева* 103
Из истории ненецкого народа 30—40-х годов XIX в. (Движение Ваули Пиеттомина). Вводная статья *Е. Розанчугова* 151
К истории каракалпаков XVIII в. (окончание) 177
К истории пангерманского союза. Вводная статья *А. Е.* 215

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

П. А. Моисеенко в Архангельской ссылке. Вводная статья *А. Углового* . . . 224

Опечатки в № 6/91 «Красного архива».

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
42	6 строка сверху	прибавка	прибивка
147	7 строка сверху	Нотомб, барон, бельгийский посланник в Берлине до 1881 г.	люционных бурь, пронесшихся над Европой в 1848 г.
154	9 строка сверху	детских рабочих рук	дешевых рабочих рук.
276	31 строка сверху 2-й колонки	рагистра	магистра

Редакционная коллегия

Сдано в производство 17—21/III 1939 г. Подписано к печати 14/IV 1939 г.
Формат 70×108¹/₁₆ Объем 14¹/₂ п. л. В печ. листе 63000 зн. С.-Э. (п.) № 9 Заказ 193.
Уполномоч. Главлита РСФСР № А—4823 Техредактор И. Широков. Тираж 4 475 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10